

НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИИ, КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (ПАРИЖ)

МИГРАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЭТНИЧЕСКИЕ ДЕПОРТАЦИИ В СССР И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Сборник научных статей

Выпуск 1

Ответственные редакторы
доктор исторических наук *Н.Н. Аблажей*
профессор *А. Блюм*

НОВОСИБИРСК

«НАУКА»

2012

УДК 325
ББК 63.3(2)622-4
М57

Рецензенты

доктор исторических наук *В.И. Исаев*
доктор исторических наук *В.Л. Соскин*

fm fondation
maison des
sciences
de l'homme

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-21-08001)*

М57 **Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей / Отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. — Новосибирск: Наука, 2012. — 255 с.**

ISBN 978-5-02-019051-1.

В сборнике представлены статьи участников франко-российского проекта «Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы». В центре обсуждения и анализа находятся проблемы типологии депортационных операций и кампаний; место депортаций в системе функционирования тоталитарных режимов; общее и особенное в механизмах и практиках проведения депортаций и иных принудительных внесудебных выселений в СССР и странах восточного блока. Тематически сборник разбит на две части: отдельные депортационные операции и кампании в СССР и Восточной Европе, спецпереселенческая проблематика в целом; «память о депортациях» (вербальная и материальная компоненты памяти о депортациях в регионах принудительного расселения депортированных).

Издание предназначено для специалистов в области общественных и гуманитарных дисциплин.

УДК 325
ББК 63.3(2)622-4

© Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2012
© Антанас Кибартас, фотографии для обложки, 2012
© Редакционно-издательское оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма, 2012

ISBN 978-5-02-019051-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник открывает серию публикаций участников российско-французского проекта «Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом и Фондом «Дом наук о человеке» (Foundation Maison des Sciences de L'homme). Изучение массовых и локальных депортаций на указанных территориях обусловлено социально-познавательным интересом к последствиям войны и распространению советской модели в странах восточного блока. Проект сфокусирован на анализе природы, типологии, динамики и масштабов принудительных миграций в условиях тоталитарных режимов, изучении депортаций как составной части репрессивной, социальной и национальной политики. Важнейшим историко-прикладным аспектом проекта выступает исследование феномена исторической памяти о принудительных миграциях. Наряду с накоплением новых знаний о принудительных миграциях и необходимостью оценки их места и значения в истории тоталитарных режимов актуализируется проблема совершенствования механизмов накопления, сохранения и трансляции этих знаний и оценок в современном информационном пространстве исторической памяти стран, входивших в состав бывшего СССР и в восточный блок.

Вторая мировая война и связанные с ней события спровоцировали мощные миграционные потоки, в которых доминировали элементы вынужденности, принуждения и насилия. Основные перемещения населения во время и после Второй мировой войны были связаны с эвакуацией, беженством, интернированием и репатриацией военнопленных, перемещенных лиц и беженцев. Следствием изменения национально-территориальных границ в ходе военных действий стали масштабные этнические чистки, депортации и оптации, трансформировавшие этническую структуру населения многих регионов. В годы войны и после нее тоталитарные режимы широко использовали этнические депортации и иные принудительные переселения как важнейший элемент национально-государственной и репрессивной политики.

Самым масштабным переселением в военные и послевоенные годы оказалось подвергнуто еврейское, польское и немецкое население. Война сначала способствовала расширению ареала расселения немецкого населения, затем произошла его концентрация в пределах обеих Германий и

Австрии. Радикально изменилась этническая структура населения Польши, из полиэтнической она превратилась в одну из самых мононациональных стран мира. В СССР этнические чистки в виде тотальных и выборочных депортаций затронули значительные территории. «Превентивному выселению» подверглось население приграничья западных и южных районов страны, а также титульное население ряда национальных автономий, аннексированных территорий Польши, Прибалтики и Румынии. В ходе депортаций «возмездия» были высланы народы Северного Кавказа и Причерноморья. Послевоенный период отмечен новыми этническими и иными депортациями с западных территорий СССР. Специалистам пока не удается комплексно оценить эмиграционные и иммиграционные последствия Второй мировой войны, но при этом отмечается, что депортационные потери были весьма значительными для стран Прибалтики, Украины, Польши, Чехословакии, Финляндии и др.

Насильственное изгнание с определенной территории лиц той или иной этнической принадлежности современным международным правом интерпретируется как этническая чистка, которая может принимать самые различные формы — от массового переселения этнических групп и принуждения к эмиграции до депортаций и геноцида. Депортации являются одной из форм государственных репрессий, предпринимаемых институтами власти по отношению к своим гражданам или подданным других государств с использованием силы или принуждения. Базовыми составляющими депортаций как репрессивных акций является административный (или внесудебный) характер, контингентность и установка на массовое перемещение людей из привычной среды обитания в новую, непривычную и зачастую экстремальную для выживания среду¹. Под этнической депортацией понимают насильственное, тотальное или выборочное, перемещение определенной группы людей относительно их этнической родины (этнической территории) и национальных границ, основанием которой послужил исключительно либо частично этнический фактор. Для советской депортационной политики было характерно постепенное замещение социально-классового элемента, особо выраженного в начале 1930-х гг., этническим, наиболее ярко проявившимся в годы войны.

Российский исследователь П.М. Полян предложил изучать советскую депортационную политику путем исследования совокупности единичных элементов — собственно депортаций, которые, будучи взаимозависимыми, образуют определенную, объединенную сквозным единством, системную целостность. Такой подход позволяет рассматривать отдельные депортации не как обособленные операции, а как структурные элементы единой депортационной политики, где в качестве основной (первичной) единицы выделены депортационные кампании². Под ними подразумевается выселение строго фиксированного контингента людей с фиксированной территории насильственным (при непосредственном применении силы) или

¹ Сталинские депортации, 1928–1953 / сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. Серия: Россия. XX век. Документы. М., 2005. С. 5.

² Полян П.М. У истоков советской депортационной политики: выселения белых казаков и крупных землевладельцев (1918–1925) / URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a304.htm>; Сталинские депортации. С. 11.

принудительным (под угрозой ее применения) путем и по заранее разработанному сценарию или плану. Смысловая группировка единичных депортационных операций, объединенных общностью депортируемого контингента, может рассматриваться как единая депортационная кампания. При этом отмечается, что таковые могут быть разнесены как во времени, так и в пространстве. Такой подход позволил не только системно изложить отдельные депортационные кампании в хронологической последовательности, но через построение своеобразной «таблицы взаимозависимостей» увидеть контекстную близость единичных элементов. Комбинированная группировка по нескольким признакам открыла возможности выявления структуры анализируемого явления, а также взаимосвязи и взаимозависимости между его системообразующими признаками.

Сегодня специалисты выделяют 52 депортационные кампании, проведенные в СССР, объединившие 150 отдельных депортационных операций, в ходе которых было выселено более 6 млн чел.; почти три четверти депортационных операций могут быть отнесены к категории этнических¹. В годы войны именно этнический фактор стал в СССР преобладающим, хотя и не единственным, основанием для депортаций. Наиболее глубокие потери понесли десять народов, депортированных во второй половине войны, «наказанные народы», выселение которых было обставлено особенно жестоко. Прямые людские потери от этих операций превысили 500 тыс. чел., или около пятой части от численности на начало депортации. Всего же в годы Великой Отечественной войны подверглись переселению народы и группы населения 61 национальности; окончательно сложилась разветвленная система ссылки и режима спецпоселения. В 1940–1952 гг. насильственному выселению с отправкой на спецпоселение или в ссылку в отдаленные районы страны подверглось более 3,8 млн чел., а компенсационному перемещению в районы, откуда было проведено выселение, — еще 2 млн чел. Сегодня возвратная миграция этнодепортантов из ссылки на родину во второй половине 1950-х — 1960-е гг. все чаще характеризуется термином «репатриация», поэтому в этом контексте репатриация воспринимается как миграционное движение, противоположное депортации.

В историографии все большую актуальность получает проблема взаимозависимости таких миграционных потоков, как депортация, плен, интернирование и репатриация, поскольку в истории Второй мировой войны эти процессы, как правило, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Тема военного плена является динамично развивающимся направлением исторических исследований, а интерес к ней вполне объясним масштаб явления: только в СССР в плену находилось более 4 млн военнопленных и интернированных, представителей более 30 народов, в основном репатриированных в конце 1940-х гг.

Если история военного плена практически не вызывает двояких интерпретаций, то по поводу массового интернирования гражданского населения возникает много вопросов и дискуссий. Большинство немецких специалистов интернирование гражданского населения из мест их довоен-

¹ Сталинские депортации. С. 789–798.

ного проживания и размещение его в пределах союзнических оккупационных зон в Германии определяется как депортация. Интернирование гражданских лиц из стран Европы в СССР, в первую очередь немцев, рассматривают как явление того же порядка. Среди 2,4 млн немецких военнопленных, находившихся в СССР, было почти 280 тыс. гражданских интернированных. В качестве аналога депортации классифицируется и тотальная принудительная репатриация, или выселение, в Германию и Австрию немецкого населения, — сначала с территорий бывшей Восточной Пруссии и Померании, затем из стран Восточной и Юго-Восточной Европы (Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии).

Послевоенная репатриация представляла собой масштабную и многоплановую акцию по перемещению населения. В разработке и практическом осуществлении послевоенной репатриационной политики доминировал принцип приоритетности государственно-политических интересов стран-победителей. В Ялтинских соглашениях СССР с США и Великобританией был зафиксирован принцип взаимной обязательной репатриации. Советский Союз настойчиво проводил и реализовывал политику по обязательной репатриации в страну как «восточников», так и «западников». В границах восточного блока после войны попытались реализовывать собственную репатриационную политику, направленную на возвращение не только военнопленных и перемещенных лиц, но и этнических беженцев и эмигрантов. В 1944–1951 гг. в СССР из-за границы было репатрировано 4,3 млн чел. и еще 1,7 млн перемещено внутри страны. Послевоенная репатриация охватила страны, где имелись значительные русские эмигрантские колонии, поэтому и реэмигранты оказались в числе тех, кому «предложили вернуться на родину». Часть репатрированного в СССР населения впоследствии подверглась внутренней депортации. Сегодня тезис об исключительно добровольном характере послевоенной репатриации в СССР все чаще оспаривается, а сама репатриация классифицируется, скорее, как принудительная или добровольно-вынужденная миграция.

После войны возросла однородность национального состава населения ряда стран Восточной и Центральной Европы, чему способствовали и этнические депортации, и национальные программы репатриации, и программы по обмену населением. Только в рамках договоров об оптации между СССР и странами Восточной Европы было перемещено около 2 млн чел. Следствием послевоенных этнических депортаций и иных принудительных переселений явилось искусственное изменение этнической структуры населения, что породило конфликты, проявившиеся уже после распада СССР и социалистического лагеря. Последствия военного и послевоенного «депортационного прошлого» не преодолены до сих пор, и это существенно осложняет отношения между целым рядом европейских государств.

Н.Н. Аблажей

Часть 1

ДЕПОРТАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ И КАМПАНИИ

С.А. Красильников

ДЕПОРТАЦИИ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ В СССР (1930–1940-е гг.)

В зарубежной и отечественной исторической литературе последнего двадцатилетия одной из приоритетных и активно обсуждаемых тем является изучение проблематики, связанной с динамикой жизнедеятельности социума (входящих в него групп, страт, общностей) в экстремальных, экстраординарных условиях социальных катастроф (революционных изменений, войн, массового геноцида и др.), ставящих общество на грань выживания. Для Евразийского континента первая половина XX в., на которую пришлось две мировые войны и сопутствовавшие им радикальные изменения самих основ цивилизационного существования, наиболее значимыми, системными признаками экстремальности стали громадные по масштабам миграционные движения, происходившие в самых разнообразных формах (добровольные, вынужденные, принудительные).

Крушение в ходе Первой мировой войны империй с последующей перекройкой государственных границ фактически предопределило векторы и динамику миграционных потоков, придавало им такие черты, как массовость, непрерывность, интенсивность протекания в обоих базовых сегментах миграций — стихийные переселения, не контролируемые государством, и плановые миграции, организуемые государством и проходившие под его контролем, зачастую в принудительной форме. С позиций геополитических приоритетов и внутренних потребностей осуществляемые тем или иным европейским государством миграции заполнили собой фактически весь межвоенный период (1919–1939 гг.). Но если для большинства «старых» и вновь созданных европейских государств фаза изживания последствий Первой мировой войны пришлась в целом на 1920-е гг., то для большевистской государственности миграционная проблема вновь приобрела приоритетность и актуальность в 1930-е гг.

Изучение миграционных проблем России/СССР в первой половине XX в. стало предметом научного анализа сравнительно недавно. И если историко-демографические исследования (динамика численности и состава народонаселения страны) имели свои традиции, теоретико-методологические основания и конкретные результаты, то миграционная составляющая в динамике народонаселения учитывалась не в полной мере, поскольку вплоть до конца 1980-х гг. масштабы принудительных миграций и их последствия для советского социума являлись запрещенными для научного исследования в СССР. В результате появившихся в дальнейшем

многочисленных публикаций самых разных форм (от отдельных статей до документальных сборников) депортационная проблематика стала одним из ведущих и наиболее интенсивно разрабатываемых направлений современной историографии. Среди большого количества исследований и публикаций, безусловно, следует выделить монографические работы П.М. Поляна, В.Н. Земскова и документальные издания, составителями и редакторами которых выступили Т.В. Царевская, П.М. Полян и Н.Л. Поболь¹.

Принципиально важное методологическое значение для понимания феномена депортаций имеют работы П.М. Поляна, тогда как монографическое исследование В.Н. Земскова и аналитическое предисловие Т.В. Царевской к сборнику документов о спецпереселенцах в СССР ценны в конкретно-историческом аспекте. Первостепенное внимание П.М. Полян уделяет этническим депортациям, которые, по его подсчетам, составляли три четверти от общего числа депортаций сталинской эпохи (38 из 52), отмечая при этом, что две наиболее массовые депортации по характеру были не этническими (крестьянская ссылка начала 1930-х гг. и насильственная репатриация после Второй мировой войны). Вполне обоснованной представляется предложенная П.М. Поляном периодизация этнодепортаций в СССР, включающая три периода (1928–1939 гг.; 1939–1945 гг.; послевоенные депортации вплоть до смерти И. Сталина). Универсальность теоретических построений исследователя состоит в том, что в разнообразной депортационной политике советского руководства он выделяет два основания для этнодепортаций — внутренние и внешние. Внутренние принудительные миграции он считает порождением политических и экономических факторов. Для депортаций, в основе которых лежат внешнеполитические соображения, П.М. Полян также выделяет два основания — «превентивно-профилактическое» и «возмездие», связывая принудительные миграции либо с подготовкой к внешней (мировой или локальной) войне, либо с ее ходом и исходом. При этом П.М. Полян помещает «кулацкую»/крестьянскую депортацию в особую категорию, не связанную в отличие от «классических» этнодепортаций с войной и геополитикой. В то же время в одной из своих новейших публикаций достаточно тезисно, и почти не аргументируя, П.М. Полян применительно к репрессиям в деревне говорит об адаптации населения «к новым условиям своего рода развязанной свержу “гражданской войны”»².

Целью нашей публикации является профессиональная историческая рефлексия по поводу двух дискуссионных аспектов депортационной проблематики: 1) в какой мере массовые депортации 1930-х гг., и крестьянская прежде всего, являются признаками социальных конфликтов и катастроф военного типа и 2) являются ли адаптационные механизмы и практики, сложившиеся в ходе крестьянской депортации, типичными для депортантов «классической» военной эпохи.

¹ Полян П.М. «Не по своей воле...» История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская. М., 2004; Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н.Л. Поболь и П.М. Полян. Серия: Россия. XX век. Документы. М., 2005.

² Полян П.М. Об особенностях крестьянской ссылки как разновидности депортаций // История сталинизма: крестьянство и власть. М., 2011. С. 289.

В формально невоенное время, которое было отмечено лишь кратковременными и локальными конфликтами и войнами, в СССР миграционная активность во всех трех ее основных формах (добровольные, вынужденные, принудительные) проявлялась в масштабах, сопоставимых с военной эпохой. Насильственно перемещенными или вынужденно переместившимися из прежних мест своего проживания оказались миллионы советских граждан, что отразилось в результатах переписей 1926, 1937 и 1939 гг. В межпереписной период в российском/советском социуме произошли радикальные изменения во всех базовых структурах: в поселенческой (соотношение городского и сельского населения), социальной (соотношение основных страт и групп), профессиональной (изменение структуры занятости), демографической (половозрастные изменения). И если ряд изменений носил характер объективно прогрессивных цивилизационных сдвигов (урбанистические процессы, рост индустриального сегмента в экономике и др.), то мотивация и вектор других государственных приоритетов были связаны с геополитическими планами и социально-экономическими интересами, осуществление которых предусматривало применение государственного насилия и принуждения (подготовка к «большой войне», вылившаяся в формирование экономики мобилизационного типа с постоянно расширявшейся подсистемой принудительного труда, милитаризацией производства и т.д.).

Из сказанного выше следует предположение, что для большевистского государства и населения СССР доминантой миграционных изменений на протяжении длительного времени (примерно четверти века — с 1930 г. до середины 1950-х гг.) выступала «долгая война» в самых разнообразных формах ее проявления. Об этом свидетельствуют возникшие в 1930 г. институциональные основы государственного насилия и принуждения (система массовых лагерей и спецпоселений), функционировавшие фактически на чрезвычайных основаниях и выведенные из-под действия каких-либо правовых установлений. Другим важным индикатором военно-мобилизационной природы сталинского режима стало стремление к максимальному государственному регулированию и подчинению всех миграционных перемещений в стране. Это проявилось, в частности, в том, что к 1937 г. весь миграционный учет (от паспортизации до управления плановыми трудовыми миграциями) оказался сосредоточен в НКВД СССР. Мобилизационные программы сталинского режима требовали прежде всего и главным образом обеспечения всех его основных потребностей — от извлечения и переработки природных богатств до использования для этой переработки людских ресурсов. Фактически распоряжаясь природными и людскими ресурсами, политический режим реализовывал свои внешне- и внутривнутриполитические приоритеты, в которых миграции всех видов, иницируемые и контролируемые системой, выступали технологическим инструментом для достижения этих приоритетов.

Принудительные миграции в тоталитарных режимах имеют несколько устойчивых функциональных предназначений, и все они, хотя и в неодинаковой степени, связаны с военным феноменом. Так, синдром «осажденной крепости» в соединении с ожиданием неизбежной и скорой агрессии на рубеже 1920–1930-х гг. вызвал к жизни целый ряд решений сталинского

руководства, осуществление которых повлекло разнонаправленные результаты и последствия. В частности, военная угроза служила обоснованием перманентно осуществлявшихся с конца 1920-х гг. операций по «чистке» границ и «добровольно-принудительных» (термин П.М.Поляна), а чаще просто принудительных перемещений «опасного» контингента от западных, южных и восточных границ в глубь страны с последующим его замещением «лояльным» населением. Первая из такого рода акций, выявленных П.М.Поляном, — подготовленная в 1929 г., но не реализованная в полном объеме из-за начавшейся в феврале 1930 г. массовой депортации крестьян кампания по «добровольному» переселению в Сибирь «социально-опасных элементов» с семьями из Ленинградской и Западной областей РСФСР, из Белоруссии и Украины (осенью 1929 г. из Белоруссии в Западную Сибирь было отправлено около 3 тыс. глав семей для подготовки к последующему переселению оставшихся членов семьи). Эту кампанию следует считать прологом последовавших вскоре крестьянских депортаций с Запада¹.

Замещающими миграциями при «чистке» границ призваны были стать массово организованные переселения демобилизованных красноармейцев на приграничные территории, что должно было придать миграциям не только социально-политическое значение, но и новое организационное качество (формирование сети красноармейских колхозов). Первый опыт реализации государством военизированных миграций на Дальний Восток относится к началу 1930-х гг., что не принесло ожидаемых результатов. Согласно разверстке, согласованной Наркомземом СССР с руководством РККА, к переселению на Дальний Восток намечалось завербовать около 10 тыс. демобилизующихся красноармейцев, что с членами их семей должно было составить около 27 тыс. переселенцев. Однако из частей с мест вербовки в Дальне-Восточный край (ДВК) в конце 1930 г. отправилось лишь 8,9 тыс. чел., а фактически к местам расположения красколхозов прибыло только 4,6 тыс. чел. (создано было 11 колхозов такого типа). В последующем, вплоть до середины 1930-х гг., красноармейские переселения на Дальний Восток при государственной поддержке продолжались, но во все более сокращающихся масштабах (в среднем около 1–1,5 тыс. красноармейцев в год, а с членами семей по 6 тыс. чел.), несмотря на очевидные льготы, предлагаемые государством этой категории мигрантов, что явно свидетельствовало о неуспехе красноармейских переселенческих кампаний на восток.

Другая и более масштабная военизированная миграция происходила в конце 1933 г., когда демобилизованные красноармейцы путем вербовки направлялись с семьями в районы Северного Кавказа, замещая там вымершее и частично депортированное население. В места нового вселения прибыло более 40 тыс. чел., однако красноармейцы с большим трудом адаптировались к экстремальным условиям труда и быта, что привело к значительному оттоку мигрантов после первого же года их пребывания на Северном Кавказе².

¹ См. об этом подробнее: Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь. 1920–1930-е гг. Новосибирск, 2004. С. 318–319.

² Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 г.). Томск, 1976. С. 208–210; Миненков Д.Д. Красноармейские переселения начала 1930-х гг. как особая разновидность миграций сталинской эпохи // Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX — середина XX в.). Новосибирск, 2010. С. 153, 166.

Государственно ориентированные и контролируемые институтами власти миграционные перемещения «целевых» групп социума происходили постоянно и интенсивно, хотя и с разной направленностью и масштабностью, на протяжении всей сталинской эпохи. Исходя из военно-мобилизационной природы тоталитарного режима, следует дать краткое обоснование тому, какую роль в планах и практике сталинского режима играли собственно принудительные миграции. Ранее уже отмечалось, что среди исследователей бытует устоявшееся мнение о том, что целевое назначение депортаций состояло в нанесении прежде всего превентивного удара по тем общностям, которые представляли потенциальную или реальную опасность для власти в случае внутреннего кризиса или внешней войны. Однако сталинское руководство исходило из доктринальной посылки о неизбежности осуществления в отношении большевистского государства вооруженной интервенции, которая должна будет иметь опору внутри страны. В этих условиях неминуемыми становились стирание граней между внутренними кризисами и угрозой войны и трансформирование военно-мобилизационного воздействия институтов власти на общество из экстраординарного в постоянно действующий инструмент, устойчивое состояние, которое историками со времен «перестройки» не вполне четко определено как «чрезвычайщина».

При обращении к первоисточнику (сталинским оценкам событий 1930–1933 гг.) нетрудно заметить, что И. Сталин в зависимости от контекста своих выступлений или писем подчеркивал то героическую сторону радикальных преобразований в деревне как «революции сверху», поддержанной массами «снизу», то негативную («тихая» война крестьянства). Так, в ответном письме М.А. Шолохову от 6 мая 1933 г., признавая допущенные властью «перегибы» в деревне, Сталин замечал: «Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили “итальянку” (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели “тихую” войну с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...»¹ В ретроспективном плане ломку и огосударствление аграрного сектора В.М. Молотов в беседе с писателем и журналистом Ф. Чуевым оценивал как поворотное событие: «Коллективизацию мы неплохо провели. Я считаю — успех коллективизации значительней победы в Великой Отечественной войне. Но если бы мы ее не провели, войну бы не выиграли»². Оценка Молотовым коллективизации примечательна: более значимой, чем победа в Отечественной войне, могла быть только победа в другой войне.

В концепциях современных историков сделаны шаги к более четкому определению природы социальной катастрофы, начало которой датируется 1930-м г. Большинство специалистов квалифицируют ее как войну, но войну особого типа, для которой еще не найдено общепризнанного тер-

¹ Цит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3: Конеч 1930–1933. М., 2001. С. 720.

² Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 383.

мина. В частности, А.Н. Сахаров трактует события 1930 г. и последующих лет как состояние *скрытой гражданской войны* (здесь и далее курсив наш. — С. К.), войны не между «кулачеством» и «беднотой», а между государством и основной массой крестьян. Итогом войны «города против деревни» он называет жестокое подавление государством крестьянского сопротивления созданию колхозной системы репрессивными методами¹.

В трактовке французского историка Н. Верта 1930-й г. представлен как *«настоящая антикрестьянская война»*, в которой соединились и переплелись социальное насилие «снизу» и политическое насилие «сверху»². Наиболее последовательно свою позицию в данном вопросе выразила канадская исследовательница Линн Виола, назвавшая одну из своих новейших публикаций *«Коллективизация как гражданская война»*³. По ее мнению, коллективизация оказалась *«войной культур, гражданской войной между государством и крестьянством <...> завоевательной кампанией, направленной не на что иное, как на внутреннюю колонизацию деревни»*. Особенности этой катастрофы Л. Виола видит в том, что ответ крестьянства на государственное насилие приобретал массовые и разнообразные формы сопротивления, приближавшие их *«к уровню настоящей гражданской войны»*. «Террор возмездия» (насильственные действия крестьян по отношению к агентам власти и деревенским активистам) историк трактует как проявление одной войны внутри другой⁴. Итогом войны стало раскрестьянивание деревни, в результате которого аграрная экономика была лишена возможности динамичного саморазвития. Другим результатом явилось то, что *«революция сама трансформировалась в кровавый, обновленный на репрессиях сталинизм»*⁵.

Разделяя в целом позиции названных выше авторов о том, что события начала 1930-х гг. следует трактовать как состояние войны (природу которой еще необходимо уточнить), попытаемся проинтерпретировать в данном контексте политику большевистского режима и практику ее реализации. Очевидными проявлениями указанной военно-мобилизационной политики и практики следует считать начавшиеся массовые миграционные движения (как регулируемые государством (плановые и принудительные), так и стихийные (беженство)). Индикаторами войны в формально невоенное время стали аресты и депортации крестьян, приведшие к созданию системы лагерей и спецпоселений и базировавшегося на ней лагерно-комендатурного производственного комплекса.

Военно-мобилизационный режим (ВМР) формировался с учетом организационно-кадрового и технологического опыта времен Гражданской войны в соединении с новыми технологическими возможностями. В частности, для этих целей развивались и укреплялись коммуникационные системы (железнодорожный и водный транспорт, шоссейные дороги) с их инфраструктурой. О возросших нагрузках на транспорт по обеспечению

¹ Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопр. истории. 2008. № 9. С. 40–69.

² Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 12.

³ См.: История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 102–111.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Там же. С. 111.

перевозок значительных масс депортированных и других категорий «спецконтингентов» в 1930–1933 гг. свидетельствует тот факт, что в указанный период обычные плановые переселения фактически оказались свернутыми, а аппараты региональных переселенческих управлений в местах основных районов дислокации спецкомендатур (Северный край, Урал, Западная Сибирь) были поглощены отделами спец(труд)поселений. Необходимость медицинского, социально-бытового и снабженческого сопровождения и обеспечения массовых депортаций стала причиной адаптационной перестройки всей транспортной инфраструктуры и продолжения, «доращивания» коммуникационной сети до мест нового размещения депортированных. Это, в свою очередь, потребовало новых значительных ресурсов и кадровых вливаний в создаваемую систему спецпоселений. В частности, кадровые пополнения осуществлялись за счет трудовых мобилизаций специалистов разных профилей, тем самым возрождались практика времен Гражданской войны. Другим источником пополнения комендатурной системы квалифицированными специалистами, управленцами и обслуживающим персоналом выступал сам «спецконтингент». Таким образом, апробированные на начальном этапе формирования спецпоселенческой системы пути решения транспортных, инфраструктурных и организационно-хозяйственных проблем становились обычными технологиями при осуществлении последующих депортационных волн.

Весьма важным демографическим показателем, фиксирующим действие механизмов адаптации той или иной группы к условиям спецпоселения, является соотношение рождаемости и смертности (мы называем это рабочим термином «ножницы адаптации»). Переход от стадии повышенной смертности и пониженной рождаемости к состоянию равновесия, а затем и постепенного превышения рождаемости над смертностью имел в эпоху сталинских депортаций свою логику. Карательная статистика зафиксировала следующее соотношение между рождаемостью и смертностью в крестьянских спецпоселках в первые годы: 1932 г. — 1:5 (т.е. на одно рождение приходилось пять смертей); 1933 г. — 1:9; 1934 г. — 1:3; 1935 г. — 1:0,8 (т.е. в этот год впервые возникло равновесие между рождаемостью и смертностью); 1936 г. — 1:0,7; 1937 г. — 1:0,6. Тем самым статистика зафиксировала, что период адаптации крестьянских семей к условиям репрессий составил примерно 5 лет¹.

Однако, с громадными потерями преодолев первый демографический кризис, семьи ссыльных крестьян испытали воздействие новой социально-политической катастрофы — войны. Данные военного времени разрознены и не дают цельной картины. Соотношение рождаемости и смертности в послевоенное пятилетие (1945–1950 гг.) для ссыльных крестьян вновь оказалось крайне неблагоприятным. По данным карательной статистики, внутри этой группы в 1945 г. на поселении родился 1691 ребенок, умерло 8194 чел (1:4,8), соответственно в 1946 г. — 6269 и 5980 (1:0,9), в 1947 г. — 2826 и 3216 (1:1,2), в 1948 г. — 1165 и 1980 (1:1,7), в 1949 г. — 1097 и 1450 (1:1,3), в 1950 г. — 357 и 734 (1:2). Всего же за пятилетие в семьях «быв-

¹ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 216. Впервые данные этого источника были введены в научный оборот и интерпретированы В.Н. Земсковым. — См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. С. 36–38.

ших кулаков» родилось 13 405 детей и умерло 21 554 чел., т.е. на одно рождение пришлось 1,6 смертных случаев. Это статистическое выражение второго с начала 1930-х гг. глубокого демографического кризиса, возникшего в крестьянской среде на спецпоселении¹.

Причины такой послевоенной ситуации лежали в изменении демографического облика крестьянской ссылки в годы войны и после нее. В этот период происходило массовое снятие с учета спецпоселений молодежи, достигшей 16-летнего возраста, лиц, призванных на военную службу, т.е. групп детородного возраста. Соответственно возросла доля лиц старшего возраста, что повлекло снижение рождаемости и повышенную смертность среди учетной категории «бывшие кулаки» и после окончания войны. Зафиксированный статистикой кризис становится очевидным при сопоставлении данной ситуации с демографической динамикой в других депортированных группах.

Как указывалось выше, в крестьянской ссылке 1930-х гг. состояние равновесия между рождаемостью и смертностью (грань адаптации) наступило после пяти лет пребывания на спецпоселении — в середине 1930-х гг. Для немецкого этноса этот период оказался несколько затянутым из-за условий войны и трудовых мобилизаций и составил семь лет. В 1945 г. на одно рождение приходилось 3 смерти, в 1946 г. — 2, в 1947 г. — 1,7, и только 1948 г. стал первым, когда на одно рождение пришлось 0,7 смертей. В 1949 и 1950 гг. на три рождения приходилась одна смерть (3:1). Всего же с 1945 по 1950 г. в семьях депортированных советских немцев родилось 92 763 ребенка, умерло 60 655 чел. (3:2). Это означало, что немецкий этнос к началу 1950-х гг. преодолел состояние депопуляции.

Для другой этнической группы — калмыков, депортированных в восточные районы в 1944 г., адаптационный период занял шесть лет. Здесь соотношение рождений и смертей было следующим: 1945 г. — 1:10; 1946 г. — 1:3,5; 1947 г. — 1:2,5; 1948 г. — 1:2,6; 1949 г. — 1:1; 1950 г. — 1,3:1 (на 13 рождений пришлось 10 смертных случаев). Однако для этноса в целом послевоенная пятилетка оставалась временем депопуляции (за эти годы в калмыцких семьях родилось 7843 ребенка, тогда как умерло 15 206 чел.).

Карательная статистика показывает, что в послевоенное пятилетие на спецпоселении еще более значительные трудности испытывала конфессиональная группа истинно православных христиан (ИПХ), представленная крестьянскими русскими семьями, высланными в Сибирь в 1944 г. преимущественно из Рязанской обл. На протяжении послевоенного времени их численность неуклонно уменьшалась при сочетании низкой рождаемости и достаточно высокой смертности с массовыми арестами и бегством. Так, в 1945 г. соотношение родившихся и умерших было 1:72, в 1946 г. — 1:26, в 1947 г. — 1:5, в 1948 г. — 1:10, в 1949 г. — 1:7, в 1950 г. — 1:1. В общей сложности за 1945–1950 гг. среди членов ИПХ на 40 рождений пришлось 313 смертей (соотношение 1:8). Среди других категорий депортированных соотношение было иным. В частности, для немцев сальдо

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 65–67, 106. В научный оборот впервые данные источника введены В.Н. Земсковым. — См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. С. 194–196.

оказалось положительным (3:2), для калмыков, равно как и для «бывших кулаков», это соотношение было отрицательным (1:2).

Приведенные выше в динамике и в сравнении характеристики социально-демографического потенциала крестьянской ссылки в Сибири накануне, в годы войны и в послевоенный период позволяют сделать вывод о том, что следом за первой демографической катастрофой (1930–1935 гг.) крестьянская семья пережила в годы войны вторую демографическую катастрофу, которая так и не была преодолена к началу 1950-х гг. Демографическая структура крестьянской семьи деформировалась и деградировала в силу факторов внешних (политических и социально-экономических: снятие с учета молодежи, военные и трудовые мобилизации и т.д.) и внутренних (на учете оставались лица средних и старших возрастов, общая трудоспособность которых и репродуктивность женской части в результате естественного старения постоянно уменьшалась). Данный вывод можно проиллюстрировать динамикой демографического состава спецпереселенцев, расселенных в северных (нарымских) комендатурах Западной Сибири. В середине 1932 г. здесь находилось 25,7 % мужчин, 28,3 % женщин и 46 % детей и подростков, в середине 1938 г. состав трудпоселенцев в комендатурах страны был следующим: 28,5 % мужчин, 30,1 % женщин и 41,4 % детей и подростков (отдельных данных по регионам нет). На осень 1941 г. в комендатурах Новосибирской обл. (включая территории современных Новосибирской, Кемеровской и Томской областей) соотношение упомянутых выше групп было 26,3:28,7:45,0 %. На осень 1943 г. в комендатурах на территории нынешних Томской и Новосибирской областей соотношение этих групп было 30:35:35 %. На лето 1949 г. в комендатурах Томской области сложилось соотношение 25,4:37,0:37,6 %.

Если в 1932 г. (на входе в спецпоселение) на 48 788 семей в нарымских комендатурах приходилось 83 820 детей и подростков (соотношение 1:1,7), то в 1949 г. (на выходе из спецпоселений) это соотношение было 1:0,9. В годы войны и особенно в послевоенный период окончательно закрепилась тенденция перехода функции глав семей от взрослых мужчин в силу их изначального дефицита к женщинам, выполнявшим тем самым несвойственную им социальную функцию (в спецпоселках Томской области летом 1949 г. на 14,9 тыс. семей приходилось только 9,2 тыс. мужчин). В начале 1930-х гг. в ссылку на поселение шли хотя и разъединенные, но в значительной мере сложные крестьянские семьи, включавшие в себя три поколения, или две и более простые (нуклеарные) семьи. На протяжении последующих периодов сложные семьи все более замещались нуклеарными (выделение молодежи). Но при этом первооснова семьи, попавшей на поселение, оставалась по-прежнему неполной: ролевую функцию главы — мужчины (мужа) вынужденно замещали женщины (жены) и взрослые дети. Такую же замещающую функцию выполняли трудоспособные женщины и подростки в производственной сфере, и не только в военные, но и в послевоенные годы. Деграция демографического и трудового потенциала крестьянской ссылки — такова цена сталинского варианта раскрестьянивания¹.

¹ Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х. Новосибирск, 2010. С. 182–183.

По данным учета на середину 1949 г., среди разных категорий «спецконтингента» демографическая ситуация не отличалась единообразием, но зафиксированные тенденции в соотношении трех групп (мужчины, женщины, дети) отражали ситуацию нарушенного демографического «равновесия». Так, для немецкого контингента оно складывалось как 26,2:38,2:35,6 %, для калмыков соответственно 29,0:38,1:32,9 %, для выселенных с Северного Кавказа этнических групп (прежде всего чеченцев и ингушей) — 25,0:32,2:42,5 %. В этом ряду особняком стояла категория «оуновцев», депортации которых, начавшись в 1944 г., продолжались вплоть до конца 1940-х гг. Данной группе еще предстояло пройти адаптационный 5–7-летний цикл, поэтому здесь пропорции групп выглядели иначе: 23,7:51,0:25,3 %¹. Как и в случае с ссыльными крестьянами, для ссыльного «спецконтингента» характерна тенденция резких диспропорций в демографической сфере: очевидный дефицит взрослых трудоспособных мужчин и доминирование женщин, вынужденно оказавшихся на первых ролях.

Приведенные выше сведения о динамике социально-демографических характеристик советских депортантов разных волн и категорий на протяжении 1930–1940-х гг. указывают на то, что отечественный социум, подвергавшийся «депортационным сталинским ударам», в условиях спецпоселения мог выработать и реализовать с разной степени прямыми и косвенными потерями стратегию выживания, но не развития.

Т.В. Гуршова

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ ИЗ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ НА ПОСЕЛЕНИИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940-е ГОДЫ

В 1940 г. на аннексированных СССР территориях бывшего Польского государства были проведены массовые «превентивные» депортации. В феврале одновременно с территории УССР и БССР была проведена высылка «осадников» — польских колонистов, преимущественно бывших участников советско-польской войны 1920–1921 гг., получивших земельные наделы в качестве награды за военную службу. По данным статистики НКВД на ноябрь 1940 г., численность «осадников» на спецпоселении составила 137 тыс. чел. В ходе следующей депортационной операции, состоявшейся в апреле 1940 г., из западных районов Украины и Белоруссии были выселены «административно-высланные» — члены семей военнопленных польских офицеров и репрессированных представителей польского госаппарата, крупных землевладельцев и промышленников. Число польских граждан, депортированных в ходе апрельской операции, оценивается в 61 тыс. чел. Третья крупная депортация из западных областей Украины и Белоруссии пришлась на июль 1940 г. В ходе нее были высланы «беженцы» — преимущественно еврейское население — с территорий

¹ Подсчитано по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. С. 167.

отошедшей Германии «бывшей Польши», прибывшие на территорию западных областей Украины и Белоруссии после 1 сентября 1939 г. по программе оптации на основании советско-германских договоров 1939–1940 гг., но отказавшиеся взять советское гражданство. По итогам этой операции из обеих республик было выслано более 76 тыс. чел. Всего, согласно поэшелонной статистике НКВД СССР, общая численность высланных в ходе трех операций в 1940 г. с территории Западной Белоруссии составила 102 тыс. чел., а с Украины — 169 тыс. чел.¹

В 1940 г. Иркутская область приняла два контингента с Западной Украины: «осадников» и «беженцев». С 3 по 8 марта в область прибыло семь эшелонов с 2093 семьями спецпереселенцев-«осадников». По состоянию на 8 марта 1940 г. 1302 семьи были расселены в спецпоселках, 215 находились в пути следования к местам поселения, 231 семья была размещена в карантине и 345 семей, прибывшие в последнем эшелоне, разгружались на ст. Нижне-Удинск². Согласно отчетам начальников эшелонов, в пути следования умерло 10 чел., в основном дети и старики. Также в вагонах выявили 34 больных человека, 20 чел. с подозрением на сыпной и брюшной тиф, которых разместили в больницах, 35 больных было снято с эшелонов по дороге. На 1 июля 1940 г. на учете спецпоселения в Иркутской области находилось 2205 семей (10 379 чел.) «осадников»³.

Условия расселения, бытовое и трудовое устройство высланных регламентировало «Положение о спецпоселенцах и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР», утвержденное Постановлением СНК Союза ССР от 29 декабря 1939 г. № 2122-617сс. В соответствии с этим документом для трудового использования «осадников» создавались подведомственные Наркомлесу СССР спецпоселения в районах лесных работ.

На основе договоров, заключенных НКВД с Наркомлесом и Наркомцветметом труд «осадников» и «беженцев», прибывших в Иркутскую область в 1940 г., использовался, главным образом, в лесной промышленности и цветной металлургии: на предприятиях трестов «Иркуттранлес», «Востсиблес», «Химлесхоз», «Севполярлес» и «Союзслюда». На предприятиях треста «Иркуттранлес» было расселено 780 семей «осадников», что составило 3521 чел. В том числе в Тулунском леспромхозе было устроено 455 семей, или 2382 чел., а Нижнеудинский район принял 245 семей⁴. Во втором квартале 1941 г. на «Иркуттранлес» трудилось 1062 чел. из 1164 трудоспособных, всего было расселено 2674 чел. (572 семьи)⁵. Трест «Востсиблес» принял 5789 чел. (1274 семьи), из них были признаны трудоспособными 2692 чел., заняты на работе 2609 чел.⁶ Во втором квартале 1941 г. «Химлесхоз» использовал на работах 673 чел. из 681 трудоспособного, всего же

¹ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. URL: http://www.Memo.Ru/history/POLAcy/g_1.htm

² Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. Варшава; М., 2003. С. 328.

³ Там же. С. 324–326.

⁴ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 319. Л. 455.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 96.

⁶ Там же.

тресту были переданы 1475 чел. (333 семьи)¹. «Севполярлес» получил 1123 чел. (262 семьи), заняты на работах были 469 из 559 трудоспособных². В спецпоселках треста «Союзслюда» были расселены 234 чел. (63 семьи), из них заняты на работах 128 из 149 чел., признанных трудоспособными³. Прибывшие «осадники» расселялись в спецпоселках и на лесоучастках принимающих организаций. В основном пункты, в которые были направлены спецпоселенцы, находились в отдаленных лесных зонах.

Следующая партия депортированных, прибывших в Иркутскую область в начале июля 1940 г., была представлена «беженцами». К сожалению, мы не располагаем статистикой, позволяющей детально охарактеризовать расселение и трудоустройство этой категории высланных. Принятые трестом «Лензолото» «беженцы» были расселены в Бодайбинском районе. В начале 1941 г. была проведена проверка условий труда и быта спецпоселенцев на лесоучастках треста. В спецпоселках Синя, Энгажимо и Синюга были расселены 557 семей общим количеством в 1847 жителей, из которых заняты на работах были 709 чел. Большая часть спецпоселенцев работала непосредственно на лесозаготовках, 8–10 % было занято на подсобных работах и в торговых точках Золотопродснаба⁴. Во втором квартале 1941 г. на учете спецкомендатур находилось 2301 чел. (544 семьи)⁵.

Спецпоселок Синюга охватывал лесоучастки Черольда, Щербининский, Танарак, Артемовский, Светлый, Синюга, расположенные на расстоянии 20 км от поселка. На лесоучастках было размещено 230 семей (938 чел.), из которых работало 400 чел. Спецпоселок Энгажимо охватывал лесоучастки Энгажимо, Олер, Барановский, Коршуновка, Прониха и Халиковский, расположенные на расстоянии 7 км от поселка. Здесь было расселено 239 семей (631 чел.), из которых работало 200 чел. Спецпоселок Синя охватывал лесоучастки Веселый, Ударный, Кедровый, Стахановский и Развилку, расположенные в 14 км от поселка, где размещалось 88 семей (278 чел.), из них 100 чел. было занято на работах⁶.

Снабжение, условия труда и быта спецпоселенцев «осадников» и «беженцев» в значительной степени зависели от предприятий, где они были обязаны трудиться. Меры по обустройству спецконтингента, принятого трестами «Иркуттранслес», «Химлессырь», «Трансторгпит» и «Леспродторг», по итогам проверок, проводимых НКВД, были признаны неудовлетворительными. Сразу же по прибытии спецконтингента возникла продовольственная проблема. Снабжение спецпереселенцев на всех уровнях признавалось катастрофическим, не было организовано котловое питание, срывались графики завоза хлеба. Наиболее сложная ситуация сложилась с завозом хлеба в отдаленные спецпоселки. В первой половине мая 1940 г. хлеб для спецпоселенцев вообще не был завезен в пос. Евдокимово (Тулунский леспромхоз). В пос. Крутой Ключ было завезено всего 150 кг

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 96.

² Там же.

³ Там же.

⁴ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: сб. документов в 7 томах. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М., 2004. С. 313.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 122.

⁶ История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С. 313.

хлеба, в то время как на лесопункте работало 765 чел.¹ В других спецкомендатурах хлеб выдавали только работающим — в среднем по 800 г, а в спецпоселках Красный бор и Кадуйка Нижнеудинского района норма была установлена в 600 г хлеба².

Чрезвычайная ситуация со снабжением спецпоселенцев продовольствием обсуждалась в середине мая 1940 г. на закрытом заседании бюро Иркутского обкома ВКП(б). Облсовет попытался за счет выделения дополнительного продовольствия смягчить ситуацию. В середине мая в спецпоселки Тулунского леспромхоза было завезено для спецпереселенцев 4540 кг крупы, 200 кг риса, 640 кг сахара, 1823 кг колбасы, 1523 кг масла, 3780 кг рыбы, 160 кг кондитерских изделий и 150 кг мыла. Было дано распоряжение Тулунской конторе выдавать хлеб по 700 г на едока (на 2382 едока ежедневно отпускалось 1614 кг хлеба)³. Трест «Леспродторг» обязали выделить в июне для Нижнеудинского района: 250 кг растительного масла, 100 кг животного, 1000 кг конфет, 50 кг колбасы, 3 т свежей рыбы, 22 кг чая, на 40 тыс. руб. махорки; для Зиминского района: 50 кг животного масла, 100 кг колбасы, 2 т свежей рыбы, «полностью обеспечить папиросами, махоркой, чаем, солью, спичками, заготовить 250 кг мяса, снять с откорма 2-х свиней и передать в детский сад»⁴. Спецпоселенцам были нарезаны участки под огороды, выделены для посадки картофеля и семена огородных культур.

Ситуация со снабжением начала стабилизироваться только спустя несколько месяцев после прибытия контингентов в регион, но продолжала оставаться стабильно тяжелой. По лесопункту Крутой Ключ с 28 августа по 10 сентября 1940 г. было зарегистрировано 1281 человеко-дней невыходов на работу по причине отсутствия хлеба (вместо 9900 кг хлеба за это время было завезено 5900 кг). На предприятиях «Иртранлеса» основным рабочим отпускали 1,4 кг хлеба на работающего и 250 г на иждивенца, а спецпереселенцам там же выдавали на работающего 800 г, а на иждивенца 200 г⁵.

Жилищные условия, в которые помещали прибывших с Украины «осадников» и «беженцев», были очень тяжелыми. Отвод жилых помещений и коммунально-бытовое обслуживание «осадников» должны были производиться Наркомлесом СССР по нормам, установленным для рабочих лесной промышленности. При этом каждой семье спецпереселенца-«осадника» должна была предоставляться отдельная комната или отдельное место в бараке из расчета не менее 3 кв. м жилой площади на человека. Но достигнуть этого было невозможно. Подавляющее большинство «осадников» расселялось в летних временных помещениях. Для ремонта имевшегося и строительства нового жилья Наркомлесом и Наркомцветом были переведены средства, которые на местах не были освоены. Спецпоселенцев размещали в лесу в бараках, мало приспособленных для проживания. На одного человека приходилось от 1,5 до 2 кв. м⁶. Бывали

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 319. Л. 455.

² Там же.

³ Там же. Л. 456.

⁴ Там же. Л. 455.

⁵ История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С. 292.

⁶ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 319. Л. 455.

случаи, когда при расселении на одного человека выделялось не более 0,5 кв. м¹. Нередко под общежития приспособляли палатки.

В бараках практически не было индивидуальных кроватей, устанавливали двухъярусные нары. Многие переселенцы, в том числе и дети, спали на голых нарах. В поселках часто не было умывальников и бань. Источниками водоснабжения в большинстве спецпоселков являлись лесные реки и ручьи, а также шахтные колодцы. Территории спецпоселков были сильно загрязнены, так как помойных ям и уборных не было². Из-за плотной заселенности в бараках, антисанитарного состояния поселков и использования недоброкачественной воды в июне — июле 1940 г. наблюдались вспышки брюшного тифа (24 случая) и большое количество желудочно-кишечных заболеваний. Пришлось принимать срочные меры: всех выявленных больных госпитализировали, население было массово привито против брюшного тифа, дизентерии, а дети и против оспы³.

В ходе проверок бытовых условий спецпоселенцев выявлялись многочисленные нарушения и злоупотребления. В частности, на лесозаготовках Бодайбинского района треста «Лензолото» руководством треста были незаконно завышены отпускные цены на дрова спецпоселенцам — «50 рублей за кубометр, вместо фактической себестоимости 22–28 рублей за кубометр»⁴. В результате люди перестали покупать дрова, поскольку не имели для этого средств, и прекратили отапливать свои квартиры. В итоге к февралю большинство квартир и бараков, которые ранее находились в удовлетворительном состоянии, пришли в непригодное для дальнейшего проживания в них состояние: «комнаты все закопченные, грязные, окна одинарные, двери не отеплены, часть окон заткнута тряпьем, полы имеют нарост грязи 1–2 см. Со всех окон на полу образовалась наледь в 0,5 м. Со стен течет, помещения полны испарений»⁵. По итогам февральских проверок размещения спецпоселенцев были проведены работы по утеплению жилых помещений; на некоторых участках были отстроены бани, столовые и ларьки.

Новый контингент с Западной Украины, члены семей «оуновцев» и «активных бандитов», прибыл в Иркутскую область в ноябре 1944 г. НКВД СССР 24 марта 1944 г. прислал запрос в УНКВД Иркутской области о местах расселения 5 тыс. человек «семей репрессированных оуновцев», которых намечалось направить в апреле — мае того же года в регион. УНКВД Иркутской области предложило следующие места расселения и станции разгрузки с указанием количества спецпоселенцев: Бирюсинский лесозавод — 700 чел. (ст. Суетиха), Тайшетский лесокombинат — 600 и Тайшетский лестранхоз — 500 (ст. Тайшет), Большереченский лестранхоз — 500 (ст. Иркутск I), Черемховский лестранхоз — 500 (ст. Черемхово), Зиминский лесозавод — 500 (ст. Зима), Мамский слюдорудник Бодайбинского района — 1,2 тыс. (ст. Иркутск I), Порогский лестранхоз — 500 чел. (ст. Нижне-Удинск)⁶. Позднее было решено, что спецпоселенцы-«оунов-

¹ История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С. 308.

² Там же.

³ Там же. С. 310.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Там же. С. 316–317.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 185. Л. 8–8об.

цы» будут в основном расселены в трех районах области: в Тайшетском — 1,5 тыс. чел., в Нижнеудинском — 1,2 тыс. и Черемховском — 2,3 тыс. чел.¹

«Оуновцы» сталкивались с теми же проблемами, что и «осадники», прибывшие в 1940 г. Обеспечение спецпоселенцев продуктами питания оставалось на низком уровне. Работавшие в промышленных артелях Тайшетского района «оуновцы» в первой половине 1947 г. плохо обеспечивались хлебными и жировыми карточками. Так, из 604 чел., занятых на производстве, хлебные карточки получили всего 323 чел. Члены семей спецпоселенцев тоже не получали карточек на хлеб. Как следствие, увеличилось число заболеваний дистрофией, отчаявшиеся люди готовились к побегам с мест поселения².

Следующая партия «оуновцев» поступила в Иркутскую область уже в 1948 г. Запланированные показатели, по которым область в 1948 г. должна была принять 2,8 тыс. семей депортированных «оуновцев» и власовцев, направляемых на предприятия «Востсибтреста», были выполнены. Известно, что в 1948 г. трест принял 2266 семей, или 7,8 тыс. спецпоселенцев. Другим организациям было передано: в Тайшете — 415 семей, в Черемхово — 191 семья, в Усолье — 102 семьи³. Однако имеющиеся данные не позволяют судить о численности и распределении «оуновского» контингента. Тем не менее к началу 1949 г. на учете в Иркутской области состояло 8376 спецпоселенцев-«оуновцев»⁴.

Прибывшие на предприятия треста «Востсиблес» были временно расселены в свободных и приспособленных временных зданиях очень плотно, на одного человека приходилось 1–1,5 кв. м. В поселках было организовано строительство дополнительного жилья, но к прибытию спецпоселенцев построить его не удалось. В тресте «Кировуголь» к ремонту барачков, предназначенных для спецпоселенцев, где ранее размещались склады овощей, приступили только 6 ноября. К 9 ноября, когда прибыли эшелоны со спецпоселенцами, было отремонтировано только три барака из шести. Ремонт остальных барачков производился уже после прибытия рабочих. Они были расселены в помещениях, в которых не было ни двойных рам, ни печей, в них отсутствовала самая необходимая мебель: столы, стулья, кровати, не было осветительных приборов. Уголь для отопления жилых помещений привозился нерегулярно. В отдельных комнатах поселили до 100 чел. и более⁵.

На предприятиях треста «Востсиблес» «вопрос организации снабжения прибывающего контингента был решен спущенными ОРСам дополнительными нарядами: 7 тонн муки, 40 тонн рыбы, 8 тонн крупы-макарон, 6 тонн жиров, 4 тонны сахара, 3 тонны мыла»⁶. Но эта разовая акция не облегчила жизни спецпоселенцев. От холода, недоедания, высокой плотности заселения по баракам распространялись массовые заболевания: вос-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 185. Л. 17–17об.

² ГАНИИО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 74. Л. 26, 27.

³ Там же. Ф. 127. Оп. 14. Д. 585. Л. 35.

⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 165.

⁵ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 585. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 35.

паление легких, дистрофия, было много летальных исходов. С ноября 1947 до середины января 1948 г. умерло 67 чел.¹

На спецпоселенцев возлагали именно трудовую функцию, но труд использовали совсем не рационально. Большой процент трудоспособных людей из числа спецконтингентов не трудоустраивался. Спецпоселенцы привлекались на работы не по специальности, а преимущественно там, где требовался тяжелый неквалифицированный труд. Руководители предприятий знали, что спецпоселенцев легко заменить, и не заботились об улучшении условий их труда, соответственно и об улучшении качества работы. Тяжелейшие условия жизни и труда быстро превращали здоровых людей в нетрудоспособных инвалидов. Этому способствовало практически полное игнорирование техники безопасности на лесоучастках. Спецпоселенцев просто ставили на работы, не знакомя с правилами безопасного и рационального труда. Люди работали так, как могли. Немаловажным был и износ человеческого ресурса. Спецпоселенцы не выдерживали колоссальных физических нагрузок.

Выжимая из людей последние силы на лесоповалах и в других местах, где применялся тяжелый физический труд, руководство лесной, угольной промышленности и МВД постепенно лишало себя значительной части той рабочей силы, в которой советская промышленность так остро нуждалась в послевоенные годы. Использование практически дармовой рабочей силы, регулярно пополняемой из бездонных глубин сталинской репрессивной системы, медленно, но верно подтачивало фундамент промышленности области и всей страны в целом. Не заботясь о нормальных бытовых и трудовых условиях для своих рабочих, руководители промышленных объектов области работали против себя, создавая все предпосылки для их массового отъезда из Иркутской области после освобождения от режима спецпоселения.

В.Ю. Башкуев

ПО ОБЕ СТОРОНЫ РЕЖИМА: НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ ДЕЛА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛИТОВСКОЙ ССЫЛКИ В БУРЯТ-МОНГОЛИЮ

В архивном хранилище Информационного центра МВД по Республике Бурятия отложился значительный массив документов Отдела спецпоселений (ОСП) МВД Бурят-Монгольской АССР, представляющий большой интерес для исследователей истории спецпоселенчества в 1930–1950-х гг. В данной статье внимание будет сосредоточено на наблюдательных делах районных спецкомендатур — низовом сегменте делопроизводства ОСП. Эти дела велись сотрудниками МВД, работавшими непосредственно со спецпоселенцами в местах их расселения. В них фиксировались нарушения режима, проявления «враждебных настроений», правонарушения,

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 585. Л. 10.

факты отправления религиозных культов, антисоветская пропаганда и прочие «прегрешения» перед советской властью, характерные для насильственно высланных людей, ежедневно сталкивавшихся с рутинной дискриминацией по социальному и этническому признаку.

Будучи самым нижним звеном в канцелярской иерархии сталинских надзорных органов, наблюдательные дела являются оригинальным, никогда не редактировавшимся и не подвергавшимся купюрам исследовательским материалом. Именно они, а не тщательно отретушированные отчеты региональных ОСП перед МВД СССР, позволяют исследователю глубже погрузиться в атмосферу затерянных в тайге спецпоселков послевоенного периода и точнее воссоздать аспекты повседневной жизни на спецпоселении.

Сохраняя аутентичность гулаговского канцелярита, стилистику агентурных донесений, а иногда даже тексты «враждебных» произведений спецпоселенческого фольклора на языке оригинала, наблюдательные дела являются своеобразной «подзорной трубой», обращенной в прошлое. Благодаря точности отложившихся в архивных документах записей неосторожно оброненных фраз, песен и молитв, подсмотренных стихов и подслушанных шуток исследователю представляется возможность почувствовать и воссоздать настроения, эмоциональное состояние и мысли людей, оказавшихся в экстремальной обстановке далекой ссылки. Все это оживляет сухой исторический нарратив, вплетая в него новый контекст, где уже различимы отдельные личности и судьбы. Подобно «бесславным людям» М. Фуко, казалось бы, давно забытые и, возможно, не пережившие депортацию жертвы режима возвращаются из небытия и обретают голоса¹, позволяющие лучше понять их стрессовое состояние, прочувствовать глубину их душевной травмы, вызванной насильственным переселением.

Материалы наблюдательных дел дают возможность ближе взглянуть и на противоположную сторону режима — сотрудников МВД БМАССР, осуществлявших надзор за спецконтингентом, и за безликими должностями и званиями увидеть живых людей с их личностными качествами, идеологическими убеждениями, уровнем профессионального и человеческого развития. Эти документы формируют неотъемлемую часть общего контекста феномена спецпоселенчества, уравновешивая воссоздаваемую картину и способствуя более объективному восприятию реалий повседневной жизни на спецпоселении, позволяя смотреть на них с двух углов зрения — надзирателей и поднадзорных.

Наше внимание сфокусировано на самом крупном контингенте спецпоселенцев — литовцах, депортированных в Бурят-Монголию в ходе операции «Весна» 22–23 мая 1948 г. и остававшихся здесь до начала 1960-х гг. Они прибыли в Бурят-Монголию 8–10 июня 1948 г. из Паневежского, Пасвальского, Плунгенского и Шауляйского уездов Литовской ССР. Транспортировка производилась в трех железнодорожных составах № 97908, 97912 и 97913, выгрузивших на станциях Новоильинск, Илька, Онохой и Челутай Заиграевского района республики 4109 чел. В ссылку литовцы отправля-

¹ Foucault M. *La vie des hommes infamés* // *Dits et Ecrits*, 1954–1988. Gallimard, 1984. P. 240–241.

лись семьями, нередко обремененные малолетними детьми и стариками¹. На спецпоселении депортированные были прикреплены к предприятиям местного лесопромышленного гиганта — треста «Бурмонголлес», где и трудились до самого своего освобождения в конце 1950-х гг.

Состав фонда ОСП МВД БМАССР

Фонд 58Л является собранием разнообразных данных по размещению, трудоустройству, организации режима поселения, жилищно-бытовым условиям и другим аспектам жизни всех контингентов выселенцев, спецпоселенцев и ссыльных, в разное время находившихся на территории Бурят-Монгольской АССР. Описью фонда является дело 187, начатое 5 марта 1952 г. и содержащее архивные номера, литерные коды, названия и общие данные (год и количество страниц) папок, относящихся к делопроизводству ОСП МВД БМАССР². Поиск нужных дел затрудняется тем, что за прошедшие годы их архивные номера несколько раз менялись. Последние изменения вносились от руки шариковой ручкой приблизительно в начале 1990-х гг.

В ходе работы в фондах ИЦ МВД РБ нами изучены наблюдательные дела 91 (в 2 т.), 93 (в 2 т.), 130, 236 и др.³ Документы, подшитые в наблюдательные дела, варьируют от докладных записок по агентурному изучению спецконтингентов до протоколов вербовки новых агентов, резидентов, осведомителей и держателей явочных квартир. Кроме того, в некоторых наблюдательных делах содержатся протоколы собраний сотрудников ОСП БМАССР, на которых разбирались недостатки в организации агентурной работы, а также разрабатывались меры по их устранению. Агентурное изучение вплоть до середины 1950-х гг. оставалось одним из главных методов организации надзора над спецпоселенцами, ссыльными и заключенными. От его эффективности во многом зависели такие важные показатели годовой отчетности ОСП МВД БМАССР, как количество предотвращенных побегов и раскрытых уголовных и политических преступлений, анализ настроений внутри спецконтингента и т.д.

Точное воссоздание полного комплекса надзорных функций, осуществлявшихся ОСП МВД БМАССР в местах обязательного поселения спецконтингентов, невозможно без использования дел с планами работ и докладными записками, материалами проверки работы отдела и другими документами, иллюстрирующими нормативную и отчетную стороны его деятельности. Так, в деле 119 подшиты конспекты выступлений руководства ОСП БМАССР на оперативном совещании начальников городских и районных отделений МГБ республики, проводившемся в феврале 1952 г. Из этих материалов видно, какие проблемы стояли перед сотрудниками

¹ Возрастно-половой состав литовских спецпоселенцев, прибывших в Бурят-Монгольскую АССР, выглядел следующим образом: всего было зарегистрировано 1175 семей (4114 чел.), в их числе 1246 мужчин, 1650 женщин и 1218 детей. Разница между количеством прибывших 8–10 июня 1948 г. и количеством приписанных к районным спецкомендатурам объясняется тем, что несколько отставших в пути спецпоселенцев позже прибыли с другими эшелонами. — См.: Группа спецфондов Информационного центра при МВД Республики Бурятия (далее — ГСФ ИЦ МВД РБ). Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 58, 218.

² ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Д. 187.

³ Там же. Оп. 1.

отдела в организации эффективного надзора за спецпоселенцами и какие задачи ставили перед собой оперативные работники МГБ БМАССР для успешного выполнения приказов и директив союзного министерства. В них также содержится критика в адрес каждого отдельно взятого городского или районного отделения, позволяющая судить об эффективности работы на определенных участках¹.

Очень интересны встречающиеся в документах ОСП МВД БМАССР личные характеристики комендантов и работников районных спецкомендатур, дающие представление об уровне образованности, профессиональных и личностных качествах людей, обеспечивавших надзорный режим спецпоселенцев. Кроме того, в наблюдательных делах попадаются краткие оценочные характеристики проходивших процедуру вербовки спецпоселенцев, что позволяет не только составить собирательный образ секретного осведомителя, но и определить мотивы, подтолкнувшие человека к сотрудничеству с советскими надзорными органами.

Правовое положение литовских спецпоселенцев и структура системы надзора

Большинство выселенных литовцев являлось крестьянами-единоличниками, причем среди них встречалось много середняков и даже беднота². В этом состояла трагическая особенность кровопролитной «войны после войны», развернувшейся в Литве в период советизации и коллективизации (1945–1953 гг.). То, что представлялось советским правительством как классовая борьба, на самом деле было гражданской войной, спровоцированной сталинским режимом, и наибольшие страдания в ней выпали на долю простых людей, основным стремлением которых была мирная жизнь.

В списки лиц, подлежащих депортации, большая часть выселенных литовцев была внесена по доносам. Для принятия решения о выселении требовались подписи всего четырех лиц, среди которых часто были близкие знакомые, соседи, односельчане. Несколько литров самогона, мешок муки или кусок копченого сала, отданные на сторону хозяином хутора, служили основанием для подозрения в связях с националистами³. Не озадачиваясь поиском доказательств вины, советские органы запускали карательную машину, и во время ближайшей спецоперации такая семья в полном составе отправлялась в ссылку вместе с тысячами других соотечественников по несчастью.

Единственным сопроводительным документом, передававшимся в местах поселения представителям надзорных органов, была справка о выселении. Ничтожный в сравнении с современными многотомными делами,

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л.

² Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2004. С. 525.

³ По рассказу Б.С. Разгус, председателя региональной общественной организации «Национально-культурное общество литовцев Бурятии», на бланке решения о выселении его семьи стояло всего четыре подписи «свидетелей» того, что его отец С.В. Разгус отдал соседу мешок муки и некоторое количество самогона. Семья Разгус владела 20 гектарами земли и небольшим хутором. — Из интервью с Б.С. Разгус от 28.04.2010 (аудиозапись интервью в архиве автора).

этот листок бумаги был одновременно и приговором, и жребием, определявшим дальнейшую судьбу депортированных семей. В этой скудности выражалась вся специфика сталинских депортаций — их массовость, внесудебный характер, машинная отработанность и бездушность действий, безразличие к людским судьбам.

Большинство литовцев, выселенных в послевоенный период, попало в категорию спецпоселенцев, чей правовой статус определялся изданным 8 января 1945 г. Постановлением СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» № 35. В соответствии с этим нормативным документом за ними сохранялись все права граждан СССР, за исключением свободы перемещения. Это означало, что с момента ознакомления с особенностями своего нового статуса выселенные литовцы прикреплялись к строго определенной территории — «месту обязательного поселения», покидать которое без особого разрешения МВД—МГБ категорически воспрещалось. Самовольная отлучка грозила административным наказанием, а побег — уголовной ответственностью и лишением свободы на срок до 10 лет.

В отличие от ссыльнопоселенцев, ссыльных и некоторых других категорий принудительно перемещенных лиц, спецпоселенцы могли участвовать в выборах в советы разных уровней в качестве как избирателей, так и кандидатов в депутаты. По советским законам, на спецпоселенцев распространялись права на получение бесплатного образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения. Ссыльнопоселенцы и ссыльные, в свою очередь, лишались всего этого на срок ссылки¹. Тем не менее в реальных условиях спецпоселения правового равенства, заявленного в постановлении СНК СССР от 8 января 1945 г., практически не существовало. В большинстве случаев спецпоселенцы воспринимались как «люди второго сорта», носившие несмываемое клеймо «бандпособников», «националистов» или «предателей» и поэтому не заслуживавшие к себе не только доверия, но и простого человеческого отношения.

Сроки административной ссылки у литовских спецпоселенцев послевоенной депортации были различными. В 1948 г. литовцы выселялись на некоторый срок, длительность которого, однако, в точности нигде не указывалась. Их соотечественники, выселенные в 1949 г. как «пособники бандитов и националистов», а также в 1951—1952 гг. как «кулаки из Литвы», высылались навечно, без права возвращения на родину. По сравнению с ними литовцам, расселенным в Бурят-Монголии, можно сказать, повезло. По крайней мере, у них была хоть какая-то надежда на возвращение домой. Кроме того, на спецпоселенцев-литовцев, депортированных в 1948 г., не распространялось действие драконовского указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., согласно которому лица, совершившие побег с места поселения, автоматически приговаривались к 20 годам каторжных работ².

Для надзора за соблюдением режима спецпоселения МВД СССР повсеместно использовало систему спецкомендатур. Приказ об образовании комендатур для литовского спецконтингента был издан 21 мая 1948 г., за

¹ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. Новосибирск, 1997. С. 251.

² Бруль В.И. Депортированные народы в Сибири (1935—1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 104.

три недели до прибытия литовцев в БМАССР. Новые спецкомендатуры расположились в следующих местах: в пос. Верхние Тальцы — Талецкая спецкомендатура, осуществлявшая надзор за спецпоселенцами на территории Хандагайского мехлесопункта, в пос. Илька — Илькинская спецкомендатура, ответственная за территорию Эрийского мехлесопункта. Образованные ранее Хандагатайская и Челутаевская спецкомендатуры осуществляли надзор за спецконтингентом, расселенным в Хандагатайском и Челутаевском леспромхозах¹.

Количество работников спецкомендатур определялось инструкциями МВД СССР, согласно которым на каждые 350 семей спецпоселенцев полагались комендант и один его помощник. В случае если количество семей превышало 350, предписывалось включать в штат спецкомендатуры дополнительно еще одного помощника коменданта на каждые 250 семей. Так, по прибытии спецпоселенцев из Литовской ССР в штат Челутаевской спецкомендатуры был введен дополнительный сотрудник².

В обязанности работников спецкомендатуры входило поддержание порядка на территории спецпоселка, проверка наличия спецпоселенцев, предупреждение побегов и самовольных отлучек из мест обязательного поселения, а также уголовных преступлений. Все это осуществлялось как через «систему гласного контроля» — старших барачников, общежитий и десятидворков, присматривавших за порядком на отведенных им участках, так и посредством «оперативно-чекистского обслуживания» спецконтингента. Последнее означало работу по созданию в местах спецпоселений разветвленной агентурно-осведомительной сети из спецпоселенцев и местных жителей. В большинстве спецкомендатур оперативно-чекистской работой занимался непосредственно комендант.

Помимо этого, комендант должен был согласовывать каждое перемещение спецпоселенцев с вышестоящими органами — начальником районного отдела МГБ и представителем ОСП. В паспортах спецпоселенцев проставлялась отметка об ограничении свободы перемещения. В начале 1950-х гг. паспорта у спецпоселенцев были изъяты и заменены особыми справками, в которых указывался маршрут разрешенных перемещений. Паспорта были возвращены спецпоселенцам только в 1955 г. Раз в месяц все спецпоселенцы должны были отмечаться в комендатуре и расписываться в специальном журнале, сведения из которого использовались комендантом при составлении ежемесячных и поквартальных отчетов в МВД БМАССР. Особо «неблагонадежным» спецпоселенцам приходилось отмечаться чаще³.

Заключения о «надежности» или, наоборот, «неблагонадежности» делались на основе агентурных данных. Если человек проявлял «побеговые настроения», имел неправильные связи или уличался в неблагоприятных поступках и высказываниях, он попадал в «черный список» и с тех пор становился объектом пристального внимания коменданта и сотрудников соответствующих отделов МГБ.

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 24.

² Там же.

³ Anušauskas A. Soviet Genocide and Its Consequences // Lithuanian Historical Studies. 1999. № 4. P. 134.

Обычно комендантом спецкомендатуры назначался проверенный сотрудник МВД–МГБ с достаточным опытом работы и, как правило, в звании не выше капитана. В помощники ему выделялись младшие сотрудники органов — сержанты, старшины, иногда лейтенанты. В документах ОСП МВД БМАССР встречаются интересные сведения, дающие представление об уровне общей и профессиональной подготовки работников спецкомендатур и районных отделов МВД–МГБ.

Например, в приложении к рапорту о работе спецкомендатур Заиграевского района от 26 октября 1951 г. кратко характеризуются штатные работники спецкомендатуры № 4, плохо справлявшейся с оперативно-чекистским обслуживанием спецпоселенцев. Ее комендант, лейтенант Уваров, имея семь классов образования, повышением своего идейно-политического уровня занимался недостаточно и, посещая раз в месяц кружок по изучению истории ВКП(б), самообразованием не увлекался. Чтение художественной литературы и газет также не входило в круг увлечений лейтенанта. О бушевавшей в то время на Корейском полуострове войне он знал очень мало, туманно представлял себе ситуацию и не мог сказать ничего о переговорах между воюющими сторонами¹. На упреки по поводу своей образовательной и политической отсталости лейтенант Уваров отвечал: «Нет, от жизни я не отстаю, она меня тащит»². По оценке проверяющего, комендант не проявлял достаточной инициативы ни в работе со спецконтингентом, ни в повышении своего интеллектуального уровня, необходимого для «остроты проводимых мероприятий». Единственным положительным штрихом в служебной характеристике лейтенанта Уварова была довольно редко встречающаяся среди работников местных спецкомендатур скромность в быту и семейной жизни³.

Надзиратель и стрелок, два старших сержанта милиции, также имели по семь классов образования, повышением своего идейно-политического и профессионального уровня не занимались, книг и газет не читали и в международной обстановке не ориентировались. Однако первый все-таки не допускал самовольных отлучек среди спецпоселенцев, в то время как второй оставался медлительным и безынициативным в работе⁴. Данный пример показывает, что образовательный и профессиональный уровень штатных работников некоторых спецкомендатур находился не на высоте.

Между тем необходимость в хорошо подготовленных для оперативной работы кадрах была очень велика. Требовались опытные, проницательные и образованные люди, способные осуществить вербовку надежных осведомителей из среды иноязычных и инокультурных спецпоселенцев. Как выяснилось из архивных источников, острый дефицит таких сотрудников являлся серьезной проблемой для органов МГБ БМАССР, приводившей к заметному снижению эффективности оперативно-чекистской работы.

В начале 1950-х гг. спецпоселенцы в Заиграевском районе БМАССР активно обсуждали вероятность вооруженного конфликта между США и СССР. Всплывавшая в разных контекстах и ситуациях тема неизменно

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 91. Т. 2. Л. 258.

² Там же. Д. 67. Л. 122.

³ Там же. Д. 91. Т. 2. Л. 258.

⁴ Там же.

сводилась к одному выводу — люди ждали войны и надеялись на свое освобождение войсками западных союзников¹. С учетом крайне низкого уровня политической благонадежности литовских спецпоселенцев у сотрудников 9-го отдела МГБ имелся серьезный повод сетовать на нерасторопность местных комендантов и отсутствие у них инициативы в организации эффективной агентурной сети.

Агентурно-осведомительная сеть являлась важнейшим инструментом «негласного надзора» за спецпоселенцами. Секретные агенты и осведомители вербовались и внедрялись в среду спецпоселенцев с самого начала депортации. В те годы технология вербовки секретных сотрудников в Советском Союзе была отработана до автоматизма.

Как правило, потенциальный агент сначала тщательно прорабатывался на предмет лояльности советской власти, т.е. к человеку прикреплялся какой-либо уже завербованный спецпоселенец, чтобы выяснить его связи, биографическую информацию, политические воззрения, а также человеческие слабости, например, зависимость от алкоголя и т.д. Потом оперативниками МВД выяснялись и проверялись данные намеченного кандидата, поднимались различные справки, характеристики, анкеты, запрашивались паспортные столы, ЗАГСы и другие учреждения по бывшему месту его проживания. В случае если до определения на спецпоселение разрабатываемый был военнослужащим, запросы посылались в управление военной контрразведки округа по месту его службы. Судя по интенсивности переписки и содержанию различных справок, приложенных к делам о вербовке новой агентурно-осведомительной сети в Заиграевском районе БМАССР, проверка на всех уровнях проводилась очень тщательно².

После всесторонней негласной проверки и получения санкции на вербовку выбранный кандидат приглашался на конфиденциальную встречу, в ходе которой ему предлагалось сотрудничество с органами. От лиц, отказавшихся сотрудничать, бралась подписка о неразглашении характера встречи. В случае согласия новому источнику давалось несколько незначительных пробных заданий, в ходе которых выяснялось его отношение к выполняемой работе. При удовлетворительных результатах прошедший проверку кандидат давал подписку о сотрудничестве, хранившуюся в его личном деле, и включался в агентурную сеть³.

Оперативные работники МГБ, как правило, уделяли много внимания личным качествам своих агентов, таким как умение войти в доверие к людям, общительность, открытость, хорошие память, зрение и слух. В конце концов, секретная агентура действительно являлась «глазами и ушами» МГБ среди спецпоселенцев и поэтому должна была постоянно находиться в хорошей форме. Больные или престарелые со временем исключались из сети как выработавшие свой ресурс, а на их место подбирались новые кадры, моложе и исполнительнее своих предшественников⁴.

¹ См. материалы наблюдательных дел по Заиграевскому району: ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 91. Т. 1, 2; Д. 93. Т. 1, 2.

² Там же. Д. 93. Т. 1. Л. 11, 46–50.

³ Белковец Л.П. Спецпоселение немцев в Западной Сибири // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. С. 165.

⁴ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 93. Т. 1. Л. 30.

Процесс вербовки новых секретных осведомителей не прекращался до самого освобождения литовцев со спецпоселения в 1958 г. Однако по мере разрастания агентурно-осведомительный аппарат обрастал «балластом», т.е. не работавшими кадрами, тормозившими всю оперативно-чекистскую работу. Избавляться от него приходилось радикальными мерами — чистой всей агентурной сети и значительным сокращением количества вовлеченных в нее секретных осведомителей.

Помимо описанной системы негласного наблюдения за спецконтингентами МГБ БМАССР использовало «гласный контроль», т.е. уже упоминавшихся старших по баракам, общежитиям и десятидворкам. В их обязанности входила ежедневная проверка наличия спецпоселенцев на своих местах, по результатам которой раз в неделю составлялся подробный отчет на имя коменданта. На некоторых участках такие отчеты предписывалось подавать через день. Кроме того, старшие барачников, общежитий и десятидворков отвечали за санитарное состояние закрепленной территории, обеспечивали порядок вокруг барачников и общежитий и следили за противопожарным состоянием в местах расселения спецконтингентов¹. Должность старшего барака, как и работа осведомителя, вызывала определенные проблемы в отношениях с соотечественниками.

Неосторожные высказывания самих спецпоселенцев значительно облегчали работу осведомления. Так, во время беседы одна спецпоселенка показала осведомителю фотографию, изображавшую ее родственников в компании человека в литовской офицерской форме, и объяснила, что сфотографированные мужчины были добровольцами националистического легиона генерала Пляхвичуса, воевавшего на стороне немцев. Почувствовав неладное, она попыталась перевести разговор на другую тему, однако осведомитель все же донес о произошедшем разговоре, а это означало, что с тех пор женщина оказалась в «черном списке»².

Как правило, услуги осведомления не были безвозмездными. Наиболее распространенной «оплатой» труда секретных агентов был перевод на менее тяжелую работу или предоставление более выгодной должности. Некоторые осведомители предпочитали всем другим видам компенсации денежное вознаграждение. Однако, расплачиваясь за услуги осведомления послаблением режима или материальными поощрениями, сотрудникам МГБ следовало проявлять максимум осторожности, чтобы не поставить агента под удар. Слишком быстрый карьерный рост или обогащение вызывали обоснованные подозрения у спецпоселенцев.

Судьба «расшифровавшихся» осведомителей была незавидной. Подозреваемые в связях с органами спецпоселенцы теряли уважение своих соотечественников, обрывались их дружеские и родственные связи. За спинами таких людей раздавались насмешки и издевательства, велись постоянные разговоры об их предательстве. Порой звучали открытые угрозы. Среди литовцев разговоры о расправе над подозревавшимися в доносительстве отмечались особенно часто. Например, в 1951–1952 гг. агент «Мурзене», проживавшая в пос. Мойгото Хоринского района БМАССР, неодно-

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 91. Л. 100.

² Там же. Л. 120.

кратно жаловалась местному коменданту на агрессивные заявления спецпоселенца Шувикайтеса, говорившего: «Где бы я ни был, хоть в Литве, если придет время, или здесь, то я ее все равно убью, если не убью я, то мой сын это сделает. Мне сейчас все равно, она все равно меня продает». При этом «Мурзене» сообщила, что Шувикайтес был в Литве старостой и судьей, т.е. имел веские причины опасаться доноса, так как в случае раскрытия его деятельности на родине он был бы арестован и отправлен в лагерь¹.

Необходимость выживания в сложных условиях сибирской ссылки была суровой проверкой человеческих качеств и обнажала самые сокрытые стороны души спецпоселенцев. Жизнь на спецпоселении делала многих сильнее, заставляла изо всех сил держаться за традиции и веру своего народа, спланивала литовские общины в противостоянии советской карательной системе. Некоторые же спецпоселенцы, не выдержав тягот ссылки или прельстившись обещанными послаблениями и льготами, пошли по скользкому пути доносительства. Наблюдательные дела ОСП МВД БМАССР отражают широкий спектр человеческих отношений в закрытом мире каменных спецпоселков, позволяя увидеть то, как в эпоху сталинизма, казалось бы, обычные гражданские права и привилегии превращались в рычаги для манипулирования обездоленными и униженными тоталитарным государством людьми.

*По ту сторону режима: антисоветские настроения
в высказываниях и устных формах фольклора спецпоселенцев*

Ответом на дискриминирующий режим спецпоселения и мощный идеологический прессинг были различные формы протеста, варьировавшие от организации подпольных антисоветских групп, побегов и вредительства до пассивного, но от этого не менее твердого отрицания советской догматики и социальных практик. Уникальность наблюдательных дел ОСП МВД Бурят-Монголии состоит в аутентичности собранного в них компрометирующего материала, записанного непосредственно со слов осведомителей, иногда даже их руками и на языке оригинала. Полученные практически из первых уст образцы «враждебных настроений» сохранили и донесли эмоциональный заряд, вкладывавшийся их авторами в слова, стоившие некоторым спецпоселенцам нескольких лет лагерей.

В этом отношении особенно интересны эмоции, мысли и образы, облеченные в некую художественную форму. Отложившийся в наблюдательных делах спецкомендатур фольклор литовских спецпоселенцев представляет собой уникальный первоисточник. Оказавшиеся в чрезвычайной ситуации люди пытались помочь себе, выражая в стихотворных строфах или песенных куплетах тоску по родине, надежду на возвращение, любовь к близким и упование на высшую силу. В моменты ярости или отчаяния творчество помогало сбросить накопившееся напряжение, позволяя вложить в слова негативные эмоции, мобилизуя ум и волю на сопротивление внешней среде, воплощавшей в себе сложные реалии послевоенного времени в советской глубинке. В нем наиболее четко выкристалли-

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 130. Т. 1. Л. 37–39.

зованы образы, наделявшиеся особым значением и имевшие для спецпоселенцев сакральный смысл. Там же отражены негативные стороны спецпоселенческого бытия, насыщенные карикатурными, иногда даже демонизированными образами.

Образцы фольклора существенно отличаются от высказанных в состоянии аффекта слов — они сознательно созданы с целью бытования, т.е. передачи другим людям. В них заложен намного более мощный, а главное, долговременный психоэмоциональный заряд, призванный выполнять определенные функции — выражение неприятия, оказание моральной поддержки, преодоление психологической и душевной травмы.

В песнях ссыльных литовцев часто сочетались образы родины-матери Литвы и уничижительные эпитеты, адресованные России и русским как агрессорам. В пику советскому строю литовская молодежь пела песни «националистического содержания» в дни официальных событий, например выборов. Так, 16 декабря 1951 г., возвращаясь после голосования, молодые литовцы распевали такую песню (приводится в русском переводе):

*Согнулась липа при дороге,
Заплакала мать моя старушка,
Ах, сын мой, отчизна тебя зовет,
И опять будет свободна моя Литва.
А если суждено мне погибнуть
От русских палачей руки,
Ах, девушка, укрась мою могилу
Белой акации цветами¹.*

В контексте песни образы старой матери и родины идентичны; особое место занимает визуальный образ согнувшегося дерева. Липа — типичное для Литвы дерево, лесной долгожитель, в данном случае выступает центром развернутой метафоры, символизируя мать, призывающую высланного сына, и родину, согнувшуюся под пятой агрессоров. Жертвенная роль, возможно, уготованная герою песни, усиливается образом девушки, украшающей могилу белыми цветами, — символом юности, невинности и вечности.

В распевании похожей песни был замечен Казис Жукас, находившийся под наблюдением как сын кулака и бывший член банды:

*Мать старушка твоя плачет,
Отчизна-мать твоя ждет тебя,
Зацветет весна веселая,
Будет счастливый день свободы для Литвы².*

Из приведенных текстов видно, что образный ряд песен идентичен. Вполне возможно, что это была одна и та же песня, по-разному переведенная на русский язык осведомителями из числа литовских ссыльных. Либо певшие ее ссыльные сами добавляли нужные слова, модифицируя форму, но оставляя неизменным смысл.

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 91. Т. 1. Л. 66.

² Там же. Т. 1.

Если образы родины, матери и символизировавшие их цветы и деревья формировали сакрализованый контекст, то их антагонистами выступали карикатурные или демонизированные отображения России, русских, советской действительности и советской власти.

Один из агентов-осведомителей донес, что 16 июля 1949 г. Алексас Кирша собрал у себя дома группу литовцев, вместе с которыми распевал песни «контрреволюционного, националистического, антисоветского, клеветнического» содержания. Приведем слова одной из них:

*Солнце зашло, настал вечер,
Заграблена наша земля нищей Россией,
Она завладела нашей землей
И не дает нашим сестрам сеять траву-руту. <...>
Пришли азиаты к окну матери
И спросили мать, где ее сын,
А мать молчала и не выдала сына,
За это она выслана навек в Сибирь.
Придет весна, кукушка закукует,
Трупами советских партизан застелем все дороги,
Придет время кровавое и наши страдания кончатся,
Нищих русских выгоним со своей земли литовской¹.*

В данном контексте Россия представлена как поработоритель. Рута, обычно высевавшаяся весной литовскими детьми, ассоциируется с подавлявшимися национальными традициями, а возможно, и с самими нерожденными детьми, потенциальные матери которых были высланы в Сибирь. Два отличительных признака, придающих образу России карикатурность, — эпитеты «нищий» и прямая ассоциация с Азией, ассоциирующейся с дикостью и бедностью в глазах литовцев того поколения.

Снова в образе матери, не выдавшей сына, узнаваемы и тысячи литовских женщин, отправленных в ссылку за своих сыновей, мужей и братьев, членов националистического сопротивления, и сама Литва, подвергшаяся набегу «азиатов».

Интересно, что в песнях и стихах ссыльных образ Сибири нейтрален. Несомненно, это суровое, малопригодное для жизни место, но в его описаниях нет ненависти. Так, в другой песне, записанной в письме на родину литовкой по имени Праня, есть такие слова:

*Не спрашивай, почему скучное лицо,
Между высокими горами Сибири
Я не вижу, когда садится солнце,
И не слышу песни жаворонка,
Может, не увижу, как на зеленом лугу
Братья станут сено косить,
Может быть, не услышу,
Как сестренка песню свободы запоеет.
У вас там, на нашей родине,
Нет ни постов, ни часовых,
Только шушание молодых берез
И эхо скучной песни.*

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 10. Т. 1. Л. 124.

*В Сибири свирепствуют холодные вьюги,
Там страдают братья издавна.*

Как и приведенные выше строки, эта песня построена на контрасте образов. Сибирь — суровое, жестокое место страдания. Литва — тихая родина, где слышны птичьи трели и шуршание деревьев на ветру. Однако здесь нет уничижительного отношения к краю изгнания. Скорее, эта песня передает печаль и отчуждение, представляя Сибирь в образе жестокого, но монументального природного чистилища, где претерпевают испытания на крепость литовские ссыльные. Другие куплеты песни содержат интересный образ литовских партизан, раскрывающийся при знании контекста «войны после войны»:

*Не спрашивай меня, дорогая сестра,
За что попала я в Сибирь,
[За то,] что любила родные поля
И братьям кушать подавала¹.*

Причина высылки девушки в Сибирь — помощь членам националистического сопротивления, о чем поется в последнем куплете песни. «Братья», которым она «кушать подавала», несомненно, родственники или друзья, состоявшие в отрядах «лесных братьев». Для ссыльных литовцев воспоминания о них были дороги, потому что некоторые из родственников из леса оставались на свободе, а кроме того, сопротивление символизировало несгибаемость традиций и воли к свободе, вселяло надежду в условиях ссылки.

Мобилизовать волю и физические силы для выживания и сопротивления системе помогали энергичные, агрессивные песни, напоминавшие марши. Так, в июле 1949 г. осведомитель донес, что три молодых литовца, возвращаясь с работы, построились в колонну и пели:

*Вставай, вставай, паренек,
Вставай, молодец,
Пора ехать на войну,
Защищать порабощенную Литву!²*

Тем же летом, во время вечеринки с горячительными напитками, литовская молодежь пела песню еще более «крамольного» содержания:

*Долой коммунизм проклятый,
Долой бессердечных обманщиков,
Грабителей чужого имущества,
Которые нас, молодежь,
Выселили из нашей милой страны. <...>
Как только солнце закатится,
Вы видите сквозь маленькие окна
Наши желтые лица и слезливые глаза,
Не вернетесь вы, старики,
Не вернетесь вы, малые дети,
Не вернетесь, братья и сестры,*

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 91. Т. 1. Л. 125.

² Там же. Л. 124.

*Не будете ходить по литовским тропам,
Не встанете в солдатские ряды¹.*

В этой песне призыв к свержению коммунизма и обличение советского руководства сочетается со скорбью о судьбе ссыльных литовцев, причем фаталистические мотивы делают песню похожей на оплакивание, чему способствует многократное повторение отрицания. В приведенных строках в полной мере выражена глубина психологической и душевной травмы, пережитой литовцами из-за депортации. Эта песня-крик и одновременно песня-плач точно передает настроения литовцев в первые годы сибирской ссылки.

Значительное место в жизни ссыльных занимала религия. В экстремальных условиях ссылки молитва помогала мобилизовать силы для выживания. Поэтому, спешно пакуя в течение отведенного на сборы часа самое необходимое, литовские женщины в первую очередь брали молитвенники, распятия, четки, образки и другие предметы культа. Они и сочиненные в ссылке обращения к богу не только помогали восстановить душевное равновесие, но и способствовали сохранению католической веры в воинствующе атеистическом советском окружении. Приведем одно из религиозных стихотворений, написанное литовской девушкой Альдоной Артишаускайте в 1951 г.:

*Цвела земля, молились оливы,
Тебя сопровождал печальный взгляд Христа
И свободный ветер родных полей.
Не плачь, хоть твое сердце и будут разрывать бури,
Люби отечество, благодарность спустится к твоим ногам.
Хоть и тяжело вспоминать имя литовки,
Чашу счастья никогда не променяй².*

В этом стихотворении отчетливо выразился призыв к смирению и духовной стойкости, уверенность, что в конечном итоге все выпавшее на долю ссыльных пройдет. Строки призывают сохранять любовь к родине и ни за что не терять традиционных ценностей и устоев.

Распевание песен и сочинение стихов, классифицировавшихся как «антисоветские» и «вредительские», было небезопасным занятием. Ссылные всерьез опасались за свою судьбу. Одна литовская девушка говорила: «Скоро меня заберут, которые ходят в синих фуражках». На вопрос «за что?» она ответила: «Мне кажется, меня должны забрать за то, что я прошлым летом с Римкутей Казей ходила на кладбище, где пела песни, направленные против советского государства»³. Действительно, чтобы заработать несколько лет лагерей за антисоветскую агитацию, ссылкой хватало нескольких строчек стихов, песен или писем.

Однако были и такие, кто осмеливался насмехаться даже над высшими советскими «небожителями», и чьи шутки отложились в «наблюдательных делах» спецкомендатур МВД. Так, во время подписки на заем 26 июня 1953 г. литовка Зинаида Благожевичуте сказала: «...Я ненавижу это-

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 91. Т. 1. Л. 124.

² Там же. Л. 257.

³ Там же. Т. 2. Л. 140.

го замдиректора по политической части, так как он заставляет меня подписывать на заем столько, сколько я не хочу. В прошлом году я не подписалась на полный оклад, из-за этого умер Сталин, а в этом году если не подпишу, умрет Маленков»¹.

Именно в таких балансирующих на грани высказываниях наиболее полно проявляется негативное отношение к советским практикам и ритуалам. Несмотря на риск оказаться в лагерях, люди высказывали свое раздражение, вызванное навязчивыми идеологическими кампаниями, усугублявшими и без того тяжелое материальное положение ссыльных.

Система тотального надзора, созданная государством для наказания и перевоспитания ссыльных, сохранила в своих недрах и донесла до современности не просто зафиксированные доказательства инакомыслия и сопротивления среди спецпоселенцев или образцы народного творчества, созданные в условиях глубокого стресса и носящие отпечатки сильной психологической и душевной травмы. Это — своеобразные матрицы, вбравшие в себя образ мыслей, стратегии сопротивления и каждодневные практики выживания, выработанные спецпоселенцами в экстремальных условиях ссылки. В них также зашифрована важная информация о межкультурном взаимодействии и противостоянии, выразившаяся в образно-стилистическом ряде фольклорных произведений.

Исторический парадокс состоит в том, что, учитывая способность человеческой памяти стирать наиболее травмирующие воспоминания, в иных обстоятельствах эти образцы могли бы забыться и навсегда исчезнуть. Построенная на тотальном контроле и секретности система сохранила их и донесла до современности. Тот факт, что большинство образцов дается в русском переводе и сопровождается интерпретацией надзорных работников, позволяет составить объемное впечатление и об особенностях восприятия и мышления антагонистов литовских ссыльных — работников МВД. Это добавляет ценности выявленным образцам фольклора как историческим первоисточникам.

* * *

Благодаря волне отечественных и зарубежных публикаций 1990-х — начала 2000-х гг. история советских принудительных миграций в целом перестала быть «белым пятном». Однако при всем своем огромном научном значении эти работы обнажили лишь «верхушку айсберга», определив структуру феномена и основные аспекты государственной политики в отношении репрессированных народов, поместив депортации в социоэкономический контекст тоталитарного сталинского государства и проанализировав нормативно-правовую базу политики массовых репрессивных переселений. Можно констатировать, что достаточно подробное освещение получили макроаспекты принудительных миграций в СССР, чему отчасти способствовала относительная открытость центральных архивов в Москве.

Между тем ведомственные архивы российских регионов до сих пор хранят огромные массивы не вводимых в научный оборот материалов

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 130. Т. 1. Л. 251.

по истории спецпоселенчества в СССР. Значительная часть микроистории этого феномена все еще ожидает своего исследователя. Наблюдательные дела районных спецкомендатур и другие документы низового сегмента делопроизводства областных и республиканских отделов спецпоселений содержат богатейший исследовательский материал, примеры которого были приведены в этой статье. Определенную проблему представляют ужесточившиеся условия доступа к фондам ведомственных архивов, затормозившийся процесс рассекречивания материалов, новые условия использования документов. Однако уже рассекреченные и введенные в научный оборот группы источников представляют собой богатейший материал для анализа и концептуализации с применением нового методологического инструментария.

Работа над наблюдательными делами спецкомендатур, глубинный контекстуальный и стилистический анализ их содержания, деконструирование описанных ситуаций, характеристик и отношений может помочь избежать излишней фиксации на спецконтингенте, присущей историческим исследованиям феномена принудительных миграций, и вместо этого рассмотреть каждое конкретное явление «с обеих сторон» режима спецпоселения. Это будет способствовать более глубокому пониманию реалий спецпоселенческой жизни, объективному восприятию сложного в эмоциональном плане материала, значительно расширит горизонты исторического исследования, спроектировав его в сферу межкультурной коммуникации и человеческих отношений. Естественно, все это станет возможным только при условии сохранения и дальнейшего рассекречивания подобно-го архивного материала в масштабах всей Российской Федерации.

Н.Н. Аблажей, Л.М. Салахова

**10 МАЯ 1950 ГОДА:
ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ-«ОУНОВЦЕВ»
В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Массовые депортации с территории Западной Украины проводились с 1944 по 1952 г. Основанием к первым высылкам стали директивы НКВД–НКГБ № 122 от 31 марта 1944 г. и № 130 от 7 апреля 1944 г., а общее количество высланных составило более 13 тыс. чел.¹ Уже с весны 1944 г. «оуновцы» стали поступать на спецпоселение. Первые партии направлялись в Красноярский край, Иркутскую, Новосибирскую и Омскую области.

В 1947–1948 гг. Советом министров СССР было принято еще два постановления, на основании которых высылали членов семей «оуновцев» и «активных бандитов»: № 3214-1050 сс от 10 сентября 1947 г. и № 3728-1254 сс от 4 октября 1948 г. Количество высланных в эту волну превысило 76 тыс. чел. Депортированных приняли Карагандинская, Архангельская, Кемеровская, Кировская, Молотовская, Свердловская, Тюменская, Челя-

¹ Согласно спецпереселенческой статистике, на январь 1945 г. на спецпоселении находилось 12 490 чел., а к апрелю 1945 г. — 16 200 чел. — ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 257. Л. 3.

бинская и Читинская области. В целом на начало 1949 г. общая численность спецпоселенцев-«оуновцев» превысила 96 тыс. чел., распределенных по 19 регионам страны¹. Использовали «оуновцев» преимущественно в сельском хозяйстве и угольной промышленности.

В Иркутскую область первая партия «оуновцев» (3695 чел.) прибыла уже в декабре 1944 г., их распределили для работы в основном на предприятиях трестов «Востоксибуголь» и «Востоксиблес». К началу 1949 г. на учете состояло 8376 спецпоселенцев-«оуновцев», однако через год их численность сократилась до 7995 чел., а численность трудоспособных составила 4625 чел.² Несмотря на это, на тот момент доля «оуновцев» в общей численности спецпереселенцев в Иркутской области достигала почти 70 %³. Спецпоселенцев-«оуновцев» расселили в 13 районах области: так, почти треть контингента оказалась сосредоточена в Черемховском, Нижнеудинском, Усольском, Иркутском и Бодайбинском районах⁴. Переселенцы были распределены на предприятиях угольной промышленности (24,6 %), лесной и стройматериалов (29 %), в колхозах и совхозах (18,6 %), химической промышленности (5,3 %), в ведении МВД (12,3 %), других министерств и ведомств⁵.

Около 75 % всех высланных данной категории составили женщины и дети, а в Иркутской области этот показатель был еще выше⁶; национальный состав «оуновцев» был почти поголовно украинским. Несмотря на высокую долю несовершеннолетних и женщин, МВД характеризовало «оуновский» контингент как крайне нелояльный на том основании, что именно в их среде фиксировался самый высокий процент побегов (более 4 от общей численности) и иных антисоветских проявлений. При этом удельный вес привлеченных к уголовной ответственности по фактам побегов и незаконных отлучек не превышал 40 %⁷.

Режим спецпоселения для «оуновцев» регламентировался январским постановлением СНК СССР 1945 г., которое хотя и предусматривало уголовную ответственность согласно ст. 82 УК РСФСР, но на практике зачас-

¹ 96 189 чел. были размещены в 19 регионах СССР, в том числе: в Архангельской обл. — 4506 чел., в Амурской — 107, в Вологодской — 843, в Иркутской — 8376, в Кемеровской — 28 919, в Кировской — 1948, в Молотовской — 10 492, в Новосибирской — 244, в Омской — 13 358, в Свердловской — 56, в Томской — 81, в Тюменской — 215, в Челябинской — 6398, в Читинской — 1521, в Удмуртской области — 1439, в Красноярском крае — 5385, в Казахской ССР — 7513, в Коми АССР — 4088, в Якутской АССР — 700 чел.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы: по документации НКВД-МВД СССР // СОЦИС. 1990. № 11. С. 11.

³ ИЦ ГУВД ИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 21. Л. 243.

⁴ Согласно данным 4-го отдела УМВД Иркутской обл., территориальная структура распределения (приведены данные только по взрослому населению) была следующей: Алзатайский р-н — 162 чел., Бодайбинский — 501, Балаганский — 88, Заярский — 29, Зиминский — 314, Иркутский — 565, Качугский — 254, Нижнеудинский — 712, Тайшетский — 398, Тулунский — 129, Усольский — 557, Харикский — 166, Черемховский р-н — 1766 чел. — ИЦ ГУВД. Ф. 49. Оп. 1. Д. 23. Л. 49об.

⁵ ИЦ ГУВД ИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 23. Л. 49; Д. 25. Л. 1.

⁶ Половозрастной состав «оуновцев» на март 1949 г.: всего в СССР 95 552 чел., из них 22 569 мужчин, 48 583 женщин, 24 400 детей до 16 лет; в Иркутской обл. — 7995 чел., из них 5631 взрослых и 2363 детей до 16 лет.

⁷ Подсчитано по статистике бежавших и задержанных за 1941–1948 гг. — См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1939–1960. М., 2003. С. 190.

тую влекло лишь административное наказание. К концу 1940-х гг. для большинства категорий как «высланных», так и «спецпоселенцев» режим содержания на спецпоселении был ужесточен в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. Несмотря на жесткое распоряжение ознакомить всех спецпоселенцев с текстом указа до конца 1948 г., эта процедура растянулась на весь 1949 г. и частично 1950 г. Применение ноябрьского указа в отношении «оуновцев» диктовалось желанием предотвратить их возвращение на прежние места проживания, поскольку к маю 1950 г. у многих из тех, кто был выслан из Западной Украины, заканчивался срок поселения.

Направление «оуновцев» на спецпоселение производилось в 1944–1946 гг. по решениям Особого совещания при НКВД СССР сроком на 5 лет, а в 1947–1949 гг. — по решениям Особого совещания при МГБ СССР сроком на 8–10 лет и на бессрочное поселение. По состоянию на 1 января 1949 г. всего на спецпоселении находилось 11 2633 членов семей активных «оуновцев», из них высланных в 1944–1946 гг. сроком на 5 лет — 24 730 чел., высланных в 1947–1949 гг. сроком на 8–10 лет и на бессрочное поселение — 87 903 чел.¹ МВД СССР в записке правительству от 17 марта 1950 г. предложило «отменить сроки выселения для членов семей украинских националистов, бандитов и бандпособников; установить, что они переселены в отдаленные районы СССР навечно и возвращению в места прежнего жительства не подлежат; распространить на этих лиц действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 ноября 1948 г. “Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны”. За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения виновных привлекать к уголовной ответственности и определить меру наказания за это преступление 20 лет каторжных работ»².

Постановлением Совета министров СССР № 1398-506 от 6 апреля 1950 г. на «оуновцев» было распространено действие Указа от 26 ноября 1948 г.; это решение было продублировано Указом Президиума Верховного Совета СССР, который также датирован 6 апреля 1950 г. Выполнение решения правительства и Верховного Совета возлагалось на МВД СССР, согласно приказу которого от 15 апреля 1950 г. № 248 спецпоселенцев «оуновцев» следовало уведомить об ужесточении режима спецпоселения и решении правительства о «выселении навечно».

В начале мая 1950 г. оперсостав УМВД Иркутской области на очередном совещании был ознакомлен с приказом МВД СССР № 248; был озвучен и соответствующий приказ УМВД по Иркутской области. Проведение операции по «отбору расписок у спецпоселенцев» было запланировано на 10 мая одновременно по всем спецкомендатурам области, где на учете состояли «оуновцы». Проведение мероприятия возлагалось на начальников районных и городских отделов МВД и специальных уполномоченных, направляемых из областного управления. В объемной четырех-

¹ Численность приведена по тексту записки С.Н. Круглова на имя Л.П. Берии от 17 марта 1950 г. № 1174 сс/н. — ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 525. Л. 5, 6.

² ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 525. Л. 5, 6.

страничной памятке, содержащей 11 пунктов, детально прописывался ход проведения мероприятия¹. Начальникам районных отделений МВД по итогам проведенного совещания предписывалось по возвращении к местам службы провести оперативные совещания, на которых следовало разработать план мероприятий с учетом местных особенностей, отдаленности населенных пунктов, где находились «оуновцы», от спецкомендатур, а также численности контингента.

За 2–3 дня до операции группа сотрудников районного МВД во главе с уполномоченным областного УМВД выезжала в спецкомендатуры. На местах вместе с поселковыми комендантами они формировали списки взрослых спецпоселенцев (начиная с 16 лет, до 1934 г. р. включительно), сопоставляя все имеющиеся данные, включая посемейный и персональный учет. Большая часть контингента находилась на постоянном учете, временно ушедшие и прибывшие учитывались по месту нахождения. Далее на каждого взрослого спецпоселенца заполнялись одинаковые по форме и содержанию расписки об ознакомлении их с постановлением правительства, которые им следовало подписать.

В целях предотвращения побегов мероприятие готовилось и проводилось в условиях секретности. Всех сотрудников МВД под личную ответственность предупреждали о недопустимости разглашения информации о предстоящей операции, в том числе о преждевременном оповещении агенты, старших «десятидворок», членов групп содействия о причинах сбора «оуновцев». Даже секретарей райкомов и горкомов ВКП(б) поставили в известность только 9 мая. Вопросы о местах проведения собраний, способах оповещения и контроля над явкой согласовывались с председателями колхозов и совхозов, руководителями предприятий, где работали «оуновцы». На собраниях обеспечивалось наблюдение за выходом из помещения, а в случаях, когда собирались крупные партии спецпереселенцев, обязательным было присутствие сотрудников МВД (оперстрелков) для наблюдения на случай побегов.

Чтобы не срывать рабочий день, собрания проводились до его начала, обычно в 5–8 часов утра. Только в тех случаях, когда оперативная группа в течение дня должна была побывать в нескольких спецпоселках, собрания переносились на время обеда или вечер, после окончания рабочего дня. Само мероприятие обычно занимало не более часа. Спецпоселенцы на собрание доставлялись организованно в сопровождении бригадиров или других ответственных работников производств; собрание начиналось с переключки спецпоселенцев. Тексты выступлений областных уполномоченных или начальников районных/городских отделов МВД были стандартными, а их содержание следующим: «Граждане! Управление Министерства Внутренних дел по Иркутской области уполномочило меня собрать Вас и каждому объявить официально под личную расписку о нижеследующем: по состоявшемуся решению Совета Министров Союза Советских Социалистических республик сроки Вашей высылки из западных областей Украины отменены и Вы, вместе с вашими семьями, оставлены здесь на поселение навечно. Если кто-либо из Вас самовольно, т.е.

¹ ИЦ ГУВД ИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 23. Л. 8–11.

без ведома и предварительного согласия органов МВД, выедет за пределы данной спецкомендатуры МВД, на учете которой Вы состоите, то такое лицо будет считаться беглецом и оно будет арестовано и привлечено к уголовной ответственности за побег с места поселения по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. Этим Указом за побег с места поселения предусмотрена мера наказания — 20 лет каторжных работ. Лица, виновные в укрывательстве беглецов и лиц, способствующих их побегу с мест поселения, будут наказаны за это лишением свободы на 5 лет»¹. (Лишь иногда на собраниях зачитывался сам текст Указа от 26 ноября 1948 г.) Далее оглашался текст индивидуальной расписки, где подтверждался факт оставления выселенца и его семьи по решению Совета министров СССР на спецпоселении навечно и уголовной ответственности за побег². Тексты рекомендовалось зачитывать громко, внятно и отчетливо.

Процедура предполагала вызов по ходу собрания в алфавитном порядке спецпоселенцев к столу или в отдельное помещение, где находилось несколько сотрудников МВД. Там, собственно, и проходила процедура получения расписки. Рекомендовалось, чтобы расписки подписывали спецпоселенцы лично, однако вследствие того, что некоторые люди были неграмотными или малограмотными, допускалось заверение расписок родственниками, старшими десятниками и даже комендантами. Случаи отказов от расписок фиксировались повсеместно, но категорических отказов было мало. В случае категорического отказа инструкция приписывала составлять акт в присутствии понятых, с фиксированием факта ознакомления спецпоселенца с решением правительства и предупреждением об уголовной ответственности за побег. Отдельные спецпоселенцы вновь пытались объяснить, что «высланы неправильно и что они ни в чем не виноваты»³. Чаще всего фиксировались отказы со стороны женщин, заявлявших о желании вернуться к детям, оставленным у родственников на Украине (среди выселенцев-«оуновцев» было большое количество разрозненных семей, сами сотрудники МВД считали, что таких не менее трети⁴), но после разъяснений о процедуре «вызова детей и других родственников», как правило, следовало согласие на расписку. С некоторыми спецпоселенцами в целях получения расписки по окончании собраний проводились индивидуальные беседы о возможности воссоединения семей и материальных расходах в этой связи. После собраний сотрудники МВД нередко проводили розыскные мероприятия в отношении лиц, не явившихся на собрание, выясняли причины неявки и по возможности брали расписки.

После сбора расписок собрание обычно продолжалось, и спецпоселенцам предоставлялась возможность задать вопросы. В основном вопросы касались воссоединения семей, хозяйственного обустройства и улучшения бытовых условий. В некоторых спецкомендатурах спецпоселенцы жаловались на задержки с решением вопроса о выделении земельных участков под личное хозяйство и крайне плохие жилищные условия, часто просили

¹ ИЦ ГУВД ИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 23. Л. 12.

² Там же. Л. 42.

³ Там же. Л. 54.

⁴ Там же. Л. 111.

выделить ссуду для покупки коров и собственного жилья. Многочисленные жалобы спецпоселенцев иногда побуждали членов комиссии посещать помещения, выделенные для проживания. Так, на заимке Низовцево Усольского свиновхоза, относившейся к спецкомендатуре № 8 Усольского ГО МВД, было зафиксировано, что «оуновцы» живут крайне скученно в грязных и непригодных для проживания помещениях, а дирекция совхоза и руководство спецкомендатуры не обращают на это никакого внимания¹. В своей докладной записке уполномоченный УМВД, командированный в спецкомендатуру № 51 Балаганского РО МВД, отмечает, что «оуновцы» материально обеспечены плохо, а жилищно-бытовые условия являются «исключительно плохими». Так, в пос. Мурай при осмотре жилых помещений установлено, что в одной комнате площадью 8 кв. м живут четверо престарелых мужчин, а шесть женщин размещены в помещении площадью около 10 кв. м. В пос. Сталинском 12 выселенцев жили в землянках, размещаясь на сплошных двухъярусных нарах². По спецкомендатурам № 48 и 73 Заярского РО МВД отмечалось, что 25 «оуновцев», прикрепленных к семи населенным пунктам и задействованных на работах, связанных с добычей камня в карьерах, часто перебрасываются с одного карьера на другой, что делает невозможным их закрепление на постоянное жительство, а тяжелое положение усугубляется низкой оплатой труда³.

По итогам кампании по сбору расписок соответствующая отчетность оперативно (в течение трех дней) поступала в УМВД и районные отделы МВД. Поступившие в районные и городские отделы МВД расписки приобщались к личным делам спецпоселенцев, затем заполнялись справки-основания для содержания их на спецпоселении, на обложке личного дела слово «спецпоселенец» зачеркивалось, а взамен его крупными буквами писалось «выселенец». Изменение статуса влекло за собой необходимость ежемесячно регистрироваться в спецкомендатуре, тогда как все остальные спецпоселенцы эту процедуру проходили один раз в год. В целом деление на выселенцев (выселенных навечно) и спецпоселенцев (выселенных на сроки или без указания сроков) было весьма условным. Термин «выселенцы» в конце 1940-х — начале 1950-х гг. в основном использовался в отношении тех категорий спецпоселенцев, на которых распространялся Указ от 26 ноября 1948 г.

В фонде Информационного центра ГУ МВД по Иркутской области отложилась отчетная информация о проведении мероприятия «по отбору расписок» по 40 населенным пунктам, включая 23 спецкомендатуры девяти районов, в которых на учете состояло 4139 взрослых спецпоселенцев (более 70 % от общей численности контингента)⁴.

¹ ИЦ ГУВД ИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 23. Л. 75об.

² Там же. Л. 111.

³ Там же. Л. 101об.

⁴ Данные (неполные). — *Н. А., Л. С.* на 10 мая 1950 г. о распределении взрослых «оуновцев» по спецкомендатурам (с/к) и поселениям Иркутской обл.: Черемховский р-н: с/к № 2 (Шадрино) — 324 чел., № 5 (Макарьево) — 753, № 7 (Гришево) — 115, № 8 (Усолье-Сибирское) — 542, № 10 (Большое Жилкино) — 159; Иркутский р-н: № 17 (Пивовариха) — 50; № 18 (Горячий Ключ, всего 6 населенных пунктов) — 129; № 19 (Лисиха) — 283; Нижнеудинский р-н: № 23 (Атагай, Кадуй, Усть Кадуй) — 52; № 24 (Красивая Елань, Красный Бор, Мана) — 70; № 26 (Соловьевск) — 174; № 27 (Шум) — 73; № 28 (Нижнеудинск, Каменка) — 184;

«Отбор расписок» позволил уточнить численность и проверить наличие спецконтингента в спецкомендатурах. Чаще всего отсутствие спецпоселенца на собрании было связано с нахождением его в местах лишения свободы, временным выбытием в другую спецкомендатуру или выполнением особо срочного производственного задания. При сопоставлении учетной численности и количества присутствующих на собрании, например по спецкомендатурам № 8 и 9 Усольского ГО МВД, где на учете состояло 687 чел., выяснилось, что 10 чел. числятся в бегах, а еще 39 чел. находятся в местах лишения свободы¹. В ходе проведения мероприятия в пос. Мана (спецкомендатура № 28) выяснилось, что трое спецпоселенцев отсутствуют, и их местонахождение неизвестно, при этом в наличии оказалось 5 чел., переведенных в поселок из спецкомендатуры № 29 и не поставленных на учет. Имели место случаи постановки на учет несовершеннолетних. Численность корректировалась и в том случае, когда на учет спецпоселения ставились подростки по достижении ими 16 лет. Так, на учете 19 спецкомендатуры состояло 276 чел., по итогам мероприятия численность контингента возросла до 283 чел., на постоянный учет был переведен 1 чел. и еще 6 чел. по достижении 16 лет².

В скудных и формальных отчетах сотрудников МВД о ходе мероприятия, естественно, не ставилась цель отразить психологическую атмосферу и реакцию спецпоселенцев на событие. Однако в ряде из них отложилась информация оперативного и агентурного характера, позволяющая реконструировать настроения и разговоры. Уже накануне собраний распространялись слухи, что завтра объявят о «вывозе куда-либо в тайгу, а то, якобы, мы тут зажились»; далее следовали советы «бросать копать огород и садить картошку, а кого-то искать, чтобы договориться о продаже коровы, оставшейся картошки и другого имущества»³. В спецкомендатуре № 5 Черемховского района, где располагался крупный контингент украинцев, циркулировали слухи о составлении списков на выселение в отдаленные поселки района, что спровоцировало несколько случаев «продажи картофеля и собственных вещей»⁴.

«Оуновский» контингент был на 2/3 представлен женщинами, поэтому и на собраниях они преобладали. После объявления о «выселении навечно» женщины обычно начинали плакать, однако фактов «саботажа, антисоветских и контрреволюционных высказываний» во время собраний, как правило, не зафиксировано. Как явствует из документов, спецпоселенцы «равнодушно» отнеслись к процедуре сбора расписок. Сотрудникам МВД рекомендовалось вести себя корректно, «ни в коем случае не допускать окриков и других грубостей, которые могут быть неблагоприятно расценены присутствующими оуновцами».

№ 29 (Витебск) — 63; Тайшетский р-н: № 30 — 177 (Квиток); № 31 (Топорок) — 47; Качугский р-н: № 39 (Никилей) — 173; (Хальск) — 121; с/к Корсуково — 67; Заярский р-н: № 48 (Заярск, Илимск, Хребтовая, Филиппова, Кайманова) — 25; Балаганский р-н: № 51 (Мильхитуй, Мурай, Первомайск, Сталинское) — 76 чел. соответственно. — См.: ИЦ ГУВД ИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 23.

¹ ИЦ ГУВД ИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 21. Л. 77, 81.

² Там же. Д. 23. Л. 54.

³ Там же. Л. 175.

⁴ Там же. Л. 179.

Агентура была проинструктирована на предмет выявления после объявления решения о «выселении навечно» лиц, склонных к побегу, и «враждебных высказываний», и уже на следующий день были получены первые донесения о настроениях среди контингента и содержании высказываний. Публичных призывов к побегу сразу после собраний зафиксировано не было. Однако судить о настроениях спецпоселенцев можно на основании примечательного высказывания, принадлежащего проживавшей в Иркутске женщины, высленной из Западной Украины: «Бежать с места выселения нельзя, надо привозить и остальную семью к себе и жить вместе как придется, никуда не денешься, такая наша судьба». Многие говорили, что теперь всех «сошлют еще дальше от городов и железной дороги» и «заставят работать на лесозаготовках». Несмотря на отсутствие «побеговых» настроений, спецкомендантам были даны указания усилить как гласный, так и негласный надзор за спецконтингентом, дабы «не допустить ни одного побега».

Ужесточение режима вызвало среди спецпоселенцев-«оуновцев» рост желания воссоединиться с семьями и обзавестись хозяйством в Сибири. Крайне подавленное состояние отмечалось среди высленцев, у которых на Украине остались дети, большинство информаторов отмечали, что они «весь день плакали». Напомним, что в большинстве своем от расписок отказывались женщины, мотивировавшие свой отказ тем, что на Украине у них остались дети. Повсеместно в устной и письменной форме формулировались заявления с просьбой о воссоединении семей и привозе в Сибирь детей. Крайне подавленными были настроения у престарелых одиноких людей, которые в Сибири не имели родственников и были озабочены тем, как они будут «доживать свою старость»; «некоторые старухи высказывали только желание уехать на родину и там умереть».

Агентура отмечала, что большинство украинцев все же надеялось, что их «скоро отпустят домой, обратно на Украину», но Указ 1950 г. резко изменил их настроения. Украинец А.: «Раз оставлены теперь в Сибири, надо перестраиваться и жить по другому. Надо подумать о приобретении хаты, побольше садить картофеля и огорода, отбросить думу выезда на Украину раз и навсегда»¹. Приводились и иные высказывания, содержание которых, однако, также весьма красноречиво и свидетельствует об их «казачьем» характере: «...я благодарен Советской власти, что она меня увезла из Украины. Теперь я рабочий и живу по человечески»; «...теперь я знаю, что я здесь навечно и меня никто не потревожит. Буду строить свой дом и обзаводиться хозяйством. А то до сего времени все жили и думали, что вот куда либо и увезут...»².

В заключение отметим, что в начале 1950-х гг. последовали новые депортации из Западной Украины, в результате которых численность спецпоселенцев-«оуновцев» увеличилась еще на 75 тыс. чел.³ Иркутская

¹ ИЦ ГУВД ИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 23. Л. 89об.

² Там же. Л. 177об.

³ К началу 1953 г. численность спецпоселенцев-«оуновцев» превысила 175 тыс. чел. На середину 1950-х гг. на спецпоселении числилось 135 162 «оуновца и бандпособника». Их расселение было следующим: Кемеровская обл. — 22 624 чел., Хабаровский край — 19 703, Иркутская обл. — 15 260, Красноярский край — 13 613, Омская обл. — 10 152, Томская — 8881,

область за три года приняла еще 5 тыс. высланных украинцев, после чего общая численность «оуновского» контингента составила здесь на 1 марта 1953 г. 13 026 чел.¹ Все они считались «высланными навечно», хотя в августе 1953 г. «оуновцы» и попали в перечень контингентов, которые МВД считал возможным освободить к концу года, однако массового освобождения не состоялось. Напротив, в июле 1954 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, в отношении спецпоселенцев-«оуновцев» отменялся Указ от 26 ноября 1948 г., сокративший срок наказания за побег до трех лет, в связи с чем у «оуновцев» вновь были взяты соответствующие расписки. Решение Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1950 г. о выселении «оуновцев» навечно было признано «утратившим силу» лишь три года спустя согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 августа 1957 г.

С.В. Кретинин

МАССОВЫЕ ВЫСЕЛЕНИЯ И «ИЗГНАНИЯ» НЕМЦЕВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1945–1949 гг.: АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДИСКУССИЙ

Выселение, изгнание, депортация: проблемы терминологии

Вторая мировая война имела своим следствием самое масштабное в европейской и мировой истории перемещение населения, когда с территорий Венгрии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии было выдворено более 10 млн немцев. Практически сразу же, с конца 1940-х гг., эта проблема активно исследуется и анализируется как на общественно-политическом, так и на конкретно-историческом уровне. Однако до сих пор здесь сохраняется целый ряд вопросов и тем, активно дебатующихся в современной исторической науке. Анализу наиболее актуальных из них посвящена данная публикация.

Предметом спора между отечественными и зарубежными (преимущественно германскими) историками является уже сама терминология, набор дефиниций, коими принято оперировать в исследованиях истории массовых выселений (или «изгнаний»). В российской историографии начиная с периода «перестройки» прочно утвердилось понятие «депортация»,

Молотовская обл. — 8778, Казахская ССР — 6721, Челябинская обл. — 5168, Амурская — 4392, Тюменская — 5128, Читинская — 3747, Архангельская обл. — 3256, Коми АССР — 2762, Якутская АССР — 2593, Бурят-Монгольская АССР — 1688, Киргизская ССР — 1528, Удмуртская обл. — 759, Приморский край — 707, в других регионах — 442 чел. соответственно.

¹ ИЦ ГУВД ИО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 27. Л. 9. Структура расселения по районам: Аларский — 114 чел., Алзатайский — 974, Ангинский — 3, Балаганский — 60, Баяндаевский — 1, Бодайбинский — 87, Братский — 639, Голуметский — 53, Жигаловский — 2, Заларинский — 99, Зиминский — 1372, Заярский — 9, Иркутский — 568, Киренский — 79, Качугский — 326, Мамско-Чуйский — 795, Нижнеудинский — 1187, Кировский — 3, Ольхонский — 57, Тайшетский — 1702, Тулунский — 264, Тыветский — 209, Усольский — 564, Усть-Кутский — 286, Усть-Ордынский — 4, Харикский — 447, Шиткинский — 369, Черемховский — 2093; Ангарский ГО — 4, г. Иркутск — 653 чел. соответственно.

которое применяется как к массовым перемещениям населения внутри СССР в период Второй мировой войны, так и к выселению немцев из стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы после 1945 г. При этом сталинские депортации в нашей стране в начале 1990-х гг. официально признаны незаконными, а их жертвы (в том числе российские немцы) реабилитированы. Что касается немцев из стран Восточной и Юго-Восточной Европы, то их массовое выселение формально было санкционировано Потсдамской мирной конференцией 1945 г.¹ Этот факт дал основания правящим кругам современной Польши и Чехии в период их интеграции в ЕС доказывать, что вся ответственность за массовые депортации и репрессии лежит не на их правительствах, а на державах-победительницах.

В российской историографии признаются как факты чрезмерного и необоснованного насилия над изгнанными немцами, так и то, что эти немцы стали послушным инструментом в руках нацистских военных преступников и если и не являлись «пятой колонной» Гитлера, то определенно несут историческую ответственность за преступления его режима. Соответственно, массовые выселения признаются обоснованным средством в процессе послевоенного мирного урегулирования и изменения границ.

Что касается самого термина «депортация» применительно к немцам из стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, то лишь относительно недавно в современной российской исторической науке получило распространение понятие «массовые выселения», или «изгнания»². Дискуссионную точку зрения сформулировала Т.С. Илларионова, которая полагает, что термин «депортация» носит сугубо негативный характер, и в СССР постарались заменить его на более нейтральный — «выселение»³. Именно термин «выселение» фигурирует в печально известном Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. о массовом переселении немцев Поволжья, а также в решении Потсдамской конференции⁴.

Термин «депортация» едва ли может быть в полной мере применен к сталинским выселениям отдельных народов, которые направлялись не за пределы СССР, а в его глубинные районы (т.е. не депортировались, а именно переселялись!). В большей степени термин «депортация» применим к событиям в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, откуда немцев перемещали в другие страны, в первую очередь в Германию. Однако в германской исторической науке данный термин категорически не принят. В частности, один из ведущих специалистов в данной области проф. Детлев Брандес акцентирует внимание на различиях массовых выселений («изгнаний») немцев из таких стран, как Польша, Чехо-

¹ Тегеран. Ялта. Потсдам. Сб. документов. 3-е изд. М., 1971. С. 400.

² Медведев С.А. Последние жертвы Гитлера? (вопрос об «изгнанных немцах». 1944–1948 гг.) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 127–130.

³ Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: материалы 3-й междунар. науч. конф. М., 2011. С. 256.

⁴ Тегеран. Ялта. Потсдам. С. 400.

словакия, и депортаций, которые осуществлялись Гитлером и Сталиным¹. В том числе к числу сталинских депортаций относятся также насильственные выселения (интернирование) из стран Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы этнических немцев, которые направлялись на восстановление советской экономики после 1945 г.²

Таким образом, сама проблема определения анализируемых событий остается дискуссионной, хотя, на наш взгляд, следует принять за основу принятый в зарубежной историографии подход, определяемый дефинициями «бегство» (*Flucht*) и «изгнание» (*Vertreibung*). Наиболее адаптивным представляется общее определение «массовые выселения».

Кто спланировал массовые выселения?

Вторым актуальным вопросом для современной историографии массовых выселений является определение тех, кто спланировал данные акции, приведшие к масштабным изменениям этнической карты современной Европы. Основная масса немцев была выселена с территорий, отходивших Чехословакии и Польше. Именно политики этих стран первыми выступили с инициативами депортаций. Автором первого такого проекта, разработанного в 1939 г., был чехословацкий политик, доверенное лицо президента страны в изгнании Эдварда Бенеша Хуберт Рипка. Он планировал «радикальное сокращение» лиц немецкой национальности в Чехословакии под предлогом того, что они оказались неloyальными гражданами государства и поддержали германскую агрессию. Рипка и Бенеш предлагали оставить в стране не более 800 тыс. немцев³.

Применительно к Чехословакии речь шла о выселении немцев (и венгров), проживавших в рамках до-мюнхенских границ. Это были преимущественно бывшие граждане Чехословацкой республики, и их выдворение из страны выглядело оправданным с моральной точки зрения: в период расчленения и оккупации страны они приняли германское (венгерское) гражданство и поддерживали фашистские режимы.

Выселение немцев из Польши было сопряжено с вопросом о послевоенных польских границах. В 1939 г. восточная часть Польши была фактически аннексирована Советским Союзом и включена в его состав. Возвращать эти территории, населенные преимущественно украинцами и белорусами, советское руководство не собиралось. В качестве компенсации поляками предлагалось расширение территории на западе и севере, за счет Восточной Пруссии, данцигского Коридора и Верхней Силезии — областей с преимущественно немецким населением.

Таким образом, речь шла не просто о выселении из Польши бывших граждан немецкой национальности, которые после 1939 г. были включены в фолькс-листы и могли, таким образом, быть депортированы как колла-

¹ Начальный период Великой Отечественной войны... С. 135; Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts / Hrsg. Von Detlef Brandes, Holm Sundhaussen, Stefan Troebst. Verlag: Böhlau, 2010.

² Kroner M. Deportation von Deutschen in die Sowjetunion. Zwangsarbeiter in der sowjetischen Wirtschaft (1945–1949). Wien, 2005.

³ Марьина В.В. Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944–1946 годы // Славяноведение. 2003. № 3. С. 40.

борационисты (таковых было около 1 млн чел.). Необходимо было также решить вопрос с 7–8 млн немцев, которые до 1939 г. проживали на собственно германских территориях и никакого отношения к Польскому государству не имели. Кроме того, депортации подлежали также переселенцы из числа этнических немцев (фольксдойче), заселившие районы Вартегау и другие бывшие западно-польские территории, с которых в свою очередь были депортированы поляки и евреи.

Проекты по выселению немцев появились еще в первые месяцы после оккупации Польши Германией. Так, 11 октября 1939 г. министр иностранных дел Польши Август Залеский высказал пожелания британскому руководству о том, чтобы после поражения Германии под польский контроль перешла Восточная Пруссия. В начале 1940 г. эмиграционное правительственное ведомство выдвинуло идею «очищения» от немцев Восточной Пруссии — региона, который никогда не был связан с Германией и представлял собой лишь немецкую колонию в окружении негерманских народов. А один из членов польского правительства в изгнании Роман Кноль даже предложил западным державам переселить немцев в колонии, освободив тем самым перенаселенный центр Европы для поляков¹.

«Польский вопрос» стал предметом обсуждений вскоре после начала Великой Отечественной войны и создания антигитлеровской коалиции. Так, во время бесед Сталина, Молотова и Идена с 16 по 20 декабря 1941 г. Сталиным было предложено следующее: «Западная граница Польши должна включать Восточную Пруссию и Коридор, причем немецкое население этих районов должно быть эвакуировано в Германию»².

Советский лидер уже в 1941 г. предложил установить границу по Одеру, а из остатков Германии на западе могло быть создано Прусское или Берлинское государство. Что касается восточной границы, то Сталин считал, что Польше можно уступить населенные поляками районы, например Львов и Вильно, в обмен на Белосток или наоборот. Эти позиции нашли отражение в секретном приложении к проекту советско-британского договора от декабря 1941 г.³

Официальная позиция польского эмиграционного руководства по вопросу выселения немцев была сформулирована в 1942 г. в документе под названием «Цели Польши в войне». В нем указывалось на коллективную вину немцев, в том числе за осуществление массовых депортаций польского населения, и подчеркивалось, что «независимо от желания немецкого населения, необходимо произвести его выселение в Германию» с тех территорий, которые должны были перейти Польше⁴. Польское правительство В. Сикорского выдвинуло притязания на Восточную Пруссию, Данциг, Верхнюю Силезию. При этом предполагалось произвести не тотальное выселение немцев (5–7 млн чел.), а обмен населением, переместив из Германии этнических поляков и полонизировав новоприобретенные земли⁵.

¹ Nitschke B. *Vertreibung und Aussiedlung der deutschen Bevölkerung aus Polen 1945 bis 1949*. München, 2004. S. 57.

² СССР и германский вопрос. М., 1996. Т. 1. С. 125.

³ Там же. С. 137.

⁴ Nitschke B. *Vertreibung und Aussiedlung...* S. 58.

⁵ Brandes D. *Der Weg zur Vertreibung 1938–1945. Pläne und Entscheidungen zum «Transfer» der Deutschen aus der Tschechoslowakei und aus Polen*. München, 2005. S. 242, 243.

Эта программа нашла поддержку в британском правительстве. Американское руководство также было согласно с планами массового выселения немцев. В марте 1943 г. об этом заявил президент Ф. Рузвельт, а Э. Гопкинс в своем меморандуме подчеркнул, что выселение немцев — «единственно возможный путь» достижения подлинного мира в регионе¹. Спорным оставался вопрос о том, как далеко на запад должны простираться новые границы Польши, и какова будет в итоге судьба тех восточно-польских территорий, что были аннексированы Советским Союзом в 1939 г. В частности, американская дипломатия возражала против чрезмерного расширения польских границ на запад, в то время как более прагматично настроенное британское руководство осознавало неизбежность передачи Советскому Союзу западно-украинских и западно-белорусских земель.

На Тегеранской конференции 1943 г. Черчилль высказал предложение ограничить владения Польши на востоке линией Керзона и компенсировать ей территориальные потери за счет Восточной Пруссии и Ополя. «Но окончательное проведение границы, — подчеркивал он, — требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах»². Тем самым британское руководство было готово пожертвовать бывшими польскими территориями в интересах общей с Советским Союзом борьбы против нацистской Германии и за счет территории последней компенсировать польские потери.

Американское руководство было в этом вопросе более осторожно и вскоре после Тегеранской конференции заявило о солидарности с тем, что Германия должна лишиться Восточной Пруссии с Данцигом, Верхней Силезии, но при этом США «не согласны с тем, чтобы Польша аннексировала другие населенные немцами области по Одере»³.

Таким образом, все три ведущие державы антигитлеровской коалиции были принципиально солидарны в польском вопросе, ратуя за расширение границ послевоенной Польши на запад и за выселение оттуда лиц немецкой национальности. Разногласия касались лишь деталей.

Польские политики в изгнании старались убедить союзников по антигитлеровской коалиции в необходимости расширения будущих границ своего государства за счет Германии и выселения немецкого населения. В частности, это нашло отражение в так называемом Меморандуме Мартина Сейды с требованием передачи Польше Восточной Пруссии и Данцига, Западной Померании до нижнего течения Одера и Опольской (Западной) Силезии, а также интернационализации Кильского канала и предоставления Польше военно-морских баз в Западной Балтике (Борнхольм, Рюген, Фемарн)⁴.

Сходные идеи были сформулированы другим польским политиком Стефаном Едричовским, руководителем отдела пропаганды Люблинского комитета, который предлагал провести западные границы страны от Штеттина на севере до Гёрлица и соответственно до чехословацкой границы⁵.

¹ Foreign Relations of the United States: 1918–1945. Washington, 1944. Т. 3. Р. 15.

² Тегеран. Ялта. Потсдам. С. 96.

³ Foreign Relations... Т. 1. Р. 303.

⁴ СССР и германский вопрос. С. 295.

⁵ Правда. 18 дек. 1944.

Подобные планы ряд американских политиков, например тогдашний советник посольства США в Москве Дж.Ф. Кеннан, находили опасными и предостерегали: в случае их реализации «экономические и социальные проблемы оставшейся Германии окажутся неимоверно сложными, несмотря на то, что, согласно уверениям Черчилля, для 6-ти миллионов человек (я беру минимальную цифру) не составит особого труда найти новую родину в Германии...»¹. А Польша, по мнению Кеннана, оказалась бы в итоге в полной зависимости от Советского Союза.

Однако большинство американских и британских политиков не разделяло пессимизма Кеннана, используя вопрос о выселении немцев в качестве предмета политического торга с советским руководством. Как отмечает американский правовед и историк Альфред де Заяс, в той ситуации англичане и американцы всячески стремились сохранить и укрепить дружеские отношения с СССР. «Маршал Сталин был товарищем по оружию в титанической борьбе против Гитлера, и совместные усилия были направлены только на то, чтобы взрастить зерна дружбы и доброй воли, — писал он. — Любой начинающий современный политик знает, что Сталин гораздо лучше владел игрой мировой политики, нежели лидеры западных демократий, которые за годы сотрудничества так и не смогли четко представить последствия реализации своих военных целей. Это касается, прежде всего, границ Польши и ее судьбы как свободного государства, где западные союзники слишком доверяли Сталину»².

Показательно, что Черчилль впоследствии признал ошибки западных демократий при определении послевоенной конфигурации Европы: «В действительности имела место огромная несправедливость, когда во имя будущего освобождения Европы Эльзас-Лотарингия и польский Коридор рассматривались как незначительные мелочи»³. Указанная точка зрения во многом характерна для современной зарубежной историографии, в которой главная ответственность за организацию и осуществление массовых выселений немцев возлагается на сталинский СССР. «Московская капитуляция» западных держав по поводу границ Польши по линии Керзона, по мнению Бернхарда Фиша, определила и трагедию немцев, которых Сталин пообещал полякам депортировать⁴.

Аналогично характеризует ситуацию и Детлев Брандес, подчеркивая, что на встрече с польским эмиграционным руководством в июле 1944 г. именно Сталин дал обещание полякам осуществить депортацию немцев с тех территорий, что перейдут Польше. Правда, об этом нам известно лишь со слов самих поляков — участников переговоров. Так, председатель ПКНО Эдвард Осубка-Моравский на вопрос С. Миколайчика о том, кто будет осуществлять выселение немцев, ответил: «Советский Союз», а другой лидер КРН Михал Рола-Цымирский уточнил: «В разговоре со мной Сталин заявил: будьте спокойны, мы их всех заберем, до последнего человека»⁵.

¹ Kennan G.F. Memoiren eines Diplomaten. Stuttgart, 1967. S. 218, 219.

² De Zayas A.M. Die Anglo-Amerikaner und die Vertreibung der Deutschen: Vorgeschichte, Verlauf, Folgen. München, 1977. S. 72.

³ Churchill W. Der zweite Weltkrieg. Bern, 1952. Bd. VI/2. S. 347.

⁴ Strobel G.W. Wie Stalin Grenzen in Ostmitteleuropa zog. Zu Zygmunt Berlings Erinnerungen // Osteuropa. 1992. S. 93–96.

⁵ Brandes D. Der Weg zur Vertreibung 1938–1945. Pläne und Entscheidungen zum «Transfer» der Deutschen aus der Tschechoslowakei und aus Polen. München, 2005. S. 389.

На наш взгляд, проблема массовых выселений немцев с «восточных территорий» была производной от проблемы определения послевоенных польских границ. Советское руководство не собиралось идти на сколько-нибудь значительные уступки полякам на Востоке, но при этом было готово поддержать их самые смелые планы относительно расширения на Западе. Думается, ни Сталин, ни его окружение не имели достоверной информации об общем количестве немцев, которых предстояло выселить. Тем более что они руководствовались польскими данными, а поляки по понятным причинам занижали это число. Подход сталинского руководства к послевоенному устройству носил прагматический характер, не был обусловлен «мстью» немцам за нападение на СССР через их выселение. Сталин стремился продвинуть советскую зону влияния как можно дальше на Запад, идя на уступки польскому и чехословацкому эмиграционным правительствам в их желании депортировать немцев. Как и в 1918–1922 гг., немцы на «восточных территориях» были «разменной монетой» в большой европейской политической игре, СССР, Великобритания и США действовали в этом вопросе согласованно.

Масштабы и «жертвы выселений»

Одним из наиболее дискуссионных вопросов остается численность выселенных и пострадавших при выселении немцев. Это касается как общего числа изгнанных (данные здесь колеблются от 12 до 18 млн чел.), так и подвергшихся репрессиям (в том числе со смертельным исходом)¹.

Подсчеты «жертв выселений» начались вскоре после раскола Германии на Западную и Восточную и с самого начала носили политизированный характер. В частности, они должны были дать дополнительные аргументы правительству К. Аденауэра и объединениям изгнанных против признания восточных границ. Как отмечает современный германский историк Инго Хаар, вплоть до конца 1980-х гг. «реалистические исследования» о жертвах депортаций в ФРГ не предпринимались².

В 1953 г., когда Министерство по делам изгнанных издало первые три тома «Документов массовых изгнаний немцев из Восточной и Центральной Европы», данная проблема впервые стала предметом общественно-политических и научных дискуссий. Историческая комиссия, работавшая над собранием документов, пришла к заключению, что потери немецкого населения, проживавшего восточнее линии Одер–Нейсе, составили 2 млн 167 тыс. чел. Из них 500 тыс. — это погибшие военнослужащие вермахта, еще 50 тыс. — жертвы воздушных налетов. Таким образом, собственно потери гражданского населения составили 1 млн 600 тыс.³ Расчеты базировались на статистических данных 1939 г. При этом не учитывались потери немецкого населения в других странах и регионах, откуда они были

¹ Шмидт У. Людские и территориальные потери, бегство и изгнание — последствия Второй мировой войны для немецкого народа // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: материалы конф. российских и немецких историков. М., 2007. С. 35–44.

² Haar Ingo. Die demographische Konstruktion der «Vertreibungsverluste» — Forschungsstand, Probleme, Perspektiven // Historie. Jahrbuch des Zentrums für Historische Forschung Berlin der Polnischen Akademie der Wissenschaften. 2007/2008. Fol. 1. S. 108.

³ Dokumentation zur Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus dem Gebiet östlich der Oder-Neiße. München, 1953. Bd. 1/1. S. 158.

изгнаны, в первую очередь в Чехословакии, а также фольксдойче, которые оказались на территории Германии после 1939 г.

В 1958 г. статистическое управление ФРГ внесло в данные о немецких потерях уточнения. По ним число погибших восточнее линии Одер–Нейсе сократилось до 1 млн 338 тыс. 700 чел., но с учетом потерь в других регионах общее число «жертв выселений» составило 1 млн 931 тыс. 200 чел.¹

С 1953 г. через церковные каналы и при помощи объединений изгнанных проводилось исследование, целью которого было проследить судьбу каждого из изгнанных после 1945 г. немца. В итоге в 1965 г. Центральная церковная поисковая служба опубликовала результаты своей работы. Согласно им, число погибших, а также количество невыясненных случаев составило 1 млн 905 тыс. 991 чел.²

Таким образом, был рожден историографический стереотип о двух миллионах «жертв изгнаний». Однако эти данные не были признаны различными сторонами дискуссии.

Еще в 1974 г. правительство Западной Германии поручило федеральному архиву страны провести детальное исследование потерь от массовых выселений. Итоговые данные настолько расходились с общепризнанными, что их обнародовали лишь 15 лет спустя. Согласно им, количество жертв массовых выселений среди немцев составляет максимум 600 тыс. чел. Число в 2 млн было признано преувеличенным³.

Представители Союза изгнанных немцев и близкие к нему исследователи настаивают на том, что количество жертв было куда большим, до 2,5 млн чел. Наиболее последовательно данную точку зрения отстаивает немецкий правовед и публицист Хайнц Навратил⁴. Американский исследователь А. де Заяс приводит следующие данные о жертвах среди немецкого населения: общие потери за 1939–1945 гг. составили 3 млн 211 тыс. чел., во время массовых выселений 1945–1950 гг. — 2 млн 111 тыс. Автор при этом основывался на статистических данных, сравнивая численность населения Германии до 1939 г. и после 1945 г.⁵

Таким образом, налицо серьезные разногласия между официальной историографией, в первую очередь германской, и отдельными исследователями, близкими к объединениям изгнанных немцев. Достаточно наглядно это иллюстрирует ситуация с определением жертв среди судетских немцев. Члены официальной Немецко-чешской исторической комиссии не склонны преувеличивать масштабы преследований немецкого населения в период депортации и признают «жертвами выселений» 30–40 тыс. чел. Представители судето-немецких организаций и связанные с ними исследователи говорят о количестве погибших в 240 тыс. чел. и более⁶.

¹ Die deutschen Vertreibungsverluste. Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/50. Wiesbaden, 1958. S. 45, 200.

² Gesamterhebung zur Klärung des Schicksals der deutschen Bevölkerung in den Vertreibungsgebieten. München, 1965. Bd. 3. S. 471.

³ См.: Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945–1948. Bericht des Bundesarchivs vom 28. Mai 1974. Bonn, 1989.

⁴ Nawratil H. Die deutschen Nachkriegsverluste unter Vertriebenen, Gefangenen und Verschleppten. München, 1988.

⁵ De Zayas A.M. Die Anglo-Amerikaner und die Vertreibung der Deutschen: Vorgeschichte, Verlauf, Folgen. München, 1977. S. 23, 24.

⁶ Franzel E. Die Vertreibung Sudetendeutschen, 1945–1946. München, 1979. S. 419, 420.

Так же сложен вопрос о количестве жертв среди немецкого гражданского населения на «восточных территориях». Достоверных данных об этом нет. Официальные власти Германии исходят из того, что на «восточных территориях» погибло в период военных действий ок. 140 тыс. чел., в советских и польских лагерях для военнопленных и перемещенных лиц — более 100 тыс., и среди депортированных на территорию СССР — около 200 тыс. чел. Итого из 9,6 млн немцев, проживавших до войны на отходивших по итогам Постсдамской конференции 1945 г. к Польше и СССР территориях, погибло около 440 тыс. чел.¹ При этом не учитываются потери среди тех, кто не имел германского гражданства на сентябрь 1939 г. Показательный пример мы находим в докладной записке польских органов области Быдгощ о положении с регистрацией смертей немецких заключенных лагеря Зимне Воды от 4 декабря 1945 г. Автор указывал, что в лагере специально не проводилось четкой регистрации смертей среди немецких заключенных, поскольку это могло быть использовано немцами (Лигой защиты прав человека) как аргумент, что поляки убивают их сограждан².

В рамках общего концепта «бегство и изгнание» зарубежные авторы зачастую объединяют факты насилия и репрессий в отношении немецкого населения, которые имели место на заключительном этапе Второй мировой войны как со стороны Красной Армии, так и от борющихся в составе Антигитлеровской коалиции поляков, чехов, словаков, югославов и др.

Такой подход предполагает выделение не только актов непосредственных репрессий против немецких изгнанных в период после 1945 г. (массовый расстрел судетских немцев в Ландскроне 17–18 мая 1945 г., Брюннский «марш смерти» 30 мая 1945 г., трагедия в Ауссиге 30 июля 1945 г.), но и актов насилия против немецкого населения на «восточных территориях» рейха. К ним можно отнести такие события, как «резня в Неммерсдорфе» 21 октября 1944 г., гибель 30 января 1945 г. пассажирского лайнера «Вильгельм Густлофф», который перевозил немецких беженцев, и др.

Отдельной, остро дебатруемой сегодня в зарубежной историографии темой является массовое изнасилование немецких женщин советскими военнослужащими, представителями польских, чешских военизированных формирований. По данным германского происхождения, за период массового бегства и депортаций изнасилованию подверглись около 2 млн немецких женщин и девушек в возрасте от 12 до 60 лет!³

Даже лидер германской социал-демократии Пауль Лёбе, который поддерживал хорошие отношения с представителями советской оккупационной администрации, вспоминал, как солдаты Красной армии кормили детей супом и играли с ними на улицах города. Но при этом он подчеркивал, что имело место «насилие над всеми женщинами без различия возраста и происхождения. В их глазах женщина считалась неотъемлемой частью военной добычи, и тот факт, что это вело к насилию и смерти,

¹ Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945–1948. S. 39–41.

² «Unsere Heimat ist uns ein fremdes Land geworden...» Die Deutschen östlich von oder und Neißة 1945–1950. Marburg, 2005. Bd. 4. S. 167, 168.

³ Krockow Ch.G., von. Die Stunde der Frauen. Bericht aus Pommern 1944–1947, Stuttgart 1988. S. 89, 90.

остается несмываемым пятном позора на победоносной Красной Армии»¹.

События в Неммерсдорфе и аналогичные репрессии против немецкого населения послужили в 1980-е гг. поводом к дискуссии о «втором холокосте», начатой германским историком Андреасом Хильгрубером, который попытался поставить знак равенства между преступлениями против гражданского населения со стороны вермахта и Красной Армии². Из российских авторов этой точки зрения придерживались А. Солженицын и Л. Копелев.

Однако такой подход разделяется незначительным числом исследователей. При этом даже очень критично настроенные по отношению к политике сталинского СССР историки признают, что насилие со стороны советских военнослужащих по отношению к немцам на «восточных территориях» не было санкционировано советскими властями. Антинемецкая пропаганда под общим лозунгом «убей немца», сформулированного И. Эренбургом, на заключительном этапе войны отошла на второй план. Многочисленные свидетели «изгнаний» отмечают этот факт. Например, Вильгельм Шмидт, бежавший из Корнау (современный Корнаты), вспоминал о событиях, происходивших в конце января — начале февраля 1945 г.: «Со стороны Шримма прибыл русский офицер на маленьком танке. Он заявил нам, чтобы мы спокойно возвращались в свои деревни. Россия не воюет с гражданскими, а только с фашизмом»³.

Главными активистами выселения немцев весной — летом 1945 г. выступали местные власти, в первую очередь чехословацкие и польские, которые, напротив, акцентировали внимание на необходимости избавиться от немецкого населения. В июне и июле 1945 г. «военное выселение» достигло своего первого пика на «восточных территориях». В приказе по 2-й польской армии от 24 июня 1945 г. подчеркивалось: «Многие из нас уже забыли, что они [немцы. — С. К.] сделали с нашими женщинами, детьми, родителями. Чехи сделали так, что немцы сами бежали с их территории. Мы должны так строго и решительно выполнять нашу задачу, чтобы германские поселенцы сами бежали из своих домов и благодарили бы Бога, если бы им удалось целыми и невредимыми добраться до своей страны. Не забывайте, что немцы всегда останутся немцами»⁴.

Польские власти предпринимали решительные и жесткие шаги, наталкиваясь при этом на противодействие советских военнослужащих, терпимо относившихся к немецкому гражданскому населению. Вот что вспоминал изгнанный из-под Гёрлица Отто Баумерт: «16 июня 1945 г. в 7 утра появились польские солдаты, которые хотели выгнать людей. Но русские приказали полякам уйти, и люди остались на месте. Однако на следующий день поляки вернулись уже с письменным постановлением на выселение, и русские уже ничего не смогли сделать. Поляки разделились на

¹ Löbe P. Auf einem Kohlenzug nach Berlin // Es gab kein Zurück. Erinnerungen an die Vertreibung. München, 2006. S. 179.

² Hillgruber A. Zweite Untergang. Die Zerschlagung des Deutschen Reiches und das Ende des europäischen Judentums. Berlin, 1986.

³ Dokumentation zur Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. S. 352.

⁴ Цит. по: Nitschke B. Vertreibung und Aussiedlung der deutschen Bevölkerung aus Polen 1945 bis 1949. München, 2004. S. 171.

отдельные отряды, и под угрозой оружия выгнали население из их квартир. На сборы давалось 5 минут, и позволялось взять с собой лишь то, что можно было унести на руках. Поляки при этом забирали себе то, что им приглянулось. Выселение коснулось 80 % населения. Остались лишь те, кто работал на русском кладбище»¹.

Выселение проводилось небольшими группами польских военнослужащих и милиционеров, которые формировали из немцев пешие колонны, иногда использовался автотранспорт. Выселение сопровождалось грабежами: у незащищенных женщин, детей, стриков отнимали то немногое, что они успели прихватить с собой. Страдали все немцы, в том числе и противники нацизма. Так, в июне 1945 г. в сопровождении польской медсестры известный антифашист, ратиборский священник Карл Улицка в последний раз был на родине, в Верхней Силезии. По пути его дочиста обобрали польские милиционеры, забрав и рукопись, которую он начал в концлагере Дахау².

В связи с этим уместно акцентировать внимание на тезисе известного польского историка Владимержа Бородзея о том, что хорошее обращение с немецким гражданским населением было сознательной политикой Сталина, который хотел тем самым управлять и поляками, и немцами³. Официальная германская историография придерживается традиционной точки зрения о том, что масштаб потерь в ходе бегства и изгнаний немцев был не столь велик, как это доказывают представители землячеств и Союза изгнанных, а главным инициатором и виновником также традиционно называется Советский Союз и лично И.В. Сталин.

Итоги

Подводя итоги, следует выделить концептуальные позиции современного исторического дискурса массовых выселений немцев из стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Во-первых, достаточно сложно дать однозначное и всех устраивающее определение имевшим место событиям, связанным с массовыми выселениями немцев в 1940-е гг. Такие понятия, как «изгнание», «выселение», депортация», «этническая чистка», не могут в полной мере отразить весь многогранный, неоднозначный процесс, в который обобщенно принято включать события, имевшие место не только на территориях, отходивших Польше и Чехословакии, но также и в Венгрии, Румынии, Югославии и СССР.

Характерным примером могут служить события конца 1944 — первой половины 1945 г., когда на территорию СССР по распоряжению ГКО СССР было вывезено, по разным оценкам, от 267 до 700 тыс. гражданских лиц немецкой национальности. Среди них находились фольксдойче родом из Румынии, Венгрии, Югославии, Чехословакии, Болгарии и Польши, а также проживавшие в восточных областях третьего рейха (главным образом в Восточной Пруссии, Верхней Силезии) рейхсдойче. Официальные документы с советской стороны именовали эту группу лиц «интерниро-

¹ Dokumentation zur Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. S. 694.

² Hitze Guido. Carl Ulitzka (1873–1953) oder Oberschlesien zwischen den Weltkriegen. Düsseldorf, 2002. S. 1217.

³ Borodziej W. Afera Stuttgarska // Res Publica. 1988. Warschawa. H. 10. S. 30.

ванными», а в германской историографии они считаются «депортированными».

Во-вторых, при подсчетах численности «жертв выселений» также учитываются различные дефиниции. Основную массу изгнанных составили германские подданные (рейхсдойче) с территорий Польши (7–8 млн чел.), Чехословакии (3 млн) и Калининградской области СССР (300–400 тыс. чел.). К этим цифрам добавляются фольксдойче, выселенные из Румынии, Венгрии, Югославии, а также фольксдойче из СССР, оказавшиеся в конце войны на германских территориях. Нередко к изгнанным относят также и советских немцев, которые были депортированы в 1941 г. во внутренние районы СССР и оставались там на положении трудармейцев и спецпоселенцев. Таким образом, число «жертв выселений» варьируется от 12 до 18 млн, и это напрямую зависит от подхода и взглядов исследователей.

В-третьих, в современных условиях сложно вести речь о некоей единой для историков современных России и Германии точке зрения на события массовых выселений. Несмотря на официальные призывы к взаимному примирению, события войны являются серьезным водоразделом, который не позволяет переформатировать историческую память в наших странах и способствует сохранению основных историографических штампов. В российской исторической науке доминирует точка зрения о закономерности и массовых выселений немцев как «пятой колонны» нацистской Германии, и решений Потсдамской конференции, установивших границы по Одеру и Нейсе. Германские исследователи акцентируют внимание на том, что выселению подвергалось гражданское население, которое не входило в нацистский аппарат управления, не участвовало в репрессиях и холокосте, и что данный процесс сопровождался многочисленными эксцессами, репрессалиями против ни в чем не повинных женщин, стариков, детей. При этом наблюдается и ряд сходных характеристик, как то: признание массовых депортаций одним из методов решения политических вопросов тоталитарными режимами, акцентирование внимания на жертвах и потерях гражданского населения, пострадавшего в ходе массовых выселений.

Ю.В. Костяшов

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ ИЗ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В течение почти всей войны территория Восточной Пруссии находилась вне зоны активных боевых действий, что способствовало благодушному настроению местных жителей, убежденных в безусловной победе германского оружия. Велика была вера и в построенные вдоль границы укрепления — глубоко эшелонированный «Восточный вал» гауляйтера Эриха Коха, считавшийся неприступной преградой на пути советских войск. Однако первый мощный удар по провинции нанесли не красноармейцы, а английская авиация: в конце августа 1944 г. только на Кенигсберг было сброшено около 40 тыс. бомб, весь центр города был практиче-

© Ю.В. Костяшов, 2012

ски полностью разрушен. А в октябре 1944 г. советско-германскую границу перешла Красная армия, совершив резкий поворот в исторической судьбе Восточной Пруссии.

Сталин и Восточная Пруссия

Впервые Сталин обратил внимание на Восточную Пруссию, пожалуй, в те августовские дни 1939 г., когда в Москве готовился и подписывался секретный протокол к пакту Молотова–Риббентропа. Уже тогда у него стал формироваться новый образ конфигурации западных границ своей империи, связанный не только с разделом Польши, но и с планами аннексии Прибалтийских государств. Новые геополитические реалии, а также традиционное для вождя внимание к историческим прецедентам (времен наполеоновских войн и империалистической войны 1914–1918 гг.) неизбежно должны были привести к поиску путей устранения исходившей из Восточной Пруссии, как ему казалось, смертельной угрозы.

Эта мысль вполне оформилась вскоре после нападения Германии на СССР. Симптоматично, что вопрос о судьбе Восточной Пруссии был поставлен уже во время переговоров с А. Иденом в Москве в декабре 1941 г., когда советская сторона выступила со следующим предложением: «...Часть Восточной Пруссии, прилегающая к Литве (включая Кенигсберг), отходит к СССР сроком на 20 лет в качестве гарантии возмещения понесенных СССР убытков от войны с Германией. Другая ее часть — отходит к Польше»¹. Тогда соглашения на этот счет достигнуто не было, но нет сомнения, что столь важная инициатива могла исходить только от самого Сталина.

В дальнейшем идея временного контроля над Кенигсбергом была заменена на план аннексии части Восточной Пруссии. Вопрос об этом был поднят Сталиным на Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав. Во время заседания 1 декабря 1943 г. при обсуждении будущих границ Польши У. Черчилль предложил включить в состав польского государства территорию Восточной Пруссии. Реакция Сталина была во многом неожиданной для партнеров по переговорам: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически — это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулировкой, предложенной Черчиллем». Последний обещал изучить это «интересное предложение»².

В начале 1944 г. вопрос о судьбе Восточной Пруссии вновь появился в переписке между руководителями СССР и Великобритании. Сталин в письме к Черчиллю 4 февраля 1944 г., поддерживая идею расширения польских границ на севере за счет Восточной Пруссии, повторил свое требование, высказанное на Тегеранской конференции: «Мы претендуем на то, чтобы северо-восточная часть Восточной Пруссии, включая порт

¹ Ржешевский О.А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 100.

² Тегеранская конференция трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 28 ноября — 1 декабря 1943 г. М., 1984. С. 150.

Кенигсберг как незамерзающий порт отошла к Советскому Союзу. Это единственный кусочек германской территории, на который мы претендуем. Без удовлетворения этой минимальной претензии Советского Союза уступка Советского Союза, выразившаяся в признании линии Керзона, теряет всякий смысл»¹.

В ответном послании Черчилля от 20 февраля 1944 г. говорилось, что английское правительство признает «справедливость претензий со стороны России» и согласно с такой границей в Восточной Пруссии, чтобы «включить в состав русской территории Кенигсберг». Вспомнив о том, что еще в годы Первой мировой войны «земля этой части Восточной Пруссии обогрета русской кровью», У. Черчилль делает вывод: «...Русские имеют историческую и хорошо обоснованную претензию на эту немецкую территорию»².

На Крымской конференции руководителей трех союзных держав вопрос о Кенигсберге специально не рассматривался. Однако в ряде документов, касающихся предполагаемых границ Польши, косвенно подтверждалось общее согласие на передачу СССР части Восточной Пруссии с Кенигсбергом³.

Берлинская (Потсдамская) конференция в июле — августе 1945 г. призвана была в числе прочих урегулировать и территориальные вопросы. Уже на втором заседании, 18 июля, возник спор о понятии «Германия». Черчилль и Трумэн настаивали на признании Германии в границах 1937 г., Сталин же выдвинул другую формулу: «Как она есть в 1945 году»⁴.

Смысл спора имел прямое отношение к Восточной Пруссии. Если за основу брались довоенные границы, то вся территория Восточной Пруссии, включая Кенигсберг, попадала под совместную юрисдикцию трех держав в лице Союзного Контрольного Совета вплоть до окончательных решений мирной конференции; здесь должна была быть восстановлена (хотя бы временно) немецкая администрация и т.п. Высказываясь за границы 1937 г. в качестве отправного пункта решения территориальных вопросов, американский президент и английский премьер-министр одновременно подтвердили свою позицию о согласии на передачу части Восточной Пруссии Советскому Союзу⁵. Сталин возражал очень резко: «Если в Кенигсберге появится немецкая администрация, мы ее прогоним, обязательно прогоним»⁶.

В ходе дальнейшего обсуждения стороны согласовали свои позиции относительно той части Восточной Пруссии, которая отходила к СССР. В окончательной редакции «Протокола Берлинской конференции трех великих держав», подписанного Сталиным, Трумэном и Эттли, было достигнуто принципиальное согласие «о передаче Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района», однако сделаны две важные

¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1989. Т. 1. С. 229.

² Там же. С. 237.

³ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г. М., 1984. С. 139, 147, 148.

⁴ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 56–58.

⁵ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 152.

⁶ Там же. С. 57.

оговорки. Во-первых, было сказано, что «точная граница подлежит исследованию экспертов», а во-вторых, для окончательного решения этот вопрос должен быть рассмотрен «на конференции при предстоящем мирном урегулировании»¹.

Наряду с территориальными вопросами в Потсдаме обсуждалась проблема перемещения немецкого населения из различных европейских стран в Германию, что затрагивало территорию Польши, Чехословакии, Венгрии, позднее к ним добавилась Австрия. Перемещаемые немецкие граждане стали именоваться в официальных документах «выселенцами»². В п. XII заключительного «Протокола» предписывалось осуществлять перемещение «организованным и гуманным способом», «обеспечить справедливое распределение этих немцев» по зонам оккупации. Координация всей работы по переселению поручалась Контрольному Совету в Германии³.

Однако ни в «Протоколе», ни во время переговоров не заходила речь о тех немцах, которые оказались на территории, отходящей к СССР, — в Кенигсберге и его окрестностях. Сталин давал понять, что немцев здесь практически не осталось, что они ушли вместе с отступающей германской армией⁴. Союзники же не проявили к этой проблеме особого интереса.

Таким образом, немецкое гражданское население, оказавшееся на исходе войны на территории Кенигсберга и в северо-восточной части Восточной Пруссии, не подпадало под действие п. XII «Протокола», на него не распространялись власть Контрольного Совета и правила репатриации, советская сторона не имела в этом плане никаких обязательств перед союзниками, в том числе обязательства предоставлять исчерпывающую информацию о численности немцев, сроках и порядке их перемещения. Судьба этих немцев оказалась полностью в руках советской администрации и зависела в первую очередь от планов кремлевского руководства и лично товарища Сталина.

Однако еще до начала конференции в Потсдаме, в последние месяцы войны началась эвакуация, а затем и беспорядочное бегство жителей Восточной Пруссии.

Исход немцев из Восточной Пруссии

На отходившей к СССР северной части Восточной Пруссии (2/3 провинции получила Польша) по переписи 1939 г. проживало 1086 тыс. чел., в том числе в Кенигсберге 372 тыс. Эвакуация жителей из этих районов на-

¹ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 438. Такая конференция с участием СССР, как известно, не состоялась из-за разногласий между союзниками и начавшейся вскоре «холодной войны». Однако в международном сообществе законность и незыблемость Потсдамских решений никогда не подвергались сомнению. Более того, нерушимость установленных послевоенных границ неоднократно подтверждалась в других международно-правовых актах, как то: в Московском договоре между ФРГ и СССР от 12 августа 1970 г. и в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом в Хельсинки 1 августа 1975 г. главами 35 стран, в том числе представителями обоих германских государств, и наконец, в многостороннем Договоре, подписанном 12 сентября 1990 г. в Москве СССР, США, Великобританией, Францией, ГДР и ФРГ, который закрепил «окончательный характер внешних границ объединенной Германии».

² Доклад Контрольного Совета в Германии Совету министров иностранных дел. Раздел VII: Перемещение населения. Берлин, 1947. С. 18.

³ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 443.

⁴ Там же. С. 113.

чалась летом — осенью 1944 г. Вот как об этом говорилось в написанном в духе обычной военной пропаганды сообщении советского фронтового корреспондента: «...Массы немцев-беженцев в Восточной Пруссии осаждают вокзалы, пытаются выехать во внутренние районы Германии. Железные и шоссейные дороги забиты беженцами, число которых возрастает, несмотря на приказ германских властей, запрещающий эвакуироваться без специального разрешения... В Восточной Пруссии создана запретная зона шириной от 30 до 40 км. Населению зоны приказано эвакуироваться. Зона начинается восточнее Тильзита и проходит через Гумбиннен и Растенбург до Алленштайна. Население Восточной Пруссии начало осаждать банки и сберкассы, часть которых закрылась. Лодкам запрещено плавать по Балтийскому морю. С двигателей моторных лодок, мотоциклов и машин сняты важнейшие части. В запретной зоне удалены все дорожные указатели»¹.

Во время наступления Красной армии в 1945 г. эвакуация превратилась в паническое бегство. Гражданское население смешивалось с отступающими частями вермахта и несло немалые потери. Беженцы стремились попасть в Кенигсберг и дальше — на Земландский полуостров, в порт Пиллау (ныне Балтийск) в надежде эвакуироваться морем. Вот как описывает эти события последний немецкий комендант Кенигсберга О. Ляш: «Непродуманные мероприятия партийного руководства привели к тому, что на этой дороге (от Кенигсберга до Пиллау. — Ю. К.) скопилось невообразимое количество людей. Кто шел пешком, кто ехал на велосипеде или в повозке, женщины везли детские коляски, тут же — колонны танковых частей, отводившихся на Земландский полуостров, — все это двигалось в три-четыре ряда в направлении Пиллау. В кенигсбергском порту на нескольких судах еще шла погрузка беженцев, но места, конечно, всем не хватало. В порту скопились тысячи людей. В толпу гражданских затесалось много солдат, отставших от своих частей... Но подготовить в Пиллау необходимое для этого количество судов за короткое время оказалось невозможным и отправка людей шла медленно. Прибывающих из Кенигсберга жителей пришлось отправлять в промежуточный лагерь в Пейзе², возле кенигсбергского морского канала. Наспех организованный и плохо подготовленный, как нередко тогда случалось, лагерь этот вскоре оказался без продуктов, в бараках началась эпидемия...»³

Только в течение марта — апреля 1945 г. из Восточной Пруссии морем и железнодорожным транспортом было эвакуировано около 300 тыс. немцев⁴. Картину этого хаотического исхода завершают строки еще одной фронтовой корреспонденции: «На берегу залива Фриш Гаф⁵ открывалась страшная картина разгрома. По бурным волнам плыли немцы на плотках, на бочках, на резиновых подушках и камерах от автомобилей. Плыли, барахтались, тонули в воде полки, канцелярии, тылы, резервы. Фриш Гаф словно пожирал их...»⁶

¹ Известия. 1944. 20 июля.

² Пейзе, Пайзе — в настоящее время пос. Комсомольский в черте г. Светлого.

³ Ляш О. Так пал Кенигсберг. Воспоминания коменданта крепости Кенигсберг: пер. с нем. М., 1991. С. 20.

⁴ Proudfoot M.J. European refugees: 1939–1952. Evanston, 1956. P. 369.

⁵ Фриш Гаф (нем. Frisches Haff) — ныне Калининградский залив.

⁶ Правда. 1945. 15 апр.

Численность немецкого населения в Калининградской области

Каково же было число немцев в советской части Восточной Пруссии после окончания войны? В отечественной литературе встречались упоминания об оставшихся здесь 100 тыс. подданных рейха¹. Немецкие историки, со ссылкой на мемуары коменданта Кенигсберга О. Ляша, определяют численность немецкого гражданского населения одного только Кенигсберга приблизительно в 110 тыс. чел., из которых в течение двух следующих лет, по их словам, погибли более 75 %, и только 20–25 тыс. оставшихся в живых подверглись депортации в Германию². Такой разброс в данных был вызван недоступностью до недавнего времени российских архивов, которые хранят документы по этой проблеме.

По данным отдела регистрации и использования населения, на 26 апреля 1945 г., через две недели после падения Кенигсберга, в нем было зарегистрировано 23 247 немецких граждан. По оценкам военных органов, еще около 40 тыс. чел. проживали в своих домах и подлежали проверке органами контрразведки (СМЕРШ), в город продолжали прибывать беженцы из других районов Восточной Пруссии, прежде всего из взятого Красной армией 25 апреля Пиллау³.

Десятого мая военный комендант Кенигсберга отдал приказ о проведении с 20 мая по 10 июня 1945 г. регистрации и прописки всего местного населения, которые проводились по данным паспортов или на основе показаний 1–2 свидетелей. Сведения вносились в специальные книги регистрации по районам, а каждому жителю старше 14 (по другим документам 16) лет выдавалась справка с указанием места проживания. Процесс регистрации завершился, по-видимому, только к концу лета. Согласно сводной «Справке о наличии местного населения», по состоянию на 1 сентября 1945 г. в советской части Восточной Пруссии проживали 139 614 чел., в том числе в Кенигсберге 68 014 чел. Из них мужчины составляли 37,8 %, женщины — 62,2 %, а свыше 80 % всего населения находилось в Кенигсберге и трех (из 15) ближайших к нему районах⁴.

По-видимому, численность немцев была существенно большей. В приказах советского коменданта Кенигсберга и постановлениях Военного совета 3-го Белорусского фронта отмечалось, что регистрация производится неудовлетворительно; ряд воинских частей, использующих немцев в качестве рабочей силы, скрывает их от учета, а германское население, нарушая запрет покидать места проживания, перемещается по дорогам и населенным пунктам в таких количествах, что затрудняет движение воинских частей и автотранспорта. Кроме того, неясно, включались ли в официальные сводки бездомные, а также сироты, находящиеся в детских домах и спецприемниках.

Сохранившиеся архивные материалы позволяют проследить изменение численности гражданского немецкого населения области на протяжении

¹ См.: История края (1946–1950). Калининград, 1984. С. 47.

² Lasch O. So fiel Koenigsberg. Stuttgart, 1976. S. 116, 127; Neumann R. Ostpreussen unter Polnischer und Sowjetischer Verwaltung. Frankfurt/M., 1956. S. 97, 98; Chronik deutscher Zeitgeschichte. Duesseldorf, 1986. Bd. 3/1. S. 92, 189.

³ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. 330. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 3.

⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 358. Оп. 5914. Д. 13. Л. 87.

1945–1946 гг. Сведения на 1 сентября 1945 г. приведены выше; на 1 мая 1946 г. в области находилось 118 503 чел., в том числе в Кенигсберге 45 120 чел.; на 1 августа 1946 г. соответственно 108 547 и 39 739 чел., на 15 ноября 1946 г. — 90 991 и 38 879 чел.¹

Налицо резкое сокращение численности местного населения: за 14,5 месяцев — почти на 30 %. Как указывалось в справке областного статистического отдела, это произошло «в связи с высокой его смертностью, вызываемой тяжелыми продовольственными и жилищными условиями». Осенью 1945 г. продовольственный паек для большинства (71 %) жителей города составлял 200 г хлеба в день, но и этот скудный рацион не всегда удавалось выдерживать. Другой причиной смертности стали массовые эпидемии чесотки, брюшного и сыпного тифа как следствия скученности населения, отсутствия мыла и неблагоприятных бытовых условий. Если осенью 1945 г. — весной 1946 г. ежемесячная убыль немецкого населения составляла в среднем 1,4 тыс. чел., то летом 1946 г. она возросла до 4 тыс., а в августе — ноябре — до 5 тыс. чел. в месяц².

Депортация немцев

Каковы же были планы московского руководства в отношении бывшей немецкой провинции и ее населения? Складывается впечатление, что на протяжении длительного времени таковые вообще отсутствовали. Если проследить динамику интеграции вновь присоединенного края в советскую систему, то она и отдаленно не соответствовала принятым в СССР «нормативам» по советизации аннексированных территорий. Действительно, область была отдана на откуп военным, здесь более двух лет действовали временные, чрезвычайные схемы управления, национализация была проведена только в июне 1946 г., партийные структуры заработали с весны 1947 г., а конституционные органы власти (советы депутатов трудящихся) созданы по результатам выборов в декабре 1947 г. Область не была включена в четвертый пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1946–1950 гг.), что означало отсутствие централизованных инвестиций на восстановление разрушенного войной края. Совершенно неясным оставался статус немецкого населения и его дальнейшие перспективы (депортация началась только осенью 1947 г.).

Все эти задержки и промедления абсолютно не вписывались в сложившуюся практику молниеносных решений такого рода проблем (достаточно вспомнить, сколь быстро это делалось на землях Западной Украины и Западной Белоруссии или государств Прибалтики). По всей видимости, они были связаны с нерешенностью «германского вопроса» и некоторой неопределенностью статуса Восточной Пруссии, передача которой Польше и СССР должна была быть подтверждена на мирной конференции. С одной стороны, у Сталина сохранялись иллюзии относительно победы во всей Германии «народно-демократического» строя с последующим ее вхождением в состав советского блока. С другой стороны, ему не хотелось раньше времени портить отношения с бывшими союзниками по

¹ ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 10. Л. 19, 123; Ф. 297. Оп. 3. Д. 7. Л. 26; Ф. 298. Оп. 4. Д. 2. Л. 59, 61.

² См.: Костяшов Ю.В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопр. истории. 1994. № 6. С. 187.

антигитлеровской коалиции, привлекая их внимание к происходящему вокруг Кенигсберга. И только когда в 1947 г. появилась определенность относительно перспектив раздела Германии и вполне обозначился разрыв с Западом в связи с началом «холодной войны», соблюдение политеса в этом вопросе утратило всякий смысл.

Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и то соображение, что у Сталина, находившегося в состоянии эйфории от победы, почувствовавшего себя вершителем судеб мира и каждодневно занимавшегося навалившимися на него проблемами по обустройству своей необычайно разросшейся империи, просто не доходили руки до того, чтобы заняться такой «мелочью», как частица бывшей Восточной Пруссии (ее территория составляла менее 1 % от площади тех стран Восточной Европы, которым была уготована судьба стать частью «социалистического лагеря»). Кроме него в сверхцентрализованном государстве принимать принципиальные решения такого уровня было попросту некому.

Создается даже впечатление, что депортация немцев первоначально вообще не входила в планы советского руководства. Двухлетняя задержка с решением этого вопроса могла объясняться и сугубо практическими соображениями: советская администрация сочла целесообразным использовать труд местных жителей до прибытия в область переселенцев из России и других республик СССР. Когда в 1947 г. появились первые проекты выселения немцев, областные власти стали высказывать опасения по поводу слишком быстрых его темпов. Начальник областного гражданского управления В.А. Борисов в письме заместителю председателя Совета министров СССР В.М. Молотову 7 марта 1947 г. обосновывал свои предложения о замедлении сроков выселения тем, что немцы составляли 48 % работающих в совхозах и на промышленных предприятиях, а по ряду отраслей их доля, по его словам, превышала 90 %¹.

До 1947 г. единичные разрешения на выезд получали, как правило, участники антифашистского движения, а также лица, имевшие близких родственников в Германии. Об этом имеется устное свидетельство А.Г. Факеева: «При каждом гражданском управлении района или города были образованы отделы по розыску родных и близких, потерявшихся в войну и проживающих за пределами Советского Союза. В них входили и немцы, знающие русский язык. Многие находили своих родных не только в Центральной Германии, но и в других странах, им оформлялись соответствующие документы и выдавались разрешения на выезд»². О том, что получить такое разрешение было непросто и желающим приходилось

¹ ГАКО. Ф. 297. Оп. 3. Д. 7. Л. 23–25.

² Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб., 2002. С. 224, 225. Здесь и далее использованы материалы интервьюирования первых переселенцев, которое проводилось под руководством автора статьи на историческом факультете Калининградского университета в 1988–1991 гг. Всего было записано 320 интервью переселенцев 1945–1950 гг. из 51 населенного пункта во всех районах области. Материалы интервьюирования составили основу цитируемой книги, написанной в жанре «устной истории» (2-е изд., испр. и доп.: Калининград: Изд-во КГУ, 2003). Кроме того, книга была издана в Германии и Польше: *Als Russe in Ostpreuen: Sowjetische Umsiedler uber ihrem Neubeginn in Konigsberg/Kaliningrad nach 1945*. Ostfildern: Edition Tertium, 1998 (Auflage 2: 2002); *Przesiedleńcy opowiadają: Pierwsze lata Obwodu Kaliningradzkiego we wspomnieniach i dokumentach*. Olsztyn, 2000.

идти на всяческие ухищрения, рассказал М.Н. Мешалкин из Краснознаменска: «Один немец хотел уехать в Германию и просил пропуск у начальника участка... Чтобы получить разрешение, он показал зарытые в лесу, в блиндаже, два велосипеда и мотоцикл»¹.

Режим выезда был упрощен накануне массовой депортации. Согласно «Книге выдачи справок немцам на выезд в Советскую зону оккупации Германии в 1947 году» такое разрешение в апреле — июне этого года получили 3390 чел.²

В находящихся в ГА РФ материалах «Особой папки» В.М. Молотова сохранилось несколько докладных записок министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова за 1947 г. о составе и положении немецкого гражданского населения в Калининградской области. Особый интерес представляет совершенно секретное донесение от 30 мая 1947 г. заместителю председателя правительства В.М. Молотову, из которого следует, что инициатива выселения немцев в Германию либо исходила от МВД, либо по крайней мере нашла в нем горячую поддержку.

В начале донесения говорится: «В данное время имеет место массовый приток заявлений от немцев с просьбой разрешить выезд в Германию для соединения с семьями, родственниками, по причинам материально-бытового порядка и другим»³. Охарактеризовав количественный и половозрастной состав немецкого населения (110 119 чел., в том числе мужчин — 31 112, женщин — 42 806, детей и подростков до 16 лет — 36 201), Круглов продолжал: «Из общего количества проживающих в области немцев общественно-полезным трудом занимается всего 36 600 человек, работающих главным образом в военных совхозах Министерства вооруженных сил СССР, совхозах Треста мясомолочной промышленности и других промышленных предприятиях и хозяйственных учреждениях области.

Основная часть немецкого населения не работает, продовольственного снабжения не получает (за исключением инвалидов и детей, содержащихся в детских домах и домах для престарелых), вследствие чего находится в истощенном состоянии.

За последнее время среди немецкого населения значительно повысилась уголовная преступность, главным образом за счет краж продуктов и грабежей. Наличие немецкого населения в области разлагающе действует на неустойчивую часть как гражданского населения, так и военнослужащих, способствует возникновению нежелательных связей и отрицательно влияет на освоение новой советской области.

Учитывая эти обстоятельства, МВД СССР считает целесообразным переселить организованным порядком проживающих в Калининградской области немцев в советскую зону оккупации Германии»⁴.

Неопределенность в положении новой советской области была прервана 21 июля 1947 г., когда вождь подписал девять правительственных постановлений, подготовленных под руководством А.Н. Косыгина и из про-

¹ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. С. 225.

² Архив УВД по Калининградской области (далее — Архив УВД КО). Ф. 48. Д. 1. Л. 2—86.

³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2 сч. Д. 172. Л. 303.

⁴ Там же. Л. 303—304.

пагандистских соображений названных «Великим Сталинским планом строительства Калининградской области»¹. С этого времени ускоренными темпами пошло заселение Калининградской области². В этих условиях Сталин 11 октября 1947 г. подписал секретное постановление Совета министров СССР № 3547–1169с «О переселении немцев из Калининградской области РСФСР в Советскую зону оккупации Германии». 14 октября министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов издал приказ № 001067 о порядке переселения.

В соответствии с этими документами планировалось переселить в 1947 г. 30 тыс. немцев, в том числе в октябре 10 тыс., а в ноябре 20 тыс. чел. Переселению подлежали в первую очередь «проживающие в г. Балтийске и районах побережья Балтийского моря, а из других районов области нетрудоспособные семьи, не занятые общественно-полезным трудом и, кроме того, немецкие дети, находящиеся в детских домах, и престарелые немцы, содержащиеся в домах инвалидов». Переселяемым разрешалось брать с собой личное имущество (до 300 кг на семью); им обеспечивались санитарный надзор и медицинское обслуживание в пути, доставка автотранспортом их и имущества от мест проживания до станций погрузки на железной дороге³. Организация переселения возлагалась на оперативные группы («тройки»), в состав которых входили начальники районных отделов МВД и МГБ, а также представитель райисполкома⁴.

Материалы опроса первых советских переселенцев свидетельствуют, что большинство немцев не хотело уезжать. Вот несколько типичных рассказов:

«Уезжать они не хотели. Стояли на остановке с узлами, ждали машины и плакали. Здесь была их родина, здесь были похоронены их близкие. Некоторые говорили, что обязательно вернуться, что уезжают ненадолго» (Г.П. Романь).

«Когда началось выселение, чего только они ни делали, только бы остаться в своем городе. Согласны были работать на самых трудных работах. Мой знакомый немец, работник ЦБЗ, когда ему было приказано выехать, плакал и спрашивал: “Неужели мы чему-то помешали?” Но был приказ из Москвы, и делалось все, чтобы “искоренить тяжелый дух”» (И.В. Ярославцев).

«Из нашего совхоза № 8 выселили немцев быстро. Это были в основном женщины и дети. Подогнали десять машин, их туда посадили. А у них в руках узелки, все самое необходимое. Многие женщины плакали, не хотели ехать, но солдаты забирали всех. Один мальчик лет четырнадцати, он был у нас почтальоном, просил его оставить: у него погибли

¹ См. подробнее: Костяшов Ю.В. Калининградская область в 1947–1948 гг. и планы ее развития // *Вопр. истории.* 2008. № 4. С. 105–114; Он же. Сталин и Калининградская область: попытка исторической реконструкции // *Acta Historica Universitatis Klaipedensis.* Klaipeda, 2009. Vol. 18. S. 57–70; Он же. Комиссия А.Н. Косыгина. О работе партийно-правительственной комиссии в Калининградской области в 1947 г. // *Проблемы управления социально-экономическими процессами региона.* Калининград, 2006. Ч. 2. С. 41–47.

² См.: Костяшов Ю.В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // *Гуманитарная наука в России.* М., 1996. Т. 2. С. 82–88.

³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 229. Л. 104–106.

⁴ ГАКО. Ф. 297. Оп. 3. Д. 8. Л. 110–111об.

отец и мать, а в Германии родственников не было. Но его заставили уехать» (Е.М. Ковалева).

«Привезли нас в теплые хаты. Мы с баржи, а немцев — на машины: шестнадцать килограммов в руки и увезли» (М.М. Рябов)¹.

В архиве Управления внутренних дел по Калининградской области сохранились 33 довольно объемных дела, содержащих преимущественно эшелонные списки отправляемых в Германию немецких граждан². Списки эти включают фамилию, имя, год рождения и место жительства (город или район), имеют сквозную нумерацию на каждый эшелон с распределением по вагонам (их было 40–50 в одном составе). При подсчетах общего числа отправленных нами учитывались внесенные в последний момент поправки: часть фамилий оказалась вычеркнутой, другие вписаны от руки, против некоторых стоит пометка: «умер», «снят», «МГБ» и т.п. В ряде случаев в конце списков проставлены итоговые данные, выведенные предположительно по результатам переклички. Согласно проведенным подсчетам, в октябре — ноябре 1947 г. из Калининградской области в Советскую зону оккупации Германии были отправлены 14 эшелонов и в общей сложности вывезены 30 113 немцев³.

Пятнадцатого февраля 1948 г. было принято второе постановление Совета министров СССР № 333–122с, предписывавшее переселять в Германию всех оставшихся немцев, проживающих на территории области, в два этапа: 25 тыс. чел. в марте — апреле и всех остальных (37,3 тыс. чел.) в августе — октябре⁴.

Всего в 1948 г. с марта по октябрь из области были депортированы 67 914 немцев (13 эшелонов весной и 20 эшелонов в августе — октябре). Кроме того, в ноябре — декабре дополнительно были переселены еще 127 немцев. В ряде случаев к эшелонам из Калининградской области прицепляли вагоны с немцами из Литвы (в 1948 г. их набралось 1290 чел.). В области осталось лишь небольшое число немцев, исключенных из списков на выселение. Это были, как правило, высококвалифицированные специалисты, необходимые в народном хозяйстве. Они были отправлены только в ноябре 1949 г. В 49-м по счету эшелоне находилось 1409 чел., из них 652 — выходцы из Литвы. Самая последняя группа немцев (193 чел.), сведения о которых были обнаружены автором в калининградских архивах, была отправлена в ГДР в мае 1951 г.⁵

Таким образом, с территории Калининградской области на историческую родину в 1947–1951 гг. выехало 102 494 немецких гражданина, среди них проживавшие в момент выселения в Калининграде составляли более 29 тыс. чел.

Разница между приведенными выше сведениями о наличии немецкого населения в ноябре 1946 г. и количеством выселенных, скорее всего, объясняется тем, что находящиеся в стадии формирования местные со-

¹ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. С. 226–227.

² Архив УВД КО. Ф. 48. Д. 1–33 (все подсчеты сделаны автором).

³ Сведения об одном эшелоне, списки которого в Архиве УВД нами не обнаружены, взяты из справки ОВИР УВД. — ГАКО. Ф. 297. Оп. 3. Д. 8. Л. 219.

⁴ ГАКО. Ф. 297. Оп. 3. Д. 16. Л. 28–30.

⁵ Архив УВД КО. Ф. 48. Д. 1–33.

ветские органы власти были не в состоянии организовать точный учет немецкого населения. Впервые это было сделано, по сути, только когда начали составляться списки на репатриацию.

Сделанные нами подсчеты эшелонных списков, в общем, совпадают с числом выселенных немцев, которое зафиксировано в документах «Особой папки» Сталина. Итоги депортации немцев министр внутренних дел Круглов подвел в донесении Сталину, Молотову и Берии от 30 ноября 1948 г. В нем сообщается, что для проведения переселения в области были созданы областная и районные оперативные группы, в состав которых вошли представители облисполкома и райисполкомов, отвечавшие за учет и доставку немцев от места жительства до станции погрузки. Доставка осуществлялась Прибалтийским военным округом, который выделил 160 автомашин, и 196 машин предоставили хозяйственные организации области. На станциях были оборудованы специальные площадки, проводились таможенный досмотр, медицинская обработка и продажа продуктов питания и промышленных товаров. При этом не имевшим средств выдавалось денежное пособие. Транспортировка в Германию была осуществлена по железной дороге на 21 передвижном эшелоне. С октября 1947 г. по октябрь 1948 г. в советскую зону оккупации Германии было переселено 102 125 немцев, в том числе 17 521 мужчина, 50 982 женщины¹, 33 622 ребенка. За все время депортации умерли 48 чел., в том числе 26 от дистрофии. В заключение министр сообщал, что перед отъездом немцы вручили представителям областного управления МВД 284 письма «с выражением благодарности Советскому Правительству за проявленную заботу и хорошо организованное переселение»².

Восточно-прусские немцы разделили судьбу своих соотечественников из других стран Восточной Европы, которые после окончания войны подверглись принудительному переселению в Германию. Их путь на историческую родину оказался, однако, более долгим и трудным.

Н.Н. Аблажей

ВЫСЕЛЕНИЕ НЕМЦЕВ ИЗ ЛИТВЫ В ВОСТОЧНУЮ ГЕРМАНИЮ В 1951 ГОДУ

Пик сокращения численности немецкого населения Восточной Пруссии и Прибалтики произошел в ходе массовой эвакуации и беженства на заключительном этапе войны. Затем, после войны, советские власти провели учет немецкого населения бывших Кенигсбергского и Клайпедского краев бывшей Восточной Пруссии, вслед за которым последовало массо-

¹ Нетрудно заметить, что соотношение выехавших мужчин и женщин (26:74) значительно отличалось от приводимых министром ранее данных за 1947 г. (42:58). Соответствующими действительности следует признать сведения, составленные на основе эшелонных списков, когда была проведена тщательная и наиболее полная перепись немецкого населения. Отсюда следует, что все более ранние сведения, касающиеся численности немецкого населения, нельзя считать вполне достоверными.

² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 201. Л. 239–240.

вое плановое переселение немцев на немецкую территорию. Основная волна выселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии связана с постановлениями СНК СССР от 11 октября 1947 г. и 15 февраля 1948 г. За вторую половину 1940-х гг. из Калининградской области было выселено почти 102,5 тыс. чел., еще 8 тыс. — с территорий, отошедших к Литве.

В 1950-е гг. переселение немцев из западных регионов СССР в Германию продолжилось. 10 января 1951 г. было принято постановление правительства СССР «О переселении немцев, уроженцев и коренных жителей Калининградской области в Германскую Демократическую Республику». Согласно данному документу, предполагалось провести «довыселение» немцев из Калининградской области, а также Литовской, Латвийской, Украинской и Белорусской союзных республик. Основной выезд планировался в этот раз из Литовской ССР, где численность немецкого населения и германизированных прусских литовцев продолжала оставаться значительной. По этой причине большая часть работы по выявлению и организации самого процесса репатриации легла на МГБ Литовской ССР.

Данные о количестве лиц немецкой национальности, подлежащих репатриации в Восточную Германию, постоянно корректировались, что было связано не только с учетом и выявлением их местонахождения, но и с проверкой на соответствие условиям выезда, а также подготовкой и утверждением дел в МГБ. Основная работа по учету немецкого населения была проведена уже в январе 1951 г. На территории Литвы было выявлено 3357 чел., подлежащих репатриации в ГДР, в том числе в Вильнюсской области — 238 чел., Каунасской — 1411, Клайпедской — 1050 и в Шауляйской — 658 чел. К концу февраля оперативно провели оформление 2440 дел по регистрации, выезду подлежали 3314 чел. Из зарегистрированных к переселению чуть больше половины приходилось на одиноких (при этом количество женщин почти вдвое превышало число мужчин), доля семейных превышала 40 %, почти 7 % составляли дети-сироты¹.

Из докладной записки МГБ ЛитССР в ЦК КП(б) Литвы от 7 апреля 1951 г. следовало, что на территории Литвы было учтено и зарегистрировано 3386 лиц немецкой национальности, подлежащих переселению в ГДР². К концу апреля, к моменту завершения подготовки к переселению, численность зарегистрированных составила уже 3669 чел., в том числе: в Вильнюсской области — 250 чел., Каунасской — 1649, Клайпедской — 1070 и в Шауляйской — 699 чел.³ В других регионах СССР, где проводилась репатриационная кампания, количество немцев, подлежащих выезду, составило всего 283 чел.⁴ Выявляли в первую очередь немцев — бывших жителей Кенигсбергской области, а также литовцев из числа коренных жителей Мемельского (Клайпедского) края.

Подданство населения Мемельского / Клайпедского края регулировалось Указом Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г., согласно которому все жители края литовской национальности, имевшие гражданство

¹ Lietuvos Ypatingasis Archyvas (LYA). Ф. V-135. Оп. 7. Д. 327. Л. 12.

² LYA. Ф. K-1. Оп. 10. Д. 107. Л. 145.

³ Там же. Ф. V-135. Оп. 7. Д. 327. Л. 51, 52.

⁴ Там же. Л. 62.

Литвы до 22 марта 1939 г., автоматически получали советское гражданство; этнические немцы могли ходатайствовать о приеме в гражданство СССР в индивидуальном порядке¹. Указы Верховного Совета СССР от 10 июля 1948 г. и 2 июля 1949 г. продлевали сроки получения советского гражданства для коренных жителей города Клайпеда, Клайпедского, Шилутского и Пагегского уездов Литовской ССР, находившихся за пределами СССР и возвращавшихся в СССР по репатриации². Таким образом, этнический статус коренного населения этих уездов Литвы определялся обычно по месту рождения, а двуязычные немецкие литовцы чаще рассматривались как немцы.

При учете немецкого населения выяснилось, что многие не имели постоянного места жительства и работы, бродяжничали и нищенствовали. Безработица среди немцев и коренных жителей Клайпедского края стала следствием массовых увольнений в первые послевоенные годы. Бывали случаи, когда немцы, в том числе несовершеннолетние, использовались как наемные работники литовскими крестьянами, в том числе в хозяйствах тех семей, главы которых были высланы в отдаленные районы страны³. Трудоспособных также могли задействовать на временных строительных работах. Среди лиц, зарегистрировавшихся на выезд в ГДР, было выявлено некоторое количество немцев, которые покинули места проживания при отступлении немецких войск, но после войны вернулись в Литву по репатриации. Часть немецкого населения прибыла в 1945–1946 гг. в Литву, в основном в Клайпедскую область, из отошедшей к РСФСР Калининградской области.

Разговоры о скорой репатриации подстегнули эмиграционные ожидания населения, участились попытки связаться с родственниками, проживающими в Германии. В этой связи в январе — феврале 1951 г. органами МГБ ЛитССР проводилась перлюстрация международной корреспонденции, исходящей из республики в Германию, об итогах «просмотра» корреспонденции в начале марта было доложено в Секретариат ЦК КП(б). В ходе анализа исходящей корреспонденции были зафиксированы массовые эмиграционные настроения и ожидания. Особое внимание компетентных органов привлекли фразы относительно возможности выезда не в Восточную, а в Западную Германию, а также высказывания антисоветского и провокационного характера.

Среди положительных высказываний, в частности, приводились выдержки из письма адресата, проживавшего в Шакяйском районе Литвы:

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г. «О порядке приобретения гражданства СССР лицами литовской национальности, коренными жителями города Клайпеда, Клайпедского, Шилутского и Пагегского уездов Литовской ССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. № 1.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1948 г. «О продлении срока регистрации как советских граждан лиц литовской национальности, коренных жителей города Клайпеда, Клайпедского, Шилутского и Пагегского уездов Литовской ССР, находящихся за пределами СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. № 31; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1949 г. «О продлении срока регистрации как советских граждан лиц литовской национальности, коренных жителей города Клайпеда, Клайпедского, Шилутского и Пагегского уездов Литовской ССР, находящихся за пределами СССР» // Там же. 1949. № 47.

³ LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 107. Л. 146.

«Скоро мы приедем... на этот раз уже в действительности. Все немцы, находящиеся здесь, должны поехать в Германию. Теперь у нас на руках проездные документы с фотокарточками. Мы поедем из Шакия в Мариамполь, а оттуда через Варшаву в Германию. Мы получили по 50 рублей на дорогу, питание и теплые вещи. Среди немцев царит радость и большое оживление...» В то же время авторы многих писем выражали сомнения в реальности предстоящей репатриации, что связывалось в первую очередь с переносом и задержками выезда. Адресат из Вилькийского района писал: «Нам сказали, что мы выедем в феврале. 5 февраля мы должны были быть уже в Каунасе. Сегодня же 8 февраля, а мы все еще сидим в Литве... Здесь опять что-то не то. Ведь это уже третий раз, когда они собираются отправить нас». В другом письме, отправленном из Шилутского района Клайпедской области, сообщалось: «Сначала нас пообещали отправить в апреле месяце, но потом сказали, что в мае...» В связи с массовыми сомнениями в плановой репатриации отдельные лица пытались оформить вызов через родственников, чтобы выехать частным порядком. Адресат из Клайпедского района, сообщая о выезде таким образом в Германию двух знакомых женщин, писала: «В январе должен был пойти отсюда транспорт с немцами, которые родились в Германии. Клайпедские же немцы выедут позднее. Но тут ударили сильные морозы, и отправка транспорта была отложена... Я лучше поехала бы по визе, так как в этом случае не надо ждать транспорта и можно ехать в любое время...»¹

Основные сомнения по поводу выезда были связаны с тем, разрешат ли выезд не только кенигсбергским (калиниградским), но и клайпедским немцам, не станут ли их считать родившимися в СССР, а наличие литовского подданства станет основанием признать их не немцами, а литовцами. Вот некоторые цитаты из писем: «Мы — урожденные клайпедские немцы и мы не имеем права поехать в Германию. Нас всех признали литовцами, немцы мы или не немцы»; «если мы родились здесь и они признают нас литовцами, то мы не поедем в Германию»; «неделю назад нас вызвали местные полицейские власти... маме и мне нельзя ехать, т.к. мы родились в Клайпедке, а дети родились в Кенигсберге, т.е. по ихнему — в Германии, и я могу отпустить детей в Германию. Клайпеду они считают литовским городом и потому нам с мамой заявили, что мы — литовки...»²

В ходе анализа корреспонденции фиксируется не только наличие эмиграционных настроений, но также намерения нелегально перейти границу: «Если весной ничего не получится с транспортом, мы попытаемся пойти пешком. Мы уже сыты здесь всем по горло и пусть это будет стоить нам жизни!» При всех оговорках, что «здесь есть многое, о чем следовало бы рассказать, но это нужно делать в устном разговоре», в письмах встречаются крайне негативные суждения о жизни в колхозах, советская действительность характеризуется как советский «рай», в котором «мы не являемся свободными людьми» и «вот уже 6 лет, как мы заживо погребены». Большинство планировали выезд в Восточную Германию по

¹ ЛУА. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 107. Л. 140–144.

² Там же.

репатриации, рассматривая возможность дальнейшего выезда в Западную Германию. Репатрианты предварительно уведомляли родственников и знакомых, проживающих в западных зонах оккупации, о желании оформить разрешения на выезд именно туда. Об этом свидетельствуют многие фрагменты писем, например: «Мне нужно разрешение на выезд к вам. Будьте так добры, раздобудьте его, но не посылайте. А когда я буду в германском лагере репатриантов, то я сразу же напишу об этом...»; или: «Ты должен раздобыть для меня разрешение на въезд в английскую зону...»¹ О намерениях выехать именно в Западную Германию красноречиво говорят и данные более поздней статистики, согласно которым 93 % заявителей на выезд в Германию планировали выехать именно в ФРГ.

Решение о выселении немцев было принято единовременно, ранней весной 1951 г., весь март и апрель ушли на оформление документов на выезд и согласование их с МГБ. С апреля стартовала работа по подготовке репатриационных пунктов на узловых железнодорожных станциях, вместимость которых рассчитывалась с учетом численности выявленного в регионах немецкого населения. Сборные пункты к 20-м числам апреля были готовы к приему репатриантов, из расчета в городах: Вильнюс — на 241 чел., Каунас — 1159, Мариямполь — 360, Шауляй — 500, Паневежис — 168, Шилуте — 309, Пагегяй — 350, Таураге — на 241 чел. Запланированное к выезду население надлежало перевезти в репатриационные пункты в последнюю неделю апреля. Предполагалось, что все 3328 чел. будут отправлены единовременно тремя эшелонами. Сам выезд планировали приурочить к очередной годовщине победы в Великой Отечественной войне и провести с 5-го по 14-е мая. МГБ ЛитССР неоднократно подчеркивало, что выселение и так чрезмерно затянулось, что переселенцы-немцы с наступлением теплой погоды могут переменить место жительства, а это существенно осложнит их сбор и сорвет график репатриации.

Динамика рассмотрения дел отделом «А» МГБ ЛитССР убедительно показывает, что две трети дел (при общем количестве около 3 тыс.) были оформлены только в апреле. Двухтомный журнал-перечень учетных дел, сохранившийся в архиве МВД Литвы, содержит персональную информацию на 1447 чел.²

К 30 апреля 1951 г. в МГБ Литовской ССР поступила информация из центрального министерства о численности репатрируемого в Восточную Германию немецкого населения из других западных регионов. Планировалось вывезти 275 чел. из 283 учтенных, в том числе из Калининградской области — 190 чел., Латвии — 62, Украины — 14 и из Белоруссии — 9 чел., среди которых было 110 мужчин, 117 женщин и 48 детей. Указывалось, что 113 проживающим в Калининградской области немцам в выезде было отказано, а еще 7 чел. из числа зарегистрированных на выезд в Германию арестованы³. Согласно данным на 30 апреля, МГБ Литвы разрешило выехать 3660 чел. (кроме того, дела еще на 22 чел. находились в стадии рассмотрения), в том числе: из Вильнюсской области — 247 чел., Каунасской — 1634, Клайпедской — 1082, из Шауляйской — 697 чел. Количество

¹ ЛУА. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 107. Л. 140–144.

² Там же. Ф. V-135. Оп. 7. Д. 8.

³ Там же. Д. 327. Л. 62, 63.

арестованных среди репатриантов по республике составило 11 чел.¹ На 1 мая 1951 г. из 3578 зарегистрированных МГБ Литвы утвердило на выезд 3537 чел., 135 чел. получили отказ на выезд из СССР². Однако окончательная цифра утвержденных на выселение по данным на 14 мая сократилась до 3493 чел.³

Сопоставление количества зарегистрированных и собственно выехавших показывает, что разница составила около 250 чел. Причины, по которым эти люди остались в СССР, были самыми разными. От выезда отказывались по семейным обстоятельствам, так как выезд в Германию членов семей репатрианта — советских граждан не предусматривался. Право на выезд теряли несовершеннолетние, усыновленные гражданами СССР. Часть немцев сознательно отказывалась от выселения, мотивируя это тем, что на исторической родине нет родственников. Органы МГБ запрещали выезд при наличии компрометирующих материалов, например, не выпускались бывшие военнопленные немецкой армии, а также немцы, имевшие подданство Швейцарии⁴.

Окончательная сверка списков на выезд проходила на репатриационных пунктах и в эшелонах. По ходу проведения операции количество уклонившихся от выселения составляло, по разным сводкам, от 20 до 30 чел., «не обнаружено в местах жительства» от 23 до 47 чел.⁵. Имели место случаи, когда людей снимали с эшелонов как «записавшихся под вымышленными данными». 11 мая 1951 г. из клайпедского эшелона, где находилось 970 чел., 15 чел. были сняты как «бывшие военнопленные»⁶.

К 6–7 мая на сборных пунктах в Каунасской, Клайпедской и Шауляйской областях Литвы находилось уже 2701 чел.; к выезду были готовы и 210 чел., выселявшихся из Калининградской области и других республик. К вечеру 10 мая число лиц, доставленных на репатриационные пункты, составило по всем четырем областям Литвы 3427, по другим регионам — 275 чел.⁷ По данным МГБ Литвы на 14 мая 1951 г., в эшелоны было погружено 3420 чел.⁸, а с учетом 275 чел. из других регионов общее число выехавших из СССР в ГДР составило 3695 чел.

Загрузка большинства эшелонов была произведена 8, 9 и 10 мая, процесс этот занимал в среднем не более двух суток. Из 100 вагонов было сформировано 3 железнодорожных эшелона. Первым 8 мая отбыл в Германию состав, сформированный на станциях Пагегяй, Шилуте и Таураге; 11 мая отправлен эшелон из Каунаса. 12 мая отсюда вышел еще один состав, доукомплектованный в Мариямполе, Шауляе, Паневежисе и Вильнюсе. Поезда с репатриантами отправлялись обычно с грузовых станций в ночное время суток или на рассвете. Каждый эшелон с выселяемыми в ГДР немцами имел начальника, обеспечивался конвоем⁹, а также его со-

¹ LYA. Ф. V-135. Оп. 7. Д. 327. Л. 60.

² Там же. Л. 74.

³ Там же. Л. 115.

⁴ Там же. Л. 349–352.

⁵ Там же. Л. 89, 93, 103.

⁶ Там же. Л. 108.

⁷ Там же. Л. 99, 101, 103.

⁸ Там же. Л. 115.

⁹ Там же. Л. 118.

проводили сотрудники МГБ. Выселение немцев из западных районов СССР в ГДР в 1951 г. совпало с нарастающей волной массовой эмиграции немцев из ГДР в ФРГ.

После 1951 г. выезд из СССР вновь стал единичным, тем не менее в 1955 г. в ГДР выехало 1297 чел., а в 1956–1957 гг. еще около 2 тыс. чел.¹ В 1958 г. эмиграцию в ГДР официально разрешили, что позволило как немцам, так и прусским литовцам массово эмигрировать. В целом количество выехавших в ГДР из СССР в 1958–1960 гг. оценивается в диапазоне от 7,5 до 13 тыс. чел. Каждый пятый эмигрант, выезжавший в Германию, был жителем Клайпедского края. Это привело к дальнейшему сокращению численности немецкого населения Литвы, уже и без того крайне малочисленного.

А.Ф. Носкова

К ИСТОРИИ РЕПАТРИАЦИИ ИЗ СССР ГРАЖДАН П РЕСПУБЛИКИ (1945–1946 гг.)

В середине 1945 г. завершился долгий и трудный процесс формирования послевоенной польской государственности. В Польше было создано признанное великими державами и всеми странами — их союзницами коалиционное Временное правительство национального единства. Были определены новая территория страны и ее геополитическое место на континенте, установлены советско-польская и польско-чехословацкая границы. Де-факто имелось и польско-германское разграничение по рекам Одра — Ныса на западе и в Восточной Пруссии на северо-востоке. С июня 1945 г. устойчивость этой границы Польши обеспечивалась присутствием с немецкой ее стороны Советской группы войск в Германии и с польской стороны Северной группы советских войск. Международное признание западной границы Польши, отложенное де-юре по постановлению конференции глав великих держав в Потсдаме, хотя и поддерживало тревогу среди одних (поляков) и надежду среди других (немцев), но уже тогда и позднее понималось польской и немецкой элитой как данность, которая вряд ли когда-то будет отменена. Столь же напрасными были и достаточно распространенные надежды поляков на восстановление границы с СССР по состоянию на 1 сентября 1939 г.

Для послевоенной Польши решался и важнейший по ряду причин (национально-патриотических, геополитических, внутривосточных и экономических) вопрос сосредоточения польского народа в пределах нового государства. Речь шла о максимально возможном возвращении на родину миллионов поляков, во время войны покинувших ее добровольно

¹ Приведено по: Герман А.А. Незаконные «репатрианты» и их возвращение в Германию // Новейшая история Отечества XX–XXI вв.: сб. науч. тр. Саратов, 2006. С. 57; Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг — Эрланген) URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>

или по не зависящим от них обстоятельствам. На это были направлены санкционированные в 1945 г. международными решениями или двусторонними договорами массовые перемещения бывших граждан II Республики, поляков и евреев, находившихся как на Западе, в основном в Германии и Великобритании, так и на советской территории¹.

Теми, кто оказался в годы войны на Западе, решения о возвращении или невозвращении в Польшу принимались добровольно². С перемещением из СССР поляков, имевших многотрудный опыт жизни в советских условиях, дело обстояло по-разному и выглядело гораздо сложнее.

Оказавшись на советской территории согласно советско-германским договоренностям 1939 г. касательно Польши, новое польское население СССР (более 3,5 млн чел. вместе с беженцами 1939 и 1941 гг.³) перестало быть титульной нацией, утратило власть и нередко собственность. Оно испытало жесткую политику советизации общественного устройства и национально-культурной жизни. Почти 500 тыс. чел. было подвергнуто различным по причинам и форме репрессиям. В силу этого отношение поляков к перспективе возвратиться на родину, казалось, должно было быть позитивным. Но оно, опять же, было разным.

В СССР решения принимала верховная власть, и переезд на новые места жительства в Польшу становился неизбежным, вопреки принципу добровольности репатриации, зафиксированному в ряде документов, о которых речь пойдет ниже. Однако для одних людей переезд в Польшу был действительно относительно добровольным делом, для других (а таких было, скорее всего, большинство) — принуждением по воле двух государств покинуть родные места, событием, обусловленным непреодолимыми для них обстоятельствами, а потому трудным и порой трагическим.

Среди поляков, некогда граждан Польской Республики, подлежавших эвакуации (репатриации, переселению, возвращению) из СССР, были жители многих регионов довоенной Польши. Но самую многочисленную группу переселенцев, несомненно, составляли те, кто проживал до войны в восточных воеводствах страны — на кресах (после 17 сентября 1939 г. — на Западной Украине и Западной Белоруссии, короткое время существовал и Виленский район).

¹ Одновременно из восточных провинций Германии, переданных Польше, в советскую и английскую оккупационные зоны перемещали немцев. Кроме того, на советскую территорию переселяли «польских» украинцев, белорусов, литовцев и ряд мелких непольских этнических групп. Выселения из Польши немцев и украинцев были связаны с решением ряда специальных задач, в том числе со смещением территории Польши на запад, а также с исключением в послевоенной Польше межнациональных противоречий посредством создания мононационального польского государства. В нашем случае эти выселения могут быть предметом отдельного исследования.

² Сотни тысяч поляков выехали в эмиграцию осенью 1939 г.: министры, государственные деятели, партийные лидеры, чиновники, люди творческих профессий, генералитет, офицерство, рядовые солдаты Войска Польского. В 1945 г. на территории III рейха находилось от 3 до 3,5 млн поляков (военнопленные, угнанные на принудительные работы, призванные на службу в гитлеровские воинские части, заключенные концлагерей, солдаты и офицеры Польских сил збройных, жители отторгнутых Германией польских территорий). В 1945 — начале 1946 г. с Запада возвратились в Польшу 2,8 млн поляков. — *Ślabek H.* O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2009. S. 63–64.

³ *Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959: Atlas ziem Polski.* Warszawa, 2008. S. 19 (подсчет автора).

Многонациональное по составу население нового западного региона СССР¹, как коренные жители — поляки и евреи, так и польские колонисты, так называемые осадники (участники польско-советской войны 1919—1920 гг.), получавшие здесь землю за военные заслуги, стали советскими гражданами. Затем гражданство поляков изменялось то на польское, то вновь на советское соответственно климату непростых советско-польских отношений, в апреле 1943 г. вовсе прекращенных Москвой. Для большинства представителей этой группы польского населения эвакуация в Польшу стала семейной драмой. Они не смирились с фактом отторжения кресов от Польши в 1939 г., не желали покинуть землю, которая была для них родной, и не могли остаться жить в СССР, пройдя через период слома привычного уклада жизни и репрессирования близких². Сформировавшиеся здесь антисоветские настроения были наиболее стойкими.

Другую категорию бывших польских граждан, подлежавших в 1945—1946 гг. эвакуации из СССР на польскую сторону, составляли многие сотни тысяч беженцев, в том числе 200—300 тыс. «польских» евреев³. После нападения гитлеровской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. и по мере приближения вермахта они переходили на советскую территорию, спасаясь от физической расправы и гибели во время боевых действий. Новый поток беженцев с этих земель, теперь вглубь СССР, происходил после 22 июня 1941 г. Допустимо предположить, что в этой среде отношение к возвращению в Польшу могло быть скорее благожелательным, прежде всего среди еврейской ее части, где рассчитывали через Польшу выехать на Запад.

Особую группу возможных репатриантов составляли солдаты и офицеры Войска Польского, оказавшиеся в советском плену после вступления Красной армии в Польшу в сентябре 1939 г. Они размещались в лагерях для военнопленных⁴. Часть рядового состава польских пленных была вскоре освобождена и направлена к месту их постоянного жительства на Западной Украине и Западной Белоруссии. Часть военнослужащих советские власти передали немецкой стороне, но 130 тыс. чел. продолжали оставаться в лагерях. Большинство польских офицеров и военнослужащих некоторых иных категорий было расстреляно в 1940 г. Символом этого преступления является Катынский мемориал памяти,

¹ Согласно переписи 1931 г., на этих землях проживало 10,7 млн чел., из них 29,35 % (3,1 млн) были поляками, 41,3 % (4,4 млн) — украинцами, 16,9 % (1,8 млн) — белорусами, 9,3 % (1 млн) — евреями, 3,2 % представляли прочие этносы. Правда, во Львовском, Белостокском и Виленском воеводствах поляки являлись самыми крупными национальными группами (50 % и более), во всех других воеводствах на кресах преобладало иное славянское и еврейское население. — *Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki*. S. 12, 14, 16.

² Как отмечается в научной литературе, полякам, жителям кресов, было присуще «очень сильное национальное чувство», уверенность, что «прошлое Польши это собственно прошлое кресов... обладание кресами представало условием величия и прочности национального бытия». Решение о выезде за Буг и Сан для многих стало несчастьем, «о родных краях детства и молодости будут тосковать даже те, кто в другом месте обрел успех и имущество». — *Kubis B. Poznawcze i kształcące walory literatury dokumentu osobistego*. Opole, 2007. S. 135, 157.

³ *Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki*. S. 107.

⁴ По всему блоку этих проблем существует обширная российская научная литература. См. работы В.С. Парсадановой, А.Э. Гурьянова, И.С. Яжборовской, Н.С. Лебедевой и др.

сооруженный вблизи Смоленска, что широко известно в современной России¹.

Антисоветские настроения поляков, обострившиеся осенью 1939 г., попытки сформировать в западных районах СССР подпольные структуры и организовать сопротивление классовой политике «Советов», призывы сохранять национальные традиции и польский дух подавлялись карательными действиями советской стороны. Происходило репрессирование польского населения. Производились не только аресты участников подполья², но и насильственные депортации гражданских лиц, включая детей, в отдаленные северные, северо-восточные и восточные районы СССР³.

Массовые депортации пришлось на 1940 г. и были проведены несколькими «волнами». Они коснулись классово враждебных, по советской терминологии, социальных групп населения (и не только польского), а также членов семей тех поляков, главным образом офицеров, кто уже был репрессирован или находился в лагерях. Инициатором депортаций выступил Н.С. Хрушев, первый секретарь ЦК КП(б)У. Осуществляло их ведомство наркома внутренних дел Л.П. Берии по постановлениям СНК СССР от 5 декабря 1939 г. («О выселении осадников из западных областей УССР и БССР») и 2 марта 1940 г. («Об охране госграницы в западных областях УССР и БССР»). НКВД поручалось «произвести выселение... осадников вместе с семьями с использованием их на лесных разработках...». Выселения осадников и лесников начались 10 февраля 1940 г. и завершились размещением 137 501 чел. в 20 краях и областях Сибири и Европейского Севера РСФСР⁴.

Вторая депортация (13 апреля 1940 г.) была «многоплановой». Имело место отселение всех жителей 800-метровой пограничной полосы в пределы Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно производилась депортация из родных мест 22–25 тыс. семей польских военнопленных. Она коснулась семей преимущественно офицеров и должна была исключить контакты и скрыть факты расстрела самих офицеров. К высылаемым польским семьям присоединили участников польских повстанческих и подпольных организаций и некоторых лиц, содержавшихся в тюрьмах западных областей, а также 2 тыс. женщин, которых власти считали проститутками. Третья депортация бывших польских граждан осуществлялась по директиве НКВД СССР, направленной 10 июня в Киев и Минск. В глубь СССР депортировали тех беженцев из Польши, которых

¹ См. подробнее: Катень: пленники необъявленной войны. М., 1997; Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катеньский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2009. 2-е изд.; и др.

² Согласно данным НКГБ СССР, с сентября 1939 г. до апреля 1941 г. на территории бывших кресов было ликвидировано 568 польских конспиративных организаций и групп и арестовано 16 758 их участников. К июню 1941 г. деятельность подполья была пресечена. — Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 1939–1941 = Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941. Варшава; М., 2001. Т. 1. С. 646–667.

³ См. подробнее: Польское подполье на территории Западной Украины...; Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г. = Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940 roku. Варшава; М., 2003.

⁴ Депортации польских граждан... С. 712, 676, 681.

не приняла Германия. В основном это были лица еврейской национальности.

По данным на август 1940 г., принудительному выселению подверглись 292 513 чел., из них 139 299 — осадники и лесники, 60 351 — члены семей репрессированных и 92 863 чел. беженцы. Хотя в числе высланных были представители многих национальностей, преобладали все же поляки, что объяснялось их государственно-политической ролью в довоенной Польше. Так, 57,3 % арестованных были поляками, что значительно превышало «польскую» долю в общей численности населения западных советских районов. К середине 1941 г. число бывших польских граждан, арестованных и высланных в тыловые районы СССР из западных областей Украины и Белоруссии, выросло и, по данным НКВД, составило 389 382 чел.¹

Этих новых советских людей увозили на 10–20 лет на север, в Коми АССР, на п-ов Ямал, в Сибирь, на Алтай, в Казахстан, в непривычный климат и неприспособленные условия. «Спецпоселенцы» работали на лесоповале и лесосплаве, на строительстве электростанций, на заводах черной и цветной металлургии, в создаваемых вдали от европейской части страны новых экономических районах. Немало людей погибло из-за примитивных условий, непривычно тяжелого и почти дарового труда, эпидемий и голода военных 1941–1942 гг. По советским данным, во время депортаций погибли 16 тыс. чел. По подсчетам польского Института национальной памяти, всего за годы войны и по разным причинам — от расстрелов до непосильного труда — по вине советской власти жертвами стали около 150 тыс. польских граждан².

Восстановление советско-польских отношений в июле 1941 г. привело к изменению положения тех, кто находился под стражей или был ограничен в передвижении: в августе 1941 г. 389 041 бывший польский гражданин был амнистирован. Дальнейшая их судьба складывалась по-разному. Почти 120 тыс. чел. выехали в 1942 г. с польской армией в Иран. На территории СССР в начале 1943 г. было учтено 257,6 тыс. чел. В середине 1944 г., по разным данным, от 220 до 273 тыс. граждан Польши, испытавших аресты и высылки, проживали в разных регионах страны.

По распоряжению СНК СССР от 5 апреля и 11 июля 1944 г. было разрешено «частичное» возвращение на Украину, в Белоруссию и в некоторые области РСФСР депортированных жителей западных районов СССР. Переселилось в общей сложности 60 тыс. чел. 9 сентября 1944 г. были подписаны соглашения правительств УССР, БССР и 22 сентября Литовской ССР с Польским Комитетом Национального Освобождения о частичном обмене советских граждан польской национальности на «польских» белорусов, украинцев, литовцев, русских и русин³. Фактически этим было положено начало массовой репатриации поляков из СССР в 1945–1946 гг.

¹ Депортации польских граждан... С. 26–28, 566, 678–685, 704–706, 713–718; Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром... С. 114–119.

² Polska. 1939–1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami. Warszawa, 2009. S. 9, 18.

³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее: ДМИСПО). М., 1974. Т. III: Январь 1944 — декабрь 1945 г. С. 74–79, 221–227.

Особую группу польских граждан — потенциальных репатриантов составляли те, кто находился в заключении, в лагерях для военнопленных и интернированных. Это были поляки, служившие в немецких войсках¹ и взятые в плен на советско-германском фронте, а также участники вооруженного польского подполья, не подчинившиеся приказам советского командования о сдаче оружия, арестованные или интернированные органами НКВД на территории СССР и Польши в 1944–1945 гг. Часть интернированных до лета 1945 г. вывозилась в СССР. Польская сторона ходатайствовала о репатриации этих соотечественников и состоявших в рабочих батальонах силезских шахтеров, работавших в Донбассе. Освобождение поляков названных особых категорий из лагерей, тюрем и спецпоселений НКВД и направление их в Польшу осуществлялось уже с осени 1944 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, осужденным за совершение преступлений на территории СССР» от 10 августа 1944 г.²

Согласно публикуемой ниже справке об изменении численного состава депортированных польских граждан, из 85 885 поляков (46 856 военнопленных и 39 029 интернированных за 1941–1945 гг.) на 2 ноября 1945 г. из советских лагерей было освобождено 54 395 чел. Но процесс возвращения в страну арестованных и интернированных в СССР в 1944–1945 гг. участников подпольных военных и политических структур шел медленно и с соблюдением специальной процедуры. Между тем именно он приобрел особое политическое звучание в период организации коалиционного Временного правительства национального единства и подготовки массового амнистирования в Польше тех, кто оставался в подполье.

Председатель Крайовой Рады Народовой Б. Берут 8 июня 1945 г. сделал по этому поводу специальное заявление советнику МВД СССР при польской госбезопасности генералу Н.Н. Селивановскому. Советник писал

¹ Вопрос о службе поляков в вермахте был одним из тех многих, которые в ночь на 27 февраля 1943 г. обсуждались на встрече И.В. Сталина с послом Польши в Москве Т. Роме-ром. Его затронул посол, настаивая, что поляков «силой берут в германскую армию, в особенности в западных провинциях Польши, включенных в Германию». Он сообщил, что «мобилизацией в германскую армию охвачено приблизительно 240–250 тыс. молодых поляков призывного возраста», что «Польское правительство дало польскому населению секретные инструкции всячески противиться вступлению в германскую армию... Однако, несмотря на это, большое количество поляков было мобилизовано и они используются, главным образом, для тыловой службы...» Отвечая послу, Сталин говорил о присутствии поляков на советско-германском фронте, в частности, «в войсках фельдмаршала Паулюса оказались поляки, которые нами были взяты в плен. Были поляки и под Ленинградом. Вероятно, не все они из Западной Польши, так как среди пленных попадались поляки из Кракова, Варшавы и других районов...» Парируя реплику посла о том, что «в германской армии нет поляков-добровольцев», Сталин настаивал: «В германской армии есть сознательные добровольцы-поляки, интеллигенты, работающие переводчиками в штабах полков и батальонов... поляки, знающие немецкий язык». — Сталин и Польша. 1943–1944 гг. Из рассекреченных документов российских архивов // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 113, 114 (публ. А.Ф. Носковой). Крупнейший польский специалист по истории гитлеровской оккупации Польши Ч. Мадайчик признавал, что поляки вступали в ряды вермахта как в силу разных причин добровольно, так и по принуждению нацистов. — *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce*. Warszawa, 1970. Т. 1. С. 42, 436. О численности этой группы военнопленных поляков см. публикуемый документ № 1.

² ДМИСПО. Т. VIII. С. 191; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М.; Новосибирск, 2001. С. 51, 99, 100.

в Москву, что Берут «считает необходимым передать польским органам безопасности всех поляков, арестованных советскими органами, и содержащихся под арестом [в лагерях НКВД] на территории Польши, а также вывезенных в Советский Союз». Тогда же польское правительство официально поставило этот вопрос перед советским послом в Варшаве В.З. Лебедевым, который немедленно проинформировал В.М. Молотова. Можно не сомневаться, что позиция Берута была доложена на самый «верх»¹. Вероятно, вопрос о судьбе этих лиц и вообще репатриации польского населения тогда приобрел динамику.

Уже 17 июня Л.П. Берия, вряд ли только по своей инициативе, доложил И.В. Сталину, что «в тюрьмах и лагерях НКВД СССР содержится польских граждан всего 25 047 чел.». Как отреагировал Сталин на эту информацию, пока неизвестно. Но 6 июля 1945 г. было подписано Соглашение советского и польского правительств о «праве изменения советского гражданства и эвакуации лиц польской и еврейской национальности, проживающих в СССР»².

Объявление в Польше 2 августа 1945 г. Декрета о массовой амнистии по политическим мотивам, за исключением «шпионов, диверсантов и тех, кто вел вооруженную борьбу в тылах Красной Армии», и то обстоятельство, что амнистией воспользовались от 30 до 42 тыс. членов находившихся в подполье политических партий, и рядовой состав, в основном Армии Крайовой, не могли не оказать воздействия на «продвижение» в советском руководстве вопроса о репатриации задержанных лиц «особой категории». В Москве учитывали, что польская сторона распространила действие Декрета об амнистии и «на всех бывш[их] членов Армии Крайовой, [находящихся] в местах заключения на территории СССР», и на «приблизительно 15.000 польских шахтеров из Опольской Силезии»³, направленных «советскими органами из Польши в угольные бассейны СССР»⁴.

13 августа 1945 г. последовало Постановление ГКО об отправке в Польшу до 15 октября 1945 г. 19 800 военнопленных поляков из рядового и унтер-офицерского состава гитлеровской армии, которые находятся «в

¹ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 216, 217.

² Этим же документом предусматривалось право изменения польского гражданства на советское и перемещения из Польши в СССР украинцев, белорусов, русских, литовцев и русин. По условиям, согласованным советской и польской сторонами, репатрианты, уезжая, могли забрать с собой имущество, включая скот и необходимые орудия труда, весом до 2 т, не более 1 тыс. злотых и 1 тыс. руб. на одно лицо. Оставленное имущество подлежало компенсации. — ДМИСПО. Т. VIII. М., 1974. Док. № 290; *Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski. 1944–1946. Warszawa, 1998. S. 131, 132.*

³ В мае 1946 г. во время пребывания в Москве польской делегации во главе с Берутом советская сторона выразила «согласие на репатриацию этих шахтеров в Польшу». По сведениям польского посольства в Москве, к середине 1949 г. в Польшу возвратилась лишь часть шахтеров, 8328 чел. отказались выезжать в Польшу, считая себя жителями Силезии, но немцами, а не поляками-автохтонами (слензаками). Это позволяло советской стороне откладывать решение вопроса о выезде их из СССР. Представитель польского посольства Г. Вольпе просил МИД СССР провести дополнительный опрос этой категории интернированных польских граждан и убедить их вернуться на территорию Польши, а не в Германию. — АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 31. П. 232. Д. 6. Л. 116, 117.

⁴ *Friszke A. Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 131; Stabek H. O społecznej historii Polski... S. 71; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: В 2 т. М., 1999. Т. 1: 1944–1948. С. 382.*

СССР в районах бывших фронтов». 21 октября 1945 г. Берия направил Сталину информацию о численности «польских граждан, поляков по национальности, арестованных и интернированных в 1944—1945 гг. на территории Польши в порядке очистки тыла действующей Красной Армии». Из 27 010 чел. таковых он предлагал освободить 12 289 чел. и «оставить в лагерях НКВД для дальнейшего содержания 14.721 человек польских граждан, арестованных за шпионаж в пользу противника, участие в диверсионно-террористических группах, участие в фашистских организациях, а также командный и начальствующий состав в “Армии Крайовой”». Нарком просил дальнейших указаний¹.

Указания последовали, о чем свидетельствуют публикуемые ниже документы из «Особой папки» Сталина, формировавшейся в Секретариате НКВД, а именно: подробная справка об изменении численного состава депортированных польских граждан и список лиц, приглашенных на совещание у Л.П.Берии по вопросу репатриации польских граждан (см. ниже). Оба документа датированы 2 ноября 1945 г. и подготовлены к совещанию, которое состоялось в СНК СССР поздним вечером этого дня под руководством Берии. Он тогда занимал ряд государственных постов: был наркомом внутренних дел, членом ГКО и заместителем председателя СНК (правительства) СССР. О важности обсуждавшихся вопросов свидетельствуют оба документа. Для историков чрезвычайно важна «Справка», содержащая информацию об общей численности польских граждан, депортированных в СССР с сентября 1939 г. по июнь 1941 г., о поляках, служивших в вермахте и взятых в советский плен, а также о тех, кто был арестован и интернирован в 1941—1945 гг. В документе изложены сведения, раскрывающие их разную судьбу в годы войны².

Важность для советского руководства обсуждавшихся вопросов подчеркивает список высоких советских чиновников, приглашенных на совещание. В нем значатся руководители союзного и республиканских наркоматов иностранных дел, госбезопасности, внутренних дел, путей сообщения и Президиума Верховного Совета СССР. Оба документа, подписанные заместителем Берии по НКВД СССР, комиссаром госбезопасности 2-го ранга В.В.Чернышовым, свидетельствуют об особой секретности материалов, представленных для обсуждения, в том числе вопроса освобождения и отправки в Польшу лиц, находившихся под стражей. Об этом же говорит гриф «Совершенно секретно» и помета, сделанная на первом листе справки: «Решено Указом Президиума Верховного Совета СССР № 123/44 от 10/XI-1945 г.»³.

Что же было «решено»? Указом фактически разрешалось возвращение в польское гражданство «советских» поляков, в связи с чем продлевались сроки изменения гражданства (до 1 января 1946 г.) и переселения в Польшу.

¹ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 274, 275.

² На сегодняшний день в России и Польше опубликовано немало статистических сведений как о поляках, депортированных вглубь СССР, так и о военнопленных, арестованных и интернированных в СССР в годы войны. Приводятся данные, порой существенно разнящиеся, по численности всех этих категорий людей. На наш взгляд, публикуемая справка представляется наиболее достоверной.

³ Речь идет об Указе «О выходе из советского гражданства лиц польской и еврейской национальностей, бывших польских граждан, и членов их семей, переселяющихся из СССР в Польшу, и приобретении советского гражданства украинцами, белорусами, литовцами, русскими и русинами, переселяющимися в СССР».

шу (до 15 июня 1946 г.). На следующий день, 11 ноября 1945 г., был подписан соответствующий Дополнительный протокол к Соглашению от 6 июля 1945 г. между Временным правительством национального единства Польши и Правительством СССР¹. Принятие этих документов косвенно подтверждало, что обмен населением между СССР и Польшей явно буксовал по ряду технических и политических причин. В первую очередь это относилось к тем полякам, арестованным и вывезенным в СССР, кто был задержан в ходе «чекистско-войсковых операций НКВД» в 1944–1945 гг. на советской и польской территории и нередко с оружием в руках.

Польское правительство оказывало постоянное давление на советскую сторону, особо добиваясь ускоренного освобождения людей из лагерей и «спецпоселений». Так, 21 ноября 1945 г. посол Польши в Москве Г. Раабе на встрече с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым поставил вопрос об освобождении поляков, арестованных и интернированных на территории Польши в 1944–1945 гг., просил ускорить их передачу польской стороне. 24 ноября 1945 г. Берия уведомил Молотова, что «на 23 ноября с.г. освобождено и возвращено в Польшу 5108 человек, остальные 7181 человек будут освобождены и возвращены в течение ноября–декабря текущего года»².

29 ноября 1945 г. советник посольства В. Матвин во время беседы с заведующим IV Европейским отделом НКВД СССР А.П. Павловым представил советскому дипломату Памятную записку. Ссылаясь на выше-названный Протокол о продлении сроков изменения гражданства и выезда из СССР, он заявил, что польская сторона «ожидает решения вопроса репатриации польских граждан, находящихся в настоящее время в фильтрационно-проверочных и исправительно-трудовых лагерях НКВД на территории СССР». Посольство настаивало на возвращении, в первую очередь, поляков из лагерей в Калуге, где содержались солдаты и офицеры Виленского округа Армии Крайовой, разоруженные и интернированные в июле 1944 г., а также из лагерей в ряде поселков Московской области и в г. Дзержинске на Украине. Прилагался список названий и адреса 29 лагерей. По данным на январь 1946 г., в лагерях находилось 19 930 чел., из них 5209 чел. намечались к отправке домой³.

Но процесс освобождения этих лиц не был скорым⁴. Значительно интенсивней происходила репатриация гражданского польского населения из западных районов СССР. Но и здесь были, несомненно, различные трудности, которые стремилась устранить польская сторона, будучи по

¹ ДМИСПО. Т. VIII. С. 592, 593.

² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: В 2 т. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1: 1944–1948. С. 313; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 275.

³ Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 311–313.

⁴ Для решения судьбы остальных узников лагерей 26 июля 1947 г. была создана комиссия МВД, которая рассмотрела 12 167 дел. На 10 мая 1948 г. передали польским властям 6444 поляка и приняли положительное решение о 5200 и 728 чел. По данным на 15 апреля 1949 г., Польше был возвращен 13 561 ее гражданин и работа комиссии была закончена. На 1 июля 1950 г. в лагерях оставалось 463 военнопленных и 375 интернированных, вопрос о репатриации которых предстояло рассмотреть. Возвращение в Польшу этого контингента завершилось в основном в 1957–1958 гг. — АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 31. П. 232. Д. 6. Л. 116, 117; ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 22; Восточная Европа в документах... М.; Новосибирск, 1998. Т. 2: 1949–1953. С. 388, 389; Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 382, 383; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... С. 222, 223, 275, 276, 296, 331–334, 365–373.

политическим мотивам в высшей степени заинтересована в массовой эвакуации поляков из СССР.

16 января 1946 г. посольство Польши направило в НКВД СССР Памятную записку «Об ускорении репатриации польского населения из Советского Союза». Просьба мотивировалась тем, что перед Польшей стоит «вопрос неотложного заселения» новых западных территорий, который «приобретает чрезвычайное политическое и хозяйственное значение», и что «одной из основных частей притока населения во вновь присоединенные области на западе Польши являются репатрианты из СССР». Посольство просило «ускорить ход репатриации», проводить ее «непрерывно, невзирая на зимние условия» и «в течение февраля, марта и первой половины апреля 1946 г. вывезти в Польшу из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы не менее 600 тыс. человек, в первую очередь крестьян», тогда же вывезти «из остальных областей СССР не менее 120 тыс. человек»¹. Это было сделано.

Весной 1946 г. были подведены итоги начавшегося осенью 1945 г. процесса массового обмена населением между СССР и Польшей. На 1 мая 1946 г. из Украины выехало 700 тыс. поляков-репатриантов, из Белоруссии — 187 230 чел., из Литвы — 129 092 чел. Репатрировались и 245 тыс. поляков, проживавших в глубинных регионах СССР. Всего за 1944–1946 гг. в Польшу из СССР прибыли по репатриации 1 419 850 чел. Более 500 тыс. украинцев, белорусов и литовцев репатрировалось из Польши в СССР².

Поступавшие просьбы Польши о продлении репатриации поляков из СССР не были удовлетворены. Советская сторона считала законченной репатриацию основной массы польского населения. В связи с этим в Москве сделали вывод о завершении деятельности Союза польских патриотов — общественной организации, созданной в 1943 г. для помощи полякам, оказавшимся на территории СССР, и принимавшей участие в организации переселений в Польшу³.

Одновременно с возвращением поляков из СССР и с Запада в стране происходил исторически беспрецедентный, управляемый правительством и персонально вице-премьером, лидером Польской рабочей партии В. Гомулкой процесс заселения новых западных и северо-восточных земель, отторгнутых от Германии в пользу Польши. Места жительства, работу, дома, наделы земли получали поляки, приезжавшие из малоземельных районов «старой» Польши, крестьяне, военнослужащие, репатрианты из СССР и Европы. В итоге за 1945–1950 гг. 4,7 млн поляков стали жителями этих земель. Среди них свыше 1,5 млн были репатриантами из-за Буга⁴.

Итак, завершение войны и первый послевоенный год стали тем временем, когда в Польшу с запада и востока возвращались многие из 5 млн ее граждан, кто в военное лихолетье по разным причинам оказался за рубежом. Известная польская исследовательница К. Керстен писала: «Поляк 1945 г. (и следующих двух лет) — это поляк странствующий... Трассы странствий вели из-за границы в Польшу... Странствовали и по Польше. Окончилось временное оккупационное существование миллионов людей.

¹ ДМИСПО. Т. IX: январь 1946 г. — декабрь 1949 г. М., 1976. С. 16, 17.

² Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 94, 95, 224, 225, 293, 294, 378–382, 387–389; *Teczka specjalna J.W. Stalina...* S. 131, 146.

³ ДМИСПО. Т. IX. С. 136, 137.

⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 21, 22; *Slabek H. O społecznej historii...* S. 66–68.

Они возвращались на свои местожительства, к старой социальной роли или искали новые жизненные возможности. Большие шансы открывала колонизация присоединенных земель на западе и севере, шансы сделать карьеру и получить общественный аванс, шанс обогатиться, а зачастую просто существовать»¹.

№ 1

Справка об изменении численного состава
депортированных польских граждан

2 ноября 1945 г.
Сов[ершенно] секретно

Товарищу БЕРИЯ Л.П.

СПРАВКА

Изменения численного состава быв[ших] польских граждан на территории Советского Союза, исключая Западные области УССР, БССР и Литовской ССР, характеризуются следующими данными:

1) В период с 1939 по июнь 1941 г.г. на территории Советского Союза	
бывших польских граждан прибыло	494.310 чел.,
в том числе:	
а) в лагерях военнопленных и интернированных военнослужащих польской армии	130.242 чел.
б) бывш[их] осадников, лесничих и других направленных в спецпоселки	243.106 чел.
в) арестованных и ссыльных	120.962 чел.
Из этого числа в тот же период выбыло	84.892 чел.,
в том числе:	
а) Передано немцам быв[ших] польских военнослужащих	42.492 чел.
б) Освобождено из лагерей и отправлено в Западные области УССР и БССР	42.400 чел.

2) К моменту заключения договора о дружбе между Правительством Союза ССР и правительством СИКОРСКОГО (30 июля 1941 года) в тюрьмах, лагерях и местах ссылки содержалось — 389.382 человека, из коих, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года, были амнистированы — 389.041 чел.

В течение 1942 года эвакуировано в Иран — 119.865 чел.

бывших польских граждан

в том числе:

а) военнослужащих армии АНДЕРСА — 76.110 чел.

б) гражданских лиц — 43.755 чел.

3) В соответствии с постановлением СНК СССР от 15 января 1943 года на территории СССР была проведена паспортизация лиц, ранее состоявших в польском гражданстве, в результате которой было учтено — 257.660 человек бывших польских граждан, в том числе — 66.718 человек детей до 16-ти летнего возраста.

За истекшее после паспортизации время количество бывших польских граждан на территории СССР уменьшилось примерно на 40.000 человек, за счет:

а) бывших польских граждан, мобилизованных в 1943—44 гг. в польское войско (до 1/IV.44 г. было мобилизовано 356.000 чел., мобилизация происходила и позднее).

б) мелких групп и одиночек, выехавших из СССР по ходатайству посольства (таких ходатайств до июня 1945 г. поступило на 3.327 чел.).

¹ Kersten K. Narodziny systemu władzy. Polska 1943—1948. Lublin, 1989. S. 132.

Таким образом, на территории Советского Союза по данным паспортизации должно проживать около 218.000 чел. бывших польских граждан.

Цифра эта не полная, так как эвакуированные после 22 июня 1941 года из западных областей УССР и БССР в тыловые области СССР быв[шие] польские граждане, имевшие уже советские паспорта, не входят в число учтенных при паспортизации.

4) В военные годы (1941–45 г.г.) бывшие польские граждане, проживающие на территории Советского Союза, несколько раз переселялись из одних областей в другие и Республики Средней Азии в 1941 г.;

Из Северных в Южные районы и на Запад, на основе Постановлений СНК СССР от 5 апреля и 11 августа 1944 года [,] переселено 54.199 чел.

Вследствие частого перемещения бывших польских граждан, точных сведений о количестве ныне проживающих в СССР лиц, подпадающих под действие Советско-Польского соглашения от 6 июля т[екущего] г[ода] — не имеется.

По данным НКГБ СССР и НКВД [,] таких граждан может быть до 220 тысяч, по данным Союза Польских патриотов — 273 тыс. [человек].

5) Помимо указанных выше бывш[их] польских граждан, в результате войны 1941–45 г.г. через лагеря для военнопленных и интернированных прошло следующее количество поляков:

а) взято в плен в составе немецких войск поляков — жителей Польши	— 46.856 чел.
Интернировано, мобилизовано в рабочий батальон и арестовано	— 39.029 чел.
Всего:	— 85.885 чел.

б) Из этого числа:

Передано на формирование польской армии	— 1.929 чел.
Отправлено на родину, в Польшу	— 54.395 чел.
Выбыло по разным причинам	— 2.551 чел.
Содержалось на 1 августа 1945 г. в лагерях военнопленных, интернированных, арестованных и больных	— 27.010 чел.
Дано указание освободить из этого числа	— 12.239 чел.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР Чернышов

«2» ноября 1945 г.

— ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 19–22. Подлинник. Имеются штамп 1-го отдела Секретариата НКВД СССР и помета: «Решено Указом Президиума Верховного Совета СССР № 123/44 от 10/XI-45 г.».

№ 2

Список лиц, приглашенных на совещание у Л.П. Берия по вопросу репатриации польских граждан

2 ноября 1945 г.

Товарищу БЕРИЯ Л.П.

СПИСОК

лиц, приглашаемых на совещание, по вопросу о репатриации польских граждан, к т. БЕРИЯ Л.П. в СНК СССР к 22 час.

2 ноября 1945 г.

От Наркоминдела:
тов. ВЫШИНСКИЙ — Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел Союза ССР

тов. МАНУИЛЬСКИЙ — Народный Комиссар Иностранных Дел УССР
тов. КИСЕЛЕВ — Народный Комиссар Иностранных Дел БССР
тов. РАТОМСКИС — Народный Комиссар Иностранных Дел Лит. ССР
и другие лица по усмотрению тов. ВЫШИНСКОГО

От НКГБ

тов. МЕРКУЛОВ — Народный Комиссар Государственной Безопасности СССР.
тов. ФЕДОТОВ — Начальник 2-го Управления НКГБ СССР.
тов. БРИНД — Начальник Польского отделения
и другие лица по указанию тов. МЕРКУЛОВА

От НКВД:

тов. ЧЕРНЫШОВ — Заместитель Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР.
тов. ИВАЩЕНКО — Заместитель Народного Комиссара Внутренних Дел БССР.
тов. ГРЕБЧЕНКО — Заместитель Начальника УНКВД УССР (Заместитель Уполномоченного СНК СССР по польским вопросам).
тов. ЗУЕВ — Заместитель Начальника Главного Управления Милиции
тов. ЕМЕЛЬЯНОВ — Начальник отдела Виз и Регистрации НКВД.
тов. АНТИПОВ — Начальник ОАГС НКВД СССР и член Советской комиссии по польским вопросам.

От ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

тов. ГОРКИН — Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР

От НКПС

тов. КОВАЛЕВ — Народный Комиссар Путей Сообщения Союза ССР

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР Чернышов

«2» ноября 1945 г.

— ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 27–28. Подлинник. Имеются штампы: делопроизводственный и 1-го отдела Секретариата НКВД СССР.

В.В. Сарнова

ОСОБЕННОСТИ СТАТУСА ДЕПОРТИРОВАННЫХ ПОЛЬСКИХ ГРАЖДАН И ИХ РЕЭВАКУАЦИЯ ИЗ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946 ГОДУ

17 сентября 1939 г. советские войска заняли несколько пограничных областей польского государства, а 28 сентября сталинским руководством был подписан Договор о дружбе и границе с Германией, которым официально признавались новые границы СССР, установленные приблизительно по «линии Керзона». В 1940–1941 гг., по данным А.Э. Гурьянова, было последовательно проведено четыре депортации с восточных террито-

рий довоенного польского государства: в феврале 1940 г. — «осадников» и «лесников»¹, в конце июня — начале июля — спецпереселенцев-«беженцев», прибывавших в западные области Украины и Белоруссии с оккупированных немцами территорий, в апреле 1940 г. — «административно-высланных» (членов семей репрессированных польских офицеров, полицейских, государственных служащих, помещиков, участников «контрреволюционных повстанческих организаций» и др.), в мае — июне 1941 г. — «ссыльнопоселенцев»². Ссыльнопоселенцами являлись депортированные в июне 1941 г. из прибалтийских республик, Молдавской ССР и западных областей Украины и Белоруссии и отправленные на спецпоселение члены семей, главы которых были арестованы и направлялись в исправительно-трудовые лагеря и колонии. Всего было выслано 350–380 тыс. польских граждан.

В годы Великой Отечественной войны статус депортированных польских граждан значительно изменился. Если до ее начала руководство СССР официально заявляло, что Польша не существует как независимое государство, то после 22 июня 1941 г. советское правительство было вынуждено заключить договор с легитимным правительством Польши в Великобритании (так называемый договор Сикорского–Майского). В соответствии с этим договором 12 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии всех польских граждан — военнопленных, заключенных тюрем и лагерей, депортированных и ссыльных. 14 августа было подписано советско-польское военное соглашение о формировании польской армии в СССР, входящей в состав польских вооруженных сил (известной как армия Андерса). К середине января 1942 г. она составляла около 73 тыс. чел., кроме того, при ней находилось порядка 30 тыс. гражданских лиц, в основном членов семей военнослужащих. Позднее, в августе 1942 г., в ходе эвакуации армии Андерса они покинули территорию СССР через Иран.

После объявленной в августе 1941 г. амнистии польские граждане формально перестали быть спецпереселенцами и получили статус граждан дружественного государства. Признававшиеся польскими подданными освобождались из тюрем, лагерей, спецпоселков и приобретали определенную свободу передвижения по стране. Однако лишь небольшие группы получили возможность выехать в район формирования польской армии и в южные республики СССР. Большинство же бывших жителей спецпоселков осталось на прежних местах жительства и работы.

Необходимо отметить, что на польское население Вильно и Виленского района, т.е. территорий, включенных в октябре 1939 г. в состав Литвы, амнистия не распространялась, его причислили к гражданам Литовской ССР, и оно сохранило прежний статус. В статье польского исследователя Петра Жароня приведены данные о том, что значительная группа поляков, депортированных с восточных территорий Польши и расселенных в

¹ «Осадники» — польские колонисты, в подавляющем большинстве бывшие участники Советско-польской войны 1920–1921 гг., получившие земельные наделы в качестве награды, «лесники» — сотрудники лесной охраны.

² Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 116.

Нарымском округе, Асиновском и Марийском (так у автора) районах, также не попала под амнистию и разделила судьбу высланных из Виленского района¹. Представители местной администрации, как правило, не торопились выполнять указания, связанные с амнистией, в том числе и из-за нежелания терять рабочую силу. Нередко выдававшиеся на руки польским гражданам удостоверения, которые свидетельствовали о снятии с режима спецпоселения, уже через несколько дней отбирались.

Уже в ноябре — декабре 1941 г. освобождение поляков было приостановлено. Это объяснялось перебоями в работе железнодорожного транспорта, а также тем, что прежние рабочие места оставались ими «самовольно». Руководители предприятий, колхозов, трудовых лагерей, не желая лишаться рабочей силы, задерживали польских граждан в местах их расселения. В частности, по данным П. Жароня, в Новосибирской области не были освобождены около 12 тыс. чел., в Омской — свыше 3 тыс. чел., которые были заняты на лесных работах по берегам Оби, в медных шахтах, на золотых приисках и в колхозах². Польское посольство направило советскому правительству 38 дипломатических нот, в которых требовало дальнейшего освобождения польских граждан, указывая, где именно поляки не были освобождены и не получили польского гражданства.

В декабре 1941 г. состоялся визит в Москву генерала Владислава Сикорского. В беседе со Сталиным польский премьер добивался применения амнистии в отношении всех без исключения польских граждан, а также планового размещения польского населения в местах с соответствующим климатом, предоставления работы в соответствии с имеющейся квалификацией, материального обеспечения больных, нетрудоспособных и женщин, имеющих малолетних детей. Кроме того, Сикорский добивался предоставления польскому правительству займа, предназначенного для этих целей, и расширения сети консульских учреждений, оказывающих польским гражданам организационно-юридическую помощь. В результате этого визита произошло некоторое улучшение положения польских граждан в СССР. Советская сторона согласилась на обеспечение нетрудоспособных в соответствии с советским законодательством, на предоставление польским гражданам необходимых документов (паспортов, справок об освобождении из лагерей и пр.), организацию помощи в области культуры, образования для взрослых и юношества, опеки над детьми и сиротами, а также на то, чтобы принимались, складировались и распределялись прибывающие из-за границы грузы, предназначенные для польского населения. В местах значительного сосредоточения польских граждан организовывались делегатуры (представительства) польского посольства. В Сибири делегатуры появились в Челябинске, Красноярске, Алдане, Якутске и Барнауле. В целом они взяли под свою опеку поляков, сосредоточенных примерно в 600 местах их компактного проживания.

29 января 1942 г. советское правительство издало распоряжение для местных органов власти относительно распределения спецпайков и ордеров на промышленные товары, предназначенные для организованных

¹ Жаронь П. Депортация польского населения в Сибирь (1940–1941) и репатриация на родину (1945–1949) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 380.

² Там же. С. 382.

польским посольством домов престарелых, детских домов, приютов и т.п. Следовало позаботиться и о снабжении продовольствием не попавших в этот разряд нетрудоспособных польских граждан и их семей, работающих на предприятиях и в советских учреждениях, получавших карточки по системе, установленной для советских граждан.

В соответствии с договором, подписанным Сикорским и Сталиным, трудоспособные поляки должны были получить свободу, но остаться на прежних местах жительства и продолжить работу. Часть поляков, главным образом из северных районов СССР, отправилась на юг, но большинство осталось на месте и было занято в промышленности и сельском хозяйстве. Так, в марте 1942 г. в Новосибирской области находилось около 12 тыс. поляков, работавших в лесной промышленности. Женщины и пожилые мужчины работали в колхозах.

Типична и показательна судьба делегатуры, организованной в Барнауле. Ее деятельность продолжалась с конца 1941 г. до лета 1942 г. Делегатом (представителем польского посольства) в Алтайском крае был назначен В. Маттошко¹.

На основе документов, изъятых при обыске у секретаря делегатуры, магистра экономико-политических наук подпоручика польской армии Тадеуша Ивановича Ижицкого-Германа, можно в общих чертах представить деятельность польских делегатур на местах. Одним из важнейших документов была «Политическая инструкция», составленная для польских представительств послом С. Коттом в начале 1942 г. В этой инструкции, в частности, отмечалось, что заключение 30 июля 1941 г. польско-советского соглашения положило начало новому периоду в отношениях между Польшей и СССР. Вместе с этим оказалось аннулированным русско-германское соглашение от 1939 г., «которое враждебная Польской республике пропаганда представляла как четвертый и окончательный раздел Польши»². Теперь эти же события следовало рассматривать как «временную оккупацию». Выравнивание польско-советских отношений создавало, по мнению посла, «основу для ведения на востоке Европы активной польской политики, основанной на совершенно новых предпосылках». Соглашение позволяло оказать реальную помощь депортированным в СССР польским гражданам, а также сформировать польскую армию на территории Советского Союза. Далее декларировалась готовность поляков «забыть много обид» во имя создания антигерманского союза и борьбы с общим врагом.

Однако «вследствие трудностей, вызванных громадными военными усилиями Советского Союза», исполнение постановлений соглашения от 30 июля 1941 г. проходило «не так быстро, как этого бы желало польское правительство, и как бы этого требовали интересы польских граждан в СССР, а также потребности создающейся польской армии». Посол подчеркивал роль переговоров Сикорского и Сталина, приведших к подписанию «Декларации о дружбе и взаимной помощи». Тем не менее он полагал,

¹ Отдел спецдокументации управления архивным делом Алтайского края (ОСД УАДААК). Ф. Р-2. Т. 1. Д. 20120. Л. 117.

² Судьбы. Воспоминания, дневники, письма, стихи, материалы экспедиций, доклады, протоколы допросов / ред. В.А. Скубневский. Барнаул, 2001. С. 303–309.

что «политическое и военное сотрудничество между польским и советским правительством не может ни в коем случае ограничиться соглашением “сверху”». С обеих сторон во всех областях жизни должен был реализовываться «дух лояльного сотрудничества», поэтому двумя основными обязанностями польских граждан в СССР провозглашались служба в польской армии и лояльность в отношении советских властей и господствующего строя, невмешательство в любые внутривнутриполитические дела¹.

Представители польского посольства на местах должны были пытаться улучшить положение польских граждан, находившихся, по мнению посла, все еще в более тяжелых условиях, чем средний советский гражданин. Отсюда требование одинакового подхода к снабжению польских и советских граждан. «...Если президент Сталин в разговоре с амбасадором Польской республики в Москве заявил: “Будем с поляками всем по-братски делиться”, то слова эти должны иметь практические последствия во всех, хотя бы и наиболее отдаленных уголках СССР». В соответствии с этим заявлением польское население должно было получать продукты и предметы первой необходимости по твердым государственным, а не коммерческим ценам. Ввиду того, что вся внутренняя торговля в СССР находилась в руках государства, делегаты должны были требовать признать за польскими гражданами те же возможности снабжения, какими располагало местное население. Причем польское посольство ожидало от своих представителей в делегатурах «последовательного выведения из польско-советского политического сотрудничества практических выводов» во всех сферах жизни, а не только по вопросам, обозначенным выше. В особенности делегаты должны были обращать внимание на деятельность тех местных органов советской власти, «которые до сих пор не поняли духа лояльного сотрудничества между обоими государствами»². В частности, посольство располагало доказательным материалом о многочисленных случаях принуждения польских граждан к сотрудничеству с органами НКВД после получения свободы, в случае отказа их угрожали оставить в тюрьме, лагере или спецпоселке. Делегаты обязывались собирать сведения о подобных фактах и представлять их в посольство, то же касалось доказанных случаев командирования в польскую армию членов коммунистической партии с поручением вести внутри армии политическую работу. Провозглашая принцип невмешательства во внутренние дела СССР, польский посол требовал применения того же принципа всеми советскими органами по отношению к польским гражданам и государственности.

Так как польские граждане в СССР нуждались в значительной материальной помощи, посольство обратилось к правительствам США, Канады, Индии и ряда других государств с просьбой об организации регулярных поставок продовольствия, лекарств и одежды. Такая помощь поступала от американского Красного креста, Совета американской помощи, Совета католической помощи общественных организаций Канады и еврейских организаций. В том числе стали поступать мука, крупы, порошковое молоко, одежда, обувь, лекарства и т.п. Объем этих поставок оце-

¹ Судьбы. С. 304–305.

² Там же. С. 303–309.

нивается примерно в 815 тыс. долларов. Кроме того, польским посольством выделялась финансовая помощь, которой на территории Сибири воспользовалось около 71 тыс. чел.¹ Тем не менее предоставляемой помощи явно не хватало, что вызывало у части польского населения весьма негативное мнение о работе представительства. В обращении Станислава Александровича Бердовского, польского «осадника» 1874 г. р., на имя посла Тадеуша Ромера, в частности, говорится: «...Несмотря на все имеем опекуна, доверенное лицо пани Долинскую, которая дело наше трактует не очень доброжелательно... За последнее время получили одежду и обувь, одежда была совершенно старая и поношена так, что подкладка была повыдрана, ботинки советские, с брезентовыми халявками, остальные были недомерки заграничной марки, так, что мужчины остались без обуви <...> утверждают, что это выменяли на старое паны и пани барнаульской делегатуры [под началом] делегата Маттошко. В данный момент наш Калманский район ничего не получил перед праздником <...> за промежуток 9 месяцев не получили ни грамма муки, только дети до 15 лет получили пару раз по одному килограмму, сахара получили по 30 гр. на человека, смальцу по 400 гр. <...> другие продукты, что так торжественно присылали польские власти, пожрала свора делегата Маттошко...»²

Серьезные сложности возникли при решении вопроса о гражданстве. По мнению польского посольства, соглашение от 30 июля 1941 г., а также военный договор от 14 августа 1941 г. относились ко всем польским гражданам. Между тем советская сторона нередко делала различия между польскими гражданами разных национальностей, отказываясь признавать польское гражданство лиц украинской, белорусской, еврейской и немецкой национальностей. В ноте от 1 декабря 1941 г., которой НКВД ответил на протест польского посольства против призыва в Красную армию военным комиссаром Казахстана польских граждан не польской национальности, нарком известил, что, по мнению советского правительства, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г., все граждане западных областей Украинской и Белорусской ССР, которые находились там 1–2 ноября 1939 г., получили советское гражданство. При этом «признание гражданами Польской республики со стороны Советской власти лиц польской национальности с этих территорий свидетельствует только о доброй воле Советского Союза, но не может составлять основы для признания польского гражданства лицам украинской, белорусской и еврейской национальностей, так как вопрос границ между СССР и Польшей не был разрешен, а подлежит рассмотрению в будущем»³.

9 декабря того же года польское посольство предоставило официальный ответ на это заявление советского правительства. В частности констатировалось, что польское законодательство подобно советскому не делает различий между своими гражданами в зависимости от их национальности. Соглашение от 30 июля имело отношение ко всем польским гражданам, что дает посольству право придерживаться своей точки зрения, не соглашаясь на разрешение вступать в польскую армию только

¹ Жаронь П. Депортация польского населения... С. 384.

² ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 20526. Л. 76–77.

³ Там же. Л. 79.

этническим полякам. Польское посольство отказалось принимать к сведению заявление о том, что советское правительство готово признать польскими гражданами из всех проживавших 1–2 ноября 1939 г. в восточных воеводствах только лиц польской национальности. Закон о гражданстве СССР не мог быть введен на территории Польской республики в период ее временной оккупации Советским Союзом, так как это противоречило бы постановлению 4-й Гаагской конвенции 1907 г., которая касалась действий оккупационных властей на оккупированных территориях.

Посольство также было несогласно объединять вопрос о польском гражданстве с проблемой польско-советских границ. Делегатам предписывалось не вести никаких дискуссий по этому поводу ни с какими-либо организациями, ни с частными лицами, однако они должны были уяснить официальную точку зрения польского правительства. В частности, польско-советское соглашение от 30 июля 1941 г. в ст. 1 перечеркнуло советско-германское соглашение, которое никогда не признавалось польским правительством. Аннулирование советско-германского договора от 28 сентября 1939 г. ведет к возврату к существовавшему раньше законному состоянию, т.е. к постановлению Рижского договора. Польское правительство, принимая во внимание союзнические отношения с СССР, предпочло бы в настоящее время не начинать политическую и правовую дискуссию о характере оккупации части территорий Польской республики Советским Союзом в период с сентября 1939 по июнь — июль 1941 г., считая, что все силы и вся энергия польского правительства и общества должны быть направлены на совместную борьбу против общего врага¹.

По мнению Ст. Котта, советское правительство, несомненно, дало единую инструкцию всем органам внутренней администрации, и делегаты посольства постоянно сталкивались с фактами непризнания польскими гражданами украинцев, белорусов и евреев. Тем не менее вполне возможно, что некоторые представители местных властей признавали польскими гражданами всех лиц, которым были выданы временные польские паспорта. Ввиду этого сотрудникам делегатур предлагалось немедленно начать выдачу польских паспортов всем польским гражданам. И только в случае сопротивления местных властей визированию паспортов граждан Польской Республики не польской национальности следовало задержать выдачу паспортов этой категории польских граждан и телеграфировать в посольство. При этом сам посол не исключал возможность разрешения этой проблемы в течение ближайших месяцев, о чем делегаты получили бы соответствующие дополнительные инструкции.

В реальности деятельность польских делегатур распространялась не только на граждан Польской республики. Среди задач, поставленных посольством перед делегатами, выделяются: оказание материальной помощи советским гражданам польской национальности, выселенным из Прибалтики. Велся розыск семьи бывшего министра иностранных дел Литвы Урбшиса. Встречались задачи и иного плана, такие как сбор материала о политических настроениях советских граждан литовской национальности, об их взаимоотношениях с поляками и отношении к ним органов совет-

¹ Судьбы. С. 308.

ской власти. Сотрудникам делегатур предстояло заниматься выявлением польских граждан, которые до 1 сентября 1939 г. состояли в подпольных партиях в Польше и боролись против польского правительства и режима, а также сотрудничающих с органами НКВД, выявлением среди украинцев, белорусов и евреев враждебно настроенных к польским властям, режиму в Польше и частям польской армии в период проживания в Западных областях УССР и БССР. Также следовало протокольно допросить всех освободившихся из лагерей и тюрем, чтобы выяснить, кто из польских граждан еще содержится там, а кто умер в заключении.

Забота о детях польских граждан была одной из приоритетных задач посольства и представительств. Предписывалось особое внимание уделять их снабжению, воспитанию, а также тщательно собирались и сведения о детской смертности¹. В начале 1942 г. делегатуры польского посольства начали организовывать учреждения социальной защиты и опеки над детьми. В отчете посла Котта отмечено, что до июля 1942 г. на территории СССР было создано 175 детских садов для 5865 детей польских граждан, 139 детских приютов для 9 тыс. детей, 30 интернатов для нетрудоспособных, восемь домов престарелых, 21 столовая, 116 пунктов дополнительного питания и 46 больниц. В Сибири организовано 25 школ, которые посещало более 1,5 тыс. детей, 9 детских домов и 31 приют. Более всего школ появилось в Алтайском крае, особенно в Барнауле, и в Красноярском крае. Однако, несмотря на эти усилия, более 90 % польских детей оказались вне польских школ. К тому же представители польского посольства смогли добраться лишь до 11 областей Сибири, они не попали в места, расположенные в тайге и отдаленные от крупных городов, в частности в Томскую область.

Что касается выдачи паспортов, то вопреки указаниям имели место случаи выдачи польских паспортов не только польским гражданам не польской национальности, но и литовским гражданам польской национальности. Во «Временном распоряжении по делу регистрации и паспортизации польских граждан, до времени выдачи инструкции Амбасады Польской республики» указывалось, что регистрировать следовало всех, кто приходит и заявляет о своем польском гражданстве. Однако регистрация не означала автоматического получения польского гражданства. При выдаче паспорта факт наличия у того или иного лица польского гражданства проверялся со всей возможной тщательностью. Этой цели должны были служить польские документы, подтверждавшие гражданство заявителя, такие как свидетельства о рождении или браке, акты признания или подтверждения гражданства, паспорта и т.п.

Одновременно следовало установить, что в военный период, т.е. с сентября 1939 г., «в поведении данного лица не было происшествий, которые давали бы достаточную основу для возбуждения дела о лишении польского гражданства». Поэтому на оборотной стороне паспортного вопросника (анкеты, заполнявшейся лицом, желавшим получить гражданство) следовало «требовать описания пребывания и работы на территории Польши и СССР с сентября 1939 г.». К вопроснику претендент на поль-

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 20120. Т. 1. Л. 107, 107об.

ское гражданство прилагал все «документы, полученные от советских властей». Также необходимо было предоставить подтверждение того, что проситель не добивался получения и не получил советского гражданства, равно как и гражданства любого другого государства. Только после проверки всех этих пунктов разрешалось выдать паспорт.

В документе, появившемся в начальный период работы делегатур, отмечалось, что после подтверждения личности соискателя можно выдавать паспорта только польским гражданам, имеющим либо удостоверения, что эти лица были военнопленными (или без удостоверений, но после несомненного подтверждения), либо, если у них имелось постоянное местожительство, свидетельство о работе в округе, подчиненном данной делегатуре. На удостоверениях следовало «отчетливо, красными чернилами отметить факт выдачи паспорта», после чего удостоверение возвращалось владельцу¹.

Из польских граждан, имевших советские паспорта, польский паспорт могли получить лишь те, кому были выданы удостоверения. В этих случаях при вручении польского паспорта следовало изъять советский паспорт и переслать его в польское посольство, не делая на нем никаких пометок, для возвращения его соответствующим советским властям. В делегатуре совместно с заинтересованным лицом составлялся протокол с описанием, в каких именно условиях был получен советский паспорт, к которому прилагалась заверенная делегатурой копия удостоверения². Лица, не имевшие никаких документов, а также возможности подтвердить показаниями двух надежных свидетелей свою личность и факт существования документов, фактически лишались возможности получить удостоверение и паспорт.

По вопросу об удостоверениях, взятых у польских граждан в ходе призывной комиссии, следовало по телеграфу обратиться в командование Польских вооруженных сил за возвращением их по мере возможности, сообщая список заинтересованных лиц. Со своей стороны польское посольство обратилось к командованию с просьбой о выдаче призывным комиссиям распоряжения не забирать удостоверения. Впоследствии, после получения соответствующих удостоверений и перед выдачей польских паспортов, этой категории граждан следовало подтвердить их личность на основе документов или двумя заслуживающими доверия свидетелями.

Чтобы сократить трудности, возникавшие при выдаче документов, все граждане, получавшие от делегатуры какое-либо удостоверение или паспорт, обязывались предоставить анкету и автобиографию за период с 1939 г. По мнению руководителя паспортного отдела С. Росманьского, эти меры позволят сотрудникам представительства «ориентироваться в характере данного заинтересованного»³. Польские граждане, уже получившие польские паспорта, должны были явиться за видом на жительство и получить прописку в милиции.

В делегатурах составлялись полугодовые отчеты для представления в посольство. В частности, в отчете за первую половину 1942 г. отмечался «быстрый рост деятельности делегатуры, а также отдельных постов в рай-

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 20526. Л. 41.

² Там же. Д. 20120. Т. 1. Л. 41.

³ Там же. Л. 42.

онах»¹. С 1 января по 30 июня 1942 г. персонал делегатуры вырос с 6 до 28 чел., при этом «почти все сотрудники перегружены работой и 12-и часовая работа в порядке вещей». В это время было «организовано» 39 районов из 68. Под «организацией» в данном случае понимается назначение доверенных лиц, составление и ведение списков и картотек польских граждан, проживавших в том или ином населенном пункте или районе, для распределения поступающих в делегатуру продовольствия и одежды.

Первое совещание доверенных лиц польского представительства по Алтайскому краю состоялось 22 марта 1942 г. В этом мероприятии приняли участие 22 доверенных лица, остальные не имели возможности приехать. Совещание проводили В. Маттошко и Т. Ижицкий-Герман, которые познакомили участников с основными требованиями и указаниями польского посольства. Речь шла в основном о проблемах, рассмотренных выше, в частности о необходимости ведения учета всех польских граждан, освобождающихся из тюрем и лагерей, об усилении мер, касающихся опеки над детьми и организации приютов, столовых, детских садов и пр., также говорилось и о создании «черного списка» польских граждан, куда включались преимущественно «неблагонадежные» и лица, потерявшие удостоверения или заявившие об их краже².

Уже в марте 1942 г. в деятельности представительства возникает ряд проблем, одна из которых была связана с призывом польских граждан в польскую армию, формируемую на территории СССР. В частности, о некоторых из них сотрудник представительства Доминик Вайгетнер докладывал в 1-й отдел Штаба Польских Вооруженных Сил, расположенный в Янги-Юле. Вопрос призыва «стоял на мертвой точке» в связи с заявлением начальника крайвоенкомата в Барнауле, отметившего, что хотя он и имеет «некоторые мобилизационные инструкции», но дело перевозки польских граждан тормозят «транспортные причины», и что «ожидают приказа из министерства военных дел»³. В результате из 2088 зарегистрированных в крае выехать смогли только 202 чел. Между тем желавших вступить в польскую армию было достаточно много. «Все без исключения, даже содержащие на иждивении семью, стремятся вступить на службу в польские вооруженные силы. Это же настроение держится и среди меньшинств: украинцев, белорусов, евреев»⁴. Позитивное отношение советских властей к польским переселенцам продолжалось недолго. Уже с апреля 1942 г. начинает проявляться «значительная предвзятость», которая усилилась после первой и второй эвакуаций Польской армии и части гражданского населения на Средний Восток. Весьма показательное инструктивное письмо от 25 апреля 1942 г., подписанное зам. председателя СНК СССР и первым заместителем наркома иностранных дел А.Я. Вышинским и адресованное исполнительным органам власти тех областей и краев, на территории которых работали представительства и доверенные лица польского посольства. Данный документ обозначил переход в политике советского руководства от тактики незначительных уступок посоль-

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 20120. Т. 1. Л. 315.

² Судьбы. С. 317.

³ Там же. Д. 20120. Т. 4. Л. 156–158.

⁴ Там же. Л. 158.

ству к курсу на свертывание масштабов деятельности представительств и ужесточение контроля над ними. В то же время письмо демонстрирует, что до момента появления местные власти слабо следили за соответствием действий польских представителей «Положению о круге компетенции...». Чтобы прекратить подобную практику, Вышинский рекомендовал местным руководителям впредь докладывать наверх обо всех фактах превышения польскими представителями своих полномочий. Вероятно, советское правительство уже с этого времени начинает искать предлог для ликвидации представительств. Характерно выраженное в документе враждебное отношение властей к деятельности католических священников при делегатурах. Так, местным властям рекомендовалось использовать большой перечень формальных поводов, испытанных в ходе довоенных антирелигиозных кампаний, для срыва проведения собраний верующих и отправления католических обрядов¹.

Деятельность польских представительств в Западной Сибири завершилась летом 1942 г. Сотрудники делегатур были обвинены в антисоветских настроениях, агитации, сборе сведений и разведывательной деятельности, осуждены по ст. 58-6, 58-10 ч. 2 и выдворены за пределы СССР 3 ноября 1942 г. А 16 января 1943 г. советское правительство вновь объявило высланных поляков гражданами СССР, в связи с чем у них были изъяты выданные прежде польские паспорта и справки об освобождении из трудовых лагерей. Те, кто отказывался возвращать документы добровольно, подвергались репрессиям, вплоть до тюремного заключения. Ликвидировались польские школы, детдома, пункты дополнительного питания, была официально запрещена деятельность польских представительств там, где они еще сохранялись. К этому времени уже не было ни Барнаульской, ни Новосибирской делегатуры, закрытой еще раньше. Новосибирское представительство польского посольства не было включено в список официально признанных делегатур, и, получив данные о продолжении ее деятельности, НКВД отдал указание Новосибирскому облисполкому не продлять прописку польскому делегату. В конце марта это распоряжение было выполнено². С этого момента Новосибирская область перешла в сферу ответственности алтайского представительства до 13 июля 1942 г., когда большинство ее сотрудников было арестовано³. 25 апреля 1943 г. правительство Советского Союза официально разорвало отношения с польским правительством.

В дальнейшем к «бывшим польским гражданам», осужденным за совершение преступлений на территории СССР, была применена амнистия в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1944 г. А 6 июля 1945 г. между Польшей и Советским Союзом было подписано соглашение о праве для лиц польской и еврейской национальностей, проживающих в Советском Союзе, отказаться от советского гражданства и эвакуироваться в Польшу, а также о праве отказаться от польского гражданства для лиц русской, украинской, белорусской, русинской и литовской национальностей, проживавших на территории Польши

¹ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 5а. Д. 48. Л. 162–164.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 17, 71.

и эвакуированных в Советский Союз. Вслед за этим последовал процесс реэвакуации польских граждан. Часть ранее депортированных польских граждан тем не менее еще оставалась в Советском Союзе, и их возвращение на родину откладывалось на неопределенный срок из-за войны и нового охлаждения отношений.

Вопрос о выезде польских граждан из СССР решался советско-польской комиссией под председательством с советской стороны советника А.М.Александрова и с польской Х.Вольпе¹. Уполномоченным польской делегации в Новосибирской области являлся П.И.Рыбак, председателем Новосибирской областной комиссии — М.Г.Малышева². Комиссия занималась рассмотрением подаваемых заявлений с просьбами о разрешении на выезд. Большинство претендовавших на возвращение в Польшу получало эвакуационные удостоверения за определенным номером.

По ряду причин (изменение границ Новосибирской области, выезд части польских граждан ранее и др.) на 1 января 1946 г. в г. Новосибирске и Новосибирской области насчитывалось 3350 польских граждан, от которых на рассмотрение советско-польской комиссии поступило 2015 заявлений (в том числе 12 — от военнослужащих, оформленных через штаб Западно-Сибирского военного округа). Заявления могли поступать только от совершеннолетних лиц, дети и подростки вписывались в документы, выдаваемые главе семьи. Заседания комиссии продолжались с 12 декабря 1945 г. по 10 августа 1946 г., в результате разрешение уехать получили 2001 взрослый гражданин и 903 ребенка (в том числе до 14 лет — 720 чел., 14–18 лет — 183 чел.). Однако 76 чел. «по разным причинам» не забрали свои эвакуационные удостоверения в районных и городских отделах МВД, вследствие чего областная комиссия приняла специальное постановление об аннулировании не востребовавшихся удостоверений. Таким образом, в реальности было выдано 1925 удостоверений, к которым приписывалось 886 детей. Всего возможность выехать из Новосибирской области на основании советско-польского соглашения от 6 июля 1945 г. получили 2811 чел.³

Необходимо отметить, что некоторым из подававших заявления было отказано в выезде. Официально комиссия отвергла, по одним данным, 13 заявлений, по другим — 37⁴. Причины отказа были следующими: невозможность предоставить документы, которые бы подтверждали факт проживания в Польше до 9 сентября 1939 г. (Х.Армитедж, И.П.Заговский, А.А.Заговская, Л.М.Шулькас и др.); отсутствие прямой родственной связи с семьей, отъезжающей в Польшу (М.Н.Визельтер, А.Я.Демченко); или просто: «не подпадают под условия советско-польского соглашения» (И.М.Сай, М.И.Сай, Г.Э.Миллер, Э.К.Миллер).

Кроме того, уже оформленное эвакуационное удостоверение, выданное на имя А.И.Осташевской, было аннулировано в связи с тем, «что она была арестована и осуждена за растрату государственных средств после получения ею удостоверения»⁵. Отец Осташевской, уже потерявший на

¹ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 6. Д. 12. Л. 1–10.

² Там же. Л. 12, 13.

³ Там же. Оп. 4а. Д. 17. Л. 360.

⁴ Там же. Л. 362.

⁵ Там же. Л. 381.

войне сына Казимира — хорунжего дивизии им. Т. Костюшко, погибшего 12 сентября 1944 г. (к заявлению прилагалось извещение о смерти), уповая на «великодушие славянских братьев», обращался к членам комиссии с ходатайством о разрешении его дочери выехать в Польшу и отбыть наказание там, однако получил отказ¹. Вероятнее всего, заявления из мест лишения свободы даже не рассматривались или вообще не могли быть поданы, что также существенно сокращало число подавших заявления на выезд. Создается впечатление, что комиссия крайне неохотно позволяла выезд советских граждан, состоящих в браке с поляками. Примером тому может служить дело М.Т. Баранович, которой долго не разрешали уехать ввиду отсутствия документов, подтверждавших пребывание ее мужа в польской армии, или Л.М. Тылим, имевшей двух несовершеннолетних детей от первого брака с советским гражданином. Среди тех, кто все же получил эвакуационное удостоверение, 78 чел. внезапно отказались от выезда, причем причины отказа в документах не указаны².

Процедура выезда польских граждан подробно описана в «Дополнительных разъяснениях к решению исполнительного комитета Новосибирской области, Совета депутатов трудящихся» от 28 января 1946 г. № 67/с «О реэвакуации в Польшу бывших польских граждан, проживающих в НСО»³. Подготовка к отъезду включала ряд пунктов: проверка эвакуационных удостоверений, составление поименных списков переселяемых с указанием принадлежащего им имущества и примерной разбивкой по вагонам, обеспечение медицинского осмотра, санитарной обработки и профилактических прививок в соответствии с инструкциями Наркомздрава СССР (в каждом эшелоне выделялось по два вагона для медпункта и изолятора, обеспеченных необходимым бельем, медикаментами, перевязочными материалами, дезинфицирующими средствами и бригадами медицинских работников, куда входили врач и три медсестры), подготовка транспорта для доставки переселенцев и их имущества на железнодорожные станции, подготовка временных помещений для размещения реэвакуантов, проверка вагонов и т.п. Этот этап находился в ведении городских и районных властей, облисполкома и Союза польских патриотов (СПП), который объединял польских граждан, разбросанных по всей территории Советского Союза. СПП, сформированный под эгидой СССР, был полностью лоялен к сталинскому режиму, а его деятели подчеркивали «большое политическое значение людей, которые будут передовым отрядом на западных рубежах», «братскую помощь Советского Союза» и т.п., чем нередко вызывали недоверие, а то и неприятие со стороны поляков. Впрочем, если говорить объективно, такова была цена за возможность помогать своим соотечественникам и сохранять свой официальный статус в СССР после разрыва отношений, ликвидации делегатур и объявления поляков советскими гражданами.

Переезд польских граждан и доставку их имущества требовалось осуществить в установленные облисполкомом сроки, причем представители облисполкома и СПП были обязаны сопровождать переселенцев до стан-

¹ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 4а. Д. 17. Л. 353, 355.

² Там же. Л. 363.

³ Там же. Л. 273–280.

ции формирования эшелонов, где передавали списки прибывших начальнику эшелона. В день отправки переселенцев из района на станцию представитель райисполкома совместно с уполномоченным облисполкома или СПП должны были уведомить облисполком об их общем количестве, а также о времени отправления, номере эшелона, фамилии его начальника и количестве вагонов.

После отъезда всех переселенцев горисполком «в течение пяти дней был обязан предоставить сводный отчет об отправке их в Польшу» с указанием численности уехавших и сумм расходов по организации реэвакуации (организационных, транспортных, на оказание помощи нуждающимся). Финансирование переселения польских граждан осуществлялось областным финотделом из средств местного бюджета. Согласно отчету, всего было истрчено 308 тыс. руб., в том числе на организационные расходы — 93 тыс., на транспортные (доставка из районов к железнодорожным станциям) — 180 тыс., на медицинскую помощь — 35 тыс. руб. Кроме того, была организована продажа предметов первой необходимости и одежды наиболее нуждающимся переселенцам¹.

Всего из Новосибирской области в организованном порядке выехало 2789 чел., признанных польскими гражданами. Эвакуация была произведена тремя эшелонами: со ст. Татарская 13 марта 1946 г. — 512 чел.; со ст. Черепаново 22 марта 1946 г. — 998 чел.; со ст. Новосибирск 28 апреля 1946 г. — 1279 чел. Отставшие от эшелонов выезжали в индивидуальном порядке². Реэвакуация затронула не только отдельных людей. Так, известно о возвращении из Томска на родину польского детского дома № 6. Анализ районов, откуда выезжало большинство эвакуируемых (преимущественно Сузунский, Черепановский, Куйбышевский, Татарский) и их национального состава позволяет предположить, что в первую очередь речь идет о бывших спецпереселенцах-«беженцах», оставшихся на территории области после ухода армии В.Андерса.

В течение 1946 г. на родину вернулось более четверти миллиона поляков. Оставшиеся по разным причинам на территории СССР, а также интернированные и высланные позднее получили возможность выезда лишь во второй половине 1950-х гг.

Н.Н. Аблажей

РЕПАТРИАЦИЯ ПОЛЯКОВ И ЕВРЕЕВ СО СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ В ПОЛЬСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ В 1955 ГОДУ

Между СССР и Польшей во второй половине 1940-х — 1950-е гг. было реализовано несколько крупных репатриационных и оптационных программ. Самая известная репатриационная кампания, оговоренная советско-польским соглашением от 6 июля 1945 г., прошла в конце 1945 —

¹ ГАНУ. Ф. Р-1020. Оп. 4а. Д. 17. Л. 285.

² Там же. Л. 294.

первой половине 1946 г. По официальным данным, в 1945 г. на территории СССР находилось 247,5 тыс. бывших польских граждан, перемещенных в 1939–1941 гг. во внутренние регионы Советского Союза с территории бывшего Польского государства; из них в 1946 г. выехали в Польшу 228,8 тыс. чел. (вышли из советского гражданства 169 тыс. чел.)¹. Согласно оценкам польских исследователей, число евреев и поляков, репатриированных в Польшу в ходе этой переселенческой кампании, превысило четверть миллиона человек, еще не менее 50 тыс. чел. так и не смогли выехать из СССР². Помимо данной миграционной волны в 1944–1946 гг. в результате оптационных обменов в Польшу из западных районов СССР (Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы) в рамках соглашений 1944–1945 гг. «об обмене населением» выехало, по разным оценкам, от 1,1 до 1,5 млн чел.³ Еще одна массовая репатриация из Западной Белоруссии в Польшу, в ходе которой выехало более 100 тыс. чел., была проведена в 1957–1959 гг.⁴ Между этими мощными волнами возвратной миграции происходили и небольшие репатриационные потоки, например, репатриация из СССР во второй половине 1955 г., в большей степени напоминавшая экспатриацию, лиц польской и еврейской национальности из числа польских граждан, продолжавших находиться на спецпоселении.

Приоритет в изучении возвратной миграции из СССР принадлежит польским историкам, которые плодотворно и всесторонне изучают миграционные процессы, обусловленные Второй мировой войной⁵. Российские исследователи, а также украинские, белорусские и литовские специалисты гораздо позднее приступили к изучению послевоенных обменов населением между СССР и Польшей⁶. Введенные на сегодняшний день в научный оборот в польской и постсоветской историографии архивные материалы и статистические данные позволяют судить о содержании и количественных характеристиках миграционных процессов, обусловленных территориальными изменениями по итогам Второй мировой войны. По-прежнему в числе остро дискуссионных остаются вопросы, связанные с классификацией этих миграций как вынужденных, принудительных и репрессивных. Одна из них — репатриация 1955 г. получила наиболее полное освещение

¹ См.: Бугай Н.Ф. 20–50-е годы: Переселения и депортации еврейского населения // Отечественная история. 1994. № 4. С. 181, 182.

² Paczkowski A., Vaterski W. Powrót Żołnierzy AK z Sowieckich Łagrów. Warszawa, 1995. S. 7.

³ См. подробнее: Полян П. Оптации: с кем и когда в XX веке Россия обменивалась населением // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М., 2005. С. 536–544.

⁴ Репатриация проводилась в соответствии с Постановлением Совета министров СССР № 2073-1123 от 15 декабря 1956 г. и советско-польским договором от 25 марта 1957 г.

⁵ Среди наиболее значимых работ: Kersten K. Przesiedlenie ludności polskiej po II wojnie światowej (studium historyczne). Warszawa, 1974; Latuch M. Repatriacja ludności polskiej w latach 1955–1959 na tle zewnętrznych ruchów wędrownych. Warszawa, 1994; Ruchniewicz M. Repatriacja ludności polskiej z ZSRR w latach 1955–1959. Warszawa, 2000; Kacka B., Stepka S. Repatriacja ludności polskiej z ZSRR 1955–1959. Wybór dokumentów. Warszawa, 1994; Czerniakiewicz J., Czerniakiewicz M. Przemieszczenia ludności polskiej z ZSSR 1944–1959. Warszawa, 2004; и др.

⁶ Буцко О. Украина — Польша: миграционные процессы 40-х годов. Київ, 1997; Кицак В.М. Депортація українців з Польщі в УРСР у 1944–1946 рр. та їх соціально-економічна адаптація: автореф. дис. ... канд. істор. наук. Чернівці, 2003; Акція «ВІСЛА». 1947 / упорядн.: З. Гайовнічек, Б. Гронек, С. Кокін та ін. Варшава; Київ, 2006; и др.

в работах польского историка Малгожаты Рухневич, которая, используя материалы архива Министерства иностранных дел Польши и воспоминания репатриантов, сумела восстановить контекст и специфику данной репатриационной кампании и ее восприятие польской стороной¹. В российских исследованиях этот сюжет освещался в связи с репатриацией населения во второй половине 1950-х гг. в страны «народной демократии»².

Ликвидация спецпоселенческой системы в СССР осуществлялась в 1954–1960 гг., в ходе массового освобождения из мест ссылки возвращались не только граждане СССР, но также иностранцы, апатриды и лица, которые оспаривали принудительное получение ими советского гражданства на том основании, что на момент ареста или высылки они проживали на территориях, аннексированных или присоединенных к СССР. Форсированное свертывание спецпереселенческой системы в СССР требовало не только решения вопроса об освобождении из мест поселения иностранцев и лиц без гражданства, но также их последующей натурализации либо репатриации из страны. Хотя Советский Союз ограничивал эмиграцию из страны лиц, оспаривавших советское гражданство, в отношении граждан Польши, находившихся на спецпоселении, советское руководство сделало выбор в пользу репатриации. Подобное решение было продиктовано комплексом причин. Во-первых, имели место массовые обращения заключенных, ссыльных и членов их семей, ранее репатрированных в Польшу, за разрешением выезда в связи с воссоединением семей, а также неоднократные заявления польского МИДа о необходимости комплексного решения вопросов репатриации этой категории польских граждан. Во-вторых, необходимость репатриации диктовалась самой логикой ликвидации системы спецпоселений.

Решение Президиума ЦК КПСС и постановление Совета министров СССР от 28 апреля 1955 г. № 858-517 с³ о репатриации со спецпоселения граждан стран «народной демократии» было принято спустя два дня после окончания визита советской делегации в Польшу, в ходе которого состоялась встреча Н.С. Хрущева и Б. Берута. Данный факт позволяет предположить, что вопросы репатриации обсуждались во время встречи, однако по ходу ее практической реализации проявилось много противоречий. Советская сторона настаивала, что репатриация соответствует условиям и пожеланиям, сформулированным в мае 1955 г. в ноте МИД

¹ Ruchniewicz M. Repatriacja ludności polskiej z ZSRR w latach 1955–1959. Warszawa, 2000; Рухневич М. «Возвращаемся на Родину, радость наша безгранична...» Репатриация поляков из Сибири в конце 1955 г. // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 491–501.

² Бугай Н.Ф. 20–50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР. С. 180–182; Герман А.А. Незаконные «репатрианты» и их возвращение в Германию // Новейшая история Отечества XX–XXI вв.: сб. науч. тр. Саратов, 2006. Вып. 1. С. 64–71; Аблажей Н.Н. Репатриация этнических спецпоселенцев из СССР в «страны народной демократии» в 1955 г. // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. Вып.: История. 2011. С. 81–86.

³ Совместное постановление Президиума ЦК КПСС и Совета министров СССР «О репатриации из Советского Союза в Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, ГДР, Корею и Китай находящихся в местах поселений на территориях СССР граждан этих стран» от 28 апреля 1955 г. № 858-517с.

ПНР, поданной на имя Хрушева¹, тогда как польская акцентировала внимание на том, что хотя предварительные переговоры о репатриации и велись, тем не менее вся «акция происходила за спиной польских властей и польского дипломатического корпуса». Более того, Польша не была официально проинформирована о принятом советским правительством решении до конца июня, а сроки и окончательные масштабы репатриации стали известны только к началу ноября². Фактически СССР в ультимативной форме предложил Польше принять более 4,5 тыс. «преступников» и ссыльных, поэтому репатриация скорее напоминала экстрадицию или «высылку» неблагонадежных³. Это косвенно подтверждают и документы МВД, в которых данная операция неоднократно классифицировалась как «высылка спецпоселенцев». Основные мероприятия по репатриации легли на МВД и министерства иностранных дел обеих стран. Если расходы на предшествующую репатриацию СССР и Польша разделили, то в этот раз Польша не давала согласия на репатриацию до тех пор, пока СССР не взял на себя все финансовые обязательства по транспортировке населения в пределах СССР. Только 10 сентября польское правительство приняло решение № 739/55 об опеке над репатриантами и создании при правительстве Бюро уполномоченного по делам репатриации⁴.

К середине 1950-х гг. на спецпоселении в СССР находилось значительное количество как советских граждан польской национальности, так и бывших подданных Польского государства⁵. И в 1930-е гг., и накануне

¹ Речь идет о записке (ноте) министра иностранных дел С. Скршешевского от 6 мая 1955 г.

² Рухневич М. «Возвращаемся на Родину, радость наша безгранична...». С. 494.

³ Речь идет о решении советского правительства от 27 августа 1955 г. о репатриации в Польшу заключенных и досрочно освобожденных, которая была проведена в сентябре 1955 г., в ходе нее ПНР было передано 208 чел. Еще 70 чел. из числа «досрочно освобожденных» были переданы ПНР 15 декабря 1955 г. Учет и репатриация поляков, досрочно освобождаемых из советских лагерей, проводились также на основании приказа МВД СССР от 23 мая 1955 г.

⁴ Рухневич М. «Возвращаемся на Родину, радость наша безгранична...». С. 495.

⁵ Первая массовая депортация поляков из западных областей Украины и Белоруссии пришлось на весну 1930 г. Эта высылка преследовала первоочередную цель сократить в приграничье численность польского населения, которое продолжало оставаться значительным и после оптаций 1920-х гг. Хотя массовая зачистка приграничья западных районов УССР и БССР от поляков не произошла, высылка носила ярко выраженный этнический характер. Количество этнических поляков от общего числа высланных в Западную Сибирь и на Дальний Восток (18,5 тыс. чел.) было значительным. В 1935 г. из украинско-польского приграничья вглубь Украины были переселены еще более 3,5 тыс. польских семей. Самая массовая депортация советских поляков была проведена в 1936 г., в ходе которой из Украины в основном в Северный Казахстан было отправлено 15 тыс. польских и немецких хозяйств суммарной численностью более 69 тыс. чел.

Раздел Польши между СССР и Германией вызвал мощные, в основном вынужденные или принудительные миграции польского населения. В 1939–1941 гг. большая часть граждан Польши была депортирована из областей, отошедших к Белоруссии, Украине, Литве и Молдавии. В феврале 1940 г. из западных областей Украины и Белоруссии в отдаленные районы СССР были высланы около 140 тыс. «осадников» и «лесников», из которых около 80 % были поляками. Основными районами расселения «осадников» стали Архангельская, Свердловская и Иркутская области, Красноярский край и Коми АССР, где оказалось сосредоточено почти 70 % контингента. В апреле 1940 г. в западных районах УССР и БССР была проведена депортация «административно-высланных», в число которых попали семьи репрессированных польских военнопленных, представители польского госаппарата, крупные землевладельцы и промышленники, а также зажиточные крестьяне, в том числе из приграничья.

войны поляки, проживавшие в СССР или в силу обстоятельств оказавшиеся на его территории, несмотря на различный государственно-правовой статус, в основном выслались как советские граждане. После того как Польша стала союзником СССР по антигитлеровской коалиции, в августе — сентябре 1941 г. правовой и гражданский статус бывших граждан Польского государства, депортированных в 1939—1941 гг. в глубинные районы Советского Союза с территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, был изменен. Почти 390 тыс. чел. были амнистированы, в том числе со спецпоселения были освобождены 265 тыс. чел.¹; более 165 тыс. чел. восстановили польское гражданство. Из польских подданных, в основном бывших военнопленных и ссыльных, находившихся на территории Средней Азии, была сформирована так называемая армия Андерса, на 60 % состоявшая из этнических поляков, в сентябре 1942 г. переброшенная в Иран. Таким образом, СССР покинули почти 120 тыс. чел. Однако в январе 1943 г. в связи ухудшением отношений между СССР и польским правительством в изгнании большинство польских подданных, находившихся на территории СССР, было вновь переведено на положение административно-ссыльных либо принудительно получило советское гражданство. Ранее, в 1944 г., 44 тыс. чел. были организованно переселены из северных в южные районы СССР, а в конце войны имело место очередное послабление режима спецпоселения для бывших польских граждан. В 1945—1946 гг. в рамках массовой репатриации поляков, проводившейся по всей территории СССР, подразумевался также вывоз польских подданных, освобождаемых из ГУЛАГа и со спецпоселения. В ходе этой масштабной акции только со спецпоселения в Казахстане было освобождено и репатрировано в Польшу 55,5 тыс. чел.²

С середины 1940-х гг. наряду с репатриацией продолжалась и вынужденная иммиграция поляков в СССР: в рамках интернирования и мобилизации было перемещено около 32 тыс. чел., большинство из которых поступило в лагеря НКВД, а их семьи были отправлены в ссылку. На

Среди 61 тыс. высланных доля этнических поляков была также значительной. В июне 1940 г. с территории Украины и Белоруссии были депортированы «беженцы» — в основном евреи (около 84 %) и поляки из числа бывших подданных Польши, которые не воспользовались программой оптации, оставшись на месте прежнего жительства. В результате этой операции на поселение поступило более 76 тыс. чел., которые были расселены в 14 восточных регионах страны. Депортации 1941 г. из Западной Украины и Западной Белоруссии, в ходе которых было выслано 22 тыс. чел., логически продолжили высылки 1940 г., в том числе под лозунгом борьбы с польскими националистами.

¹ Согласно справке Л.П. Берии на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова от 1 октября 1941 г., на 27 сентября 1941 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 12 августа 1941 г. из 391 575 польских граждан, находившихся в местах заключения, ссылке и высылке, освобождено из тюрем и лагерей 50 295 чел., военнопленных — 26 297, из спецпоселков, мест ссылки и высылки — 265 248 чел. — Катень. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катени. Документы. М., 2000. С. 374.

Согласно большинству записок 1944—1945 гг. наркома внутренних дел Берии на имя Сталина о бывших польских гражданах, общая численность поляков, находившихся на спецпоселении, составляла 243 106 чел., но ссыльные упоминаются также в составе 120 962 лиц, находившихся в тюрьмах, лагерях и местах ссылки. — ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 380—385; Д. 105. Л. 19—22.

² ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 18. Д. 139. Л. 24. Приведено по: Из истории поляков в Казахстане (1936—1956 гг.): сб. документов. Алматы, 2000. С. 225, 226.

протяжении 1945–1952 гг. из Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии на спецпоселение продолжали прибывать «кулаки», «бандиты-националисты», «оуновцы», «иеговисты», «андерсовцы» и др., в составе которых были и этнические поляки. В 1951 г. из Литовской, Украинской и Белорусской ССР поступили 4,5 тыс. «андерсовцев» и членов их семей, которые были репатриированы из зон оккупации союзников как этнические украинцы и белорусы. В 1951–1952 гг. из Белоруссии было выслано около 9 тыс. чел. — членов семей участников Армии Крайовы. Польские исследователи оценивают численность перемещенных в 1944–1952 гг. поляков не менее чем в 50 тыс. чел.

Внутриведомственная спецпереселенческая статистика выделяла поляков из числа других национальных групп, однако долгое время она учитывала преимущественно лиц, перемещенных из Западной Украины в 1936 г. По данным МВД СССР, на 1 января 1955 г. на поселении находилось 31 223 этнических поляка, из них 2320 чел. не воспользовались правом эвакуации в Польшу в 1945–1946 гг. и позднее были высланы на спецпоселение. В составе этой группы доминировали «раскулаченные» крестьяне, направленные в 1948–1952 гг. на спецпоселение из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы¹. Несмотря на незначительный удельный вес поляков, учитывавшихся как бывшие подданные Польши, число находившихся на спецпоселении лиц, которые могли бы оспорить предоставление советского гражданства в пользу польского, было значительным.

Приказом МВД СССР № 00205 от 23 мая 1955 г. предписывалось выявлять граждан «стран народной демократии» (в том числе Польши) с целью снять их со спецучета и начать процедуру репатриации на родину². Нам не удалось обнаружить специальных инструкций по выявлению подлежащих репатриации, однако в ряде других документов указывалось на лиц, «не воспользовавшихся правом на эвакуацию» в Польшу в соответствии с советско-польским соглашением от 6 июня 1945 г. Согласно инструкции СНК СССР от 13 декабря 1945 г., право на переселение имели лица, представившие документы о проживании на территории Польши до 17 сентября 1939 г. В середине 1940-х гг. для их выявления использовались имевшиеся в органах НКВД материалы паспортизации бывших польских граждан, проводившейся в 1943 г., и другие документы³. В качестве документального доказательства можно было также представить советский паспорт с отметкой о том, что он выдан на основании документов, указывающих принадлежность к польскому гражданству, либо польский паспорт, польский воинский билет, свидетельство о рождении, справку об амнистировании и др. Спустя десять лет в немногочисленных ведомственных уточнениях МВД, которые нам удалось выявить, указывалось, что репатриации подлежат следующие категории: этнические поляки — граждане СССР, до 1939 г. состоявшие в гражданстве Польши, а также члены их семей; этнические евреи — граждане СССР, до 1939 г. состоявшие в гражданстве Польши, а

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 239.

² ГА РФ. Ф. 9479 сч. Оп. 1. Д. 916. Л. 141.

³ Инструкция СНК от 13 декабря 1945 г. была разослана в советские инстанции и по линии НКВД. — Государственный архив Алматинской области (ГААО) РК. Ф. 685. Оп. 6с. Д. 76. Л. 28–31. Приведено по: Из истории поляков в Казахстане... С. 225–226.

также члены их семей; лица без гражданства, немцы — бывшие граждане Польши¹. В числе репатриантов могли оказаться как бывшие польские граждане, сосланные в 1939—1941 гг. и по разным причинам не выехавшие на родину в предшествующую репатриационную кампанию, так и лица, оказавшиеся на поселении после войны, прибывшие из лагерей или депортированные из западных областей УССР, БССР и Литовской ССР.

Учет иностранцев и лиц без гражданства, находившихся на спецпоселении и проходивших по документам ОВИР МВД, осуществлялся согласно приказу МВД СССР № 00116 от 12 марта 1955 г. (отметим в этой связи, что данные предшествующего учета иностранных поданных и лиц без гражданства из числа всех категорий ссыльных, проведенного в конце 1952 г., оказались явно заниженными²); выявление контингента, подходившего под условия репатриации, планировалось завершить к 20 июля 1955 г. Однако из-за отсутствия отлаженной системы учета в региональных отделах ОВИР эта работа в регионах затянулась. Лица, относившиеся к польскому контингенту, из числа спецпоселенцев и «досрочно освобожденных» со спецпоселения на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1955 г., были выявлены в 38 регионах СССР. Особо оговаривалось, что выявление подлежащих репатриации не должно проводиться в западных районах УССР, БССР и Прибалтике.

Региональные УМВД северных, уральских, сибирских и дальневосточных регионов трижды формировали списки спецпоселенцев, подлежащих репатриации; их выявление прошло и в центральных регионах СССР. Заполненные на местах опросные листы вместе со списками и заявлениями на выезд поступали в 4-й (спецпоселений) отдел МВД. В отношении лиц, уехавших из мест поселения, осуществлялись розыскные мероприятия, по итогам которых, в случае согласия на выезд, заполнялись опросные листы; в противном случае оформлялись письменные заявления «с отказом выехать в Польшу». Бланки опросных листов в срочном порядке доставлялись в регионы, где их заполняли сотрудники УМВД того региона, в котором был зарегистрирован спецпоселенец. Опросный лист содержал 13 пунктов, включавших персональную информацию, в том числе сведения о национальности, родном языке, гражданстве (и его изменении), об обстоятельствах прибытия в СССР, о наличии родственников, проживающих за границей, о стране выезда (с указанием желающих выехать членов семьи), а также информацию о том, где отбывал ссылку³. В архиве Отдела спецпоселений МВД СССР отложились также личные заявления с добровольным отказом от выезда в Польшу. Среди причин отказов доминируют преклонный возраст, наличие «русской супруги» и хозяйства по месту проживания; крайне редки случаи отказов на том основании, что репатрианты идентифицируют себя в качестве русских и планируют ходатайствовать о получении гражданства СССР⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 9479 сч. Оп. 1. Д. 916. Л. 8.

² По состоянию на 1 января 1953 г. доля иностранцев и апатридов в составе спецконтингента была минимальной: на начало 1953 г. — всего 646 чел. (или 0,03 %), в том числе иноподданных — 472, лиц без гражданства — 174 чел. — См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 207.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 916. Л. 188—188об.

⁴ Там же. Д. 917. Л. 16.

Заключение о целесообразности выезда из страны делали 1-й и 4-й спецотделы МВД, затем кандидатуры будущих репатриантов согласовывались с КГБ. Списки на выезд поступали на визирование в МИД СССР, где только 25 июня 1955 г. стало известно о положительном решении по репатриации и проводимых в этой связи мероприятиях. Только после этого списки передавались на рассмотрение в посольство Польши. На стадии формирования списков наблюдалось массовое обращение спецпоселенцев, заключенных и жителей западных регионов СССР в учреждения исполнительной власти, МВД, прокуратуру и посольство ПНР как по вопросам подтверждения гражданства и места проживания на момент высылки, так и с ходатайствами о воссоединении семей и возможности выезда всех членов семьи репатрианта.

По данным МВД СССР, на начало мая 1955 г. в местах поселений оставались 280 чел., заявивших о своей гражданской принадлежности к Польше, 964 поляка и 41 еврей из числа граждан СССР, состоявших до 1939 г. в польском гражданстве, 54 чел. из числа членов семей, которые также изъявили желание выехать в Польшу. Польские подданные были выявлены в шести регионах СССР, в том числе в Красноярском крае (114 чел.), Казахской ССР (64 чел.), Коми АССР (80 чел.), в Магаданской обл. (22 чел.). По состоянию на 8 июля 1955 г. общее число учтенных советских граждан, имевших до 1939 г. польское гражданство, увеличилось до 1203 поляков и 44 евреев¹. Советские граждане, подходившие под условия репатриации, проживали в 17 регионах. Самые значительные польские контингенты, соответствующие условиям репатриации, были выявлены в Красноярском (282 чел.) и Хабаровском краях (262 чел.), в Коми АССР (246 чел.), Магаданской области (147 чел.)².

По мере получения информации от региональных УМВД число лиц из состава спецконтингента, претендовавших на выезд из СССР, постоянно росло, на репатриантов оформлялись учетные дела, которые передавались на хранение в КГБ. На 5 августа 1955 г. органы МВД в местах поселений учли 3878 чел., изъявивших желание выехать в Польшу, из них 2320 чел. были гражданами СССР польской национальности³.

Большинство поляков из числа спецпоселенцев, заявивших о выезде в Польшу, были жителями западных территорий Украины и Литвы, из них насчитывалось 1257 «кулаков и членов их семей», 663 «андерсовца», 325 «членов семей бандитов-националистов», 75 иеговистов⁴. В составе репатрируемых были высланные как в предвоенные, так и в послевоенные годы, в числе последних значительной была доля «андерсовцев» и участников Армии Крайовой, которые до сентября 1939 г. являлись польскими гражданами. Они, будучи сосланы в основном в Иркутскую обл., ходатайствовали о выезде в Польшу; более того, само МВД рекомендовало ЦК КПСС разрешить выезд этих лиц в Польшу⁵. Документы МВД Литвы и анализ архивных дел спецпоселенцев-поляков — уроженцев Лит-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 916. Л. 6, 8.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 12–14.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же.

вы, отбывавших ссылку в Иркутской области, также свидетельствуют, что в составе репатриированных оказалось 420 поляков, высланных из республики в ходе депортаций мая 1948, апреля 1949 и апреля 1952 г.¹

В условиях проведения очередной репатриационной кампании для урегулирования процедуры выезда со спецпоселения МВД СССР обратилось в ЦК КПСС со специальным запросом. По итогам его рассмотрения Президиум Верховного Совета 13 июля 1955 г. принял специальное постановление, распространявшее ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. на лиц польской и еврейской национальности, выразивших желание эвакуироваться из СССР в Польшу. Наряду с принятым упрощенным порядком выезда значительная часть ходатайств рассматривалась на общих основаниях через ОВИР. Польская сторона не настаивала на смене гражданства² и в большинстве случаев уже в октябре дала согласие на въезд в страну советских граждан польской и еврейской национальности. Все поляки и евреи как бывшие польские граждане автоматически лишались советского гражданства после пересечения границы. Этот принцип оговаривался еще репатриацией 1946 г. В отношении лиц русской, украинской, белорусской и других национальностей, выезжавших в составе семей репатриантов, МИД СССР оформил совзагранвиды³, хотя вплоть до момента пересечения границы среди русских женщин, выезжавших в составе семей поляков и евреев, велась довольно жесткая агитационно-разъяснительная работа относительно самой «целесообразности выезда в Польшу». Что касается несовершеннолетних детей, выезжавших с родителями на постоянное жительство в Польшу и другие восточно-европейские страны, было оформлено специальное решение Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС 20 декабря 1955 г. Нередки были случаи, когда родители отказывались от выезда либо задерживались, пытаясь забрать детей, которые не были с ними на поселении, а проживали у родственников. В архивах сохранилось много свидетельств того, насколько сложно давались решения о выезде тем, у кого оставались в СССР близкие родственники.

По статистике МВД, общее число лиц, попавших в категорию «репатриантов в Польшу», составило 4228 чел. Именно эта цифра фигурировала в постановлении Совета министров СССР № 1848-989с от 31 октября 1955 г.⁴ МИД СССР трижды (27 августа, 19 сентября и 9 ноября) передавало польской стороне списки на 1787, 2332 и 4379 чел. соответственно. В октябре 1955 г. Польша согласилась принять не только своих граждан, но также 2332 советских гражданина польской и еврейской национальности⁵, при этом 140 членов семей были русскими, украинцами, белорусами и представителями других национальностей. В ноябре того же года был решен вопрос о въезде еще 147 граждан СССР. В целом с начала 1950-х гг. возможность выезда в Польшу на постоянное жительство для советских граждан сохранялась, хотя и была крайне затруднена. Общее

¹ Lietuvos Ypatingas Archyvas (LYA). Ф. V-135. Оп. 7. Д. 508.

² ГА РФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 916. Л. 114.

³ По данным М. Рухневич, в 1955 г. в ПНР по советским видам на жительство на постоянное жительство въехало 1834 чел.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 916. Л. 79.

⁵ Там же. Л. 95, 97, 98.

количество лиц, выехавших в Польшу в первой половине 1950-х гг., составило около 1 тыс. чел.

Уже после окончания репатриационной кампании, в декабре 1955 г., региональные МВД столкнулись с массовыми обращениями лиц, находившихся на спецпоселении, которые просили подтвердить их принадлежность к польскому государству и ходатайствовали о выезде. Между тем, в соответствии с приказом МВД № 0611 от 24 декабря 1955 г., упрощенная процедура выезда лиц, находящихся на спецпоселении, была отменена, и выезд стал возможен только в общеустановленном порядке¹; упрощенный порядок выезда вновь был введен в 1957–1959 гг. Репатрианты с момента пересечения советско-польской государственной границы утрачивали гражданство СССР и автоматически приобретали гражданство Польши. Одновременно предпринимались попытки введения института двойного гражданства, и факты его получения имели место, но в 1965 г. от этой практики окончательно отказались².

По итогам репатриационной кампании 1955 г. советской стороной было отказано в выезде в Польшу 1094 чел., из которых 560 заявителей вообще не были включены в списки на репатриацию, а остальные получили именно отказ. Основная причина отказов — отсутствие документов, подтверждающих польскую национальность и принадлежность к польскому государству на 19 сентября 1939 г. (факт проживания или документы о польском гражданстве). Отказы также могли быть обусловлены тем, что в СССР оставались прямые родственники, которым было отказано в выезде или они не успели оформить разрешение. Уже после репатриации, в начале 1956 г., учитывая наличие претензий с польской стороны³, МВД СССР сформировало и передало Польше списки тех, кто не был репатрирован по причине смерти, болезни, отказа от выезда, отбытия со спецпоселения и неустановленного местонахождения.

Для осуществления репатриации в страны «народной демократии» планировалось уже к середине сентября подготовить сборные пункты временного содержания репатрируемых в местах формирования эшелонов. Доставка сюда спецпоселенцев, подлежащих репатриации, проводилась организованно, за счет МВД. Зафиксированы случаи, когда люди самостоятельно добирались до Москвы или региональных центров и там ожидали решения о выезде. Часть репатриантов вывозилась непосредственно со спецпоселения в региональные центры, другие концентрировались в лагерях для иностранных военнопленных. Их вместимость на территории Иркутской области составила 2 тыс. чел., Красноярского и Хабаровского краев — 1 тыс., Свердловской области — 500 чел., Казахской ССР (Кара-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 917. Л. 273.

² В 1956–1958 гг. со многими странами социалистического блока были подписаны двусторонние конвенции об урегулировании вопроса о гражданстве для лиц с двойным гражданством (бипатридов). Подписанные договоры об институте двойного гражданства носили формальный характер, поэтому в 1960-е гг. СССР заключил ряд новых договоров о предотвращении возникновения подобных случаев.

³ М. Рухневич отмечает, что совокупная численность поляков, претендовавших на репатриацию по советским и польским спискам, составляла более 10 тыс. чел. Польская сторона утверждала, что не все поляки, находившиеся в лагерях и на спецпоселении, стали участниками репатриационной акции. — Рухневич М. «Возвращаемся на Родину, радость наша безгранична...» С. 501.

гандинской обл.) — 400, Таджикской ССР — 350, Коми АССР — 250 чел. Однако репатриация затянулась, среди основных причин задержек назывались сложности с доставкой людей из отдаленных комендатур, проволочки с оформлением документов на выезд членов семьи и проверкой списков, несогласованность действий между советской и польской стороной, нарушение сроков и масштабов репатриации, неподготовленность приемных пунктов на польской границе, которые не справлялись с единовременным прибытием крупных партий репатриантов.

В связи с неразберихой спецпоселенцы не могли предпринять заблаговременных действий по увольнению и ликвидации имущества, на сборы давалось не более 10 дней, репатриантам разрешалось взять личные вещи и продукты питания. Многие не получили расчет по месту работы, и задолженность по зарплате компенсировалась одеждой, продуктами питания и облигациями госзайма. В документах 4-го отдела МВД СССР есть упоминание о курьезном случае, когда один из репатриантов вывозил с собой 6 т пшеницы и 2 т муки¹.

За транспортировку репатриантов отвечали отделы спецпоселений и перевозок МВД СССР. Формирование спецэшелонов с репатриантами-поляками было завершено к середине ноября 1955 г., им присваивался пятизначный номер, который сохранялся на все время пути. Спецэшелон возглавлял начальник, его сопровождали два заместителя — по оперативной работе и по снабжению и два медроботника. Репатриантам выдавалось единовременное безвозвратное пособие в размере 300 руб. на взрослого и 200 руб. на ребенка. В пути следования организовывались пункты питания, также выдавался сухой паек на несколько дней.

Всего из СССР было отправлено девять эшелонов, все они прибыли в Польшу. Судить о численности репатриантов позволяет отчетная документация Отдела перевозок МВД СССР и материалы Бюро уполномоченного по делам репатриации при правительстве ПНР. Несмотря на довольно подробную информацию о движении и наполнении эшелонов, данные этих ведомств не в полной мере позволяют восстановить численность выехавших и прибывших. Исследователям пока недоступны и поэшелонные списки репатриантов, на основании которых численность репатриантов может быть скорректирована.

Движение и наполнение «польских» эшелонов*

№ эшелона (время в пути)	Станция комплектования (и догрузки)	Общая численность убывших	Станция разгрузки	Численность при- бывших
№ 97568 (14.11 — 3.12.1955)	Хабаровск (Биробиджан, Улан-Удэ, Новосибирск, Омск, Тюмень, Свердловск, Агрыз, Перово)	450	Новы (Новый) Сонч	440
№ 97569 (19.11 — 30.11.1955)	Красноярск (Пермь)	628	Новы Сонч	623
№ 97570 (24.11 — 07.12.1955)	Иркутск	993	Журавицы, Гижицко	991

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 918. Л. 2.

№ эшелона (время в пути)	Станция комплектования (и догрузки)	Общая численность убывших	Станция разгрузки	Численность прибывших
№ 97571 (30.11 — 09.12.1955)	Караганда (Акмолинск, Поть- ма)	466	Санок	468
№ 97735 (03.12 — 18.12.1955)	Черемхово (Иркутская обл.)	1074	Новы Сонч	(Ок. 1000)**
№ 97736 (04.12 — 13.12.1955)	Воркута (Инта, Ухта, Печера, Княж-Погост, Коноша)	374	Новы Сонч	(375)
№ 97737 (15.12.1955 — 6.12.1956)	Хабаровск	333	Санок, Новы Сонч	897
№ 97738 (16.12 — 28.12.1955)	Красноярск (Свердловск)	797	Журавицы, Гижицко	Ок. 813
№ 97739 (21.12.1955 — 3.01.1956)	Черемхово (Тайшет, Омск, Но- восибирск, Петропавловск, Свердловск)	678	Новы Сонч	Нет данных

* Составлена по: ГА РФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 918.

** Нам представляется, что приблизительная численность в 1 тыс. чел. для эшелона № 97735 указана ошибочно, она относится к транспорту № 97736.

С хабаровским эшеломом № 97568 первоначально было отправлено 274 чел., на 8 крупных станциях было подсажено 176 чел., в том числе 57 в Улан-Удэ, 52 в Новосибирске и 45 чел. в Свердловске. Еще один хабаровский эшелон № 97737 вывез 333 чел. В составе красноярского эшелона № 97569 отбыл 561 чел., он доукомплектовывался в Перми (67 чел.), таким образом, общая численность выехавших составила 628 чел. Еще один красноярский эшелон № 97738 доукомплектовался в Свердловске и далее по ходу движения. Иркутский эшелон № 97570 был полностью загружен еще на станции комплектования. Карагандинский эшелон № 97571, в котором первоначально находилось 435 чел., был доукомплектован в Акмолинске и Потье. Черемховский эшелон № 97735, в котором находилось 1074 чел., был полностью укомплектован в месте посадки. Воркутинский эшелон № 97736, вывозивший спецпоселенцев из Коми АССР, первоначально насчитывал 103 чел., основные посадки были произведены на станциях Инта (135 чел.), Ухта (61 чел.) и Печора (30 чел.). В составе сформированного в Черемхово эшелона № 97739 отбыло 337 чел., почти столько же (334 чел.) добавилось в Тайшете. Всего, согласно статистике, в 9 эшелонах с территории СССР отбыло в ПНР 5793 чел. По данным отдела спецпоселений МВД СССР, на 11 января 1956 г. польской стороне было передано 5694 чел., в том числе 4487 взрослых и 1207 детей¹. Таким образом, внутриведомственная статистика МВД дает расхождение в 99 чел., что вполне может объясняться тем, что часть людей была снята с поезда или задержалась с отъездом. Согласно подсчетам М. Рухневич, число прибывших в Польшу составило 5702 чел.

Передача репатриантов властям ПНР осуществлялась на пограничных пунктах Мостиско (через него въехало абсолютное большинство) и Брест. По свидетельствам репатриантов, советские органы изымали документы,

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 918. Л. 1.

свидетельствующие о пребывании в лагерях и на спецпоселении. Советские источники подтверждают, что в ходе таможенного досмотра иногда изымались трудовые книжки и ценности. По прибытию на территорию Польши репатрианты направлялись в репатриационные пункты в Новы Сонч, Санок, Журавицы и Гижицко, где и проводились фильтрационные процедуры, документация по которым отложилась в Центральном архиве Министерства внутренних дел и Администрации Республики Польша. И советские и польские документы фиксируют антисоветские высказывания и проявления антисоветских настроений среди репатриантов в первую очередь из числа участников Армии Крайовой, как в пути следования, так и после прибытия в Польшу.

Проведение репатриационной кампании в 1955 г. позволило спустя 10 лет после окончания войны возобновить программы обмена населением между СССР и Польшей. Летом 1956 г. в Москве прошли советско-польские переговоры по вопросам дальнейшей репатриации. Постановление Совета Министров № 1101-532 от 20 июля 1956 г. еще на год продлило срок репатриации, а Постановление Совета Министров № 2073-1123 от 15 декабря 1956 г. подтвердило право бывших польских граждан на репатриацию в Польшу.

Г.П. Мурашко

**КАК И ГДЕ РЕШАЛАСЬ СУДЬБА
ВЕНГЕРСКОГО МЕНЬШИНСТВА В СЛОВАКИИ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по материалам российских архивов)**

Вторая мировая война породила в чешском и словацком обществе устойчивый синдром боязни национальных меньшинств. Его появление, закрепленное в исторической памяти этих народов, было вызвано тем, что немецкое и венгерское население, проживавшее на территории довоенной Чехословацкой республики, использовалось государствами фашистского блока в качестве инструмента экспансии и ликвидации территориальной целостности страны. Прямым следствием чего и стало стремление сложившегося в ходе антифашистской борьбы Национального фронта чехов и словаков ликвидировать проблему национальных меньшинств и возродить послевоенное государство как государство двух этнически родственных народов — чехов и словаков. Этот принцип был закреплен в Кошицкой программе правительства Национального фронта. Проект данной программы, разработанный коммунистической эмиграцией в Москве, как свидетельствуют документы российских архивов, проходил экспертизу в ЦК ВКП(б), а также в Министерстве иностранных дел СССР. С ним знакомились Г. Димитров, В.М. Молотов, В.А. Зорин. Наиболее обстоятельными были замечания Зорина, подготовленные в марте 1945 г. В них отмечалось, что в предложенном проекте программы практически отсутствуют обязательства правительства по обеспечению прав национальных мень-

© Г.П. Мурашко, 2012

шинств. При этом Зорин подчеркивал, что речь идет прежде всего об украинцах и русинах. Что же касается других меньшинств, в частности венгров и немцев, то суть его замечаний сводилась лишь к тому, что для лиц венгерской и немецкой национальности нельзя автоматически утверждать чехословацкое гражданство. «Очевидно требуется персональный подход в каждом отдельном случае»¹.

Однако реальная политика в области национальных отношений оказалась весьма далекой от программных установок, разработанных весной 1945 г. Идея необходимости ликвидации в Словакии венгерского меньшинства превалировала в национальной политике ЧСР весьма длительное время. Материалы российских архивов, особенно записи бесед чехословацких политиков с советскими руководителями и дипломатами, показывают, сколь настойчиво чехословацкое правительство буквально с момента, когда встал вопрос о заключении соглашения перемирия с Венгрией, добивалось от советской стороны фиксации своего права на выселение с территории ЧСР всех венгров, а также фиксации обязательства венгерского правительства принять этих переселенцев. Посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер 9 января 1945 г. в беседе с В.А. Зориным убеждал последнего: «Обстановка в Чехословакии может сложиться так, что венгры сами будут вынуждены перебираться в Венгрию и могут оказаться в тяжелом положении»². Чехословацкая сторона считала необходимым внести в соглашение о перемирии специальный пункт о том, что «венгры, имевшие ранее чехословацкое гражданство, и будучи лишенными его, будут признаны Венгрией венгерскими гражданами и впущены на ее территорию. Венгрия будет нести заботы об этих лицах с момента перехода ими венгерской границы и заботиться об их устройстве»³.

Однако советская сторона, учитывая позиции своих западных союзников, особенно Великобритании, официальные круги которой на завершающем этапе войны весьма сдержанно относились к идее массовых переселений, не считала возможным поддерживать такие инициативы чехословацкого правительства. Советские дипломаты (на это следует обратить особое внимание) настоятельно рекомендовали чехословацкой стороне отложить рассмотрение вопроса о переселении венгров до заключения мирного договора⁴.

Реальная обстановка в самой Чехословакии ко времени завершения советской армией ее освобождения оказалась более сложной, чем представлялось в момент заключения перемирия с Венгрией. В апреле 1945 г. Зорин, назначенный послом в Чехословакию, срочно сообщал в Москву, что, по сведениям, полученным от министра внутренних дел коммуниста В. Носека, Словацкий национальный совет (СНС), являвшийся фактически высшим органом власти в Словакии, предполагает в ближайшее время провести операцию по выселению венгров с территории Словакии. «Причем словаки намерены выселить всех венгров, что Носек считает

¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 2000. Т. 1. С. 176.

² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: В 2 т. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1: 1944–1948. С. 134.

³ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 15. Д. 195. Л. 1а.

⁴ Там же.

неправильным», — подчеркивал Зорин¹. Он подробно информировал Москву о расхождениях в этом вопросе СНС и министра центрального правительства В. Носека. Последний, по словам советского дипломата, исходил из того, что в первую очередь следовало выселять лишь тех венгров, которые прибыли в Словакию после ее оккупации Венгрией в 1938 г. Таких венгров, по мнению Носека, насчитывалось около 3—4 тысяч, «...остальных венгров нельзя сейчас выселять, не проделав предварительной работы, в частности надо объявить трудовую повинность для всех немцев и венгров, находящихся в Словакии, затем создать концлагеря, куда направить тех венгров, которые были не лояльны по отношению к Чехословацкой республике, а затем уже из них отобрать тех, кого надо выселить за пределы Чехословакии»². Носек считает неправильным проводить сейчас общее выселение венгров — таков был вывод Зорина.

Тем не менее позиция СНС находила значительно бóльшую поддержку у президента страны Э. Бенеша, чем у министра внутренних дел правительства. Уже с первых месяцев 1945 г. Э. Бенеш в своих выступлениях ставил вопрос о необходимости выселения из страны не только немцев, но и 550 тыс. венгров. Такая позиция главы государства была отнюдь не случайной. Он располагал информацией, с одной стороны, о наличии сильных антивенгерских настроений в словацком обществе, а с другой — об определенном недоверии к нему, Бенешу, со стороны ряда ведущих словацких политиков. Для укрепления своего влияния в их среде он и шел им на уступки по вопросу о судьбах венгерского меньшинства, опираясь на пока еще неофициальное согласие советского руководства. Об этом, в частности, свидетельствует письмо А. Керра Молотову от 11 апреля 1945 г.: «Когда президент Бенеш был в Москве, я узнал от него, что советское правительство согласилось с его предложениями о выселении примерно двух третей германского и венгерского меньшинства из Чехословакии...»³

Выступления Э. Бенеша и особенно принятие 19 мая 1945 г. декрета о наказании военных преступников стимулировали активность местных словацких властей. Свидетельством тому является весьма любопытный документ, поступивший в ЦК ВКП(б) на имя Г. Димитрова от начальника VII управления ПУ РККА генерала Бурцева. Последний сообщал 19 июня 1945 г.: «В настоящее время в связи с заявлением Бенеша от 12 мая с. г. о том, что все немцы и венгры будут выселены с территории Чехословакии, местные административные органы принимают меры для практического выполнения этого указания»⁴. К этому времени СНС, обсудив вопрос о выселении венгров, принял решение провести эту акцию «возможно быстрее и сделать это до того, как другие союзники начнут заниматься этим вопросом. Словацкий Национальный Совет подготавливает выселение в течение трех месяцев до 400 тыс. венгров из южных районов Словакии»⁵.

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 199.

² Там же. С. 199.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 725. Л. 6.

⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 224.

⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 17.

Генерал Бурцев, информируя ПУ РККА о ситуации в Словакии, сообщил: «Прием венгров в партию (имеется в виду компартия Словакии. — *Г. М.*) приостановлен. Новым членам партбилеты не выдаются. О старых членах ЦК решает в индивидуальном порядке... Происходит активизация шовинистических элементов. В Левнице комендант чехословацкого гарнизона капитан Куница велел напечатать и расклеить лозунги: “Кто не хочет говорить по словацки, будет выселен за Ипель! Мы у себя здесь дома, мы господа! Словаки[,] говорите громче!”... Выселение венгров проводится грубыми методами. Венграм не предоставляется ни времени для продажи или сдачи на хранение своего имущества, ни транспорта; поэтому дети, старики, больные, беременные женщины вынуждены идти пешком десятки километров до венгерской границы. Старые работники компартии венгерской национальности, будучи не в состоянии прекратить незаконные действия местных властей, уезжают в Венгрию»¹. В заключение Бурцев отмечал, что действия местных властей, направленные против венгров, не согласовываются с советскими военными комендатурами, а иногда местные власти поступают вопреки распоряжениям комендантов. Нередки случаи, когда красноармейцы по собственной инициативе препятствуют применению грубых методов по отношению к венграм.

Эта информация, как свидетельствуют материалы Архива Президента РФ, Г. Димитровым была направлена В.М. Молотову. В сопроводительном письме Димитров писал: «Из этого и других материалов, которыми мы располагаем, видно, что методы, применяемые словацкой администрацией при решении венгерского вопроса, неправильны и могут повлечь за собой неблагоприятные последствия. По нашему мнению, следовало бы в соответствующей форме обратить на это внимание представителей чехословацкого правительства»². Оба приведенных выше документа позволяют констатировать, что в них осуждается не столько факт принудительного переселения венгров, сколько жесткие методы проведения этой акции.

Начавшееся переселение не могло не вызвать в Венгрии острой реакции всех политических партий, включая коммунистов. Некоммунистические партии напрямую связывали начавшиеся акции по переселению «с рукой Москвы», называя их «пробным шагом Молотова»³. Некоторые материалы российских архивов хотя и не дают прямых подтверждений такой оценке, тем не менее «высвечивают» и проясняют позицию советского руководства. На встрече И.В. Сталина и В.М. Молотова с премьер-министром Чехословакии З. Фирлингером и зам. министра иностранных дел В. Клементисом, состоявшейся 28 июня 1945 г., в ходе обсуждения ситуации в Закарпатской Украине и Тешинской области чехословацкой стороной был поставлен вопрос о выселении немцев и венгров. В протоколе беседы записано: «Фирлингер спрашивает, как быть с выселением немцев и венгров из Чехословакии. И.В. Сталин говорит: “Мы мешать Вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими”. Фирлингер просит в связи с этим дать указание советским военным о содействии этому выселению немцев и венгров. И.В. Сталин

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 224, 225.

² АП РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1357. Л. 210.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 28. Д. 32. Л. 71.

спрашивает:] “А разве наши военные препятствуют этому?” Фирлингер говорит, что препятствий нет, но хотелось бы иметь активное содействие». Однако, как следует из протокола, Сталин уходит от прямого ответа, переключив внимание собеседников на проблему необходимости урегулирования отношений с Польшей в районе Тешина¹. На основе этой записи можно сделать вывод, что Сталин летом 1945 г., по существу, еще ставил знак равенства между акциями по выселению немцев и венгров.

Но в кругах официальной дипломатии во второй половине 1945 г. все более широко обсуждалось предложение отложить решение вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии до будущей мирной конференции с тем, чтобы вывести его из одной плоскости с решением вопроса о немцах. Думается, что важную роль в этом сыграло соглашение между Чехословакией и Венгрией об обмене населением, заключенное в феврале 1946 г. С его принятием проблема венгерского меньшинства в Словакии была переведена в плоскость двусторонних отношений и четко отделена от решения немецкого вопроса.

Однако при реализации заключенного соглашения стороны, подписавшие его, столкнулись с большими трудностями, поскольку стояли на позициях, существенно различавшихся по конечным целям. Чехословацкая сторона рассчитывала провести обмен населением таким образом, чтобы превратить районы компактного проживания венгров в чисто словацкие. Венгерская же сторона категорически отказывалась принять то количество переселенцев, на которое рассчитывали словацкие власти. Венгры мотивировали свою позицию тем, что не смогут обеспечить для 650 тыс. переселенцев соответствующих экономических условий жизни, и настаивали на предоставлении остающемуся в Словакии венгерскому меньшинству равных со словаками гражданских прав, которых оно было лишено сразу после окончания войны.

Создавалась, по существу, тупиковая ситуация. Соглашение об обмене населением фактически не выполнялось. Дело доходило до открытых конфликтов. Чехословацкая сторона, стремясь ускорить процесс переселения венгров, в ответ на отказ Венгрии принять транспорт с переселенцами запретила пропуск через свою территорию эшелонов с немецким населением, переселяемым из Венгрии в советскую зону оккупации Германии².

В условиях такого острого чехословацко-венгерского противостояния Москва получала весьма выгодную роль арбитра. Поддерживая то одну, то другую сторону, советское руководство использовало «национальную карту» для того, чтобы влиять на происходящие в обеих странах процессы постепенного усиления позиций коммунистов в системе власти, способствуя тем самым продвижению их к установлению властной монополии.

По мере приближения сроков мирной конференции нажим советской стороны и на Чехословакию, и на Венгрию стал усиливаться. В апреле 1946 г. Сталин принял венгерскую делегацию во главе с Ф.Надем. Этой встрече предшествовала беседа Молотова с министром иностранных дел

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 232.

² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 31. П. 150. Д. 31. Л. 17.

Дьендеш, где вопрос о положении венгерского населения в Словакии был представлен венгерской стороной как требующий неотложного решения. На встрече со Сталиным венгерская делегация представила аргументацию своей позиции «о судьбе венгерского народа, проживающего в Чехословакии», предложив советским лидерам два варианта решения данного вопроса. Первый — мирный договор должен обязать Чехословакию обеспечить венгерскому меньшинству условия полного равноправия, чтобы «венгры могли свободно жить и развиваться, как это осуществлено в Югославии и в соответствии с тем, как решен национальный вопрос в СССР». Думается, что такая аргументация была или наивной идеализацией национальных отношений в СССР, или это был тонкий дипломатический ход, обращенный к Сталину, считавшему себя теоретиком по национальному вопросу. В ходе беседы Надь акцентировал внимание собеседников на том, что со стороны государственных деятелей ЧСР неоднократно делались заявления о намерениях ликвидировать венгерское меньшинство. Учитывая это, венгерская сторона предлагала второй вариант решения рассматриваемой проблемы. Теперь речь шла о том, «чтобы часть чисто венгерских областей, населенных компактными венгерскими массами... вернуть Венгрии, с тем, чтобы в случае дальнейшего стремления Чехословакии ликвидировать национальные меньшинства, иметь возможность разместить там население»¹. Надь уверял советскую сторону, что правильная реализация любого из этих решений успокоит венгров и создаст базу для установления добрососедских отношений между двумя странами.

Сталин же в ходе беседы предложил венгерской стороне все-таки встать на путь обмена населением, подчеркнув при этом, что при обмене «количество не играет роли... Кто хочет, тот может вернуться на Родину, а кто остается, тот должен пользоваться свободой и правами»². В ходе обсуждения Сталин изложил свое понимание позиций чехословацкой стороны, разъясняя венгерским собеседникам: «Чехи хотят удовлетворить все просьбы словаков, которые неохотно остались в составе Чехословакии. Словаки хотят расправиться с венграми, а чехи не препятствуют этому. Это несправедливо, что венгерскому населению не предоставляют прав, школ и т.д.». Затем Сталин вновь возвратился к идее обмена населением. «Обмен населением мог бы быть произведен, такой подход был бы аналогичен разрешению вопроса между Польшей и Литвой <...> для Венгрии лучше получить из Чехословакии венгров, так как они будут денационализированы. Таким образом, с точки зрения национальной политики целесообразнее получить венгров», — подвел он итог обсуждению вопроса³.

Насколько позволяют судить доступные в настоящее время документы, реализация мер, предлагаемых Сталиным венгерской делегации, началась незамедлительно. 30 апреля в Париже Молотов говорил с полномочным представителем чехословацкого правительства В. Гайду по вопросам переселения венгерского населения из южных районов Словакии. Гайду информировал Молотова, что чехословацкое правительство предлагает по-

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 413, 414.

² Там же.

³ Там же. С. 415.

ставить этот вопрос на мирной конференции. Молотов, в свою очередь, настаивал на том, что по проблемам переселения немцев и венгров следует делать различия. Он настойчиво рекомендовал чехословацкой стороне принять энергичные меры, чтобы договориться с венграми об обмене населением на той же основе, на которой СССР договорился о переселении населения с Польшей. Гайду, ссылаясь на опыт прошлого, упорно доказывал, что между венграми, живущими в Чехословакии, и немцами нет разницы: «Венгры проявили себя также нелояльно по отношению к Чехословакии, как и немцы, ратуя за расчленение Чехословакии. С чехословацкой точки зрения венгры в Чехословакии будут всегда представлять опасность для чехословацкого государства»¹. В ходе обмена мнениями Молотов настойчиво выяснял у чехословацкого дипломата, какой информацией последний располагает относительно позиции США и Англии. Гайду вынужден был признать, что «представители чехословацкого правительства неоднократно делали демарши перед послами Англии и США, но до сих пор не получено официального ответа». По сведениям Гайду, английская сторона высказала сомнение, что подобный вопрос должен быть включен в проект договора с Венгрией. Получив такую информацию, Молотов в конце беседы делает заключение: надо было более энергично действовать после окончания войны. Такая позиция советского министра иностранных дел, по существу, перечеркивала те рекомендации, которые давались чехословацкому правительству советскими дипломатами ранее, во время заключения перемирия с Венгрией.

Было очевидно, что чехословацкой стороне не удастся добиться на мирной конференции согласия великих держав на тотальное переселение венгров из Словакии. Оставался лишь путь обмена населением через договоренности с венгерским правительством. Но он, по-видимому, чехословацким политикам представлялся малоэффективным для достижения их целей. Неслучайно Готвальд говорил, что после окончания обмена «мы будем продолжать добиваться, чтобы остающаяся часть венгерского населения была выселена в Венгрию, а южные границы Словакии стали снова словацкими»².

В такой напряженной обстановке в течение 1946–1947 гг. власти Праги и Братиславы стали расширять начавшиеся еще в 1945 г. акции по принудительному переселению венгерского населения из мест их компактного проживания в западные и северо-западные районы Чехии. Здесь создавались так называемые трудовые поселения. Для юридического обоснования этой акции был использован декрет президента о трудовой повинности лиц, не занятых полезным трудом. В соответствии с этим декретом, по данным, поступившим в МИД СССР, около 50 тыс. венгров было отправлено на работу в промышленность и сельское хозяйство Чехии³. Советское посольство в своем политическом отчете, анализируя состояние межнациональных отношений в Чехословакии, вынуждено было констатировать «бесправное положение венгерского меньшинства»: «Это... вызывало возмущение народно-демократической Венгрии. Сама Венгрия

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 431, 432.

² Там же. С. 849.

³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 107. Л. 102.

проводила совсем другую национальную политику в отношении словацкого меньшинства на венгерской территории. Она дала словакам все права и требовала от ЧСР такого же решения вопроса»¹.

Венгрия и ЧСР, по сути, оказались в состоянии конфликта, как и лидеры КПЧ и ВКП. М. Ракоши с весны 1947 г. предпринимал весьма энергичные попытки нажима на советское руководство, добиваясь помощи СССР в деле урегулирования вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии. Беседуя с Молотовым 27 апреля 1947 г., он подчеркивал, что отношения с Чехословакией очень плохие: «...Сейчас идет обмен населением между двумя странами. Это стоит нам 200 млн форинтов, что составляет 7 % бюджета. Чехословаки берут у нас пролетариев, а нам присылают крестьян-богачей. Мы все делаем, чтобы урегулировать отношения с чехословаками, но до сих пор это не удается... Венгерских коммунистов в Чехословакии преследуют... Чехословаки хотели расселить венгров, направив их в Судетскую область, но потом отказались от этого. Тогда они стали использовать венгров как чернорабочих. Дело зашло в тупик. Контакты с компартией Чехословакии у нас нет»². В российских архивах хранятся письма Ракоши на имя Сталина, Молотова, записи его бесед в ЦК ВКП(б). Везде красной нитью проходила одна идея: политикой преследования венгерского меньшинства в Словакии чехословацкие коммунисты наносят вред политическим позициям венгерских коммунистов в стране. В некоторых письмах он доходит до прямой клеветы на отдельных, наиболее популярных тогда в Словакии коммунистических политиков, таких как Г. Гусак, В. Клементис, Л. Новомеский, обвиняя их в словацком национализме и антисемитизме³.

Запоздалые попытки Готвальда осенью 1947 г. получить поддержку своих позиций в Москве оказались малоэффективными. Москва теперь твердо исходила из того, что Праге более целесообразно будет добиваться договоренностей об обмене населением с новым венгерским правительством, в котором к этому времени наконец-то существенную роль стали играть коммунисты. К сожалению, мы не располагаем материалами о тех конкретных шагах, которые были предприняты ЦК ВКП(б) по урегулированию отношений между руководствами двух компартий в вопросе о положении венгерского меньшинства в Словакии. Но о том, что такие шаги предпринимались, косвенно свидетельствует тот факт, что на рубеже 1947–1948 гг. официальная позиция руководства КПЧ стала заметно меняться. В январе 1948 г. венгерская сторона получила из международного отдела ЦК КПЧ неофициальную информацию, что после парламентских выборов в Чехословакии, которые должны состояться в мае 1948 г., венгерскому населению Словакии будут предоставлены равные с чехами и словаками права, и вопрос о выселении будет вообще снят. К этому же времени относится и беседа посла СССР в Праге М.А. Силина с Р. Сланским и В. Широкич. В ходе беседы последние рассказывали, что их недавно вызывал Готвальд и «предложил окончательно решить венгерский вопрос. <...> Венгерцам (так в тексте. — Г. М.) дадут все конституцион-

¹ АВР РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 107. Л. 102.

² Восточная Европа в документах российских архивов. С. 618.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 156.

ные права, им предоставят возможность вступать в компартию, но не разрешат вступать в другие партии»¹.

Однако, несмотря на такие обнадеживающие обещания, ни установление властной монополии КПЧ в феврале 1948 г., ни победа этой партии на майских парламентских выборах в мае 1948 г. не привели к сколько-нибудь заметному снижению напряженности в межнациональных отношениях словаков с венгерским меньшинством. Это было связано с рядом существенных моментов. Один из них — курс на словакизацию венгерского населения, который имел поддержку новой политической элиты, закрепившейся в системе власти. Именно о таком варианте как весьма возможном предупреждал венгерскую сторону Сталин еще в 1946 г.

Весной 1948 г. советское посольство в Праге информировало Москву, что венгерские власти находятся на распутье: «Они должны или согласиться с предложением словаков и передать в словацкое гражданство 250 тыс. из числа венгров, имевших словацкое происхождение, а остальных забрать, или согласиться на оставление венгерского меньшинства и заставлять его поддерживать мероприятия коммунистического правительства»².

По данным МИД СССР, к началу 1949 г. уже 20 тыс. венгров объявили себя словаками. Словацкие историки приводят данные о том, что всего в ходе этой кампании поменяли свою национальность (ресловакизировались) 326 697 венгров³. Что же толкало людей на этот шаг? Думается, немалую роль играло то обстоятельство, что в словацком обществе продолжали превалировать настроения добиваться выселения венгров из Словакии. Об этом со всей очевидностью свидетельствует предпринятый еще летом 1948 г. опрос словацкого населения. В ходе него на вопрос «Вы за переселение мадьяр?» утвердительно ответило 55 % опрошенных, отрицательно — 21, затруднились с ответом 24 %⁴.

Поэтому неудивительно, что и в 1948, и в 1949 г., несмотря на то, что еще 28 октября 1948 г. чехословацким правительством было принято решение о восстановлении в правах венгерского населения, на практике продолжал реализовываться курс на расселение компактно проживающего венгерского меньшинства. Но теперь он стал воплощаться в жизнь в явно завуалированной форме — под лозунгами борьбы с классовыми врагами. В 1949 г. советские дипломаты сообщали из Братиславы, что «длительное время идет подготовка к выселению из южных районов Словакии в чешские области некоторых категорий венгерского населения»⁵. К октябрю 1949 г. было подготовлено к переезду 600 венгерских семей. Как информировал советское посольство Г. Гусак, возглавлявший тогда словацкое правительство, «больше половины этих людей составляли венгерские кулаки, кустари и мелкая буржуазия»⁶. Таким образом, теперь национальный аспект акции по выселению национального венгерского меньшинства формально исчезал.

¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 150. Д. 31. Л. 17, 18.

² Там же. П. 47. Д. 9. Л. 13.

³ История Словакии. М., 2003. С. 339.

⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 164. Д. 43. Л. 106.

⁵ Там же. Ф. 023. Оп. 1. П. 3. Д. 80. Л. 1.

⁶ Там же.

На венгров, оставшихся в Словакии, оказывался весьма жесткий нажим и на чисто бытовом уровне. В советское консульство в Братиславе поступали сведения о том, что Венгерское культурное общество в Словакии вынуждено было обращаться с жалобами к уполномоченному по делам школ в правительстве Словакии о насильственной записи венгерских детей в словацкие школы.

Столь напряженная ситуация в сфере межнациональных отношений в Словакии давала повод Ракоши для обращений в ЦК ВКП(б) с предложениями обсудить этот вопрос на одном из заседаний Коминформбюро. Еще в 1948 г. Й. Реваи и М. Ракоши добивались согласия А.А. Суслова на такую акцию. Но их предложение не получило прямой поддержки советской стороны. Суслов в состоявшейся беседе убеждал венгерских собеседников в желательности и необходимости урегулирования отношений с Чехословакией на основе взаимных договоренностей, без вмешательства извне. Однако было бы наивно полагать, что получаемая из Будапешта информация оставалась без внимания главного идеолога ЦК ВКП(б). Когда весной 1948 г. под его руководством в Москве развернулась интенсивная подготовка секретных аналитических записок с развернутой критикой руководства компартий четырех стран — Югославии, Польши, Чехословакии и Венгрии, материалы о словацко-венгерских отношениях, получаемые из Будапешта, оказались весьма востребованными. В многостраничном документе, названном «О некоторых ошибках коммунистической партии Чехословакии», имелся специальный раздел, посвященный анализу политики КПЧ в сфере национальных отношений. В нем весьма жестко констатировалось, что, несмотря на произошедшие серьезные изменения во внутривнутриполитическом развитии Чехословакии и радикальные изменения положения дел в Венгрии, позиция компартии Чехословакии (а также и компартии Словакии) относительно положения венгров в республике фактически не изменилась. «До самого последнего времени в государственной политике Чехословакии оставалась в силе установка на лишение венгров, еще находящихся в стране, основных демократических свобод, то есть по существу реализовывалась официальная программа дискриминации венгров...»¹ И хотя этот документ не был Кремлем использован так, как аналогичный документ об ошибках КПЮ, и сформулированные в нем обвинения в адрес руководства КПЧ не стали предметом публичного обсуждения в Коминформбюро, он, бесспорно, представляет большой интерес для исследователей. Именно он позволяет на конкретном примере венгерского меньшинства в Словакии выявить в полной мере эволюцию взглядов советского руководства по вопросу о судьбах национальных меньшинств. Если в 1945 г. исходная позиция определялась словами Сталина «гоните их, мы мешать не станем», то в апреле 1948 г. речь шла уже об обвинении чехословацких коммунистических политиков в «шовинистическом угаре». Такая трансформация советской позиции показывает, что руководством СССР проблема судеб того или иного национального меньшинства никогда не рассматривалась как самостоятельная. Ей отводилась роль инструмента в решении какой-либо другой задачи, более приоритетной с советской точки зрения.

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 850.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что в 1945–1947 гг. вопрос о судьбах венгерского меньшинства в Словакии рассматривался Москвой прежде всего через призму продвижения коммунистов к власти. Поэтому подходы советского руководства к проблеме переселения венгров из Словакии постоянно менялись. Если в 1945 г. Кремль, учитывая общественные настроения в Чехословакии, гласно или негласно, в разном словесном оформлении все же отдавал предпочтение переселению венгров из Словакии, то к 1948 г., когда компартии в Восточной Европе стали монопольно правящими, ситуация изменилась. Теперь на первый план выдвигалась в качестве главной задача формирования «лагеря мира и социализма», находящегося в капиталистическом окружении. Модель ускоренного построения «социализма по Сталину» провозглашалась универсальной. Реализовывавшаяся в Словакии политика в отношении венгерского меньшинства, вызывавшая напряженность в межгосударственных отношениях ЧСР и Венгрии, не сопрягалась со сменой стратегического курса советского руководства. Она была квалифицирована им теперь как «буржуазный национализм». Носителями его объявлялись словацкие коммунистические политики тех лет Г. Гусак, Л. Новомеский, В. Клементис, ставшие жертвами репрессий на рубеже 1940–1950 гг.

Часть 2

«ПАМЯТЬ О ДЕПОРТАЦИЯХ»

А. Блюм, Э. Кустова

ЗВУКОВЫЕ АРХИВЫ. ЕВРОПЕЙСКАЯ ПАМЯТЬ О ГУЛАГе

С расширением Евросоюза европейская история подверглась не столько объединению, сколько фрагментации: она распалась на множество национальных историй, имеющих истоки не только в героическом прошлом, но и в истории XX в. с ее волнами насилия, жертвами или участниками которого были различные группы населения, живущие сегодня на территории этих государств. Одним из примеров таких волн насилия являются принудительные переселения, ареной которых неоднократно становилась Европа в XX в.¹ В странах Восточной и Центральной Европы они служат сегодня фундаментом национальной истории, как об этом свидетельствуют материалы многочисленных мемориалов и музеев. В основном они представляют собой чрезвычайно выборочные национальные нарративы, в которых не делаются попытки вписать эти процессы ни в общую историю Европы или СССР, ни в историю насилия как одного из ключевых явлений XX в. Таким образом, наравне с политическими заключенными депортированные становятся символом насилия, обрушившегося на жителей этих регионов, и превращаются в одно из ключевых воплощений образа жертвы в истории различных стран Восточной и Центральной Европы. В то время как Холокост начиная с 1960-х гг. рассматривается в качестве крайнего случая коллективного насилия, являющегося частью истории всего человечества, сталинские депортации дробятся и не включаются в общий контекст европейской истории.

Столь же разнородный характер носит осмысление этих депортаций. В большинстве стран Восточной и Центральной Европы не ставится вопрос о статусе жертв и палачей: ответственность за насилие возлагается на представителей советского режима, а местные жители предстают в роли жертвы. Участие представителей местного населения в осуществлении репрессий и депортаций пока почти не рассматривается, а связь между движением сопротивления советской оккупации и депортациями установлена лишь частично.

В России, напротив, отдельные исследователи ставят акцент на том, что советские граждане становились жертвами повстанцев. Так, участники проекта «Жертвы национального террора в западных регионах СССР» отмечают, что в советское время исследователи не могли уделять внимание

¹ См.: Ferrara A., Pianciola N. L'età delle migrazioni forzate: esodi e deportazioni in Europa, 1853–1953. Bologna: Società editrice il Mulino, 2012.

вооруженной борьбе и жертвам с советской стороны, так как это противоречило идее братской дружбы советских республик¹. Сегодня подвергаются критике попытки тех или иных историков превратить в героев всех, кто с оружием в руках выступал против советских войск. Критика сопровождается риторическим конструированием объекта исследования: проводятся параллели, а то и ставится знак равенства между жертвами из числа советских граждан и жертвами сталинизма. Так, «виртуальный мемориал», т.е. база данных с именами жертв, а также некоторые другие элементы не могут не напомнить хорошо известные базы данных, содержащие информацию о жертвах сталинских репрессий.

Как видим, подход, который позволил бы пойти дальше упрощенного видения истории, отсутствует. Обычно речь идет о фрагментарной истории, в которой одни и те же лица являются жертвами для одних и палачами других. Акцент на жертвах и широкое обращение к индивидуальной памяти способствовали «национализации» и схематизации исторических нарративов, которые в результате сводятся к противопоставлению одних другим.

Нередко это приводит также к забвению тех категорий населения, которые практически исчезли с рассматриваемых здесь территорий. Речь идет, прежде всего, о евреях, память о которых была вытеснена из многих национальных исторических нарративов, несмотря на то, что до Второй мировой войны они составляли значительную часть населения этих стран. В экспозиции музея жертв геноцида в Вильнюсе рассказывается о депортации июня 1941 г., но информация о том, что эта операция проводилась одновременно на территории трех прибалтийских государств отсутствует. Евреи в этом музее практически не упоминаются: с недавних пор им посвящен один зал, но по сравнению с советскими депортациями история Холокоста явно отстает на задний план. Музей оккупации в Риге уделяет большее внимание истреблению евреев, но в центре экспозиции все равно стоит национальная латышская история.

В других странах подобному забвению зачастую подвергаются поляки, жившие на территории Украины и Литвы, венгры и немцы Румынии, Чехии и Словакии. Судьбы этнических немцев, живших в этих регионах, рассматриваются обычно в рамках истории Германии, а не соответствующих стран Восточной и Центральной Европы.

Мы сталкиваемся здесь с парадоксом: «национализация» истории ведет к тому, что депортации мыслятся в этнических терминах, несмотря на то, что сталинская модель репрессий носила более широкий характер, объединяя различные формы господства. О чем бы ни шла речь: о бюрократической машине, выполняющей решения, о форме этих решений, о конкретных репрессивных практиках, — все они следовали схемам, которые выходили за национальные и этнические рамки. Подобным образом не могут быть сведены к национальному измерению и судьбы жертв этих репрессий. Часть из них вернулась впоследствии к себе на родину, другие заново выстроили свою жизнь в местах ссылки², третьи отправились ис-

¹ lists.historyfoundation.ru

² Кустова Э. Стать советским человеком? Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/ctat-sovetskim-chelovekom>

кать счастья вдали от родных мест и от тех регионов, куда они были депортированы¹.

Мы не хотим сказать тем самым, что национальное измерение лишено смысла. Очевидно, что литовцы, эстонцы и латыши, подвергшиеся депортации накануне нападения Германии на СССР, стали жертвами репрессий прежде всего потому, что были гражданами прибалтийских республик. Не менее важными, однако, могли быть и такие причины, как принадлежность к социальным группам, считавшимся враждебными. Как бы то ни было, критерии для выселения явно выходили за рамки национального измерения, так как речь шла о повторе — более успешном с точки зрения организации — депортаций начала 1930-х гг. и 1936–1938 гг. Бюрократическая логика этих операций очень сильно напоминала предыдущие депортации, а терминология, которая использовалась для обозначения лиц, подлежащих высылке, опиралась на уже сложившуюся к тому времени в СССР традицию.

В силу этих причин одной из целей проекта «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», в ходе которого были записаны представленные здесь интервью, было выйти за рамки национальных историй, чтобы сосредоточиться на изучении определенной репрессивной практики, которая заключалась в перемещении сотен тысяч индивидов с западных территорий, не входивших в состав СССР до пакта Молотова–Риббентропа. Стремясь лучше осознать сходство их опыта и в то же время подчеркнуть индивидуальный характер каждой судьбы, мы хотели сопоставить жизненные пути лиц, подвергшихся депортации, — независимо от того, оказались ли они в лагерях ГУЛАГа или на спецпоселении в Сибири и Средней Азии.

Для этого мы должны были, с одной стороны, реконструировать индивидуальные истории и судьбы, что возможно только с помощью интервью с теми, кто прошел через этот опыт. В то же время нельзя было свести эти истории к набору отдельных рассказов. Поэтому мы постарались сочетать их с письменными источниками, прежде всего, с документами, порожденными репрессивной бюрократической машиной, и многочисленными материалами из местных архивов, которые позволяют изучать управление депортированным населением на местах.

Интервью и архивы

В проекте участвовало 17 исследователей из разных стран², что позволило, в частности, записывать интервью напрямую на родном языке респондентов. В общей сложности было записано 170 интервью на 13 языках

¹ Кравери М. Спасенные депортацией. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/spasennye-deportatsiei>

² Данный проект финансировался Национальным агентством научных исследований Франции (ANR). Его участниками стали: Ален Блюм (Alain Blum, координатор), Марта Кравери (Marta Craveri, координатор) и Валери Нивлон (Valérie Nivelon, координатор, журналистка радиостанции RFI), Мирель Баница (Mirel Banica — Бухарестский университет), Жюльет Дени (Juliette Denis — Университет Paris Ouest / ИНТФ), Катрин Гуссеф (Catherine Gousseff — Центр Марка Блока / CNRS), Мальте Гриссе (Malte Griesse — Бильфельдский университет), Эмилия Кустова (Emilia Koustova — Страсбургский университет), Анн-Мари Лошонци (Anne-Marie Losonczy — EPHE/IRIS), Франсуаз Майер (Françoise Mayer — CEFRES), Юргита Мачулите (Jurgita Mačiulytė — Вильнюсский университет), Агнешка Ниведжал (Ag-

в 17 странах: Беларуси, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Казахстане, Литве, Латвии, Польше, России, Румынии, Словакии, Украине, Франции, Чехии, Эстонии. Респондентами стали лица, депортированные в период с 1939 по 1953 г. с территорий, которые в 1939 г. находились к западу от границ СССР. Часть интервью была записана в России и Казахстане: речь идет о тех, кто после освобождения остался жить в местах ссылки. Присутствие в списке стран Франции, Великобритании и Италии объясняется тем, что после окончания Второй мировой войны часть депортированных эмигрировала. Это были прежде всего евреи, которые потеряли во время Холокоста всю семью, а затем порой и сами стали жертвами антисемитизма, в частности, в послевоенной Польше. Таким образом, мы стремились представить как можно более широкую панораму депортаций, осуществлявшихся на этих территориях, и найти представителей различных волн репрессий и категорий населения. Исходная точка соответствовала, таким образом, четко определенной территории, в то время как «пункт прибытия» (т.е. место, куда в конце концов попали люди, высланные из этих регионов) приходится на гораздо более широкое географическое пространство, от Сибири до Западной Европы¹. Как видим, при таком подходе сознательно игнорируются национальные рамки, учитываются только реальные, а не априорно заданные последствия.

Еще одной задачей проекта было порвать с историей, замыкающейся на депортации; это необходимо для того, чтобы рассматривать депортацию как определенный этап, который накладывает сильнейший отпечаток, но не исчерпывает собой всю жизнь индивида. Очевидно, что использование интервью в качестве главного источника означает, что мы имеем дело с историями тех, кто выжил в депортации; при этом, однако, их судьбы тесно переплетаются с историями погибших еще в ходе депортации, в лагере или на спецпоселении.

В ходе всех интервью мы сочетали ненаправленное интервью с дополнительными вопросами. Мы начинали с того, что просили респондента рассказать о своей жизни; при этом не уточнялось, что нас интересует прежде всего история депортации, хотя респонденты знали, что к ним обратились как к бывшим репрессированным. Находясь, разумеется, в центре всего рассказа, депортация смешивается в их рассказах со сложными историями жизни, важную роль в которых играл как период, предшествовавший аресту, так и годы, последовавшие за освобождением и возвращением (или невозвращением) на родину. В результате на первый план выступает все богатство и разнообразие судеб. Если бюрократическая репрессивная машина способствовала унификации рассказов о депортации, сводя их к нескольким ключевым моделям, выстроенным вокруг момента принудительного перемещения, то освобождение и после-

nieszka Niewiedzial — CERCEC), Изабель Оайон (Isabelle Ohayon — CERCEC/CNRS), Марк Эли (Marc Elie — CERCEC/CNRS). В настоящее время к проекту присоединилось четыре новых исследователя: Антонио Феррара (Antonio Ferrara — Неаполитанский университет), Ирина Чернева (Irina Tcherneva — CERCEC), Любомира Вальчева (Lubomira Valcheva — CERCEC), Элен Мондон (Hélène Mondon — CRECOB / Paris-4).

¹ К сожалению, мы не располагаем свидетельствами тех, кто после освобождения эмигрировал в другие страны, например Израиль или США.

дующая интеграция приводят к тому, что жизненные пути бывших депортированных приобретают самые различные траектории, порой позволяя им вернуться к прошлой жизни, вновь обрести утраченный социальный статус или профессию.

Второй этап интервью заключался в серии дополнительных вопросов из путеводителя, которые позволяли вернуться к уже упомянутым ранее темам или затронуть сюжеты, оставшиеся за рамками рассказа.

Соотношение первой и второй части интервью очень сильно зависело от респондента. Некоторые свидетели пускались в длинный рассказ, обычно развертывавшийся в хронологическом порядке (так, Андрей Озеровский, 1914 г. р., рассказывал о своей жизни в течение пяти часов без перерыва и без малейших вопросов с нашей стороны¹). Другие останавливались спустя несколько минут, и нам приходилось задавать много уточняющих вопросов, чтобы постепенно восстановить историю жизни этого человека. Очевидно, что в подобных случаях роль интервьюера существенно возрастала, и использование таких интервью требует критического подхода с тем, чтобы отделить то, что идет от респондента, от того, что провоцируется, а порой и произносится автором интервью. В первом случае, напротив, необходимо уделять особое внимание построению рассказа и различным переходам, которые делают его связным и логичным, что потенциально может стать препятствием для исследователя². Публикуемые ниже интервью являются примерами таких различных ситуаций.

Наконец, следует отметить еще один важный аспект этого проекта: он охватил прежде всего тех, кто был в период депортации ребенком. Объяснение этому очевидно: в наши дни остается очень мало людей, которые были высланы во взрослом возрасте. Эта особенность влечет за собой два последствия: во-первых, здесь следует учитывать специфику детской памяти, которая, как известно, зачастую сосредоточивается вовсе не на том, что важно для взрослых. Во-вторых, мы слушаем, таким образом, рассказы людей, которые в момент депортации только начинали свои жизненные пути: ссылка не прервала их едва начавшейся траектории, у них оставались перспективы, ведь им предстояло выстроить целую жизнь. Изучение их опыта позволяет увидеть, как подобного рода травма влияет на путь индивида, понять реакции и механизмы выживания, оценить возможности интеграции и масштабы стигматизации.

Параллельно со сбором интервью велась работа по поиску письменных документов, кино- и фотоматериалов, способных отразить различные аспекты, упоминавшиеся выше. Прежде всего речь шла о документах, фотографиях, рисунках из личных архивов респондентов. Все эти материалы очень интересны, но использовать их непросто: фотографии не фиксируют, например, холод или насилие. Чаще всего на таких снимках запечатлены праздники, общение с друзьями, красота окружающей природы. Тем не менее сквозь все эти материалы проступают контуры обще-

¹ Блюм А., Оайон И. Андрей Озеровский. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/andrei-ozеровskii>

² В подобном случае исследователю угрожает то, что Пьер Бурдьё назвал «биографической иллюзией»: Bourdieu P. L'illusion biographique. Actes de la recherche scientifique. 1986. P. 69–72.

го опыта: нищета, тяжелый физический труд — но также и то, что позволяло людям выжить, а затем и выстроить заново свою жизнь.

Наконец, работа в различных архивах, в первую очередь в России, Литве, Латвии и Польше, обеспечила богатые материалы, касающиеся, прежде всего, подготовки репрессивных операций, самого момента депортации и контроля за депортированными в местах ссылки. Они позволяют сопоставить коллективную логику, порождаемую бюрократической машиной, и отдельные человеческие жизни.

Виртуальный музей «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе»

Одним из результатов этого коллективного проекта стал одноименный виртуальный музей (<http://museum.gulagmemories.eu/ru>)¹. Создавая его, мы стремились сохранить связь между индивидуальными и коллективными историями и сделать возможным многосторонний подход, сочетающий различные ракурсы (коллективное/индивидуальное, репрессии/реконструкция жизни, личный опыт/бюрократия) и виды источников (устные, письменные, иконографические). В результате мы можем сохранить специфику устных источников, воспроизвести письменные документы в их оригинальном виде и сопроводить все это короткими статьями, написанными участниками проекта².

Скрещение индивидуальных историй и общего опыта осуществляется за счет сочетания тематических и биографических залов. Первая категория залов посвящена различным темам, красной нитью проходящим через большинство рассказов о депортации: путь в ссылку³, лес⁴, смерть Сталина⁵, мир женщин⁶, повседневная жизнь⁷. Наравне с фрагментами аудио- и видеозаписей интервью в них используются фотографии из личных архивов, кадры советской кинохроники и другие материалы. Благодаря такому смешению выстраиваются общие истории.

Залы второго типа посвящены отдельным людям. Опираясь на элементы биографии, документы, фрагменты интервью, каждый из них рассказывает о жизни одного человека во всей ее неповторимости.

Два примера интервью

Обычно мы не прибегали к расшифровке интервью, стремясь в максимальной степени сохранить их устный характер, а значит и всю спонтанность и в то же время сложность, неоднозначность рассказа. Здесь,

¹ Отметим также публикацию следующего коллективного труда: Блюм А., Кравери М., Нивлон В. (ред.). *Déportés en URSS. Récits d'Européen sau Goulag*. Paris: Autrement, 2012.

² В рамках музея любой исследователь может предложить новый зал при условии соблюдения ряда общих требований. Такие предложения передаются на рассмотрение редакционной коллегии музея, состоящей из участников проекта.

³ Блюм А. Путь в ссылку. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/put-v-ssylku>

⁴ Дени Ж. Лес. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/les>

⁵ Кравери М. Смерть Сталина. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/smert-stalina>

⁶ Блюм А. Планета женщин? Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/planeta-zhenshchin>

⁷ Кустова Э., Мачулите Ю. Повседневная жизнь. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/povsednevnyaya-zhizn>

однако, было решено представить расшифровку двух интервью, позволяющих лучше понять природу используемых нами источников¹. В этих интервью представлены судьбы двух очень разных людей: литовской девочки, в двухлетнем возрасте депортированной вместе с родителями и живущей сегодня в Вильнюсе, и ее соотечественника, который до сих пор живет в Сибири, в нескольких километрах от того места, куда его подростком привезли в 1949 г.

Судьба последнего служит ярким воплощением того, что мы называем «стать советским человеком»²: Антанасу Р.³ было 15 лет, когда 17 марта 1949 г. его семья была выслана. Весь последний год его родители, литовские крестьяне, жили в ожидании ареста из-за того, что один из братьев отца ушел к «лесным братьям». Они неоднократно прятались, но в конце концов были задержаны и вместе с детьми высланы в Иркутскую область. Антанас постепенно приспособился, из простого колхозника превратился в тракториста, а затем шофера, что обеспечило ему и его семье относительно безбедное существование. В результате он остался жить в Сибири и сегодня с гордостью рассказывает о своей трудовой карьере. Его рассказ несет на себе печать традиционного советского дискурса с характерным акцентом на механизации труда и техническом прогрессе как залого коллективного и личного успеха. Воспоминания о страданиях и лишениях перемежаются с упоминанием надежд и успехов. Его судьба свидетельствует также о том, каким нелегким могло оказаться возвращение в родные края: после освобождения Антанас едет в Литву, но, столкнувшись с трудностями, возвращается жить в Сибирь.

Подобно Антанасу Анна Т. была депортирована в 1949 г. вместе с родителями, которые тоже пытались спрятаться и избежать ареста. Ее семья жила в деревне, где занимала, скорее, привилегированное положение: мать Анны была учительницей, отец — ремесленником. Помимо насилия — разлука с родиной и близкими, долгий изнурительный путь, в ходе которого конвой чуть было не выбросил маленькую Анну из окна вагона, приняв ее за мертвую, — депортация означала для этой семьи потерю социального статуса. Трудолюбие отца помогло им выжить и справиться с трудностями. Интересно, что, рассказывая об адаптации, Анна использует иные слова и образы, чем Антанас: она ставит акцент не столько на престиже и востребованности механизированного труда, сколько на идее личной ответственности и компетентности. Мать Анны, однако, не смогла по-настоящему адаптироваться, и как только это стало возможным, семья вернулась в Литву, где родители быстро вернулись к прежним занятиям. В профессиональной карьере Анна следовала той же логике, что двигала ее родителями: она получила высшее образование. Для нее депортация явилась своего рода скобками, драматическим эпизодом, который не прервал социального восхождения, начатого родителями. Оно удивительным образом вписывается в классическую для межвоенной Европы модель карьеры: выходцы из крестьянских семей, получив обра-

¹ Расшифровка интервью приводится в авторской редакции. Максимально сохранены стиливые особенности устной речи.

² Кустова Э. Стать советским человеком.

³ Мы изменили имена и фамилии этих двух респондентов.

зование, затем способствовали социальному восхождению собственных детей.

Итак, эти свидетельства говорят о большом разнообразии жизненных путей. Они учитывают специфику как нарратива о прошлом, так и ведения интервью. В случае Антанаса мы имеем дело с рассказом, который постоянно перемежается вопросами: они были необходимы для того, чтобы прояснить различные этапы его жизни, о которой он всего за несколько минут рассказал в первой части интервью. Порой он отвечал на вопросы очень кратко, как о чем-то само собой разумеющемся, порой — более подробно, возобновляя связный, хронологический рассказ.

Рассказ Анны с самого начала был более подробным и последовательным. Потребность в дополнительных вопросах возникала лишь изредка, чтобы уточнить детали или возобновить рассказ после затянувшейся паузы. Ответы на вопросы, звучавшие во второй части интервью, также были развернутыми и логично встраивались в описание жизни респондента.

Эти интервью рассказывают о жизни лишь двоих среди тысяч депортированных. Мы выбрали именно их, потому что они позволяют увидеть разнообразие судеб, последовавших за этим насильственным перемещением. В качестве примера можно было бы взять украинцев, латышей, эстонцев. Это отнюдь не означает отсутствия существенных различий в судьбах различных национальностей, подвергшихся депортации. Так, особым образом сложилась судьба поляков, депортированных раньше многих других и освобожденных по амнистии уже в 1942 г. Зато лица, высланные с Западной Украины, в течение долгого времени после смерти Сталина подзревались в национализме и потому, возможно, дольше других несли на себе стигмат депортации.

По-разному сложилась судьба, с одной стороны, польских, а с другой — литовских евреев. Первые попали под амнистию 1941 г., а затем в конце войны смогли вернуться в Польшу. Узнав, что все их близкие были уничтожены, и столкнувшись с антисемитизмом, многие из них уехали в Израиль, США, Францию или Великобританию, нередко после недолгого периода пребывания в лагерях для перемещенных лиц. В течение многих десятилетий они не рассказывали о выпавших на их долю испытаниях, так как по сравнению с трагедией Холокоста тяготы переселения казались почти ничтожными. Более того, получалось, что депортация спасла их от гибели¹. Таким образом, им не находилось места в списке жертв². Траектории их перемещений отличаются особенно сложным характером, как об этом свидетельствуют некоторые биографии, представленные в виртуальном музее³.

Вернувшись на родину после депортации, литовские евреи тоже пережили новую трагедию, впервые в полной мере осознав масштабы Холоко-

¹ Кравери М. Спасенные депортацией. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/spasennye-deportatsiei>

² О молчании депортированных других национальностей см.: Ohayon I. Fairesaplaceausilence // Alain Blum, Marta Craveriet, Valérie Nivelon. Déportés en URSS. Récits d'Européens au Goulag. Paris, 2012.

³ Кравери М. Генри Вельш. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/genri-vesch>; Блюм А., Дени Ж. Теодор Шанин. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/teodor-shanin>

ста и убедившись в исчезновении близких. В отличие от польских со-
братьев они в большинстве своем не могли уехать на запад, да и возвра-
щение в Литву стало возможным лишь после 1956 г. Таким образом, на
их долю выпало одновременно и испытание молчанием (как в случае
эмигрировавших на Запад польских евреев), и характерная для советского
общества стигматизация в качестве бывших депортированных.

*Интервью с Антанасом Р., г. Братск, 26 августа 2010 г.; Эмилия Кус-
това и Лариса Салахова в присутствии Алена Блюма.*

— Нас прежде всего интересует история Вашей жизни, начиная с
детства, с первых лет, которые Вы помните, еще, может быть, в Литве.
Вы родились в каком году?

— В 34-м. В школе, помню, я два класса кончил, а потом все — нам
не давали учиться. Из-за чего? Кто побеги делали... В 47-м году нас уже
должны были выселить. Мы сбежали. В 48-м сбежали. А в 49-м с вечера,
прямо днем пришли и сутки нас держали, даже в туалет не давали хо-
дить. И хотя у меня старший брат погиб на фронте. Тогда военкомат
давал такую информацию — нельзя нас было выселять, сын погиб. Ну,
там съездили эти НКВДисты в НКВД-то на лошадях верхом, нас под
ружьями держали. Ну, потом приехали, приказали выселять. Свиной за-
били, коров увезли, сено сгрузили. Нам мешок муки, полмешка муки
дали с собой, и на телегах — на железнодорожный вокзал, и в товарняки
загнали нас там. Ехало нас там где-то семей двадцать в одном вагоне.
Под нарами, на нарах, там деревянные нары такие были, печка такая
кругленькая, угля нам кинут, кипяток, воды где-то. Остановивались,
одного выпустят под ружье, пойдет с ведром, возьмет кипятка, и вот та-
кую рыбину кинут, соленую горбушу, то эту кету — на всех делите там.
И вот так ехали. До Иркутска довели, вывалили нас там. Тут машина
лесной марки, в апреле уже и развезли нас по всей Иркутской области.
По деревням — по распределению там. Такой, такой, такой-то — сюда,
такой, такой — сюда садись. И вот оказались в Жигалове. И там с пер-
вых дней привезли нас: дома пустые, ни окон, ни дверей, как говорится.
Вот тебе, вот тебе. Ну, кто тряпкой, кто бумагой заклеивали сначала.
Потом-то уж, конечно, к зиме дело было следующей-то. Мы уже тогда
маленько поправились, еще потом так, потом привыкли уже так, к этой
жизни. А заставили с первых дней нас — лопаты нам и поля копать.
Маленькие польки такие, тракторов тогда не было, после войны-то. И вот
на эти, на трудодни-то работали. Придешь домой — все горит. Стоит над
тобой комендант: «Что встал? Пошел-пошел». Пришел домой — расписал-
ся. Назавтра опять под роспись всех, и опять пошел. Вот так вот. Ну,
потом, в 57-м году освободили нас. Родители поехали [в Литву], все по-
ехали. Я тоже с ними съездил туда. Ну а там — жить негде, и как-то это
смотришь — и народ уже на тебя как-то и не так [смотрит], как шатает
вот. Я повернулся — и обратно. Тут на МТСах, на тракторах работали.
Да весело было, короче, в Сибири! Привыкли и на охоте, в 16 лет охо-
тился все по тайге, соболей и белок бил, рыбу, ленков этих, хариусов
ловил — речка там, Илка, на Лене. Вот так вот. Потом дети появились.
Выросли, начальную школу там кончили. А куда дальше-то? Район,
50 километров на открытой машине возить, это, их зимой в 40 градусов.

Ну и решили в Братск переехать. В 70-м году переехал. С 70-го года здесь живу. Отработал там 22 года в колхозе и здесь вот, считай, в общем 50 лет трудового стажа.

— А кто с Вами приехал из Литвы тогда? Это родители, Вы?

— Ну, брат был. Старший-то погиб, а нас два брата и родители. Там народу много было — семей нас пятнадцать, наверное, было так. Нет, больше! Ну потом, а там весной, знаете, собираются в Литве, например, тут — [на] маевку эту, маевка такая. Вот соберутся все и поют, это, как на поминках отпевают, там это. Значит, вот как это поют. Так русские все в окна заглядывают: «Что тут такое? Что тут такое-то?». А потом их научили самогонку гнать, этих русских. Ну, в общем, научили их жить как. Вот. Они довольны так были. Не знаю, что больше рассказывать. В Литве мы жили бедно. У нас земли, ничего не было там. Девяносто соток земли было. Одну корову держали, да два поросеночка для себя, вот так вот. Заработков не было никаких. До города 12 километров. Отец на велосипеде ездил на работу туда.

— А он в городе работал?

— Ну, он-то в городе работал, так это. Вечером домой — утром на работу. А я — то коров пас, то — то, то — это. Учиться — некогда. Я два класса закончил, и все. Знаю, что по-русски преподавали: «Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне?» Слышали такое? Вот такие дела. А когда, вот это, нас выслали-то как политических, отца брат не пошел в эту армию, ну дезертиром ушел в тайгу. Ну, их всех потом, братьев, выселили сюда вот. Отца брат был [из] балаганских, а мы-то в Жигалове, а он [из] балаганских был. Два брата было. Сестер не выселяли. Только братьев. Так вот приходят, ставят отца, печка топится, ставят отца к печке. А тут дрова, поленья. Берет полено это, НКВДисты эти, в красных фуражках этих, берет поленом — раз его по голове, а второй — бах и из этой винтовки стреляет, но не в отца, а в стену прям. Тот не понял — не то удар от полена, не то там от кого. Тот сразу на коленки падает, кровь бежит. Как хотели издевались, НКВДисты эти. И вот так многих, многих, многих людей избивали. И мне попадало. Ну, не знаю я, что вам больше рассказывать такого-то.

— Вот даже о детстве если Вы расскажете, например. Вы помните приход Красной армии, как вообще все началось?

— Войну, что ли? Ну почему же, конечно. Мы в лесу сначала [были], возле дома, у нас было бомбоубежище, накатанные бревна, а мы вот так вот. Вдоль леса дорога была, и кто-то там из наших, ну там недалеких, в общем молодежь, свадьбу делали, и все гулять, ну столы были накрыты на улице... Самолеты налетели и в пух-прах там все разнесли, это самое, ну у меня брат там младший, 39-го года, вылазает че-то из подвала, бомбоубежища этого, и бомбу невзорвавшуюся несет. Отец как закричал, положили, потом взорвали ее. А основное укрывались во время наступления там. Бои страшные... Даже три солдата мы спасли, русских вроде, ну в траншеях-то этих, в окопах они раненые все, поживут у нас маленько, очухаются все — пошел, винтовка у него... Ну че, от части своей отстал, кому он нужен? Один ушел нормально, а второй застрелился, отошел от нас километра полтора, застрелился.

— А Вы их помните?

— Ну как, конечно!

— А Вы с ними говорили тогда по-русски?

— Нет, по-русски мы не говорили. Ну как, там уже даже маячили, а нам, пацанам, нам че, вон, комочек сахара даст или кусочек хлеба, вот такой черный давал, ну так мы уж это, перевязку там, мать придет, перевязку [сделает], он сам знает, что [надо] — йода там, ну так. Собаки их вывозили на тележках. Собака-санитарка, тележка такая. Он вылазает, скажем, может завалиться на эту тележку, санитарка, машина, собака бежит туда, в эту, где пункт ихний собирает, там может сумку расстегнуть, может бинты взять, может перевязываться взять материалы у собаки. И самолет сбросит бочки такие, и они рассыпаются. Идешь — о, расческа, только волос начал чесать, а она взорвалась. Мундштук, подкурю — взорвался. Ниче нельзя было! Коньяки там, вина в окопах валялись и все было отравлено.

— А немцы у вас в деревне стояли, нет?

— Немцы... я бы не сказал так, наверное. Они как эти, там, раньше самогонку гнали, они там, ну как, проверяли эти какие, кто там донес на тебя, например, вот придут там... ну не сказал бы, они там немцы отнеслись. Неплохо. Вот только, помню, евреев этих привезут, а вот мы рядом с лесом, на лесозаготовке, придут машины две-три здоровые, а они такие в синих плащах и шестигранные звезды на спине, желтые, такие большие, больше этой корочки, шестигранные такие, наклеенные, и под ружье всех. В лесу отработали, скажем, шесть-семь часов, грузят их, а там уже выкопаны траншеи, там от Каунаса недалеко. Первый, второй, третий порт, там это порта такие назывались. Там уже выкопаны, эти, например, которые сегодня в лесу были, их расстреляли, те — закопали партию, их на завтра в лес, другая партия там им копает. И проквасили весь город, ужас было что! Это потом на бензовозе пришли, все полили, залили и сожгли.

— Это Каунас?

— Каунас, Каунас.

— Вы все это сами видели?

— Ну как я не видел? Конечно, я там недалеко жил, бегали мы, че, пацаны-то.

— И жители деревни тоже знали?

— Ну а как? Как же не знали? И эти евреи все знали, что они работают, а вечером их расстреляют.

— А бежать они не пробовали?

— И не снимали, главное дело, ничего с них там, не часы там, а просто вот так пройдут, посмотрят, если кто-то там шевелится — так, стреляет. А так ставит пулемет этот: «Тттттт», — и сыплются все туда. Забрасывают туда, закопают, ну полметра там, может, земли. Ужас что было. Вот я знаю, что немец не любил евреев.

— А бежать не пытались евреи? Такого не было, чтобы в деревню прибегали?

— Ну куда ты убежишь?! Куда ты убежишь? Если уж поймали, значит поймали. Побежишь, сейчас в спину получишь, и все.

— Евреи, которые были, жили у вас, в вашей деревне или они жили в другом месте?

— Нет, их собирали по всей Литве. Только как-то в одну кучу их соберут всех. Они уже там какую-то пользу значат для государства: лес заготовить или окопы, может, там какие-нибудь копать, короче, отработал он — расстреляли, следующих там, по сто человек, скажем, в день. Ужас, ужас было. Как только услышим, пацаны, что пулемет этот стреляет, все, значит, пройдет какое-то время, затихли, бежим туда, но и то боимся, если они там еще не уехали с этого места, да еще нас поймают: «А может ты еврей, ты сбежал!» — пацан или кто там, могут тоже убить. В Каунасе самом ходил в концлагеря, там бетонные стены такие, нары там, много этих, фамилии выбиты. Ужас там, решетки, решетки, подвалы заплесневелись. Ну, вот я когда ездил специально с двоюродным братом, он возил меня туда, посмотрел, где людей там держали, заключенных.

— Ваши родители говорили об этом с Вами, когда происходило это все?

— Как?

— Обсуждали в семье?

— Ну а как? Как же. Как же. Конечно. Мать, ноги у нее больные были, варикоз вен, у меня тоже сейчас, по наследству, говорят, идет. У меня ноги страшные, если я разуюсь сейчас, показать ногу свою, ногито... У меня ноги синие, волдыри повсюду, аж вот до пояса. Горят — ни днем, ни ночью покоя нет. Жить надо. Операцию не делают, нельзя, говорят, поздно. Раньше, когда можно было, так надо работать.

— А когда Красная армия пришла уже в конце войны, по сравнению с немцами как Вы их встречали? Вы были рады?

— Ну! Как сказать? Рад — не рад. Этих угнали, эти пришли. Те были, когда те хозяйничали, теперь эти хозяйничают. Но сразу-то, когда армия русская шла, вроде придут, у колодца умываются, там все это... Ведет быка на веревке солдат, к отцу подходит, говорит: «Хозяин, быка надо тебе?» — «Куда? Так ты, может, у соседа?» — «Нет, я далеко поймал там» — «Так что тебе за этого быка надо?» — «А, восьмушку махорки». А тот махорки отсыпет, этот быка оставляет, и пошел дальше солдат. Ну, если хозяин не объявился, значит, твой бык. А хозяин объявился — отдал быка.

— А Ваш старший брат, значит, погиб на войне?

— На войне. Через две недели призвали, через две недели погиб.

— А в каком году это было?

— Это примерно где-то в сорок четвертом.

— И где, на каком фронте — не знаете?

— Там есть такой город, Побради в Литве. Вот. Мать ездила к нему раз туда, еще живой был. Потом через неделю извещение пришло, что погиб.

— Значит Вам тогда дали бумагу, чтобы Вас не трогали?

— Ну, такой был приказ, значит, кто в армии служит или погиб, тех не выселять. Ну, все тут, они поехали, они, может, даже не доехали.

— Многих из вашей деревни увезли? У вас вообще деревня или хутор был? Большая деревня-то была?

— Ну деревня-то, знаете как, хутора там. Не то что как сейчас колхоз там. Дом там, там, там был. У кого-то много земли, у кого-то девяносто, у кого-то двадцать гектар. Там же тоже кулаки были. Их тоже там кулачили.

— Их раньше, наверное, чем Вас, выселили?

— Кого?

— Кулаков.

— Да нет, если он там как ничего такого против Советской власти, ну так, там позабирали лошадей, землю поотбирали. Коммуну делали там: все межи соединили, трактора пустили, вспахали все. Твоего ничего нету. Осталось вокруг твоего дома вот так вот. И все.

— А Вы говорили, что вы прятались в начале 47-го года?

— Ну как, убегали, прятались...

— Всей семьей? Вы знали, что будут забирать?

— Нас предупреждали уже.

— А кто предупреждал?

— Я не знаю кто. Отец должен был знать кто. Причем он мне об этом не говорил.

— И как было? Вы в лес убегали?

— К другим людям, например, но только к родственникам нельзя было, а к таким — чужим. День-два и все, волна эта прошла, как грибы, вот и все, теперь год. Теперь прислушиваешься, шило-то в мешке не утаишь, так и народ знает. Вот 47-й, 45-й, нет, 46-й, 47-й, 48-й, 49-й год, а в 49-м году вообще много выселили, вообще.

— А вы знали, куда их выселяют?

— Ну куда? В Сибирь! В Сибирь! У меня дядька в Магадане там так и остался — умер. В Магадан [попала] мамина сестра, она приехала [оттуда] без ноги. Приехала и тут уже, в Литве, умерла. Были разбросаны по всей Сибири.

— А Вам сказали, когда депортировали, что в Сибирь? Сразу сказали?

— Нет! Не сказали! В вагоны — и все. Куда везут — мы не знаем. А потом, когда уже едем, скажем, города там, паровозы тогда были, там тогда не было электровозов. Пензу проехали, о! Красноярск будет. О, Иркутск будет! В Иркутске все — разгрузиться. Окружили всех, поезд разгрузили. Машины подошли. Пять-шесть семей в эту машину напихали. Вот и все. А куда повезут — черт его знает... Весна, горы, бездорожье, распутица тут. Ну и привезли нас в Жигалово-то, а там потом трактор пришел и на санях тракторных, сгрузили на эти сани, трактор повез в сторону шестнадцать километров от этой ветки-то, глубже туда — в тайгу, в деревню, а там речка такая — Илга, и вдоль этой речки там эти деревни были. Но там уже деревни, как сейчас вот колхоз, — тридцать дворов, сорок дворов, зависит от того, какая деревня была.

— А что за дома были? Вы сказали, что селили Вас уже в дома. Чьи дома были? Пустые или делили с кем-то?

— Ну, люди тоже побросали, поубежали. Тоже здесь кулачили, раскулачивали вот.

— Их дома?

— Да, да, их дома. Тогда не было такого, чтоб сломать дом. Это сейчас ты уехал — можешь сломать, увезти, перевезти, а тогда нет. В эти дома заселяли.

— А соседи были, уже кто-то жил там на месте?

— Неет! Это пустые дома, но там рядом кто-то живет, рядом-то живет. Но потом соседи... кто молока принесет, кто что, кто картошки нам на семена принесли, картошку посадили, огороды тут.

— То есть помогали?

— Да! А потом стали поросенка держать уже своего, корову купили — стали держать, свое молоко, потом лошадь заимели. Отец с работы пришел, ружье у него в тайге, с работы пришел, мешок берет, лампу, керосинку, топор и ушел. Слышу в часа два-три ночи уже пришел с мясом. Козла или кого-то там убьет, там обделал мясо в мешок — и домой.

— Это уже в первый год было или потом?

— Нет, это года через четыре. Сразу-то неет, там комендатура, ты что! Приезжает комендант этот к нам, бригадир приходит: «Миляускас! На работу!». Он [комендант] окно открывает: «Миляускас не пойдет! Миляускас в моем распоряжении! Миляускас должен стол накрыть, самогонки притащить», — вот. Комендант загулял. Так даже пистолет валялся на столе у него. А потом и комендантов этих убрали уже, ну после смерти Сталина. А до смерти Сталина коменданты были — все на учете были, каждый день отмечались.

— Даже не раз в месяц, а чаще?

— Да.

— А из Литвы Вам ничего, кроме муки, не дали забрать?

— Ничего, нет.

— Нет? Никаких вещей не увезли — ни фотографий, ни чего-либо еще?

— Нет. Ничего не давали. Только штаны мог взять какие-то, а там все конфисковали.

— А вот в деревне, в которую вы приехали, — там люди русские жили или литовцы, которые раньше [приехали]?

— Русские. В основном русские. Татары были. Татары тоже были как сосланные или как. Татар много было. В основном русские такие.

— И Вы в школу пошли или нет?

— Какая школа?! Я говорю, мне сразу лопату в руки — и польки копать. Это пятнадцать лет мне было как раз.

— Вы по-русски говорили уже, наверное?

— Откуда? Ну так это, в школе, я помню, так это. А так-то нет.

— А они по-литовски говорили или нет?

— Нет. Нет. Что нет — то нет. Ну вот так вот, некоторые слова-то, матершинские такие слова. У меня соседка через стенку жила-то, а такой Володя Пешков верхом на лошади подъехал: «Миляускас! Как у них фамилия-то?» Ну, отец как-то назвал по-литовски-то, матом-то, а тот пришел, на лошади подъехал к окну и ей эти слова-то передает, а она кпятка как взяла. Потом она пришла к отцу: «Ты что научил тут?»

— То есть с вами и другие литовцы приехали? А вы дружили потом со всеми — с русскими и литовцами?

— Да. Да. Да и потом у меня отец был бондарь хороший — бочки делал. О! Это были заказы, раньше не было, даже под самогон лагун, такой деревянный лагушок, там-то квашенки, то всякие ушаты — воду таскать, а потом там рыбу принимали: заготовитель приехал — бочки заказал. Потом строительство: скотные дворы отстроили, склады отстроили. О! Литовцы очень, очень, очень трудолюбивые!

— А сколько вас семей литовских было, не помните?

— Семей?

— В одной деревне.

— В одной деревне? Ну, где-то семей тринадцать. Я их даже пофамильно всех знаю.

— Не назовете нам их?

— Могу назвать. Тамашунас, Урбанавичес, три брата их, Селешус, Курапко, Кайрис, Зуеш, ну Миляускас был, Бальчуняне, Макрецяне, Мацанене, ну в основном такие.

— А они там остались жить или, когда можно было вернуться, они вернулись?

— В основном все старые люди [вернулись] — их родина была. А молодежь, молодежь многие оставались. Вот этот вот, Ватуратис, только в соседней деревне жил. Вот так вот. Но мы с ним, я на тракторах работал, а он учетчиком в тракторной бригаде.

— А Вам сколько лет на это время было, когда Вы работали в тракторной бригаде?

— Лет, наверное, девятнадцать. МТС еще были. Колесные трактора со шпорами такие были. Все руки поотбивали, трактористы эти.

— Вам нравилось?

— Конечно, ты чего? Не лопатой копать.

— А брат Ваш там же с Вами жил?

— Он учился, он школу окончил. Отлично кончил он — здорово учился. Но потом так же на прицепе работал прицепщиком. Тогда прицепщики были, а на трактор-то он не успел, а там уже в Литве работал на тракторе. Потом пошли дизеля. Комбайнером работал, трактористом, шофером. С Иркутска комбайны даже пригонял за пятьсот километров. Получим в Иркутске комбайн и гоним, а там по Лене со скалы спуститься и берегом, берегом. Много комбайнов переворачивалось. Но я нормально пригнал.

— А Вы приехали с родителями, братом. Сестер не было у Вас?

— Нет, сестер не было. Брат приезжал сюда. Но брат, видите, как пошел, брат у меня ушел со своей дурной головой. Он начал что-то продавать на рынке, попался, посадили, отсидел срок. Потом второй раз, мало ему показалось этого: домой пришел — давай квартирой своей торговать: «Я продаю квартиру». Приходит [человек] по объявлению: «Ну, буду иметь в виду. Мы задаток вам». И он таких задатков набрал, человек двадцать там — и его опять за хвост и туда. Я приезжал туда, ездил в тюрьму к нему. Оттуда вышел — прилетел сюда, ко мне. На штанах заплатки. Мы его с ног до головы одели, обули, часы купили — все, в общем. Думаю: оставить здесь — начнет мошенничать, опять посадят. Хозяйка говорит: «Он тут концерты давай выстраивать. Ты был бы мой му-

жик — давно убила бы тебя». Ну, [он] и собрался. Поехал я, билеты ему купил — тысяча рублей, это тогда, лет пятнадцать тому назад, это деньги были. Денег дал — и он тут же в аэропорту побежал бутылку купил. Не знаю, до Москвы доехал, не доехал. Приехал туда к двоюродной сестре, она у меня самая любимая, их много братьев, их девять человек у этой сестры-то, и говорит: «Займи мне денег. Контейнер идет в Сибири. “Волгу” машину купил, денег нет выкупить контейнер этот». Но та тоже не дура, берет и мне звонит. Ну, мы частенько так, правда, десять-пятнадцать минут поговорим по сто пятьдесят рублей, слышно отлично, звонит: «Какую такую машину он...» — «Кто тебе сказал?» — «Да вот так и так, Лявас, твой брат» — «Не слушай ты дурака-то». Обломилось ему раз, два там обмануть. И исчез, и уже ни слуху ни духу. Я и розыски подавал по Литве везде — нету. Или сгнил где-то или... кто его знает. Но посадить [могли] на такой срок, ну на десять, на пятнадцать лет, ну, может, в тюрьме умер. Вот так вот. Я остался один. А, у меня еще два брата были старшие. Один залез на грушу, второй на земле тут стоял. Тот оборвался, а тут есть картошку окучивать — тятка, он головой об эту тятку на смерть. А второй заболел — умер. В общем, нас пять братьев было и нету. Один на войне погиб, двое так, этот куда исчез — не знаю. Вспомнишь, конечно, плакать хочется. А что сделать? Жизнь прошла такая, тяжелая. Тут ребята, когда расстались, ну что там на тракторе, все равно в деревне молоко, картошка, речка рядом, рыбу ловил, ружье было, даже два ружья было у меня, карабин. Милиция была под моим... Приезжает, а я тут же самогонку буду гнать, а они: «Давай пробовать», карабин оставляет и: «Вот пойдешь в болото, убьешь лося — позвонишь нам, мы приедем». Я уж потом по всему району — бригадиром тракторной бригады был, потом полеводческой бригады, у меня весь район, все председатели — все были знакомы. Грамоты у меня нету, грамоты нету, а если бы грамотный был... Как один председатель Знаменска, там деревня Знаменска — большой поселок, собрались на партактив там, я не коммунист был, но все равно приглашали, и говорит: «Знаете, мужики, убил медведя, — говорит, — девяносто девять лет», — «Как ты определил-то?», — он говорит: «Когда свежевать стал, в заднем проходе нашел паспорт».

— А друзья у Вас остались, значит, с тех времен?

— Да, да. Но они вот сейчас в деревне. Сейчас поеду туда. Уже не к кому ехать. Единственная у жены двоюродная сестра и очень хорошая женщина — соседка наша из деревни. Остальные поумирали уже, нету. А в деревне-то, знаете, как жить... полы шваброй вот так вот моют, никогда не красят, но сейчас-то люди маленько лучше стали жить, а раньше-то...

— А скажите, когда Вы поселились там, как-то было заметно, что по-разному живут литовцы и русские? Например, одни красят, другие не красят.

— Конечно. Нет. Нам, во-первых, нечего было красить. Отработал, скажем, пять дней, на трудодни работали, отработал пять дней — идешь к кладовщику. У кладовщика вески вот такие вот. Приходишь с мешочком, мешочек тряпочный вот такой, и он как тебя за пять дней, на пять трудодней заработал, на пять трудодней — двести грамм муки овсяной, овес

молотый. Он совочек раз, второй на весы положил — вот тебе, пожалуй-ста. Приносишь овес молотый, там-то отруби такие — мать берет, через сито просеивает, эти отруби заварит, там варили кисель, как его называли — «бурдук» или как там, такой кисель овсяный. Хороший он, мне нравился. А [также были] свекла, картошка, все наместит и [сделает] лепешки — вот хлеб. Потом уже, через два года, мы получили семьдесят килограмм пшеницы за год. Десять копеек на трудодень тогда платили. Потом, когда я стал трактористом-комбайнером работать, мы по восемь, по десять в центнерах, по тонне, по полторы тонны стали получать. Скот стали кормить — свиней, коров, гуся, мельница своя была — мололи. Стали жить, конечно. Тогда и полы можно было покрасить. Я помню, в Литве не было полов деревянных, глиняные были. Глиной оббито, как праздник — песочком посыпают. Праздник прошел — смела этот песок, убрала.

— А в Сибири вы литовские праздники продолжали праздновать?

— А как! Вот 7 ноября, когда литовцы приехали, 7 ноября — праздник труда. Так там стряпух специально по деревне выбирали. Колхоз вставал, забьет мясо, муку. Там стряпали булки, караваи, самогонки нагонят мужики — и в клуб. Клуб здоровый был, в клубе там гуляли.

— А именно литовские праздники, церковные например?

— Но литовские... русские литовские не праздновали.

— А вы со своими?

— А мы со свои... Ну, пригласили меня тут — завтра собираться будем. Приходишь там, столы, не так как у нас сейчас — каждому стакан, тогда у русских было в моде стакан граненый, граненый стакан самогонки, он три стакана чебурыкнул и там... А у литовцев так: рюмочка — и бутылка за ней идет. Я — раз, наливаю, и пошел, и пошел, и пошел по кругу. И мы сидим, скажем, пять-шесть часов — ни в одном глазу — и выпьем больше [, чем] по пол-литра. Сало, закусываем, поют.

— По-литовски?

— По-литовски. Так те по улице все, по округе ходят, слушают. Как-то налили в чайник самогонки и поставили на окно. Как-то они увидели это, а окно-то было приоткрыто — утащили наш чайник с самогонкой, русские-то.

— А в семье Вы по-литовски говорили? С родителями? Или по-русски?

— Нет, мы по-литовски, а вот на работе...

— А вот с другими литовцами?

— Так же, мы можем по-литовски, а можем по-русски, но молодые больше по-русски, но если пожилые или даже я, то мы по-литовски. Я встретился с тобой по-литовски, на работе, пришел на конный двор, скажем, пришел на конный двор и говорю: «Мне надо коня привести». А Иван Кайрис — он конюхом был, ну, у него маленько лицо было парализовано на бок — он мне говорит: «Коня нет, там бык, бери узду и быка там». Пришел за быком-то, а бык-то пропал уже, он не живой. Я говорю: «Что ты мне дал?» — «Как! Он был живой». Вот так вот.

— А уезжать когда стали? В 57-м Ваши родители уехали?

— В 57-м.

— И все литовцы?

— Не все сразу, потому что в Иркутск надо ехать, а все равно какие-то чемоданы, какие-то вещи, надо что-то у кого-то это, Вы понимаете? Ну, три семьи, там на одну машину, машину-то [надо] взять было... Вот сельповский груз привозят с Иркутска в Жигалово. Мы уже узнаем — завтра машины придут в сельпо, разгрузятся, а они уже пустые идут туда. Ну вот, возили так. В Иркутске на вокзале вывалят, мы можем там три-четыре дня сидеть [ждать], когда это поезд [придет].

— А как Вы узнали, что можно уехать?

— Документы пришли. Мы имели право паспорта получить уже. В колхозе, колхозникам русским от нельзя было паспорт получить, а нам паспорта выдали сразу.

— А Вы праздновали?

— Да, да! Конечно! Паспорта получили, а так русские, которые сбегали люди, поймают — вернут.

— Они Вам что говорили? Не завидовали, нет?

— Оставаться просили, плакали некоторые!

— Ну, вы же мальчишки были, у вас уже, наверное, были невесты, плакали девушки, наверное, в основном?

— Считаю, это уже мне двадцать два года было.

— Вы не женаты были, нет?

— Нет. Я поженился в двадцать пять, двадцать шестой год был. А ей девятнадцать.

— А Ваша жена литовка была или русская?

— Русская.

— Из той же деревни? Вы уехали сразу с родителями и братом?

— Ну, приехали мы, понимаете, жить негде, дома нет, ничего нет, ни кровати — ничего. Ну, кровать купили, куда ее ставить? Ну, мы к родственникам — туда, туда, туда. И тут сразу военкомат. В армию. Я и [поехал] в Сибирь обратно. Я тут сразу получил военный билет, меня уже в армию не возьмут, и тогда я женился.

— Сколько Вы пробыли в Литве второй раз? Как вернулись?

— Когда вернулся? Где-то с полгода.

— А они остались, им дом дали или как они остались?

— Никто ничего не дал им. Они у родственников, а потом отец начал строить дом. Ну, дали маленько какую-то ссуду, что ли, кирпич купил да то-другое, нанял людей и строил. Построил, год не прожил и умер, и этот дом ушел в колхоз.

— А мать?

— Мать раньше умерла, года на три раньше отца. Я его звал сюда и мне как раз пенсию надо дорабатывать. Я мог бы даже туда уехать тогда, но мне два года оставалось до пенсии, и ни сюда и ни туда. И там хозяйство, там дом. Как-то получилось так, он там три года пожил.

— Это в каком году было?

— В 83-м, по-моему.

— Когда Вы ехали из Сибири в Литву, Вы сами платили за поезд?

— В Литву, что ли, так как Вам сказать? Отец меня не пускал. Нам показалось, молодые [литовцы] не хотят знаться, [мол, мы] с России приехали, ну или сосланы, бандиты. Ну и получилось так. А тот тоже

поженился. Я ездил всей семьей туда, на самолете. С Жигалова [брат], младший самый, в Иркутске жил. Туда приезжали, так хорошо. Отец уже в дом новый стал заселяться. Так и думал: пенсию заработаю, в Литву вернусь. Но потом, когда СССР распался... Там было проще. Куда в магазин зайдешь, там говорят по-русски, но дело не в этом. По-литовски отвечают, по-русски нет.

В 53-м году, когда Сталин умер, что было, народ весь собирался в клуб, телевизоров-то не было, слушали по радио, плакали все.

— А литовцы тоже плакали?

— Ну, я еще бы тоже не плакал.

— А 7 ноября вы тоже праздновали, или было отторжение?

— Ну почему не праздновали, праздник ведь там, где угощают. Стол, самогонка там. 1 мая — тоже праздник. На работе было — распишись, что придешь на демонстрацию, а не придешь — премиальных лишу. Все ходили, все веселые были, кто с водкой, кто с самогонкой, знакомых встретили. А в деревне, знаете, гуляли как? Самогонки нагоним, десять литров минимум, а самогонный аппарат — в лесу, и на телеге — туда. В очередь вставали.

Утром встаешь, завтракал-не завтракал, уже стучит в окно: «Кто там?» — «Ко мне к двум часам подтягивайтесь». Смотришь — там уже вся деревня. Столы сдвигали. Если кто-то в город съездил — смотри, колбаса! Огурцы с Иркутского. По стакану, по второму, по третьему — давайте в зал, там гармошка уже играет, а столы подобрали, почистили, второй заход садят. Три может застолья получится, как народ придет. Вот так два-три дома пройдем, назавтра опять. И так пока всю деревню до конца месяца не дойдем. Следующий месяц с другого конца начинается. Хорошо было. Мне нравилось тогда.

— А в какие это годы было, застолье с колбасой?

— Это уже в 69–67-м, вот так, в 60-е годы. А когда литовцы здесь были — не было такого массового гулянья. Они где-то одни гуляли, а потом уже как-то и их объединило.

— Вы, когда приехали, не видели этих праздников?

— Нет-нет, через года два-три, когда 7 ноября, в клубе все готовятся, с этого все и началось. А литовцы 1 мая все отпевали, на маевку собирались.

— А до какого времени литовцы праздновали свои праздники отдельно?

— Ну маевка, неделю ходили они отдельно, ну а какие там праздники литовские — я не знаю. Пасха там была. Яйца там красили, она не совпадала с русской. Она на неделю бывает позже или раньше там. Рождество было, Крещение. Вера у нас такая, католики. Мать все праздники знала. У нее была книжка.

— То есть она их знала?

— А потом нам присылали книжки. Потом нам посылки разрешали, сало там.

— А когда разрешали?

— Уже после смерти Сталина. Даже при Сталине разрешали. Только проверяли, чтоб ничего такого.

— Вот в конце войны были самолеты с расческами взрывающимися. Это чьи были самолеты?

— Русские. Немцы только успевали, бежали. Русские самолеты как заметили там народ, сборка там, бомбили сразу. Они не разбирали с воздуха. Бомбили все.

— А пакеты сбрасывали с расческами взрывающимися?

— Это немецкие. Да, это немецкие.

— А когда солдат Вы спасали, это было в начале войны или в конце?

— Нет, в конце войны. Когда Германия наступала на Советский Союз, они Литву не прихватили. А когда в конце войны они шли через Польшу, обратно немца гнали, тогда уже и Литве досталось. Много-много хуторов сгорело. Труба стоит там, труба стоит там.

— А партизаны были вокруг деревни у вас в лесах?

— Во время войны — я не знаю.

— А после войны, против советских?

— Были, были. Приходят, скажем, ночью, все вооруженные, автоматы по углам расставили, давай жрать. На стол им наготовили, а вдруг сейчас — русские? Отец стоит у окна, курит. Далеко видно огоньки, идут партизаны. Наш дом стоит, дорога и лес. Сколько раз получалась стычка. Они, у этих бандитов в партизанах был, тут приехала эта облава, они выбежать не успевают, начинают стрельбу, по 2–3 часа палили. А потом собирают этих раненых, убитых. И деревню эту [приказывают] километров на пять всю — сослать.

— А брат Ваш или отца? Вы думаете, что из-за него сослали?

— Нет, отца брат.

— А его потом тоже сослали или его не поймали?

— Убили его! Он погиб. Убили его, когда мы уже в Сибири были.

— Вас сослали, а он живой остался там?

— Живой, живой был там.

— А вас предупредили, семью предупредили, хотя бы за день, что вы будете уезжать?

— Никто не предупреждал! Никто не ожидал! Вот пришли, скажем, четыре человека вооруженных: «Так! Все на месте? Не ходить, не выходить». Ну вот только до туалета — с тобой сходил один и обратно домой. Сутки держали нас. Ни корова не доена — ничего. Только когда они ездили в Каунас, в военкомат или куда они там ездили еще, узнавать — как можно или нет? А потом дело уже к вечеру — погрузили и увезли на телегах нас. Там товарняк стоит. Скот возили в этих вагонах, вот нас везли в деревянных вагонах этих.

— И вот так стояли солдаты в каждом доме в вашей деревне?

— Да. Которых выселяли, у них же списки были, кого [брат]. Вот пришли, например, нас, отца брата второго, недалеко так жил, того, того, того — семей двадцать, может быть, поблизости в округе. И все, повезли нас на станцию — погрузили в вагоны товарные. Сутки там еще просидели.

— А потом в разные деревни селили? С вашими соседями по Литве Вы потом виделись или нет? Или в разных совсем местах в Сибири оказались?

— В разных местах. Два брата вместе не пускали. Вот два брата вместе ехали в поезде, к друг другу — нет. Здесь, в Иркутске, того в Балаганск, а нас в Жигалово.

— А вот Вы не в самом Жигалово жили?

— Нет, нет. Жигаловский район у нас. А деревня Чичек.

— Она и сейчас жива?

— По Илге. Там Илга есть, речка такая, и она вдоль по Илге.

— А в Литве в какой деревне жили?

— Вичас. Ну вот у меня на метриках тут написано.

— Вы там и родились и жили?

— Там родился. Но мы сначала-то жили, я помню, отец когда женился, ну в смысле у него квартиры не было. Тут уже я родился, мне уже года два-три было, я это уже помню, три, на квартире сначала у одной сестры, потом у другой сестры. Пока построили свою конуру, вот этот вот домик-то. А потом уже заселились в эту. Но деревня-то все равно одна была — Вичас.

— Причем очень близко к Каунасу находилась, да?

— Ну, до Каунаса где-то четырнадцать-двенадцать километров.

— А Ваш отец — он был рабочим или нет?

— Рабочим.

— То есть хозяйство у него было сельское подсобное?

— Нет, ничего у нас такого не было. Он работал то на заводе, то картошку садили сами. Помню, полгектара пшеницы или ржи сеяли — скоту-то надо.

— А в Иркутск когда вас привезли, поезда остановились на вокзале центральном?

— Да, да. Прямо на площади!

— Возле этого центрального вокзала?

— Да. Прямо как... Вот Вы в Иркутске бывали, наверное? И вот выйдешь с поезда, там через тоннели переходишь, а тут вот площадь такая, где машины, вот на эту площадь свалили нас. Там такие горы были шмоток-то. Навалили, навалили, потом машины подъезжали — и грузить. Погрузили нас пять семей, скажем, в открытые машины, а холодно все равно было.

— А какое время это было?

— Где-то 19-е апреля.

— А вот тракт, по которому вас повезли, Качугский тракт...

— А нас не по Качугскому, а по Балаганскому.

— Через Балаганск?

— Да, да. Через Балаганск.

— Он же очень тяжелый.

— Тогда же он еще не затоплен был. В Балаганске на Тыпту, на Балыкту.

— Тяжелая дорога. Очень плохая дорога.

— О, там одни ухабы, грязно. Днем-то подтает, а ночью подмерзнет — они ночью в основном едут. А мы еще на открытых машинах этих — не укрыться, тряпками голову закрывали.

— А одежды у вас почти не было?

— Нет. Три селедки дадут нам на семью, вот такие ржавые, и булочку хлеба, и мы три дня ехали до Жигалова-то. Там в пятистах километрах, три дня ехали.

— А где ночевали?

— Прямо в машине, машина встала и все.

— На холоде?

— Да, ну а как? А кто куда? А потом привезли — Закара, есть такая деревня. До Жигалова еще девятнадцать километров. В Закару эту нас грузили, я первый раз увидел, верблюды там еще были.

— А почему ночью, чтоб не видели люди?

— Нет, днем подтаивает — буксуют машины. Как замерзнет эта корка — так машины тогда идут ночью. А днем они могут свалиться в овраг — вытаскивать, вот так сидишь на машине — смотришь, сзади машин пятнадцать идет, ночью фарами светят. Потом, когда в Закару нас привезли, свалили, потом уж покупатель или кто это, или продавцы это: «Такой-то!» — фамилия — «Я!» — «Такой-то!» — «Я!». Трактор стоит с санями, деревянные сани, длинные такие, на сани нас там сгрузят и повезли. Эти — по этой ветке, вот мы — по Илге сюда. Дальше нашей деревни не было переселенцев. Дальше шли Куйтун, Бутырино, Тимошино — я их всех там знаю, там не было, мы крайние были.

— А в каких еще, кроме Чичека, деревнях литовцы были?

— Качень. Качень ближе сюда. Тыпта, Балыкта, Закара, Знаменка, Нижняя Слобода, там очень-очень много.

— А скажите, после того как вас привезли туда, после туда еще привозили депортированных?

— Нет. Нет. Мы последние в 49-м году были.

— То есть других народов тоже не привозили?

— Туда приезжали с Украины к нам, вербованные. Посылали туда представителей вербовать.

— Это потом?

— Это потом, после нас уже, это где-то в 48–49-м, вот так где-то. Нет, нет, вру! Где-то в 52–53-м, вот так.

— А вот немцы во время войны, еще до вас, получается, были на линиях?

— Ну, я бы не сказал. Я их и не знал. Знал, в форме какой они, знал, где проезжают они, скажем, на лошадях там пять-шесть человек, по деревням проедут.

— А, это у вас там, в Литве. А вот были немцы поволжские, которые были депортированы...

— А, здесь нет! Не было их. Татары были.

— Татары у вас были депортированные?

— Были. Татары были.

— А бандеровцы?

— Это Украина-то? Тоже были.

— И в вашей деревне были?

— Были, были.

— А они остались после войны или нет?

— Они поумирали многие. Мы приехали, они уже пожилые люди, и они переехали как в район, в Жигалово. В деревне там было тридцать

два дома в нашей деревне. А сейчас — один остался, одни колы, дворы. Вот сейчас на поезде едешь и посмотришь на Казахстан — одни элеваторы стоят эти, которые хлеб сушат, больше ничего и куча металлолома. Я в Литву приехал и тоже так же: тогда все было вспахано, посеяно и посажено, а сейчас полоса вспахана — поле все не пахано. Все бурьяном, все заросло! Там уже грибы собирают! Вот я приехал в Жигалово — там выше потолка лес! Грибы собирают, а были поля, которые я пахал-то. А в Литве то же самое. Имел там маленько что-то — взял земли, лошади там если у него были, а если у меня нет ничего, что я, лопатой, что ли? Только можно картошку посадить, и то проблема была.

— Вы помните точную дату, когда Вас из Литвы выслали?

— Точно не помню, где-то в марте, где-то 19-го или 17-го, но в марте, марте.

— А сколько продлилась на поезде дорога?

— Сколько дней ехали? Ну, где-то дней восемь до Иркутска.

— Не больше?

— Даже, может, больше.

— Мужчины, женщины все вместе ехали?

— Все вместе.

— А туалет как?

— Ведро. В окно.

— А вши были?

— Конечно, у кого-то были. У многих даже были. Начнешь чесать — вот вошь.

— Что-то делали? Как боролись с ними?

— А как с ними бороться, когда нет воды мыться? Что ты можешь сделать-то? Вот кипятку принес, выпустил с вагона старшего какого-то, так его сводили, ведро кипятка принес всем по кружечке — все, и вся вода.

— И ничего уже не сделаешь?

— Ничего. Вот открыли вагон вот так вот, бросили вот такую рыбину — делите.

— Это солдаты принесли?

— Да.

— А мука была у вас в поезде?

— Нет, муку полмешка мы еще привезли с собой.

— Первое время была..

— Оттуда когда мы ехали — полмешка было.

— Потом вам еду какую-то сразу выдали, когда вы приехали, или соседи помогли?

— Ну, как вам сказать? Там картошка не чищена, свеклу кто принес.

— То есть сначала люди помогли?

— Конечно. Молоко давали, потом стали уже рыбу ловить, нас учили.

— Я хотела у Вас спросить, поскольку совсем другой климат, жизнь другая, местные люди как-то сразу вам объясняли, что, например, сеять надо в такой момент, а не раньше, потому что еще заморозки — такие знания [давали], которые местные люди знают, то есть они учили вас, как прожить, как выжить?

— Нет, нет! Наоборот — литовцы их учили. Они мясо-то не ели, а когда литовцы сказали, как сало делать, как поросенка вырастить хорошего, как масло сделать...

— А пельмени тоже литовцы учили делать?

— Нет, пельмени — это русская еда.

— То есть местное население хорошо охотилось и приносило дикого зверя?

— Да.

— А домашний скот — не очень разводили, кроме коров, то есть свиней не сильно растили там?

— Нет, нет. Свинью надо кормить, а чем? Если он десять ведер картошки накопал, что — свинью кормить? Зерна нет, муки нет — ничего нет. Работаем на трудодни-то, получил муки, скажем пятьсот грамм, принес матери, что хочешь — то и делай.

— Лучше было ходить на охоту и на рыбалку, да?

— Так на охоту и на рыбалку сразу не пошли, нам же комендант ружье давал под роспись — вдруг кто узнает, что ружье... а мы втихушку так это.

— А где Ваш папа взял ружье?

— Первое ружье сосед дал. Он работал пастухом ночью — лошадей пас ночью, а там кругом волки были, стаи волков. День и ночь воют волки. Так вот охранять этих лошадей — ружье дали, и даже знал председатель сельского совета. Вот это первое ружье. А второе купили в магазине, в магазине тогда продавали, затворка тридцать второго калибра. Купили в магазине, так вот пришел, какой-то праздник был в клубе. Приехал милиционер, Крикунов: «Где у вас тут самогонка?» — «Да вот, у Миляускаса тут самогонка». Он пришел, обыск давай делать. Нашел это ружье. Забрал. В клуб пришел, а тут мужики пистолет у него забрали, он тоже хлебнул, у него пистолет отобрали. «Вот отдашь мне ружье — тебе отдадут», — вот так ружье отдали.

— То есть получается, что люди в деревне понимали, что литовцы не виноваты...

— Ну так, стало быть, так.

— И друг другу помогали.

— Да. Друг за друга были. Вот 60-й — 65-й [годы] — все к нам обращались за помощью. Я охотился, шестнадцать лет по тайге ходил, у меня ружья были нарезные. Милиция меня знала, все знали, у меня разрешения были на эти ружья. Вот уйду — шестнадцать дней, семнадцать дней в тайге прохожу.

— То есть это еще до смерти Сталина, в 50-х годах...

— Нет. В 50-м — нет. В 53-м году — нет. После 60-х годов уже.

— То есть с шестнадцати лет Вы в тайге, а в 60-м году уже ружья свои имели?

— О, у меня... я тогда разрешение через милицию брал. Я пушнину сдавал — заготовитель. Он приезжает, мы заключаем договор. Он мне провиант, патроны там, порох, дров дает. Осенью приезжает, после охоты выходим, несем ему пушнину. Что мне надо, я себе оставлял. Если я заключил, что сто пятьдесят белок с ним, сто пятьдесят сдать шкуру, я

приношу ему, сто пятьдесят сдал. Ну два-три соболя, а я убил, скажем, десять их. А тогда с сетями вообще тогда плохо было, иркутяне приезжали специально по деревням, вот как сейчас ездят, мясо закупают, приезжают иркутяне — вот соболя им надо, на шапку соболя. Ну я ему — соболя, а он мне — куклу эту дает на сеть.

— А после смерти Сталина вам никогда больше не говорили, что вам чего-то нельзя из-за того, что вы литовцы?

— Никто ничего не говорил. У нас никаких запретов не было.

— А вот Вы говорите, что в Литве ваша семья была бедная и когда Вы приехали сюда, уже через несколько лет, когда Вы на охоту стали ходить, когда на комбайне стали работать, то есть перед тем, как Ваши родители уехали в 57-м, Вы жили хуже, чем в Литве, или все-таки лучше?

— Нет, я здесь лучше жил. Я вошел в колею, мне всего хватало. А там [отец] начал строить все с начала, а годы-то — он шестого года рождения, мать и он. Это в 57-м, это ему 51 год был. Он еще в аварию попал, машина его сбила, у него горб сильно рос на спине, а у матери ноги сильно болели, ее тоже увезли в больницу — воспаление где-то, простудилась, ночью пить захотела в больнице, а воды нигде нет, она пощупала — цветы были залиты водой, а она попила оттуда и отравилась.

— То есть получается, что литовский мальчик очень хорошо прижился здесь в Сибири, да?

— Если не лениться, почему нет...

— А родители хотели, чтобы Вы остались в Литве, или они говорили Вам что-нибудь, например, что Вы литовец и должны жить в Литве, как Вы это решали?

— Я им помог там маленько благоустроиться. Кровати там купили, на себе принесли. Я собрался и поехал. Мне тогда пятьсот рублей денег было. И я приехал с Иркутска — ни рубля не было. А еще пятьсот километров, так я на попутных машинах. До куда доеду — потом опять голосую. А зима, я в ботинках — да доехал, ничего.

— Как Вас приняли назад в деревню?

— Нормально. Мне сразу новый трактор дали с иголку. Я в почете был. У меня, знаете, сколько почетных грамот было? В Братске строили — так я два раза на Доске почета был.

— А Вы в каком году приехали работать в Братск?

— В 70-м.

— А кем?

— Я сначала работал на бульдозере, на бурилке, бурильные машины в городе вез — бурили сваи под дома, потом на бульдозере.

— А как Вы со своей будущей женой познакомились?

— Ну как — в одной деревне. Ну как знакомятся?

— Вы же в школе не учились, а она училась в школе.

— Она в школе училась. Я познакомился где-то в 57-м году где-то, ну просто дружить стали так.

— Вы в клубе на танцах или как?

— В деревне посиделки собирались.

— На полянке?

— Да. Вечером после работы где-то собирались: или у клуба, или в клубе, или там где-то на полянке, то в мяч играть, то... всякие тогда были игры, где гармошка играет. Народ дружный был, в телогрейках все были. Не было тогда никакой красной тряпки — под гармошку плясали, под гитару, под балалайку...

— А когда Вы предложили замуж выйти?

— Ну, вот сейчас передачу смотрите «Давай поженимся»...

— Ну, она значительно была Вас моложе.

— На пять лет.

— За ней же другие парни ухаживали? Ну, как-то Вы ее убедили?

— Ну а что? Сошлись с одним чемоданом, а утром уже вдвоем вышли.

— То есть свадьбы не было?

— Потом свадьба была. Так две деревни во время свадьбы-то на берегу речки-то фотографировались. Ну, деревня собиралась — самогонки нагнала.

— То есть сначала Вы предложили ей вместе жить, а потом уже перед всей деревней объявили, что вы муж и жена...

— Ну так как, все равно мы... платье там шила, готовилась. Посадили нас за стол.

— А родители Ваши уже в Литве были тогда?

— Конечно, в Литве.

— Она была крещеной?

— Она крещеная. В свое верит.

— Какие-то обряды религиозные... Получается, она православная и [Вы] католик в семье — но Вы не соблюдаете обряды религиозные?

— Ну как, я не различал вообще — католик или православный. Я знаю только, что за войну там с сестрой или с кем говорю: «Ну как вы там Рождество [отмечаете]?» У нас, скажем, родительский день здесь весной, а там осенью.

— А на кладбище когда людей уносили, обычаи захоронения разные были с местным населением?

— Только крест разный и все. А православным какую-то тумбочку или что это ставят, а католикам крест ставили. И ставили русским, скажем, в ногах, а крест с головы ставится.

— А молитвы читали, когда хоронили?

— Читали очень долго. Вот когда у меня мать хоронили в Литве, я приезжал, когда отца. Вот тогда русских-то не было, а сейчас приглашают батюшку, попа там какого-то.

— Вот в то время, когда Вы жили в ссылке, религиозные традиции не соблюдались: захоронение, отпевание, только в самом обряде захоронения?

— Нет. Вот когда я ездил хоронить мать, так она была вся в цветах, а здесь одни венки вокруг гроба. Когда несут гроб, несут его сверху, там ставят на постаменте в церкви, почти всю ночь отпевают, старики соберутся, потом чай попьют. А назад несут на руках, у нас церковь была недалеко, там — на постамент, поп отпевает, народу много собирается. Я, конечно, знал, а она приехала, дочь приехала, им, конечно, дико каза-

лось, то и дело на коленки встают, крестятся. А сейчас-то уже совсем другое.

— А литовцев в селе, когда еще [их] много было, когда еще не уехали, много умирало? А как вы родительский день отмечали?

— Ну, у меня тут никого нет. А у нее родители, вместе идем на кладбище. Если приехал я туда, опять же вместе идем.

— А Рождество Вы здесь праздновали 25-го, а русские — 7-го?

— Ну, Новый год только совпадает, а Рождество, Пасха, Крещение не совпадает никак: или раньше, или позже на неделю.

— Вот те люди, которые забирали вас и держали сутки в деревне, они были кто?

— НКВД.

— Они были литовцы или русские?

— Нет, даже и литовцы могли быть, они по-литовски тоже разговаривали.

— А когда Вы уже здесь были, Вы говорили, нквдешники [были].

— Там был начальник НКВД, я его как сейчас помню, Миклиос его фамилия, который приказывал нас выселить. Литовец, он там был в Литве. А когда прибыли в Сибирь, здесь комендант был русский.

— А где били отца по голове поленом, в Сибири?

— Там. Здесь, в Сибири, никто не бил. Здесь отец говорил: «Я отдыхал здесь». Потому что лег спать, и никто не придет. А там — не те, так другие ломались. И всю ночь переживает. Ночью слышит выстрел, а куда пойдешь? Мечется в окно, второй выстрел, утром встали — поросенка нету, и сена нету, половину увезли. Мать утром встала — а сено по дороге насыпалось, насыпалось. Она по нему дошла до городишка соседнего, дошла до двора, где сено-то, и хозяин выходит с мясом, кишки выносит. Там потом какие угрозы были-то. Она пожаловалась. Они привезли мясо какое-то, не понятно что, кинули, и какие угрозы были — еще ноги протянешь.

— Свои же были, литовцы?

— Ну а кто же? Может, совместно с русскими.

— Представители власти?

— Какие тогда представители были? Отец говорил: «Я здесь отдыхаю, спокойно, хорошо, а там всю ночь не спишь, ждешь, кто-то да придет».

— А 1953-м году Вы сразу почувствовали, что стало легче, что-то изменилось?

— Нет, нас только в 1957-м году депортировали, а комендант после смерти Сталина не стал нас проверять. Потом, когда указ вышел, приехал представитель из района, из комендатуры, и сказал: «Получайте паспорта, вы — освобожденные, кто хочет — может жить здесь, кто хочет — может ехать домой». Вот и все.

— А скажите, все литовцы, что с Вами приехали, все выжили, не было, чтобы кто-то умер?

— Я знаю, сколько нас было человек, с 49-го по 53-й год умерло шесть человек.

— От болезней или от старости?

— От болезней, от простуды, от недоедания.

— А всего, Вы сказали, десять-двенадцать семей?

— Где-то так, где-то даже больше. Обувались как надо, разматывали простые мешки, наматывали, ни валенок, ничего не было. И ездили за дровами. Мне было двадцать два года — я первые дерматиновые сапоги купил. В двадцать три года велосипед купил.

— А ходили-то в ичигах, в чирках?

— В чирках, в ичигах, для охоты бокале шили, называли их поняшки. Это обувь была местная. Прошвы такие шили. Когда [на] снег наступашь, ногу вынимаешь, кожа не трется, как бы прошва — след больше делается.

— А в чирках ходили сразу?

— Да, я на охоту ходил, легко, хорошо. Сена в лесу нарвешь, насушишь, стельки положишь, обвяжешь оборки, и все — идешь, суконные брюки, шинель обрезанная, пояс. А поняшки делали на спине.

— А вот чирки, их кто-то шить должен был?

— Сами шили, кожу бычьую сами выделывали.

— Этому научили вас местные, а Вы-то приехали в какой обуви?

— Их называли колодки, деревянные были. По-литовски клумпис.

— И в них было неудобно?

— Удобно, в них никогда ноги не болели.

— Но в Сибири в них холодно было?

— Дерево, когда сухое, в них не холодно.

— А что же вы не научили местных жителей в них ходить?

— Они удивлялись на наши клумписы, а мы удивлялись на их чирки и ичиги.

— А деревянную обувь из какого дерева делали?

— Там, на западе, делали из ольхи, а здесь — из осины, а она легонька была.

— То есть здесь тоже делали деревянную обувь?

— Делали, но два года — и их уже нету. Сделал, кожей обтянул, покрасил. Сейчас интересно было бы посмотреть.

— А Вы помните как делать?

— Ну а как? Я не раз делал.

— А дома когда вы жили, мама ткацкий станок поставила?

— Нет, тут не было. Были у старух, половички ткали. Там, на западе, со льна ткали ткани. Но у нас не было станка.

Интервью с Анной Т., Вильнюс, июнь 2011 г.; Ален Блюм и Эмилия Кустова.

— Добрый день. Спасибо большое, что Вы согласились встретиться с нами. Не могли бы Вы рассказать о своем детстве, о своей семье и о том, как Вы оказались в ссылке?

— Я просто не могла не попасть туда, потому что моих родителей включили в список в 1949-м году. В 1948-м даже, но в 1948-м им удалось скрыться и на один год они избежали ссылки. Это, пожалуй, для меня было хорошо, потому что у меня был еще год расти. Нас вывезли в 1949-м, когда мне было два года и несколько месяцев. Это было страшное потрясение для моих родителей, которые до этого были очень любимыми

и уважаемыми людьми в округе. Моя мама была учительницей, она руководила маленькой начальной школой в деревне, а отец, хоть он и был, можно сказать, фермером, но он еще притом был очень способным ремесленником. И для всех, кому надо было что-то сделать по кузнечному и по деревянному делу, он всегда помогал. Они были популярными, поэтому их, наверное, предупредили. В 1949-м году они уже устроились в другом районном городе на работу: мама там учительствовала, потому что учителей очень не хватало, многих вывезли. А папа работал на стройке и он уже считал, что раз он сейчас пролетарий, то все в порядке. На самом деле, к сожалению, нас, видимо, нашли. Папа говорит, он идет с работы домой и видит, что около нашего дома стоит грузовик, вокруг шныряют люди в военной-полувоенной одежде и он думает: «А может, одну женщину с тремя маленькими дочками не тронут, если я не приду?» Но потом подумал: «Нет, а если их одних увезут, они же пропадут без меня» — и пришел, конечно. В общем, был такой эпизод еще: когда нас собирали там, все хватало, грабили страшно. Там были люди, которых у нас называют «истребителями», и это было никак не комплимент. С ними какие-то пьяные девки были, они дрались из-за маминой одежды. Мама у меня любила хорошо одеваться. Они топтали альбомы, выбрасывали вещи, все разбрасывали и все время угрожали маме и папе, что вот мы вас сейчас вывезем, прострелю я вас. Мама говорит, один русский мальчик, солдатик, был один с ними, видимо, молодой, взятый в армию только недавно. Он ходил сзади за мамой и все время говорил: «Не бойтесь, не бойтесь, вы будете жить, возьмите вещи теплые для детей, возьмите пищу, жить будете». Мама плохо говорила по-русски, она знала немецкий и в какой-то степени французский после окончания института, но это она понимала. И вот она думала: «Вот, пожалуйста, чужой человек какой, и какие наши местные — грубые, пьяные, вредные». И притом они нашли флаг, литовский трехцветный флаг. Среди вещей там копались, нашли и опять закричали: «Ага! Ты собралась поднимать!» — опять на маму, конечно. «Это ты там в сговоре с кем-то, скажи, с кем ты там собиралась, когда это ты собиралась?» Маму ставят к стенке, говорят, что сейчас расстреляют. Она говорит, что уже мысленно молиться начала. Посмотрела вдруг на нас троих: я самая маленькая, 2 года, другая сестра — 9 лет, старшей — 12. У мамы мелькнула хорошая мысль. Она сказала: «Послушайте, это же хороший материал, шерстяной. Для моей маленькой девочки ведь материала в магазинах нет, вот я думала, для нее юбочку сделаю». Они оглянулись на нас, и, видимо, человеческое что-то было, оставили маму в покое. Потом загрузили вагоны и увезли. Там мамыны ученики, пока нас [не] вывезли, растроганные, приносили маме какие-то сушки, [передавали] через проволоку. Держали нас за проволокой какое-то время, пока собирали контингент. Одна папина родственница даже свинью заколола и что-то успела приготовить и притащила продукты. Но это все охранники забрали, только кусок сала оставили, который я сосала всю дорогу. Потом нас кормили очень плохо, какую-то бузу давали, называлась «щи», но там один капустный лист плавал в воде и ничего питательного там не было. Один раз я заболела сильно и в какой-то момент я стала как будто мертвой, то есть холодной, но не окоченевшей, поэтому думали, что еще что-

то живое во мне есть. Дыхание не слышали, и без аппаратуры же ничего там не понятно было. Это было несколько дней. Пришел охранник, говорит: «Это трупик, он тут завоняет, его надо выбросить, а то вы тут все заболаете». А мой папа, который был очень сильным физически, он был крупного телосложения до самой старости, у него были очень большие руки и широкие плечи. В первый раз он встал и выпрямился. Этот солдатик ему по плечо стал. И папа сказал: «Этого ребенка вы сможете выбросить только вместе со мной. Мы не уверены, что она мертвая, пускай доктор посмотрит. Если докажет, скажет, что мертвая, тогда я сам ее похороню и везите нас куда хотите. Но это вам ребенок, а не котенок и не какой-нибудь собачонок». Для охранника мы были как фашисты, бандиты, чужие, но все-таки что-то человеческое в нем было, и связываться с таким, как мой отец, [он] не хотел. Он ничего не сказал, повернулся, ушел и на следующей стоянке привел доктора из другого вагона. Это был молодой, тоже арестованный, ссыльный, но у него с собой даже препараты были. Доктора — это уже другая категория, они всюду нужны. Он, видимо, помогал лесным братьям или что-то такое, а может, это только подозревали. Во всяком случае, он занялся мною, сказал, что я еще живая, и даже сделал какой-то укол. Мне становилось лучше. Через день после этого нас загрузили на корабль, там был чистый воздух, давали более или менее нормальную пищу. Нас везли по реке Лене вверх, потом повернули в реку Витим, на северо-восток от Байкала, туда, где находятся золотые прииски, рядом с городом Бодайбо. Там нас разгрузили. Этот врач опять спас нашу семью, он обнаружил, что моей средней сестре нужна операция, у нее был приступ аппендицита. Он понял, что было бы, если бы нас вывезли, как других, на прииски или на солевые копи или выбросили в лесу, чтобы сами строили землянки, пищу могли привезти или не привезти. Нам повезло, что нас оставили, мы всю эту партию разбросали как-то. Потом выяснили, что папа мой мастер и умеет делать разные вещи, кто-то сказал, что им нужны плотники. Я помню, что у него первая работа была — он делал клетки для соболей. Их вывозили и где-то в тайге выпускали, чтобы размножались, поэтому у него в кармане всегда много было кедровых орешек.

— Какого числа и месяца вас вывезли?

— Точно я не помню, где-то весной, около Пасхи. Мое одно из первых детских воспоминаний, это то, что я как будто прихожу в себя из глубокого сна, и мы находимся в очень странном месте. Это был заброшенный клуб, лестница, которая вела на сцену, поломанный пол, везде лазали кошки. Мне это сильно запомнилось. Говорят, нас там поселили только на первые несколько дней еще в самом начале, а потом уже расселили по баракам. В бараках люди развешивали тряпки, чтобы отделиться друг от друга, как в купе. Там мой папа очень заболел. Что с ним было — не ясно, но у него был страшный жар. Мама говорит, что это, скорей всего, от тоски, от такого тяжелого положения, унижения. Мы были не богатыми, но все же что-то имели, не были крепостными. Дедушка был очень гордый, говорят. Я его не помню, он умер, когда мы были в Сибири. Он уже тоже вроде бы умирал. Дома было пусто, денег не было, мы все были полуголодные, в страшном состоянии, опять тот же

врач пришел навестить сестру, увидел папу в этом положении, дал каких-то денег, лекарства. А через несколько дней пришел перевод от папиной сестры, единственной из всего рода, которая осталась в Литве, потому что всех остальных фактически вывезли. Лишь один мой дядя уже был в Америке в то время, куда переехал еще в 1944-м году, работал в банке. Он понимал, что будет, если он останется. Один мамин брат в Канаде оказался, другой оказался в Австралии. Его матери не повезло, самой старшей сестре моей матери, ей сказали, что ее сын в лесу. Она говорит: «Я не знаю, где он». А он был гимназистом, сел на велосипед и уехал на запад, его больше не видели люди. И когда он уже после сталинской смерти объявился, все узнали, что он в Австралии, тогда только с моей тети сняли обвинения, а так она, бедная, в лесу работала, рубила кедры.

— То есть тоже выслали?

— Да, массово выслали, одна тетя осталась каким-то образом. Ее сын был коммунистом, он стал председателем колхоза, они, по-моему, еще и взятку давали. В общем, тетин муж был крупный кулак, несколько не меньше нас. Но они каким-то образом выжили и очень много нам помогали: присылали посылки и деньги, для меня книжки литовские и вещи. В самом начале было довольно страшно, потом папа получил работу, его стали ценить, потому что он делал все очень старательно, любил все совершенствовать, придумывать свои варианты. Уже после смерти Сталина он вообще собрал строительную бригаду, туда он набрал молодых литовцев, которые там еще были, особенно всякую молодежь, у которых родители были в ГУЛАГах, и других, не только литовцев. Главный принцип был: чтобы не были пьяницами и [были] более или менее работающими. Он сам делал чертежи барачных, складов и даже производил расчеты. Это были деревянные постройки. Все делал для государства правильно, хорошо, и его бригада даже получала премиальные. Когда они уже освободились, у папы была целая куча грамот за хорошую работу. Самое смешное было, что после смерти Сталина его уговаривали вступить в партию.

— В каком году, не помните?

— Я не помню точно год, но это уже где-то 1956-й год. Это был очень смешной разговор: там был директор совхоза, с которым очень дружили мои родители. Жена его была учительницей, а папа у него работал. Он поговорил с моим папой, видит, что он человек грамотный, говорит ему: «Юстын Мартынович, вы настоящий коммунист! Вот такими должны быть коммунисты: порядочными, честными, работающими, надежными». А в нашем доме «коммунист» — это ругательство. Думаем, что папа ему скажет? А папа спокойно выдержал минутку, чуть-чуть улыбнулся, а потом говорит: «Ну, меня же сюда привезли не потому, что я такой хороший, меня же схватили как преступника, без суда, привезли сюда, все отняли, но я же не знаю, в чем была моя вина, я не мог исправиться, я не достоин». Это был конец таких разговоров.

Мои родители были очень активными. Моя мама, бывшая учительница, тут работает сторожем, сторожит баржи. Зимой, уже в послесталинское время, ей даже почему-то давали ружье. Она сидела в тулупе, эти баржи примерзшие, кто их там будет грабить? Но вообще-то воровали. Наши

лодки каждый год почему-то крали и папа каждый год заново делал не одну, а даже несколько больших лодок, чтобы можно было плавать на тот берег Витима по ягоды, по кедровые орешки и праздновать. Лодок было несколько и они делали несколько рейсов, плавали довольно большими компаниями на остров, там делали костер и праздновали: пели, плясали и так далее. Мама занималась молодежью по воскресеньям обычно или в субботу вечером. Она учительствовала, естественно бесплатно. Она обучала литовских детей литовскому языку, они писали диктанты, учили стихи. Я знала очень много стихотворений, потому что в то время у меня была хорошая память, я быстрее запоминала, чем эти ученики. Они учились петь, танцевать и даже выступали на каких-то русских праздниках, их уже знали и говорили: «Славно пляшут эти литовцы!» То есть все уже было как-то оптимистично, но я помню, что когда собирались, все было вроде бы в порядке, все сыты уже более или менее, все вроде бы ничего, а как все начинали петь песню на литовском, которая переводится как «Отпустите на родину, отпустите к своим», так все плакали. Я тоже много думала про эту родину. У меня есть поэма, которая называется «Родина моего детства» — это та родина, о которой я мечтала, которую я не помнила, но которую я представляла по картинкам, по рассказам мамы, которая очень много мне рассказывала, пела и стихи читала. Я знала разные обычаи, легенды и много всего прочего. Родину я представляла очень красивой: цветущие поля, красивые дома, которые я видела на картинках учебника для чтения. Мне снились цветущие сады. В Сибири этого быть не могло. Это у меня даже немного трансформировалось, и я видела во сне цветущие ели. Здесь были елка, можжевельник, кедр, сосна, а там совсем другие кустики, какие-то березки были. А яблоки — это была вообще фантастика. Они нам доставались или мороженые, или сушеные, других не было, и мы не могли их видеть.

Меня выслали родители отдельно в Литву и я несколько лет без них там жила у родственников.

— А когда?

— Это было в 1956-м году. Меня выслали из-за того, что я заболела, и после очень сложной, с большими осложнениями скарлатины, у меня что-то случилось со слухом. Мама таскала меня по каким-то теткам, бабкам, но какой-то типичный ученый, дяденька-медик — с бородкой, седой, очкарик, скорей всего, тоже ссыльный — сказал маме: «В вашем климате она, может быть, вырастет и поправится, если будет уход, если будет лечение, а здесь она вырастет фактически глухой». Для моих родителей это был еще один аргумент. Они хотели, чтобы я училась в литовской школе. Все равно они думали, что когда-нибудь тоже получат разрешение, потому что некоторые уже возвращались. И вот меня, так сказать, контрабандой к чужой семье пристроили, папа дал денег, переписался с родственниками, у которых можно меня оставить. Меня погрузили на баржу, потом мы очень долго ехали на поезде. Представляю, как та семья переживала, потому что я была очень живым, очень бойким ребенком, шныряла по всему поезду, со всеми обо всем болтала, и они боялись, что я проговорюсь, и у них будут неприятности, потому что они везут одного маленького «нелегальчика». Но в общем все было более или

менее нормально. Мы приехали в Плунге — это район недалеко от Клайпеды. Там меня должна была встретить та самая моя тетя, которая сделала нам много добра. Это было раннее утро, часов 6. Меня выгрузили с моим чемоданчиком, который был с меня ростом, я стою с этим чемоданчиком, смотрю, где же эта тетя. А тети — нема. Думаю, что теперь делать. Но я никогда ничего не боялась, меня не пугали ни милиция, ни кто другой. Я подумала: я читала про дядю Степу-милиционера, который спасает детей, приводит домой заблудившихся, и решила поискать милицию. Как раз то самое, чего не надо было делать. Мужчина, который видел меня со стороны, рассказывал: ходит такая букашка, громко кричит: «Где милиция?». И вот он подошел, это был местный железнодорожник, и спросил, зачем мне нужна милиция. Я ответила: «Чтобы к тете отвели» — «А кто твоя тетя?» Я показала ему адрес на бумажке, и он отвел меня. Я сидела у тети и уже уплетала блины за обе щеки, когда принесли телеграмму, что я приезжаю.

У меня было страшное разочарование после возвращения в Литву. Потому что я приехала в ноябре, деревья были без листьев, где там уж цветы, все хмурое, грязное. В Сибири не было такого, там вообще осени не было — сразу все замерзает, покрывается снегом и до весны все так и будет. А тут слякоть, грязь, деревья все засохшие. Но одно меня утешило — я увидела озимых в поле. Это было то, что меня воодушевило, все-таки не все здесь мертвое, не все пропало. Я пожила несколько лет без родителей, потом они приехали, я была у родственников. В Сибири я с детьми очень дружила, но если что — я дралась, потому что чуть что, мне сразу говорили, что я фашистка, бандитка. Я, конечно, это просто так не оставляла. А в Литве ко мне приставали, говорили, что я бандитка, мои родители были бандитами, и поэтому нас вывезли. У меня еще русские слова выскакивали, и из-за этого меня называли рускалкой и отрицательно относились — все это было неприятно, обидно и даже противно слышать. Я была не очень спокойной и не очень послушной, и когда меня взяла другая моя тетя, после того как я сделаю чего-нибудь нехорошего, она говорила, что моим родителям я уже так надоела, наверное, что они меня на их голову прислали, если ты будешь столько грешить, Бог тебя накажет и ты больше не увидишь своих родителей. Представляете, говорить ребенку такое! В общем, когда мне было 12 лет, они вернулись: и я их не узнала, и они меня не узнали — отпустили пушистого такого ребеночка, приехали — подросток костлявый, длинный, всезнающий, я уже всю библиотеку школьную прочитала и в городке тоже почти все, кроме какой-нибудь математики. Родители стали старыми, совсем не такими, какими я их помнила. Но потом я, конечно, быстро освоилась, и все было нормально. Папа, кстати, не успокоился, он получил реабилитацию в Литве уже. Без возвращения... в 1959-м году, 10 лет продержали спокойно, отпустили, и комендант города ему сказал: «Знаете, на вас дело-то не было заведено, вы были только в списке, так что можете идти». И только в 59-м их отпустили. Мой папа даже получил разрешение купить обратно свой дом, который был почти развалившийся, а мама очень злилась, потому что мы могли купить нормальный домик в городе, а он купил развалину и все наши сбережения туда ухлопал.

А он там опять сделал маленькую лесопильню, оборудовал заново свою кузницу. Директор совхоза его обожал, потому что он опять организовал строительную бригаду, по вечерам работал на кухне и был единственным человеком в округе, который умел хорошо подковывать лошадей. Он их спокойно привязывал за уздечку к столбу, гладил, брал ногу и подковывал безо всяких травм. У нас сложно было купить машину, тем более бывшим ссыльным, хоть и реабилитированным, но без возвращения национализированного имущества — так было написано в реабилитации. Но папа умел работать и зарабатывать. После своей основной работы он делал разные вещи для людей с разрешения директора совхоза, который его очень ценил. Когда папа уже созрел для пенсии и попытался уйти на нее, к его бригаде пришел какой-то молодой человек, который должен был стать прорабом. Через несколько дней они сделали забастовку, сказали, если Контремас не вернется, мы не будем работать. Потому что новый прораб слишком много командовал, а папа был с ними наравне и при том очень дружно. К сожалению, он погиб из-за любви к механизмам — купил старую машину-развалюху. Одну, потом другую, чинил их. С одной у него произошла авария, у нее что-то было с тормозами, его занесло зимой на льду под большой МАЗ. Никто не был виноват, никто не пьян, а просто неполадки в машине. Он был очень сильным и физически, и духовно, никогда не ругался, я никогда не слышала от него злого слова, даже когда нас вывезли. Говорил, что хоть мир повидали, какие-то пережили испытания, как будто уроки, но Бог с нами был, и мы выжили. Но мама, конечно, не могла простить, что ее так унизили, что она могла официально работать там только сторожихой, уборщицей, санитаркой.

— А учительницей ей там не позволяли работать?

— Ну, во-первых, она русский плохо знала. У меня карьера переводчика началась с трех лет примерно. Я помогала маме договориться в магазине, с соседками и прочими, потому что я сразу стала говорить на русском. В четыре года обнаружили, что на двух языках я читаю сама. Как я научилась — никто не знает. Но говорят, я подходила, спрашивала, какая это буква, какая это.

Мы не были в ГУЛАГе, но тосковали по родине, обязательно надо было вернуться. Мои родители были очень набожные люди, они учили меня молитвам. Священников не было, но мама с папой проводили молебны. А я придумала свою молитву. Во-первых, я очень сильно верила в ангела-хранителя, потому что у меня была картинка, где нарисован ангел-хранитель, который охраняет двух малышек, которые идут по какому-то мостику. И я верила, что этот ангел есть и у меня тоже, и ему я была благодарна за то, что я не погибла в тайге. Потому что когда мне было пять лет, я очень хотела в Литву, нам столько рассказывали о ней! Я решила пойти туда пешком. Нас везли туда поездом, потом рекой, значит, мне надо пройти вдоль реки, дойти до рельс и по этим рельсам дальше идти. Мама сказала, что Литва в той стороне, где солнце заходит, вот я и пойду в ту сторону. Потопала я вдоль реки, а потом начался очень скалистый берег, я отошла в сторону и смотрю, что я уже реки не нахожу больше, а тут тайга, про которую я знала, что она очень опасная,

много всяких страшных зверей и что там можно заблудиться и не вернуться. Там водятся медведи, один маленький мишка даже жил у нас во дворе, его родителей, видимо, застрелили, и он был сироткой. Мы все дружили с ним, но потом он вырос большим, задрал соседскую собаку и его куда-то увезли. В общем, я знала, что это опасные вещи и стала бояться. Солнце уже низко село, я поняла, что до Литвы далековато, а я одна в тайге. Тогда я начала говорить своему ангелу-хранителю: «Я больше не буду такой, я буду хорошей, только ты помоги мне вернуться домой». Вдруг, через какое-то время, я вижу, что кустики шевелятся и там какая-то тень. Я подумала, что это медведь, замерла, вспомнив рассказы, что если ветер дует со стороны медведя, то он еще не почует и от него можно убежать, а если с твоей стороны дует ветер на медведя, то тогда только ложись, притворяйся мертвой. Но ветер был как раз со стороны этой тени, и я во все ноги пустилась бежать, не смотря, куда я бегу. Так я выбежала к реке. Потом вернулась домой, получила очередной раз взбучку, потому что я была таким ребенком, который выходил с утра, приходил ночью и получал свою порцию воспитания. Когда я уже была больше, я говорила маме, что это не педагогично. Я так и не призналась родителям, куда я ходила.

— Вы ходили с другими ребятами, детьми в тайгу, за ягодами или куда-нибудь еще?

— Меня брали, я была маленькой, и одна я, конечно, не ходила. Ходила с сестрами на брусничные поля, где можно сесть и сразу ведро набрать, не поднимаясь с места. Там люди считали ведрами, а не литрами, сколько там чего набрали. Но в основном ходили за брусникой, также была черника, но мало, и совершенно не было малины, во всяком случае, я ее не помню. Поэтому в Литве у меня было недоразумение с малиной: меня взяли с собой собирать малину, а я очень хорошо ее ела. И когда я увидела, что иногда в малине кое-кто живет, у меня такая реакция была, что я до сих пор запах не переношу. Еще ходили и по кедровые орешки. Но это уже взрослые, они плыли далеко по реке, подальше от города, потому что там росли хорошие кедры. Детей с собой не брали, потому что они туда с ночевкой плыли. Иногда на другом берегу реки ночью можно было видеть костер. Они меня не брали, хоть я очень сильно просила.

— Обычно литовцы плавали туда или кто-то еще?

— Да, обычно туда плавали литовские компании. Но и другие люди тоже плавали.

— Они научились говорить по-русски?

— Да, конечно, более или менее. Между прочим, у моего папы там появилась еще одна интересная специальность. Он как настоящий хозяин, хуторянин, умел обходиться со скотиной, и у нас держали свиней. Один раз мой папа увидел, как соседи гоняются за полузarezанной свиньей, она визжит и разбрызгивает кровь. Папа предложил прикончить эту бедную свинью, один раз ударил и все. Потом его попросили помочь разделать эту свинью, и он помог, сделал все аккуратно, чисто. Русские люди были добрыми, и когда начинался сезон, все звали на помощь моего папу, и у нас всегда было свежее мясо.

— А вы делали сало по-литовски?

— Делали. Мама даже колбаску делала и, я помню, соседи удивлялись, потому что они не знали, что можно это дома сделать. Один раз нам прислали небольшое количество ржаной муки, и мама испекла ржаной хлеб. Был такой запах! Когда я училась в Ереване, я во сне видела черный хлеб, которого там не было. Но это уже другая история.

— Много литовцев было в Бодайбо?

— В этом городе было их как-то много. Особенно после Сталина, видимо, кое-кто перебрался из леса. Потом, когда я уехала, мои родители перебрались в Черемхово, где была семья маминого брата и другие литовцы.

— А воскресная школа, в которой преподавала Ваша мама, была в Бодайбо?

— Да, она была в Бодайбо. Это была не то чтобы настоящая школа, это была группа, которую мама собирала и занималась с ней.

— Вы не знаете, она получала на это какое-то разрешение или это тайком делалось?

— Это было безо всякого разрешения, но там никто не доносил.

— А коменданта Вы помните?

— Нет, с ним я не имела дела. Родители с ним общались.

— То есть Вас не водили к нему отмечаться?

— Нет, я была маленькая, видимо, несовершеннолетние им не были нужны, поэтому меня так спокойненько выслали. Я была в списке. Когда я получила документ о ссылке, там было написано, что я все 10 лет там и пробыла, хотя на самом деле это было не так. Я хотела быть честным человеком и сказала, что я не все это время была в ссылке, но мне сказали, что по документам так. Я не стала с ними спорить.

— Значит, коменданту никто не сказал, что Вас нет?

— Нет, мои родители никому ничего не сказали. Я не знаю, знал ли об этом комендант или нет. В документах было написано, что мы все вернулись из Черемхово, а меня там не было.

— У Вас был статус спецпереселенца или нет, потому что у детей часто не было этого статуса?

— У меня есть документ о реабилитации меня и сестер.

— А когда Ваш папа добился реабилитации? В каком году это было?

— Это было в хрущевское время, не помню, в какой точно год. Я не фиксировала эти даты, хотя надо было. Я ведь думала, что воспоминания всякие буду рассказывать только детям и внукам. У меня уже была книжка с моими стихами. Однажды, в 1982–1983-м году я сильно заболела, и вдруг у меня из головы полез текст, который надо было записать. Я стала писать, потом посмотрела на него и подумала, что такое нигде не напечатается. А потом, уже в 1989-м, когда об этом уже стали открыто говорить, я написала эту поэму до конца, чтобы оставить детям, внукам, правнукам и так далее. В этом же году у нас появилась книга «Воспоминания детей». В первый раз за долгое время я получила большой гонорар. В этой книге есть фотография нашей семьи, мы сидим в нашем огороде.

— То есть у вас был свой огород? Он довольно быстро появился?

— Да, сначала мы были в бараке, а потом нам дали половину дома, и около него был кусок земли, где можно было сделать себе огород. Наши соседи, которые имели другую половину, были немного выпивающими и не сильно работающими, но они сажали у себя немного картошки, а у нас была даже теплица, где можно было сажать уже весной или держать там поросенка. А потом нас уже переселили в другое место, и там уже не было земли, где можно было иметь огород. Это был не то чтобы барак, а, скорее, комната с прихожей и кухней и одной большой комнатой.

— Ваши сестры остались жить с родителями?

— Да, сестры остались с родителями, они оканчивали школу, и обе поступили в медицинский техникум на фельдшеров-акушеров. Старшая сестра хотела быть ветеринаром, и она поехала поступать в Улан-Удэ, но ее не приняли, потому что им нужно было иметь свои кадры, а она бы выучилась и уехала. Поэтому она тоже пошла в медицинский, хотя всю жизнь любила животных. Обе мои сестры работали в Литве фельдшерами-акушерами и медсестрами.

— Они вернулись вместе с родителями? Ни одна из сестер не вышла там замуж?

— Нет, только одна моя средняя сестра познакомилась там с литовцем, и уже в Литве они поженились. А старшая — нет. У нас на хуторе близко была только начальная школа, в которой мама работала опять, потому что ей не хватало стажа, не учила же она эти 10 лет. В этих деревенских школах она работала, пока не набрала нужный стаж, хоть возраст был уже давно не тот.

— То есть, когда они уже вернулись, не было проблем с устройством на работу учительницей?

— Нет, учителей в то время не хватало, особенно в глухих деревнях.

— А как называлась Ваша деревня?

— Наша деревня была Вилкайчу — от слова волк, волчата. Район Плунге. Наш лес уже был на границе с районом Тельшяй.

— Родители, когда вернулись в 1959-м году из Сибири, они сразу смогли вернуться на место, где был дом?

— Да, просто моего папу очень легко взяли, он был нужным человеком. Получить специалиста для такого глухого совхоза было сложно, и директор был очень рад, он помог получить нам разрешение, чтобы мы смогли купить дом, который уже был полуразвалившимся. Я помню, были такие бревна, что можно было пальцем проткнуть.

— Это был ваш дом?

— Да, бывший наш дом.

— То есть вы сразу же его и выкупили?

— Да. Папа там очень много работал. Я помню прекрасные моменты, когда мы с ним вместе работали. Он делал машину для того, чтобы делать дранку, длинные щепки, которыми покрывали крыши. Я ему, конечно, помогала. Он сделал маленькую лесопильню. У нас были вредные и завистливые соседи, которые все вытащили и растаскали, когда нас увезли, говорили, что опять надо раскулачивать моего отца, приехал, фабрику тут устроил. Папа платил за электричество, по договоренности с совхозским директором. По вечерам в субботу он работал для людей, у него

было разрешение, он халтурил, так сказать, но это была хорошая, порядочная работа. Сейчас бы за это он налог платил и все, а тогда это было не совсем легально, но, поскольку начальство его любило, оно закрывало глаза. Он делал много-много дранки, а я брала в охапку эту дранку и несла на крышу. Мой отец очень хотел сына, и я пыталась ему заменить этого сына. На крыше было очень красиво, деревья выросли вокруг, некоторые из которых сажали папа и дедушка. В общем, это было свое королевство. Я потом ходила по этому, заросшему крапивой, двору и думала: «Вот она, наша земля!» Но когда папа погиб, мама продала этот дом, и его у нас больше не стало.

— Где Вы учились в Литве?

— Я училась в разных местах, потому что на хуторе не было школ. Я уже была пятиклассницей, когда мои родители вернулись. Я жила то у одной сестры, то у другой, потом одно время в интернате, в Клайпеде у средней сестры, окончила школу там, поступила в университет на литовский язык и литературу, потом поехала на стажировку в Ереван, откуда вернулась с молодым человеком.

— Вы ему сказали, что были переселенцами?

— Конечно, я этого никогда не скрывала.

— Он не боялся?

— По-моему, не очень. Но его родители немножко опасались какое-то время. Я выступала в антикоммунистическом духе, и его родителям, которые оба были коммунистами, это не очень нравилось.

— Вы говорите, что никогда не скрывали, что вы спецпереселенцы. До перестройки тоже?

— Понимаете, в Литве, когда мои родители приехали, я уже была пионеркой. Сама пошла. Мне нужна была какая-то идеология, и эта «розовая» оттепель, когда реабилитировали родителей, [и думалось, что,] хоть там и были ошибки и перегибы, теперь мы все будем братья, друзья. Я сама поступила в комсомол. Когда родители узнали, мама ругалась, а папа плакал. Мне было очень больно, но я думала, что не понимают они, что мы будем строить светлое будущее, и все будет хорошо. Когда я стала комсоргом школы в 10-м классе, тогда я сильно разочаровалась во всех этих вещах, потому что мне надо было ездить на всякие районные конференции, там я насмотрелась на всех этих районных лидеров, которые пьют, развратничают, черт знает что делают. А я была такая идеалистка, за весь класс платила членские взносы, потому что многие люди не платили, пыталась что-то организовать. Потом я поняла, что это бессмысленно, бросила все, и уже в 11-м классе сказала, что больше не буду этим заниматься, мне надо было готовиться к вступительным экзаменам. А в университет я получила прекрасную характеристику. Про ссылку я не написала, это единственное место, где я скрыла. То есть я родилась в Литве, школу окончила в Литве, а какое кому дело, где я там побывала. Потом они уже раскопали данные и разобрались, когда я работала на телевидении.

— Получается, когда Вы поступали в университет, Вам это не помешало никак?

— Нет, я об этом не писала, и никто, видимо, об этом не донес. Я была комсомолкой, правда, я уже потом очень быстро отошла от любой

активной деятельности, особенно после 1968-го года, после Чехословакии, — это был сильный удар по оставшимся «розовым» кусочкам идеализма. Тогда я первый раз начала слушать с папой голоса по радио, когда все коммунистические партии осуждали Советский Союз, даже французские, которые были лояльными. Тогда я стала кое-что понимать.

— Скажите, когда Вы были активисткой в комсомоле, не было такой ситуации, когда прошлые депортации всплывали, но Вас не упрекали? По поводу кого-то другого не говорилось, что он сын кулака и тому подобное?

— Нет, я окончила университет в 1971-м году, позже пошел застой. Уехала в Ереван, а после него я приехала в 1973-м году обратно, получив два года стажировки направления Союза писателей, чтобы переводить поэзию и другую советскую литературу. Когда я вернулась, это был как раз момент, когда у нас очень сильно усилились репрессии, потому что диссиденты стали больше проявляться, потом было самосожжение парня в Каунасе. Если бы я была в Литве, я бы точно попала в эту компанию, потому что я бы точно поехала туда. Но я была в этот момент в Ереване. Когда я вернулась, я поняла, что что-то изменилось. Это очень заметно было в магазинах — стало очень мало импортных товаров. Появилось общее такое недоверие. Как-то я встретила на улице своего бывшего преподавателя, и он меня легко взял на работу в энциклопедию, поскольку я знала несколько языков, любила копаться в книгах, словарях, энциклопедиях. Я поработала какое-то время там, а потом меня пригласила моя хорошая знакомая на телевидение. Меня туда сперва приняли на место той, которая ушла в декрет. Это было в 1980-м году. Я была оформлена временно, но на самом деле сказали, что я останусь, потому что я хорошо работала, мне даже разрешали вести прямой эфир, потому что я не боялась микрофонов и всяких камер с детства. Когда я заболела и лежала в больнице, еще не вышел срок даже, меня уволили. Я думаю, что они там раскопали мое кулацкое прошлое. Потом я ушла в вольные писатели, работала переводчиком. Меня более или менее содержал Руслан, он у нас программистом работал на больших советских машинах, которые целую комнату занимали.

— Вы говорили, что вас и в Сибири называли иногда фашистами, бандитами. Прокомментируйте это, пожалуйста.

— Да это дети, особенно когда злились, ссорились из-за чего-нибудь, то они говорили. А взрослые очень быстро поняли, кто есть кто. Там и другие ссыльные были, не только литовцы. Были украинцы, помню соседей-армян.

— Что Вам говорили родители о ссылке?

— Ничего особенного еще не рассказывали тогда. Говорили, что неправильно нас взяли и увезли, что плохая власть, что до этого была хорошая жизнь. Мама работала и много зарабатывала.

— Вы не помните, Вам родители говорили, о чем можно говорить, а о чем лучше помолчать?

— Когда они приехали и нашли меня такой «красноватой», они очень остерегались уже. Пока я была маленькая, что слышала, то слышала, а так специально меня ничему не учили. Правда, мама старалась литовский

патриотизм мне внушить. Я по вечерам молилась не только ангелу-хранителю, я и Литве молилась.

— Когда родители уже приехали к Вам туда в Литву и выяснили, что Вы пионерка, говорите, они стали остерегаться, то есть, например, «Голос Америки» отец при Вас не слушал?

— Нет, он слушал, но я же не буду доносить на родителей. Но я немножко спорила, дискутировала с папой. А с мамой невозможно было спорить, потому что она сразу злилась, и я уже не хотела ее дразнить больше.

— А дети или подростки в Литве, Вы говорите, тоже Вас называли бандитами?

— Это было только в самом начале, только в первый год, когда я только приехала, я путала русские с литовскими слова в разговоре, при том еще диалект у меня не совсем тот был. Поэтому я пока освоилась, очень быстро переняла все, что надо, и потом меня оставили в покое.

— Откуда они узнали, что Вы оттуда приехали?

— Там был маленький городок, и все всё друг о друге знали.

— Вы там учились на литовском, когда вернулись?

— Конечно! У нас, чтобы пошли в какую-то другую школу литовцы в Литве — это невозможно.

— Вам не сложно было, если Вы первый класс заканчивали в Сибири?

— Первый диктант в Литве я написала на «единицу», потому что некоторые грамматические правила я знала, а некоторые не совсем. Но больше такого не повторялось. Читать я умела, знала множество стихотворений. На Новый год я уже высказала Деду Морозу целую поэму.

— О смерти Сталина Вы помните?

— Да, я помню, как мои сестры пришли из школы и рассказывали, что учителя велели плакать, а они закрыли лица и хихикали. По всему городу висели флаги, красные с черными лентами, играла траурная музыка.

— И XX съезд тоже помните?

— Я уже была в Литве и, конечно, интересовалась. Папа приучил меня читать газеты и смотреть политику, потому что мы часто с ним говорили про политику. Я поняла, что идет разоблачение Сталина, все плохие дела уже будут раскрываться, людей отпускают, все будет в порядке. Ну, а потом я уже увидела реальную жизнь.

— Вы не можете еще немного подробнее рассказать о жизни, с которой Вы начали, о жизни в Бодайбо, какие были праздники литовские и кто их устраивал?

— В основном это были мои родители. Я помню, был съезд бодайбовских ссыльных. Там участвовали некоторые довольно известные люди, например, среди них был министр транспорта Жежских и, представьте себе, он вышел воспоминания рассказывать и минут пятнадцать рассказывал про моего папу, как он там молодежи поддержку делал, как он там замещал просто отцов, воспитывал даже, читал нотации, дружеские, конечно. И, в общем, я была очень удивлена, потому что он там много о нем говорил. Действительно, мои родители там имели большое влияние

на эту литовскую общину и не только литовскую, кстати. Там еще мы дружили с украинцами и другими, ходили друг к другу в гости. Это были нормальные такие отношения. Мои родители вообще очень верующие люди, но они настоящие христиане. В смысле, любить Брежнева для них нормальное состояние. Кроме коммунистов. Папа мог даже коммунистов любить. А вот мама нет, мама не прощала. Когда она узнала, что я комсомолка, такая каша была дома.

— А приходили украинцы, например, на Ивана Купала, праздновали с вами?

— Нет, ну понимаете, тут собиралась компания, иплыли по реке в лодках. Ну, так мы праздновали, а украинцев я не знаю. Я не очень-то и смотрела, кто там что делает. Ну, большие взрослые люди, в основном литовцы, потому что по-литовски пели, по-литовски праздновали. Например, на Рождество нам присылали всегда маленькие хлебцы, тоненькие-тоненькие такие, освященные. И мы там тогда тоже делали дома обряд, прощались, за грехи извинялись, молились, в общем, красиво это все делали. По обычаю литовскому, обязательно 12 блюд [было] на столе, но только все постные, это все делалось обязательно. И приходили соседи, а на Рождество так уж точно дети вместе собирались. Мы там играли и пели, делали что хочешь. Еще отмечали Новый год и Пасху, яйца красили. Все это делалось, все это соблюдалось. Чуть-чуть даже замещали священников мои родители, были грамотные. Народ был очень разный, насколько я понимаю, не много было интеллигенции, видимо, интеллигенцию возили в Сибирь поглубже, подальше, к северному полюсу поближе. А так это был в основном контингент, видимо, деревенский. И мои родители имели большой авторитет среди них.

— В 70-х годах Вы работали в литературной сфере, у Вас были отношения с диссидентами?

— Нет, и ничего такого не было. Во-первых, возможно, помня меня, мое «розовое» прошлое, еще то, что я была комсомолкой, когда уже кончился возраст, я сказала: «Все, оставьте меня в покое, никаким коммунистом я не буду». Потом очень долго меня уговаривали. Когда я поступила в Союз писателей, самое смешное, что меня очень уговаривали поступить в партию. Было это очень похоже на агитацию папы. Ты такая открытая, такая честная, борешься за справедливость. В общем, я так и не поступила. С диссидентами вот что было: в один момент меня хотели, видимо, спровоцировать. Потому что одна моя однокурсница — мы все знали, что она стукачка, — предлагала мне хронике пописать. Я сказала, что не хочу, потому что я понимала, что это будет. Она меня хотела познакомить с каким-то полковником, очень интересным человеком. Я отказалась. Я просто избегала — зачем мне это надо? А с диссидентами у меня не было дела, просто не было.

После университета я очень быстро уехала в Армению. Два года [там] провела, приехала с Русланом и трехмесячной дочкой. И я закрутилась в быту просто. Еще эти переводы, кое-что писала сама. Подальше от политики. Ни в одной книжке моей нет ничего советско-идеологического. Первое мое стихотворение называется «Родина моя маленькая». Я избегала этого, я не хотела. Я поняла, что это плохо. Если бы это была все еще

моя идеология, я бы лезла всюду. А с диссидентами у меня просто контактов не было. Очень многие связывались через церковь, но я же читалась Энгельса и всяких прочих. Опять-таки, с родителями была большая проблема, потому что я была от них отдельно. Когда они приехали, у меня в голове [было] уже черт знает что. На счет боженки уже были большие и очень большие не то что сомнения, я уже неверующей была просто. Потому что мне никто не отвечал на некоторые вопросы, и я находила брошюры и читала там о эволюции и всем прочем. Потом со священниками я бы, может, и встретилась, но я не ходила. Я ходила в костел раз от разу просто так. Мне там было хорошо, вспомнить на Рождество, на Пасху. Там опять была другая история, я умирала практически, я всю ночь молилась, у меня были две дочки: одной два года, другой четыре. Я первый раз после долгого времени просила Бога: «Может быть, ты все-таки есть и понимаешь, что мне умирать нельзя». И выпросила. Потом как-то так, я очень натурально нашла описание и просто поняла, что это для меня. И потом уже нормально бывала в церкви. А во все это время, до 80-х годов, я просто избегала всех этих вещей.

— По тому, как Вы рассказываете, [возникает] ощущение, что Ваши родители не жалели, что Вас отпустили?

— Возможно, что они и жалели, но они так очень четко этого не высказали. Какой-то намек вроде был у папы. Мама только ругалась. Она была очень хорошей учительницей, но дома она скандалила и ругалась и кричала на нас, нервы, знаете ли. Говорят, многие учителя так.

— У Вас в Сибири были русские учителя?

— В Сибири я только в первый класс пошла, и все. А в Литве я, кстати, страдала из-за русского языка. Потому что я, когда училась в разных школах районных, я знала лучше, чем учителя, русский язык, я им подсказывала и корректировала. А меня в угол ставили за это и ругались.

— С другой стороны, получается, от того, что Вы уехали, Вам удалось пойти в университет учиться. А у сестер не получилось. Они не жалели, что их не отправили?

— Они не могли, старшая сестра уже вроде и не думала ни о чем таком. А средняя — у нее был красный диплом. В школе «пятерки» сплошные, в техникуме красный диплом. Ей предлагали в институте учиться, сразу без конкурса поступить, но она собиралась ехать в Литву. И она не поступила. Приехала в Литву, а в Литве нет русского отделения медицины, а по-литовски она не может, потому что школу она русскую кончала. Она с девяти лет до среднего дошла. И вот она вроде бы собиралась, но вышла замуж, и все заглохло. Она бы была хорошим врачом, я уверена.

— Ей это помешало, получается, очень сильно?

— Ей помешало, что она языка не знала нормально литовского.

— А остаться там одна не хотела?

— Нет, она хотела в Литву. Скорее всего, из-за того, что парень ее тоже в Литву собирался. Будущий ее муж. Они там познакомились, наверно, в Черемхово. Он был сыном офицера литовского. Отец в лагере погиб, а он с матерью, сестрой и еще одним братом на лесопилках работали. Я помню, что я приглядывалась, эффектный парень, но потом ока-

залось, что страшно пьющий, потом разойтись пришлось. Спирт надо пить, потому что холодно. Взрослые мужики поили, и он стал алкоголиком. Когда трезвый был, был нормальный, порядочный, вроде бы все в порядке, а пьяный был зверь, и сестра разошлась с ним. Так что, к сожалению, и медиком не стала. Она всю жизнь была хорошим медиком, медсестрой, в роддоме работала, ее всегда хвалили.

— Когда Вы жили в Сибири, Ваши родители не считали, что всем трем дочкам нужно выйти замуж за литовцев, чтобы можно было вернуться?

— Я что-то не помню таких разговоров или я просто не слушала взрослых в то время. А когда они приехали в Литву, все уже было совсем по-другому. Но, конечно, они хотели, чтобы было так.

— Вы говорили, что Вас хотели еще в 1948-м выслать. Можете поподробнее об этом рассказать?

— Моя старшая сестра помнит, что кто-то еще ночью постучал в окно и позвал папу выйти во двор. Она не видела, кто там был. Этот кто-то сказал не зажигать свет. Папа вышел и сразу стал собираться в дорогу. Они выехали ночью из нашего хутора в городок в Плунге, недалеко, кстати, поэтому быстро нашли. Предупредил кто-то, видимо, из тех, кто знал, имел доступ к этим спискам. Моих родителей очень любили и поэтому предупредили. Кстати, мои родители имели контакт с лесными братьями. Это я узнала очень поздно. Старшая сестра мне недавно рассказала, что к Пасхе приходили с красиво начищенными автоматами, очень чисто побритыми, пели литовские песни и молились на Пасху. Рядом были большие леса, туда мы ходили по чернику, но я не знала, что рядом был бункер на одном островке среди болота.

— Когда Вы узнали, что это бункер?

— Где-то только в 1990-х годах.

— То есть родители Вам не рассказывали об этом?

— Нет, ничего такого не говорили.

— А еще есть такие?

— Там ямы есть, я видела, по телевидению показывали, литовские и жемайтйские.

— Ваши родители Вам что-нибудь рассказывали о лесных братьях?

— Нет, не было на эту тему разговора вообще.

— И Вы даже не знаете как они их называли: лесные братья, партизаны, бандиты?

— Бандитами их точно не называли. Да и вообще не было про них разговора.

— А о войне были разговоры?

— О войне был такой разговор, что приходили, хотели забрать моего папу в Красную армию, но мама сфальсифицировала его паспорт, сделала его на 10 лет старше. На него посмотрели, сказали, что он хорошо выглядит, но раз уж он уже пожилой, не стали его забирать и оставили в покое. Папа говорит, если бы мама этого не сделала, может быть, нас не вывезли.

— А какого года рождения папа?

— 1912-го. А мама сделала его 1902 года рождения. Когда ему надо было идти на пенсию, он только тогда исправил свои документы.

— А немцы?

— Моя мама хорошо говорила по-немецки, и моя старшая сестра прекрасно помнит, как шоколадом угощали, как приходили чистые, пахнущие солдаты, офицеры. Маме говорили комплименты, целовали ручку, а мама с ними щebetала по-немецки, и все было хорошо. Давали продукты, все, что надо. Опять-таки, это был хутор, не рядом с большими дорогами, там рядом только проселочная дорога между маленькими двумя городками. А когда пошли советские солдаты, [они] были такими страшными, бедными, обшарпанными, воровали. Немцы не обижали нас.

— Евреи были в этом районе?

— В деревнях их не было. Они были в городках, в Плунге, конечно, были, в Тельшяе их было много, но я ничего про это не знаю. Родители тоже ничего такого не знали.

— Это русские солдаты сказали Вашей матери, что она сделала плохо?

— Нет, это наши, литовские «истребители». А русский мальчик говорил нам не бояться.

— Вы не знаете, их по доносу тогда арестовали или нет?

— В список включали видных людей: мама — учительница и зав. школой, папа — тоже видный человек, все его знают, все его видят. У нас было 30 га земли, на нас работали наемные люди. Так как мама была учительницей, она не успевала все делать по хозяйству, поэтому нанимали какую-то женщину, чтобы она работала, няньку, пастушонку, потому что сестры были маленькими. Потом они уже сами этим занимались. И папа тоже имел какого-то помощника, но он работал наравне с ним. В общем, нас считали кулаками. Кстати, мой дедушка, который был в Америке, а потом вернулся сюда, к любимой женщине, был большим демократом. Он купил большой хутор, нанимал людей, но платил им больше всех, к нему был всегда большой конкурс, притом он каждую субботу делал для них уик-энд: после обеда их отпускал. А если надо было что-то срочное делать, например, сено собирать перед дождем, он доплачивал. Папа жаловался, что [дед] их отпускает, а его заставляет работать, говорил: «Почему они не должны работать, а я должен?» Дедушка отвечал ему: «Они для тебя работают, а ты для себя».

— Когда Ваша семья, родители вернулись из Сибири и поехали туда, в деревню, не знаете, их легко пустили или нет?

— У нас были одни соседи, которые все хорошо разворовали, так они еще на нас шипели. Однажды мама зашла к ним и увидела много наших вещей. А другие соседи привезли пару ящиков с приданым — с разными вещами, постельным бельем. Когда нас вывезли, они пришли, все собрали, вывезли, а когда мы вернулись, они нам обратно привезли.

— А фотографии, сделанные до ареста, были с Вами в Сибири или Вы их нашли, когда вернулись?

— Мы их нашли у родственников, когда вернулись. К сожалению, у нас дома в Литве еще пожар был, и много фотографий сгорело.

— Если еще говорить об этом опыте ссылки, Вы встречались с другими людьми, которые тоже были из бывших ссыльных? Я имею в виду, до 90-х годов. Вы с ними разговаривали?

— Как-то не было у меня таких контактов. Мои сестры как-то таких людей находили, потому что это были их бывшие подруги, которые тоже вернулись. Они переписывались, встречались. А у меня ничего такого не было.

В 1987-м году я участвовала на празднике советской поэзии в Узбекистане. Меня туда отправили, потому что я умела говорить по-русски, я кое-что свое перевела и участвовала. Со мной, для присмотра, туда ездил еще один мужчина, ярый коммунист. Меня в одном институте русского языка представили и спросили, откуда я так хорошо знаю русский язык, я и сказала откуда. Вы не представляете, как оживился весь зал! Мне потом сказали, что тут масса ссыльных татар и чеченцев. Потом они очень сильно мне хлопали. Это уже был 1987-й год.

— А детям когда Вы в первый раз рассказали об этом?

— Детям я рассказывала и показывала фотографии, но я не очень сильно рассказывала, пока они были маленькими. А когда они выросли, мы вместе все воевали, стояли у башни с флагом, кстати, армянским. Я специально сказала взять Руслану армянский флаг, чтобы видели, что здесь не только литовские националисты, но и другие есть.

— Что для Вас значит слово «националист»?

— «Националист» — это плохое слово. А «патриот» — это другое слово. На литовском, националист — это тот, кто признает только свое, считает свою расу высшей. Я этого не одобряю.

Руслан больше меня патриот Литвы. Это было в 1991-м году в Вильнюсе. Поначалу он ходил дежурить. Мои дочки были около башни. В эту ночь я им сказала: «Давайте вы идите к башне». Я думала, туда придут и распугают всех и разгонят, но я неправильно подумала. Они были там, в тот момент, когда это все шло, они были там, когда нашего соседа раздавило танком. Они уже собирались идти домой, уже было поздно, и они подумали, что ничего уже тут нет интересного и пора домой. Они по параллельной улице шли домой и увидели, что едут танки и танкетки. Они вернулись, мои героини, встали в первый ряд внизу, немного ниже башни. Но там тоже от выстрела танка у моей младшей была легкая контузия. Она у меня училась музыке, потом у нее была проблема со слухом, не то, чтобы плохо слышала, у нее в голове стоял гул, от которого бывало даже головокружение. Но у нас даже не было мысли, что мы не участвуем в таких делах. Я была такая злая на то, что какое-то время верила во все это.

— Вы были убеждены тогда, что это будет успех?

— Нет, я думала так: «Если я погибну, я все-таки еще и поэт, может, будет минус этим гадам, которые меня убьют, если ранят, — так я еще и свидетелем буду». Я не думала, что все будет очень хорошо, но я была уверена, что это точно просто так не пройдет, оттуда было просто невозможно уйти. Притом как мы там молились! Это была фантастика! Мы молились Розарии, сплошь все повторяли. Создалась какая-то аура, общее поле, в котором ощущалось что-то хорошее. Это было одно из ярких и, можно сказать, счастливых моментов моей жизни. Конечно, очень скорблю по тем, кто погиб. А там, возле башни, погиб даже одноклассник моей старшей дочери, которому было 17 лет. Я его помню с детского

сада, он был рыжим и все время задирали мою дочку. Он был единственным сыном родителей, которые поздно поженились, и он был их единственным и последним ребенком. И сосед наш, отец троих детей, пошел искать своих детей ночью, и его задавил танк.

М. Кравери, А.-М. Лозански

ТРАЕКТОРИИ ДЕТСТВА В ГУЛАГЕ. ПОЗДНИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕПОРТАЦИИ В СССР*

Мои воспоминания начинаются со дня депортации. Это было очень красивое путешествие, и мы должны были ехать на дачу. Однако пункт нашего назначения оказался совершенно другим...

Рафаэль Розенталь

Введение

Первые работы о системе исправительно-трудовых лагерей в СССР, появившиеся на Западе после Второй мировой войны, характеризуются вдохновением человека, пишущего автобиографию¹ или представляющего коллективные воспоминания², и являются литературным произведением и взглядом одновременно свидетеля и обвинителя. Почти полное отсутствие доступных письменных источников и трудность получения устных свидетельств обескураживали большую часть историков, политологов и социологов, пытавшихся проводить систематические исследования о массовых репрессиях в СССР³. Зато с открытием советских архивов и появлением возможностей для исследовательских командировок стало формироваться представление о советской концентрационной системе: ее становление в 1920-х гг. на Соловках⁴; ее постоянное расширение в 1930–1940-е гг. вместе с безмерной эксплуатацией работавших на лесоповалах, промышленных предприятиях и в шахтах жертв террора⁵; различные операции по

* Перевод С.Н. Ушаковой.

¹ См., напр.: Margoline J. *La condition inhumaine. Cinq ans dans les camps de concentration soviétiques*. Paris, 1949. (Неполное издание полностью опубликовано только в 2010 г.: Margolin J.B. *Voyage au pays des Ze-Ka*. Paris, Le Bruit du temps, 2010); Herling-Grudziński Gustaw G. *A World Apart: a Memoir of the Gulag*. Londres, 1953; Guinzbourg Evguénia S. *Le Vertige*. Paris, Seuil, 1980 и *Le ciel de la Kolyma*. Paris; Seuil, 1983.

² Soljenitsyne Alexandre I. *L'Archipel du Goulag. 1918–1956, essai d'investigation littéraire*. Paris; Seuil, 1976. [Tome 3.]

³ Заметным исключением являются работы: Conquest R. *Kolyma, The Arctic Death camps*. Londre, McMillan, 1978 и Gross J.T. *Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Bielorusia*. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1988.

⁴ См.: Jakobson M. *Origins of the Gulag. The Soviet Prison Camp System 1917–1934*. Lexington: University Press of Kentucky, 1993.

⁵ Ср.: Ivanova G.M. *Labor Camp Socialism. The GULag in the Soviet Totalitarian System*. Armonk (N. Y.), Sharpe, 2000; Khlevniuk O.V. *History of the Gulag. From Collectivization to the Great Terror*. Londres: Yale University Press, 2004; Pohl J.O. *The Stalinist Penal System. A Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930–1953*. Jefferson, McFarland and Co., 1997; Pohl J.O. *Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949*. Westport: Greenwood, 1999; Lynne V. *The*

депортации на протяжении всего сталинского периода¹, изменения в положении депортированных, введенные в годы войны, и кризис всей лагерной сети после войны²; а также место, которое занимал ГУЛАГ в социальной, политической и экономической жизни Советского Союза³.

Тем не менее историография концентрируется главным образом на политических, демографических и административных аспектах ГУЛАГа, в то время как работ, посвященных повседневной жизни в лагерях и спецпоселках и разнообразию опыта, пережитого в ГУЛАГе, совсем немного. Судьбы детей, вовлеченных в советскую концентрационную систему, — мало признанная грань этого исторического опыта. Одна из причин заключается в том, что в известных архивных документах данная категория населения редко выделялась как особая. Немногие авторы, которые приступают к этой теме⁴, делают это либо в строго национальном аспекте, либо рассматривают детскую популяцию исключительно в исправительно-трудовых лагерях; таким образом, история детей, насильственно перемещенных со своими семьями, еще не стала полноправным объектом изучения.

Данная ситуация значительно отличается от статуса детства в исследованиях Холокоста. С конца Второй мировой войны тема детей, депортированных в лагеря, стала одним из центральных сюжетов в воспоминаниях и исторических исследованиях⁵.

Для освещения этой грани истории ГУЛАГа сбор поздних устных свидетельств и их систематизация, по-видимому, является одним из лучших путей⁶. Наш проект «Европейская память о ГУЛАГе»⁷ был построен

Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. New York: Oxford University Press, 2007; Werth N. La Terreur et le désarroi. Staline et son système. Paris: Perrin, 2007 и L'île aux cannibales: 1930, une déportation-abandon en Sibérie. Paris: Perrin, 2008.

¹ Ср.: Polian P. Against Their Will: The History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Budapest: Central European University Press, 2004; Bugai N.F. The Deportation of Peoples in the Soviet Union. Commack (N. Y.), Nova Science Pub Inc., 1996; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003.

² Напр.: Craveri M. Forced Labour in the Soviet Union between 1939 and 1956 // Reflexion on Gulag. Dundovich Elena, Gori Francesca, Guercetti Emanuela. Milan: Annali della Fondazione Feltrinelli, 2003. P. 25–60.

³ Ср.: Adler N.A. The Gulag Survivor Beyond the Soviet System. Somerset, Transaction Publishers, 2002; Gregory P.R., Lazarev V. (ed.) The economics of forced labor: The Soviet Gulag. Stanford: Hoover Institution Press, 2003; Dobson M. Khrushchev's Cold Summer. Gulag Returnees, Crime and the Fate of Reform after Stalin. Ithaca: Cornell University Press, 2009.

⁴ Напр.: Grudzinska-Gross I. и Gross J.T. (ed.). War Through Children's Eyes: The Soviet Occupation of Poland and the Deportations, 1939–1941. Stanford: Hoover Institution Press, 1981; Frierson C.A., Vilensky S.S. Children of the Gulag. New Haven; London: Yale University Press, 2010.

⁵ Напр.: Surtout les enfants... Bensoussan Georges (ed.) // Le Monde Juif / Revue d'Histoire de la Shoah. N 155. CDJC, 1995. P. 265; обобщающая работа: L'enfant et le génocide. Coquio Catherine et Kalinsky Aurélie (ed.). Paris: Robert Laffont, 2007 и впечатляющая библиография к ней.

⁶ Существенная роль методов устной истории в реконструкции истории детства общепризнанна. См., напр.: Thomson P. The Edwardians: the remaking of British society. Londres, Weidenfeld and Nicolson, 1975.

⁷ Речь идет о проекте ANR-07CORP-004-01 «Европейский звуковой архив о ГУЛАГе», главные результаты которого — создание звукового и изобразительного архива (Archives sonores Mémoires européennes du Goulag, Paris, Cercsec/rfi), открытие в марте 2011 г. виртуального музея museum.gulagmemories.eu и публикация под редакцией А. Блюма, М. Кравери и В. Нивелон книги *Déportés en URSS, Récits d'Européens au Goulag*. Autrement, 2012.

на гипотезе о специфичности пережитого опыта и воспоминаний о лагерной системе депортированных из Европы по сравнению с подобными свидетельствами советских граждан¹. Эта специфичность в наибольшей степени проявляется в радикальности их изъятия и в том, что они оказались заложниками чуждой им логики, которая отрицала обыкновенные для их культуры формы взаимоотношений с правосудием и властью.

Преимущество проекта заключается в сочетании сбора устных воспоминаний с их архивизацией и экспозицией в виртуальном музее. Поздняя дата нашего обследования, когда депортированных во взрослом возрасте почти не осталось, и создание большого корпуса устных жизненных историй² привели к тому, что детство и отрочество в ГУЛАГе стали одной из центральных тем в воспоминаниях свидетелей.

Данная статья намечает подходы к изучению специфики положения детей в ГУЛАГе: как она отразилась в воспоминаниях и какое влияние «перемещенное» детство оказало на взрослую жизнь, а именно — как происходил процесс превращения пережитого опыта в свидетельства.

Архипелаг перемещенных детей

После подписания в сентябре 1939 г. пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом последний аннексировал восточные территории Польши (принадлежащие сейчас Украине и Белоруссии), Румынии (Северную Буковину и Бессарабию) и прибалтийские страны. Политическая, экономическая и военная элита разных национальностей, проживавших на этих территориях, — поляки, евреи, немцы, украинцы, литовцы, латыши, эстонцы и белорусы, — были депортированы или приговорены к принудительному труду в лагерях ГУЛАГа.

В Польше между 1940 и 1941 г. Советы организовали четыре большие волны депортации, предназначенные для очистки восточных регионов от «нежелательных» элементов. Первая операция в феврале 1940 г. была направлена главным образом против гражданских и военных колонистов, «осадников», бывших служащих польской армии, которые воевали в Первой мировой войне или принимали участие в русско-польской войне 1920 г., а также гражданских поселенцев, которые получили земельные наделы в приграничных районах. Около 28 570 семей, или 140 тыс. чел., были насильственно отправлены в районы Крайнего Севера, в Казахстан и Сибирь. В апреле 1940 г. депортация коснулась польских чиновников и служащих: полицейских, жандармов, тюремных надзирателей и административных работников, а также членов «имущих классов»: промышленников, банкиров, ремесленников, торговцев и их семей. Во время третьей волны, в июне 1940 г., целевой категорией стали беженцы, покинувшие западные территории Польши, захваченные Германией, чтобы обосновать-

¹ Ср. с коллекцией документов, собранной «Мемориалом» и частично опубликованной.

² Коллекция интервью, составленная исследователями, участвующими в проекте «Европейский звуковой архив о ГУЛАГе», содержит 170 свидетельств, собранных в странах Прибалтики, Польше, Украине, Венгрии, Румынии, Чехии, Словакии и Германии. Последовательные волны депортаций европейцев должны были затронуть все социальные слои. 2/3 свидетелей были насильственно перемещены в спецпоселки в Сибири и Казахстане и 1/3 — в исправительно-трудовые лагеря, раскиданные по всему пространству советской территории.

ся на востоке, но отказавшиеся принять гражданство, предложенное советскими оккупантами. Из 76 тыс. чел., насильственно перемещенных в сибирские деревни, 80 % были евреями, которые таким парадоксальным образом избежали нацистских погромов и истребления. Последняя волна репрессий в июне 1941 г. вышла за пределы восточных районов Польши и вылилась на территорию трех прибалтийских стран и Молдавии. Ее задача состояла в «очистке» этих территорий от антисоветских и «социально опасных» элементов. В этой операции целевые группы были разделены на тех, кто был арестован и приговорен к принудительным работам, и тех, кто был насильственно помещен в спецпоселки. В последней категории было много детей. 85 716 «антисоветских элементов» были депортированы в Сибирь и Казахстан, в том числе 37 482 — из Польши, 22 648 — из Молдавии, 25 586 — из прибалтийских стран.

С начала 1930-х гг. в Советском Союзе люди, которым в качестве наказания был определен принудительный труд под надзором политической полиции¹, делились на две административные категории: заключенных лагерей и спецпоселенцев. Первые отбывали индивидуальное наказание, которое им было назначено одним из многочисленных судебных или внесудебных органов в соответствии со статьями Уголовного кодекса общего характера или по одному или нескольким из 14 пунктов 58-й статьи, предусматривавшей наказания за политические преступления. Заключенный отбывал наказание в лагере или в колонии, в зависимости от срока лишения свободы.

В свою очередь, спецпереселенцы рассматривались как социальная или этническая группа, представляющая, по мнению советской власти, опасность. По административному решению их депортировали коллективно (семьями), определяли для них место проживания в спецпоселках, где они строили себе бараки и работали в сельском хозяйстве или на лесозаготовках под надзором комендантов. Иногда их труд использовали также на строящихся промышленных предприятиях. Официально они сохраняли свои гражданские права, но это противоречило их принудительной обязанности выполнять тяжелую работу. Они получали зарплату, чаще всего в натуральном виде, и могли свободно перемещаться по территории спецпоселка, но обязаны были один или несколько раз в месяц отмечаться в комендатуре.

В 1943 г. после разгрома вермахта на территориях Западной Украины, Эстонии, Литвы и Латвии и перехода их под контроль Красной армии советская политическая полиция запустила новую волну репрессий, в ходе которой были арестованы и приговорены к принудительному труду или депортированы сотни тысяч одиночек и семей с детьми.

Систематическое сопротивление прибалтийских крестьян насильственной коллективизации и помощь, которую они оказывали «лесным брать-

¹ Здесь и далее автор использует термин «политическая полиция», по-видимому, имея в виду органы, которые выполняли функции надзора, предотвращения политических преступлений, внесудебных преследований и т.п. В 1930-е гг. такими органами являлись специальные подразделения в составе союзных и республиканских НКВД, прежде всего Главное управление государственной безопасности, с 1943 г. — наркомат (с 1946 г. — министерство) государственной безопасности СССР. — *Примеч. переводчика.*

ям», повлекли за собой решение московских властей провести между 1948 и 1950 гг. несколько операций по депортации 200 тыс. крестьян с детьми. Были также арестованы те, кого подозревали в сотрудничестве с нацистами, кто был принудительно возвращен либо вернулся добровольно из Германии, куда был отправлен в годы войны, гражданские и военные повстанцы, которые воевали против Красной армии и среди которых было много подростков, и, наконец, солдаты, которые вступили в вермахт или СС.

Из районов Западной Украины советская власть также депортировала активистов и сочувствующих Организации украинских националистов (ОУН), офицеров и солдат Украинской повстанческой армии (УПА) и коллаборационистов и солдат дивизии «Галиция», сформированной из украинских добровольцев, которые служили в СС. Чтобы лишить УПА поддержки крестьян, сотрудники НКВД/МВД сжигали целые деревни и депортировали всех их жителей. Чаще всего мужчин обвиняли в принадлежности к ОУН и приговаривали к длительному заключению в лагерях, а членов их семей ссылали и заставляли работать в колхозах Казахстана или Сибири.

Начиная с 1945 г. в СССР было выслано много подростков из числа этнических немцев, которые проживали на территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии, освобожденных Красной армией. По мере продвижения советских войск к Берлину в Венгрии, а затем в Германии также практиковались масштабные произвольные рейды с целью депортации сотен тысяч пленных, в том числе большого количества подростков и молодежи, которые должны были «содействовать» послевоенному восстановлению СССР.

Украденное детство

Представления о различных этапах развития человека и отношении общества к ним, и в частности к детству, демонстрируют огромное различие между культурами, общественными формациями и историческими эпохами. Однако значение социализации и приоритет семейной социализации перед внешней или институциональной кажется общей точкой в культурных представлениях о детстве.

Общество в странах Центральной и Восточной Европы, масштабно затронутых советскими репрессиями, было в основном крестьянским с небольшими островками городской культуры. В крестьянском обществе того времени детство было непродолжительным периодом, который заканчивался трудом, превосходящим возможности ребенка по тяжести и сложности. Это приводило к досрочному переходу во взрослое состояние путем работы и женитьбы. В то же время среди зажиточных крестьян и особенно среди городской буржуазии и дворянства статус ребенка сохранялся дольше и, как это следует из систематических исследований, отрочество рассматривалось как переходный период к совершеннолетию и последующему вступлению во взрослую жизнь. В этом смысле «необычное» детство чаще всего является результатом семейного, социального или политического отношения к этому возрасту, которое опрокидывало социально приемлемые и культурно легитимные практики и представления о последовательности возрастов и внедряло внесемейные модели социализации.

По-разному вспоминают о пережитом во время депортации и ссылки те, кто был выселен со своей семьей, кто родился на поселении и кто был депортирован в одиночку. Разнообразие воспоминаний определяется также социальным и национальным происхождением и тем, какое место занимало их происхождение в советской идеологии репрессий в тот исторический период. Кроме того, происхождение крестьянина-бедняка предоставляло возможности взрослым и старшим детям лучше приспособиться к суровости природы и условиям принудительного труда, тогда как городское происхождение, являвшееся, как правило, дополнительной причиной уязвимости, иногда позволяло родителям получить доступ к административным работам, более легким и защищенным. Более или менее быстрое освоение русского языка становилось решающим для выживания и социализации в лагерной иерархической системе, для обучения в школе и для общения с местным населением.

В ходе осуществления разнообразных по форме репрессий, организованных и проведенных советским режимом в отношении многих социальных групп, количество критериев для отбора жертв быстро увеличивалось, а социальные и возрастные границы стирались. Например, во время оккупации прибалтийских стран и восточных территорий Польши депортировались и ссылались на спецпоселение целые семьи, состоявшие из нескольких поколений. А в конце войны из стран нацистского блока (стран Оси) на основе принципа коллективной ответственности всего населения этих стран были вывезены отдельно подростки и молодежь, зачастую схваченные случайно и приговоренные к принудительным работам в лагерях ГУЛАГа на срок от 5 до 10 лет.

Если при осуществлении репрессий имелась тенденция к стиранию границ между поколениями, то на месте отбывания наказания пути детства расходились: одних направляли в лагеря, других — в спецпоселки. В лагерях исключительно тяжелые принудительные работы с одинаковой для всех нормой выработки уравнивали людей всех возрастов, включая подростков. В спецпоселках, напротив, сохранялись различия, которые отчасти определялись задачами перевоспитания молодого поколения. Одним из средств перевоспитания являлось обязательное обучение несовершеннолетних, которым не нужно было работать, как взрослым. Между тем на практике, особенно в военные годы, разлучение с заключенным в лагерь отцом, немощность, болезнь или смерть матери, наличие младших братьев и сестер в условиях чрезвычайной нищеты часто приводили к тому, что многие подростки пытались выжить, устраиваясь на работы, предназначенные для взрослых.

Слезы и потери

Среди собранных детских воспоминаний о ГУЛАГе больше всего свидетельств тех, кто был депортирован в малолетнем возрасте с восточных территорий Польши (Западной Украины и Белоруссии), прибалтийских стран и Молдавии после освобождения СССР, Западной Украины и стран Прибалтики от немецкой оккупации между 1944 и 1953 гг. Как соотносится коллекция интервью с составом детей в ГУЛАГе? Можно ли ее как-то классифицировать?

В воспоминаниях момент ареста ассоциируется в основном с образами бессильных что-либо сделать родителей, унижениями и жестоким обращением. Эти сцены — наиболее тяжелые в эмоциональном плане сюжеты в рассказах о депортации, настолько их жестокость и разрушительность кажутся превосходящими собственно унижение, которое иногда может быть объяснимо. Желание скрыть чувство испытанного унижения может проявиться либо через его поглощение другими событиями, в случае если ребенок идентифицирует себя вместе с родителями, либо через переключение повествования только на унижение, испытанное родителями.

Ирина Тарнавская родилась в 1940 г. во Львове на Западной Украине, в то время уже советской. Ее родители, крестьяне, были насильно перевезены в Томскую область во время коллективизации в 1948 г. Вспоминая момент, когда жизнь ее семьи кардинально изменилась, она едва сдерживала слезы, которые затем не оставляли ее в течение всего рассказа: «Кто-то постучал в окно. Мама спросила: “Кто там?” Ответили: “Открывай. Свои”. Мама открыла дверь. Вошли их несколько вооруженных, военных и сказали: “Собирайся, повезем тебе к белым медведям”. Мама начала очень плакать и не собиралась. У мамы косы длинные. Он взял ее за косу, намотал на руку и потащил маму. Мама упала, и он потащил ее так на сани. Снег выпал очень большой, наверное, больше чем полметра. И так как маму утащили на сани, мы трое, 10 лет, 7 лет и самый маленький 5 лет, собирались сами»¹.

Детей депортировали либо с обоими родителями, сестрами, братьями и иногда, как в Польше, с бабушками и дедушками и другими членами семьи, либо их отца отправляли в лагерь, а их депортировали без него. Отсутствие отца или смерть матери, вызванная голодом, холодом или работой, зачастую приводили к тому, что самый старший из детей вынужденно становился главой семьи. Это являлось причиной еще более глубокой травмы и одновременно внезапно возникавшей взрослой идентичности, которая парадоксальным образом на всю жизнь оставалась обремененной привязанностью к матери, мертвой или живой, как будто они не просто признают ее место в своей жизни, а считают ее частью своей идентичности.

Адам Швалинский родился в 1928 г. в Полесье (сейчас это территория Белоруссии) в семье гражданских колонистов. 10 февраля 1940 г. его семья была депортирована из родной деревни вместе с еще 51 семьей. После месячного путешествия они прибыли в Архангельскую область. В ноябре 1941 г.² они переехали в Среднюю Азию. В Киргизии Адаму пришлось испытать внезапную смерть своей матери: «Я пришел и увидел немислимую сцену. Посреди улицы стояла моя маленькая сестра, скрестив руки на груди. Она кричала и плакала. Она поняла, что случилось, что мама

¹ Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag, Cercce/rfi, Paris. Интервью с Ириной Тарнавской. Львов, 21 октября 2009 г. Для перевода использован оригинальный текст интервью на русском языке: <http://museum.gulagmemories.eu/fr/media/tarnavska-lvf>

² В соответствии с соглашением между польским правительством в изгнании и Советским Союзом в августе 1941 г. была объявлена амнистия всем «польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве военнопленных или на других достаточных основаниях».

умерла. У меня самого как будто комок в горле застрял. Я не мог ни плакать, ни говорить. Я потерял голос. Моего отца не было с нами, он повез моего старшего брата в больницу. Тогда люди мне стали говорить: “Адам, отведи свою сестру Женю в больницу, она не отходит от матери ни на секунду, она тоже может умереть. Она почти без сознания”. Я взял ее за руку и повел в больницу. <...> Когда я вернулся в город, мой отец ждал меня. Полный отчаянья, он сказал мне: “Ты знаешь, маму уже похоронили, завернутую в одеяло, где-то там у реки”. Он даже не посмотрел мне в лицо и сказал, что он должен пойти туда. Ему уже сообщили, куда нужно идти. <...> Мы пошли на другой конец города, и вдруг мой отец остановился, как будто наткнулся на стену, и начал бредить. После того, как он упал в ледяную реку, он схватил пневмонию и у него начался жар. Но я не знал об этом. Я потряс его, и он сказал мне: “Запомни. Я скоро умру. Запомни, ты должен похоронить меня на кладбище”¹.

Многие дети потеряли всю свою семью и их поместили в детские дома. Очень часто это событие становилось началом быстрой утраты памяти о личной и этнической идентичности под давлением сверстников и при постоянном воспитании в духе советских ценностей. Если некоторые благодаря настойчивости своих родственников, оставшихся на родине, сумели выжить и вернуться, то другие потеряли память о своем происхождении и своей идентичности навсегда, и всю свою последующую жизнь в СССР они пытались найти свои корни, но чаще всего безуспешно². В 1941 г., когда Пеепу Варью было 4,5 года, его отец был арестован и отправлен в лагерь. Пееп вместе с беременной матерью, братом и сестрой был депортирован из Эстонии в Томскую область. Вся его семья погибла от голода, а сам Пееп был помещен в детский дом. «Меня спасло то, что весной, когда уже лед ушел и на реке Оби стали ходить баржи и лодки, всех таких сирот, одиноких ребят-спецпереселенцев взяли одну партию, отправили по реке в детский дом. Когда я приехал в детский дом, я говорил только по-эстонски. Я помню, что там была еще одна маленькая девочка, с которой я разговаривал по-эстонски. Это был детский дом для маленьких детей — те, кто ходили в школу, находились в другом детдоме. Поскольку нам запрещали говорить по-эстонски, я очень быстро забыл свой родной язык. У меня в памяти сохранилась одна сцена: однажды я подошел к той маленькой эстонской девочке, открыл рот и не смог вымолвить ни слова по-эстонски. В детском доме я очень сильно заболел: была эпидемия тифа, и я тоже заразился. Я едва выжил, я не знаю, сколько времени я провел в больнице»³.

В Германии, Венгрии, Словакии и Румынии, в странах, которые являлись врагами СССР во время войны, подростков и молодежь арестовывали и отправляли в исправительные лагеря либо в ходе специальных

¹ Воспоминания Адама Швалинского см.: Niewiedzial A. «Se battre et combattre» // *Déportés en URSS, Récits d'Européens au Goulag*. P. 91–92.

² См., напр., фильм «Les enfants du Goulag», авторы сценария Madina Vérellons Djoussoeva и Guillaume Vincent, режиссер Romain Icard, производство Utopic, Les Films en Vrac, 2011.

³ Archives sonores. Интервью с Пеепом Варью. Таллинн, 19 января 2009 г. Для перевода частично использован оригинальный текст интервью на русском языке: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/media/clone-varju-2?f=1>

рейдов, либо на основании их происхождения или принадлежности (иногда вынужденной) к молодежным военизированным организациям¹. В прибалтийских странах и Западной Украине юные участники антисоветского гражданского и военного сопротивления составили подавляющую часть контингента подростков, заключенных в исправительные лагеря. Лейтмотив поздних воспоминаний этих девушек и юношей — это чувство резкого и бесповоротного изъятия из привычного мира, отчаянного одиночества и изоляции, горечь которого удваивалась от ошеломляющего насилия, с которым им пришлось столкнуться, особенно тем, кто был схвачен во время рейдов.

Клара Хартманн родилась в мае 1930 г. в Мишкольце на севере Венгрии. Ее родители умерли так рано, что она их совсем не помнит². Ее воспитал дядя, сержант жандармерии в г. Генц. В январе 1945 г. накануне прихода Красной армии ее дядя и тетя бежали, оставив Клару одну. Когда ее арестовали, ей было 14 лет. Почти год ее допрашивали и пытали в киевской тюрьме, а затем приговорили к 10 годам исправительных работ за шпионаж в пользу Германии. Клара работала в Воркуте на стройке. Изводимая советскими уголовниками, она отказывалась учить русский язык и, будучи единственной венгеркой в лагере, замкнулась в своем одиночестве.

«Я находилась в тюрьме среди русских, поэтому я не могла даже нормально разговаривать, не говоря уже о чем-то еще. По сути, я даже не могла понять, кто меня привез, где я, что я здесь делаю и что они собираются со мной сделать. Через два или три месяца меня перевели в одиночную камеру. И тогда начались допросы с требованиями признаться, что я шпионка, и сказать, на кого я работала. Там был переводчик, солдат из Закарпатья, который хорошо говорил по-венгерски. Он сказал мне, что лучше признаться — иначе я умру в тюрьме. Но я сказала ему: “Я не занималась шпионажем. Я даже не знала, что это такое...” Он настаивал, чтобы я призналась, и эти допросы и одиночное заключение длились долго. Поскольку допросы шли и ночью и днем, мне не давали спать. Нужно было стоять в камере в течение всего дня. Надзиратель следил через глазок, чтобы я не ложилась, а ходила по камере. <...> Я была так измучена: они не давали мне ни спать, ни есть. В итоге я сказала, что действительно была шпионкой, но я также должна была написать, чьей шпионкой я была. Нужно было сказать, где я училась, в какой школе и кто меня учил... На эти вопросы я не могла ответить совсем. <...> Они при помощи переводчика написали все, что захотели. И к Рождеству меня вызвали, чтобы подписать бумагу, в которой говорилось, что мне дали 10 лет. Переводчик сказал мне, что меня отправляют на 10 лет в исправительный лагерь, но я не должна бояться, потому что, возможно, все закончится хорошо для меня, я выживу и после 10 лет меня выпустят и я останусь жить в России. <...> Я была почти счастлива...

Я не могу рассказать... или правильнее сказать... я не знаю, как описать, что случилось со мной в этой тюрьме: однажды меня поместили под

¹ Например, Гитлерюгенд в Германии или Паладин в Венгрии.

² Archives Sonores. Биографическая страница Клары Хартманн: <http://museum.gulagmemories.eu/fr/salle/klara-hartmann>

кран, из которого без конца мне на голову лилась вода. Они пытали меня таким образом холодной водой. Они называли это “ящиком”. Я почти ооченела. Потом они потащили меня на допрос»¹.

Орест-Юрий Яринич родился в октябре 1934 г. во Львове на Западной Украине, тогда еще польской территории. В конце войны, будучи подростком, он вместе с одноклассниками создал подпольную группу, которая «расклеивала листовки, призывавшие к гражданскому сопротивлению советской власти, и собирала пожертвования в пользу бойцов Украинской повстанческой армии (УПА)», сражавшейся против Красной армии в карпатских лесах². В декабре 1949 г. 15-летний Орест-Юрий и его товарищи были арестованы прямо в школе. После долгих перемещений из одной тюрьмы в другую, в том числе в московскую Бутырку, его приговорили к пяти годам исправительных работ за предательство Родины и участие в деятельности антисоветской организации.

«Меня и моего друга Богдана вызвали к директору с вещами, там уже были с КГБ. И нас отвезли на Дзержинского, в управление КГБ, там продержали нас сутки в КГБ, а потом привезли на Лонского, в эту тюрьму. Камера была маленькая, одно крошечное окно, там кроватей не было, спали мы на полу, и матрасов тоже не было, спали мы на своем пальто, под голову были ботинки! Практически ночью не приходилось спать, потому что после отбоя все время открывалась дверь и нас вызывали на допрос. В нашей камере много было людей, где-то человек около 35–40. День начинался с молитвы. Если не было священника, старший по камере читал молитву, помолились, а потом приносили завтрак, давали хлеб, чай и больше ничего»³.

Чувство одиночества, покинутости и отчаяния могло сохраняться в течение долгого времени после прибытия в лагерь, в то же время воспоминания о годах депортации часто концентрируются вокруг встреч, приносивших дружбу и близость, которые заполняли пустоту после потери семьи и придавали смысл существованию в экстремальных условиях. Эти встречи вспоминаются как начало внезапного, без всякого перехода, взросления, отмеченного необходимостью ежедневного выживания, или как взаимная поддержка, которая для каждого была одновременно и источником гордости и ресурсом и которая, как оказалось позже, дала силы, необходимые, чтобы отвечать на вызовы судьбы. Таковы метаморфозы восприятия ГУЛАГа как «школы» или «университета» в воспоминаниях переживших этот опыт.

Клара Хартманн, которую в 1949 г. перевели в Казахстан в Степлаг, в лагерь для осужденных по политическим статьям, нашла там взаимовыручку и солидарность. Она попала в бригаду, состоявшую преимущественно из украинок. «Это было по-прежнему трудно, часто это было просто ужасно, но в каком-то смысле я чувствовала... или скорее, я чувствую

¹ Archives Sonores. Биографическая страница Анны Хартманн.

² Archives Sonores. Биографическая страница Ореста-Юрия Яринича: <http://museum.gulagmemories.eu/fr/salle/orest-iariniec-1>. Здесь и далее для перевода воспоминаний Яринича частично использован оригинальный текст интервью на русском языке: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/orest-yurii-yarinich>

³ Там же.

сейчас, по прошествии времени, что в лагере было много того, что оказалось очень важным для меня, что, может быть, было очень нужным в моей жизни, для моего опыта... я не знаю точно... Это было как школа... но школа очень горькая...

Там, в лагере для политзаключенных, было взаимное уважение, солидарность и поддержка. Украинки, которые получали посылки, делили их на всех, даже если там было совсем немного, иногда лишь маленький кусочек. Нашим бригадиром тоже была украинка. Она постоянно получала посылки и делилась со всеми... Это было так здорово, чувство собственного достоинства... чувство, что один готов прийти на помощь другому, неважно литовец он или латыш или еще кто-нибудь... мы все подружались и ладили друг с другом»¹.

В воспоминаниях тех, кто, как Орест-Юрий Яринич, были арестованы и депортированы вместе со своими товарищами, постоянно используется местоимение «мы», что превращает индивидуальные истории в рассказы о преодолении испытаний своего рода братством. Яринич отбывал наказание в разных «особых» лагерных отделениях в Мордовии, предназначенных для осужденных по политическим статьям. «Из Бутырской тюрьмы нас привезли на станцию Потьма в Мордовии, а потом на “пятой”². Там мы проходили карантин... Там мы уже встретились на карантине, там были эсты, латыши... Как-то так сразу не было никакой вражды между нами. Тем более что они нам помогали немного, эти эстонцы, литовцы и латыши. У них был сушеный сыр в таких кусочках... и этот кусочек сыра они нам давали... и практически, когда такой кусочек сыра ты съел, голод проходил. А после этого, когда кончился карантин, нас, малолетних, всех перевели на 3-й лагпункт Мордовских лагерей. Нам было разрешено получать одно письмо в год и посылку каждые три месяца»³.

Третий тип детства в ГУЛАГе — это дети, которые родились во время пребывания в депортации. Они не испытали насилия и чувства бесповоротного разрыва с привычной действительностью во время ареста, не были свидетелями унижения и беспомощности своих родителей. Поэтому их воспоминания похожи на обычные воспоминания о детстве, но детстве, для которого жизнь в депортации была обыденностью. Они росли и чаще всего учились в этой среде. В школе им прививали советские социальные, культурные и политические ценности, которые иногда побуждали их вступать в комсомол и стать «настоящим» советским человеком в будущем.

Надежда Тутик родилась в 1950 г. в Омске, куда были депортированы ее родители во время коллективизации районов Западной Украины. Она провела там все свое детство и отрочество, поскольку ее родителям было разрешено вернуться во Львов только в 1969 г. В своем рассказе она несколько раз обращает внимание на то, как факт ее рождения на спецпоселении повлиял на ее восприятие Сибири и жизни в депортации. На

¹ Archives Sonores. Биографическая страница Клары Хартманн.

² По-видимому, имеется в виду 5-е лагерное отделение. — *Примеч. переводчика.*

³ Archives Sonores. Биографическая страница Ореста-Юрия Яринича. Цитируется оригинальный текст интервью на русском языке: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/media/iarinich-4> — *Примеч. переводчика.*

примере своего вступления в комсомол она показывает разницу между собой и своим двоюродным братом, который был депортирован в десятилетнем возрасте и потерял брата по дороге к месту поселения. Он «носил у себя в душе чувство глубокой обиды». Он никогда даже не думал о вступлении в комсомол, он ненавидел советскую власть и не скрывал своих чувств, потому что «она препятствовала его продвижению». Зато для Надежды, несмотря на социальное происхождение родителей и статус спецпоселенки, что обычно являлось препятствием для вступления в комсомол, это было «очень просто». Все проголосовали за нее, потому что «я здесь родилась, я выросла среди них, мы были друзьями, и все проголосовали за мою просьбу». Сейчас, рассказывая о том, что она хотела изучать медицину, чтобы стать медиком и уехать работать в глухую тайгу, она смеется: «Я была комсомолкой-романтиком!»¹

Такие рассказы часто демонстрируют расхождение между детскими воспоминаниями и более поздним критическим осознанием страданий и насилия, которые пришлось пережить их родителям. Сандра Калниете родилась в 1952 г. в Сибири, в пос. Тогур. Ее родители были депортированы из Латвии: мать в июне 1941 г. в ходе операции по высылке «социально опасных элементов», а отец в 1949 г. как сын «бандита» (одного из партизан, которые оказывали сопротивление Красной армии и советизации Литвы). «Я хорошо помню момент, когда я поняла. Я училась в художественной академии на отделении истории искусства и должна была запомнить огромное количество названий картин и скульптур различных художников. Во время подготовки к экзаменам вокруг меня лежали открытые книги. Среди них была книга о русской живописи с картиной, изображавшей баржу, которую тащили каторжники (имеется в виду картина Ильи Репина “Бурлаки на Волге”). Моя мать посмотрела на картину и сказала мне: “Мне было 16 лет, когда я тоже таскала лодки”. Она произнесла это совершенно обычным голосом. И внезапно я все поняла. Моей маме было тридцать лет, когда она вернулась из Сибири, мне тоже было тридцать лет в этот момент, но у меня, между моими шестнадцатью и тридцатью годами, была прекрасная жизнь! С того самого момента Сибирь всегда со мной»².

Именно это потрясение создает новую эмоционально окрашенную память, и ответственность за сохранение и передачу опыта, пережитого родителями, меняет свидетеля. Таким образом Сандра Калниете стала одним из основателей Народного фронта Латвии и политическим деятелем современной Латвии, занимая посты посла Латвии в ООН, а затем еврокомиссара от Латвии и министра иностранных дел. После прочтения книги Юн Чжан «Дикие лебеди» она решила написать историю семей матери и отца. Ее воспоминания, опубликованные в 2001 г., быстро превратились в одну из наиболее авторитетных мемориальных книг, посвященных истории советских репрессий в Латвии³. Впоследствии она стала бороться за то, чтобы европейские власти признали эти репрессии «геноцидом». Дочь своих родителей, один из которых был депортирован с

¹ Archives sonores. Интервью с Надеждой Тутик, Львов, 22 октября 2009 г.

² Archives sonores. Интервью с Сандрой Калниете, Рига, 14 января 2009 г.

³ Kalniete S. En escarpins dans les neiges de Sibérie. Paris: Editions des Syrtes, 2003.

первой волной репрессий, а другой — со второй, она впитала в себя коллективные страдания латышей, представителем и символом которых она стала.

Вырасти в депортации

В рассказах свидетелей принудительный труд, голод, холод, болезни и смерть — это испытания, которые изнуляли и зачастую уничтожали тело и душу. Кажется, что эти испытания никогда не кончались и чередовались одно с другим. Дети, рожденные в ГУЛАГе или депортированные с семьей, вспоминают о них как о том, что объединяло всю семью и касалось каждого из ее членов. Напротив, подростки, попавшие в лагеря, часто описывают их как нечто неотделимое от их чувства потерянности, одиночества и изоляции. Но в любом случае эти испытания, отделявшие или, наоборот, объединявшие, создавали фон, на котором происходили все остальные события во время их жизни в депортации. Их опыт сочетал в себе постоянное чувство страха и моменты гордости и удовлетворения, когда взаимопомощь, индивидуальные стратегии или даже какие-то опасные ходы приносили хотя бы кратковременное облегчение.

Можно предположить, что жизнь детей в депортации или в лагере была отмечена стычками между детьми из разных социальных и этнических групп, а также актами насилия или унижения со стороны обладавших властью взрослых (работников органов НКВД (МВД), следователей, надзирателей, комендантов, воспитателей в детдомах и школьных учителей) или уголовников в лагере. Поскольку избранная нами методика сбора воспоминаний давала большую свободу отвечающим в выборе сюжетов для своих рассказов, то практически полное отсутствие в них упоминаний о насилии поражает и побуждает к дальнейшим исследованиям, к изучению феномена забвения или умалчивания как неотъемлемой части рассказов о травмирующих событиях.

Римгаудас Рузгис родился в 1937 г. на севере Литвы в семье зажиточных крестьян¹. В мае 1948 г. во время коллективизации семью Рузгисов депортировали в Бурятию. Через несколько дней после приезда «все пошли работать». Мать Римгаудаса работала на кирпичном заводе: «Но от завода там было только название. Там работали как во времена крепостного права. Женщины вручную копали глину, месили глину ногами, руками смешивали ее с камнями и лепили кирпичи. Было уже очень холодно, и мама вскоре заболела. Ее ноги опухли от того, что она месила холодную глину»².

Его отца отправили работать на лесозаготовки. Им нужно было построить бараки до того, как выпадет снег. Осенью семья переехала в д. Мойга, где уже стояли бараки. Первая зима была самой тяжелой: «Зимой было -40°C . Бараки были построены из свежесрубленных бревен, поэтому при нагревании с них стекали капли конденсата, которые падали нам на голову. Там не было лесопилки, и мы делали доски, разрубая бревна вдоль

¹ Archives Sonores. Биографическая страница Римгаудаса Рузгиса: <http://museum.gulagmemories.eu/fr/salle/rimgaudas-ruzgys>

² Maciulyte Jurgita. Une âme de paysan // Déportés en URSS, Récits d'Européens au Goulag. P. 258–259.

топором. Из таких досок мы сделали пол, стены и потолок. Пол мы покрыли землей, чтобы было теплей. Поскольку барак был построен без фундамента, мы засыпали стены снаружи землей до самых окон. В нашей комнате мы соорудили из досок что-то наподобие двухэтажной кровати»¹.

Мать Адама Швалинского тяжело заболела через несколько месяцев после прибытия на спецпоселение. Ему было 11,5 лет, а его сестре Еве 14, когда они вместе с отцом, тоже больным, но признанным годным к работе, ездили в тайгу, где они учились валить лес. «Моя сестра, хоть и была старше меня на три года, боялась залазить на дерево на высоту в полтора-два метра. Корни этих гигантских деревьев уходили неглубоко в землю, но были широко раскинутыми, и когда дерево падало, корневые сучья могли торчать на несколько метров в высоту. Поэтому я был наверху, моя сестра внизу, и так мы пилили дерево. Дерево начинало трещать и рушиться. Это было опасно: если бы я упал и меня накрыло бы сверху ветками, то я бы не смог выбраться»².

Римгаудас Рузгис в первую свою зиму в депортации ходил в школу, построенную спецпереселенцами. В его классе было не более четверти из литовских ребят, потому что большая часть детей работала, чтобы помочь своим семьям выжить. Он пошел сразу в четвертый класс и, хотя ему было трудно учиться на русском языке, ему хорошо давались точные науки. Он закончил учебный год с похвальной грамотой, но в мае бросил учебу и пошел работать. Ему было всего 11 лет. Его первая работа заключалась в том, что он должен был маркировать бревна: «Когда срубали дерево, я измерял диаметр бревна и ставил знак, который обозначал, что бревно посчитано. Зимой было много снега. Чтобы согреться, мы разводили огонь, на котором разогревали замерзший хлеб и кипятили воду, положив снег в котелок. Это был наш чай...»³

После трех лет пребывания в Ухте, в Республике Коми, Клару Хартманн перевели в Казахстан на строительство нового лагеря, Степлага, одного из десяти «особых» лагерей для политических заключенных, созданных в 1948 г. и позже по всей территории СССР поблизости от уже существовавших. «Охранники заставляли их быстрее рыть грунт и делать саман, чтобы строить лагерь. Первый барак для женщин, а потом второй, для мужчин, разделенные между собой стеной, были закончены до холодов. Затем они построили другие бараки, кухню, бани и туалеты, канцелярию и жилье для начальства и охранников». «Мы были распределены по бригадам. Одних отправили на земляные работы, других в карьер, третьих — на кирпичный завод. Женщины работали больше, чем мужчины: именно их всегда заставляли работать по ночам. Затем мы строили город: апартаменты, или, как их называли по-русски, комнаты для семей вольнонаемных рабочих, потом обогатительную фабрику для урановой руды, которую добывали мужчины в шахте, которая, как говорили, была очень опасна и находилась в сорока километрах отсюда»⁴.

¹ Maciulyte Jurgita. Une âme de paysan. P. 258–259.

² Воспоминания Адама Швалинского см.: Niewiedzial A. «Se battre et combattre». P. 88.

³ Maciulyte Jurgita. Une âme de paysan. P. 259.

⁴ Losonczy A.M. Survivre. L'école amère et l'humour de Dieu // Déportés en URSS, Récits d'Européens au Goulag. P. 150, 151.

Постоянно испытываемый голод является фоном для всех рассказов. Ирина Тарнавская, вспоминая в октябре 2010 г. во Львове о голоде и о том, как тяжело было достать какой-либо продукт, начинает плакать: «Мы ждали маму, когда мама придет с работы, чтобы вместе покушать... Я садилась над кастрюлькой и старалась дышать этим воздухом картошки... И так я кушала картошку. Потом мама когда приходила с работы, мы по картошечке съели и все»¹.

Пееп Варью вспоминает крайнюю нищету последних дней жизни со своей семьей перед тем, как все умерли: «Я помню этот маленький хутор, где мы были вместе с местной семьей, спали там на полу, очень было тесно. Помню, что на улице было очень холодно, была зима, и очень запомнил то, что мы были голодными и что каждый раз, когда мать какие-то вещи брала с собой... и уходила, после этого, когда она вернулась, мы могли что-то кушать... В конце концов, у нас практически никакой одежды не осталось, она все сдала за пищу. Помню, что я в какое-то время был так одет, что на мне был какой-то халат моей сестры, которая была намного больше, ноги были голые, и кроме этого халата у меня ничего не было»².

Рассказы об учебе в школе на спецпоселении и дружбе с другими детьми позволяют иногда увидеть фрагменты «нормального» детства, которые проступают, словно краска на фресках, в воспоминания об открытиях, играх и беззаботном общении с другими детьми. Ирина Тарнавская вспоминает: «Нам, на самом деле, некогда было играть. Летом мы работали и так уставали, что было не до игр, а зимой ходили в школу. После школы я иногда ходила на лыжах. Позднее, когда мы стали немного постарше, мы играли в игры, например, в “третий лишний”. Я еще помнила украинские игры, и мы играли в них.

Мы были молоды, и нам так хотелось развлекаться! Потом мы стали ходить на танцы, к тому моменту депортированные построили клуб, в котором был аккордеонист. Там проводились танцы, иногда показывали кино. В школе у нас был хор, у меня даже есть фотография!»³

Сильва Линарте родилась в 1939 г. в юго-восточной части Латвии⁴. В ее семье, довольно состоятельной, придавали большое значение образованию и культуре. В июне 1941 г. ее отец, отказавшийся доносить на своих коллег-учителей, был арестован и отправлен в заключение в Вятлаг, где умер в 1942 г. Сильву, ее мать и сестер отправили в Красноярский край. «И представляете все же, вот этот возраст: мы приходили из этой страшной тайги и мы же бежали на танцы. Мы бежали на танцы, литовцы играли, аккордеоны были... Молодость — это вообще что-то непонятное, что помогает как-то и выжить людям. Так что я могу сказать, что

¹ См.: Archives Sonores. Тематический зал «Голод»: <http://museum.gulagmemories.eu/fr/salle/la-faim>. Цитируется оригинальный текст интервью на русском языке: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/media/tarnavska-2-bis> — *Примеч. переводчика*.

² Archives sonores. Интервью с Пеепом Варью. Таллинн, 19 января 2009 г. Цитируется оригинальный текст интервью на русском языке: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/media/clone-varju-2?f=0> — *Примеч. переводчика*.

³ Archives sonores. Интервью с Ириной Тарнавской.

⁴ Denis Juliette. Les images de l'enfance // Déportés en URSS, Récits d'Européens au Goulag. P. 109–131.

литовцы спасли латышей, одно поколение, со своей такой музыкальностью. Вот так!»¹

В рассказе Ирины Тарнавской, как и во многих других, воспоминания о голоде и холоде контрастируют с открытием удивительного изобилия сибирских лесов летом. Точно так же в поздних воспоминаниях образ Сибири имеет двойственный характер. С одной стороны, это страх от живущих поблизости волков и медведей, от дикости этих мест, а с другой — ощущение изобилия природных ресурсов во время короткого лета, тем более яркое в сравнении с крайней нищетой людей. Эмоциональная двойственность, характерная для рассказов о природе, кажется, переносится и на весь огромный мир тайги, которая является одновременно и символом репрессий и кусочком родной природы. «В Сибири растет много ягод и грибов. У родителей не было времени, а мы, дети, ходили в лес по грибы и ягоды. Это тоже помогало нам выжить. Мы все были голодные и тощие. У меня были только кожа да кости.

Мы отправились за черникой, нам хотелось чего-нибудь сладенького! Когда мы набрали черники и сварили ее, но это было ужасное! Кислая, как уксус. Потом мы стали есть ее сырой. Собирали все: малину, бруснику, чернику, а потом перед самой зимой мы искали клюкву на болотах. После первых морозов она становилась красной и такой вкусной!»²

Сильве Линарте в 1947 г., после пяти лет на спецпоселении, было разрешено вернуться в Латвию, но в 1950 г. она вновь была депортирована с матерью и сестрами. Несмотря на то что ее детство было отмечено смертью отца в Вятлаге и двумя депортациями, вот как она вспоминает о Сибири: «Я не знаю, почему Сибирь превратили в такое страшное место ссылки. Это же самое красивое место в мире: там лилии цветут белые, там ягоды, черника такая, там черная смородина, там красная смородина... Нет, сделали это местом ссылки... Я думаю, там должен быть мировой какой-то центр для отдыха, для радости!»³

Заключение

Главная особенность поздних воспоминаний о детстве — это их разнообразие, что на данном этапе исследования затрудняет их классификацию. И все-таки несколько общих черт можно найти. В первую очередь, это пережитый детьми опыт резкого разрыва с прежней действительностью, который наиболее ярко проявляется в воспоминаниях о чрезвычайной жестокости и внезапности массовых репрессий. За несколько часов репрессии разрушали сложившиеся схемы социализации и авторитет семьи, на которых строилась прежде жизнь детей, и заставляли их следовать новым правилам и практикам выживания в ситуациях распада семьи, исчезновения одних ее членов и постоянной угрозы для других. В лагерях и спецпоселках родители лишались возможности принимать

¹ Archives Sonores. Биографическая страница Сильвы Линарте: <http://museum.gulagmemories.eu/fr/salle/silva-linarte>. Цитируется оригинальный текст интервью на русском языке: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/media/linarte-3> — *Примеч. переводчика*.

² Archives sonores. Интервью с Ириной Тарнавской.

³ Archives Sonores. Биографическая страница Сильвы Линарте. Цитируется оригинальный текст интервью на русском языке: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/media/linarte-4b-0> — *Примеч. переводчика*.

решения и управлять поведением своих детей, что осуществлялось путем наложения административными органами исключительно институциональной модели социализации. Такая насильственная ресоциализация предопределялась также условиями жизни в бараках, где люди, разные по своему социальному происхождению, национальности и религиозной принадлежности, вынужденно теснились вместе и не могли скрыть от посторонних интимные стороны своей жизни, что приводило к разрушению семейных связей.

Вторая общая черта — это попытки восстановить изнутри семейные связи, чтобы противодействовать чувству потери идентичности в условиях постоянной угрозы исчезновения семьи. Дети брали на себя ответственность за выживание семьи, что приводило к их преждевременному и быстрому взрослению. Кажется, что при помощи довольно подробных воспоминаний о семейных отношениях свидетели хотят восстановить непрерывность генеалогических связей, разорванных советской системой.

В поздних воспоминаниях о детстве в депортации возникают также и другие специфические формы реконструкции прошлого. Так, многие из интервьюируемых, вспоминая о депортации, уже будучи взрослыми, начинают понимать степень страданий и унижений своих родителей. Зачастую, рассказывая об этом, они осознают причины их смерти во время депортации. Это осознание, которое накладывается на детские воспоминания, является своего рода вторичной памятью, и в результате возникает своеобразное «раздвоение памяти». Такое расхождение между детской памятью, привязанной к повседневным событиям, и более поздним осознанием тяжести испытаний, выпавших на долю родителей, приводит к появлению в рассказах эмоциональной двойственности и чувства вины.

Другой особенностью детства, проведенного в депортации, является влияние данного опыта на последующие отношения с родителями, живыми или умершими. Сильная привязанность, которая иногда в ходе повествования приводит к отождествлению себя с родителями, возникает как ответ на родительские страдания и как необходимость защитить своих родителей и память о них. Это чувство может сопровождать человека в течение всей жизни, как если бы жертва, принесенная родителями, являлась платой за то, что их дети смогли выжить.

Остается рассмотреть вопрос о влиянии способа собирания и записи воспоминаний на их содержание, а именно о влиянии «западной» идентичности интервьюера на ответы человека, имеющего гулаговский опыт. В большинстве случаев данные рассказы возникли в национальных пространствах, где долгое время коммунистической системой на тему депортации было наложено вето умалчивания и забвения с целью предотвратить ее публичное обсуждение. На исходе существования коммунистических режимов после долгой спячки коллективной памяти возникла острая социальная необходимость в сборе архивных и устных источников, свидетельствующих о советских репрессиях, которые могли бы служить основой для легитимации новых демократических деятелей и институтов. Сформировавшаяся в итоге национальная коллективная версия событий предлагает теперь получившие признание в обществе языковые средства для того, чтобы создавать индивидуальные и семейные истории и превра-

щать личные воспоминания в свидетельские показания. В ходе нашего опроса эта особенность, несомненно, проявилась. Перспектива того, что их истории выйдут за пределы национальных границ, отвечала желанию рассказчиков увековечить память погибших и пострадавших во время репрессий, и это заметно во всех рассказах. И если в этих рассказах использовались иногда общепринятые выражения и оценки, касающиеся ГУЛАГа, то степень эмоциональности воспоминаний о пережитом опыте определялась все-таки особенностями индивидуального языка и детскими образами. Кроме того, поздний характер воспоминаний, возможно, создавал некий эмоциональный фильтр: помимо выражения ненависти и обиды депортированные «дети» воссоздавали весь свой опыт, полный и других разнообразных нюансов.

М.Я. Рожанский

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ «ВЕЗУЧЕГО ЧЕЛОВЕКА» ХЕРША (ЦВИ)/ГАРРИ ЦУККЕРА

Человек, чье биографическое повествование легло в основу этой статьи, был советским человеком. Советская идентичность — принятие человеком советской жизни как естественной для себя, стремление совершенствовать общественный строй, пристрастное отношение к его достоинствам и недостаткам. Все это было присуще герою данной статьи. Родился Херш (Цви) Цуккер в 1926 г. в Черновцах, которые на тот момент принадлежали Румынии и были административным центром Буковины. После перехода Северной Буковины к Советскому Союзу в 1940 г. Черновцы (в тогдашнем русском варианте — Черновицы) были подвергнуты советизации, включавшей и репрессии против представителей «эксплуаторских» слоев населения. Семья Цуккеров была выслана в Сибирь буквально за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. В биографических интервью его ровесников, оказавшихся сосланными по национальному признаку перед войной, всегда очень сложно переплетаются советская и этническая темы. Значимая для человека и плотная включенность в советскую жизнь закреплена в детстве и отрочестве, которые пришлось на военные годы. В последующую биографию часто вплетена активная общественная деятельность. Гарри Цуккер (имя Харри он получил в румынских документах и соответственно Гарри — в советских) также был активным комсомольцем, а затем и членом КПСС — из тех коммунистов, которых называли принципиальными, т.е. он действовал и говорил в соответствии со своими убеждениями, а не мнением начальства. Что же касается этнической темы, то трехчасовое интервью Гарри Кагосовича, которое он мне дал в сентябре 1994 г., представляет особый интерес. В воспоминаниях, конечно, есть эпизоды дискриминации его как еврея, запомнившиеся проявления антисемитизма, но повествование не пронизано обидой на жестокую несправедливость. И этим данное интервью отличается от биографических интервью поволжских немцев или

выходцев из Прибалтики. Но я бы не спешил объяснять это отличие тем, что высылка семьи Цуккеров не была связана с их национальностью. Для Гарри Цуккера его еврейское происхождение всегда оставалось очень значимым и, как сказал бы социолог, актуализированным. В биографическом повествовании оно выступает как своеобразный ресурс, помогавший реагировать на повороты истории и собственной жизни. Социальные практики, культурные модели, моральные установки, — как усвоенные от эпохи (советское), так и переданные по наследству (этническое), — переплетены до такой степени, что порой неразличимы. Собственная биография воспринимается не как претерпевание от истории, а, скорее, как самостоятельные отношения с ней, и это задает тон повествования.

География и история

— Черновцы... Северная Буковина. Ну что я тебе могу сказать? Кусочек такой между Трансильванией и Бессарабией, с севера она граничит с Польшей, до Первой мировой войны это была Австро-Венгрия. Вот за этот век — он уже к окончанию, к концу идет, — за этих несчастных сто лет Черновцы четыре раза имели четыре разных государственных языка. До восемнадцатого года это был немецкий язык, с восемнадцатого по сороковой это был румынский язык, с сорокового, с перерывом на войну, на время войны, — опять румынский язык, с сорокового по девяносто первый это был формально украинский, а вообще-то русский язык, а теперь — украинский язык. Четыре государственных языка за один век в одном и том же городе — ну не слишком много это?

— Вашим родным языком был идиш?

— Нет. Немецкий. Почему не идиш? Дело в том, что Черновцы до Первой мировой войны — это была Австро-Венгерская империя, а культурные еврейские семьи, как правило, пристраиваются, примыкают, выкают к языку. Чем культурней семья становится, тем больше она примыкает к общеупотребительному государственному языку. Румынский язык еще не стал государственным языком на семейном уровне — это было всего... Я родился в двадцать шестом году, это было спустя восемь лет после окончания Первой мировой войны, и именно культурные еврейские семьи использовали немецкий язык при общении с детьми.

Просто, понимаешь, изменился культурный уровень семей. Я вспоминаю своих прародителей — дедушку, бабушку, бабушку по линии отца, она в деревне жила — это совсем другой культурный уровень, ни у кого из них даже не было среднего образования, а высшего — точно нет. Хотя они были высокообразованными с точки зрения еврейской культуры, с точки зрения Торы и прочее, они были высокообразованными и культурными. А это поколение — родителей — они уже все учились в школе, все, почти все кончили среднюю школу, немецкую. Почти все кончили школу, некоторые имели даже высшее образование, имели высокие... высокую квалификацию. Отец у меня был бухгалтером высокой квалификации, дядя был механиком высокой квалификации, очень высокой — по существу, на всей фабрике. Другой дядя был врачом с высшим образованием, еще один дядя — инженером с высшим образованием. То есть культурный уровень совсем другой, уже поэтому другое с детьми общение...

Еврейского чтения по существу не было, хотя мы учили иврит, и там, естественно, была Тора — дети [изучали] в частном порядке, дома с учителями, не в хедере. Но были и другие — история и культура — вот такие вещи. Читали, читали — с удовольствием читали. Читали и на идиш. Очень часто. У нас было что-то вроде коллективного чтения Шолом-Алейхема. У нас в семье это было очень интересно. Я даже вправе считать, что у меня два родных языка, хотя сам до недавнего времени... ну, не до недавнего... на идише говорить не мог. В детстве у меня ломался язык на идише, я разговаривал только на немецком. Но поскольку в окружении идиш был, я очень легко, когда стало надо, очень легко перешел на него. Ну, румынский язык был государственным языком, я сам учился в румынской школе, румынский язык в общем-то знал, знал лучше, чем иврит, гораздо лучше: семь лет в школе — это что-то значит. Теперь я его забыл.

Русского языка я не знал до сорокового года. Условно говоря, не знал, потому что наша местность... там [жили] крестьяне, они говорили на какой-то смеси украинского и русского языков, на западно-украинском языке, он даже и назывался у нас «русичи» — «вроде русского», но он был похож больше на украинский язык. У нас были дома работницы из деревни, которые говорили на этом языке, и мама покойная говорила, что в свое время я с трех лет... в пятилетнем возрасте прилично изъяснялся на этом языке — то есть с домработницами довольно-таки свободно говорил. Но потом, перед приходом в школу, родители мои постарались взять домработницу-румынку — для того, чтобы мы приобщались к румынскому языку перед появлением в школе. И я считал, что этот «вроде русского» забыл совершенно, хотя кое-что иногда понимал, когда приезжал в деревню к матери отца, — на лето мы часто приезжали туда. Иногда все-таки понимал, но свободно изъясняться не мог. По существу, русский язык я узнал только вот в сороковом году: в первый год я учился в еврейской школе в Советском Союзе на идиш, русский язык был как один из предметов.

— То есть в сороковом году, когда Северная Буковина вошла в СССР, там создавались еврейские школы?

— Да. Целый ряд школ открыли: румынскую школу, украинскую школу, естественно, русские школы и на идише, где все предметы преподавались на идише.

...В сороковом году мама взяла к себе своих родителей. Наши благодарные власти как бывшим буржуйам положили им такую квартплату, которую они не в состоянии были выдержать, — мать взяла их к себе. Мои дедушки были родными братьями. Мой отец и моя мать были двоюродные брат и сестра до женитьбы. Именно по отцам. У матери была та же девичья фамилия, что и после женитьбы. Она не сменила фамилию. Наверное, будь даже разные фамилии, все равно мы оказались бы высланными, но раз фамилия одна и та же, то и подготовка шла соответствующая: «Господи, кто мог подумать, что Цуккер-старик и Цуккер... — это одна семья». Дедушка имел — вместе с рядом компаньонов имел — небольшую фабрику. И разговоров нет... Может, благодаря этому мы и остались живы, но утешения не очень сильные.

— Какую фабрику?

— Текстильную, там, где мы жили, — в нашем же дворе... Маму звали Мина, отца — Кагос. Мать родилась в 1896 году. Отец родился условно в 1892-м, то есть в документах у него было написано 1892. Но мы всегда отмечали ему день рождения 28 декабря. Однажды мне он говорит: «Я родился так же, как ты — в пятницу». И я вычислил, что в девяносто втором году пятница — это было не 28 декабря, а 30 декабря. Я ему с большим торжеством об этом сообщил, будучи еще маленьким ребенком, — это было еще до сорокового года. А он мне тогда сказал: «Откровенно говоря, я не знаю точно, может, я даже не в девяносто втором году родился, потому что меня записали гораздо позже».

Дед по линии матери занимался фабрикой, а дед по линии отца — ну, они жили в деревне, занимались крестьянским хозяйством. Примерно километров двадцать—тридцать, может быть, сорок от Черновцов. Я знаю, что он был в плену в Сибири во время Первой мировой войны и вернулся из плена. Почти сразу получил воспаление легких и умер, то есть где-то в районе двадцатого года умер. Точной даты я не помню. Я знаю, что родители у меня женились в двадцать первом году, а вот был он тогда еще жив или нет, я не знаю. Единственное знаю, что он умер до моего рождения, потому что я в его честь назван — Херш, Цви. Это Гриша в переводе на русский. Ну, я же не в России родился. Херш — это в переводе, «херш» — это «олень». А «олень» на иврите — это «цви». Поэтому я — Цви, а записали меня как Гарри, Харри — я же в Румынии родился.

У отца была одна сестра. Сестра была, пожалуй, самая старшая, был еще один брат старший, потом был отец, потом еще два брата — их там было пять. Они все именно там, в деревне были, только один вырвался в город. Чем он занимался, не могу сказать. Самый старший — у него была мельница — мельницей занимался. И работали на полях. Ну, были у них, конечно, и рабочие — то есть они занимались крестьянским хозяйством. Образование только мой отец получил.

А эта семья тоже: мать была старшая, потом были братья: раз, два, три, четыре... пожалуй, четыре брата. И еще одна сестренка у нее была младшенькая, которая в трехлетнем возрасте умерла. Я не могу судить о богатстве, но они были более образованы, наверное, да. У матери, даже не знаю, было ли среднее образование, но в школе она училась, и остальные все учились в школе.

— Они переехали к вам в сороковом году, как я понял, и их выслали?

— Да, вместе с ними нас всех. Бабушка, дедушка и мать, отец, мы с сестрой. Все. Нас выслали за десять дней до войны. А двоюродные — эти жили отдельно — остались там.

История — это не только условия, в которых человек проживает свою индивидуальную судьбу, история — один из самых значительных ресурсов, позволяющих обрести смысл жизни. Она дает человеку возможность почувствовать себя участником поступательного движения, совершаемого поколением за поколением. Она, История (с большой буквы), обладает некоей бесспорной целью, благодаря которой можно относиться к несовершенству

мира и даже к страданиям, выпавшим на твою долю, как к тому, что все равно станет прошлым, более того, оправдать их как жертву на пути к великой цели. Еврейскому народу сохранить себя, несмотря на рассеяние, удалось потому, что родина иудея — История, наследником которой становишься благодаря приобщению к Торе, родовым преданиям и надежде на лучшее будущее, ставшей неотъемлемой частью образа жизни.

Советский проект тоже был мобилизацией ресурсов Истории. Родившись в Советском Союзе, человек мог обрести смысл жизни за счет причастности по праву рождения к решению тех всемирно-исторических задач, которые провозглашались советской идеологией. Именно это создавало основу советской идентичности. Сакральное значение, которым наделялась Октябрьская революция, и жертвенная победа над нацизмом подчеркивали уникальность страны и эпохи, в которых выпало родиться. Гарри Цуккер родился в Румынии, а в СССР оказался уже подростком и почти сразу был выслан в чужую для него Сибирь. Поэтому в отличие от советских мальчиков, родившихся после революции, ему не свойственно пафосное принятие истории. Он воспринимает ее, скорее, как цепь приключений — это позволяет ощущать уникальность своей жизни и в то же время отстраняться, т.е. не принимать судьбу как неминуемую, не относиться к предписаниям как к директиве, иначе говоря — позволяет действовать.

В Сибири, или Везучие

— В сорок первом году, когда нас выслали, в первую очередь нас поместили в Средний Васюган. Это на севере Томской области — тогда она была еще не в Томской, в Новосибирской на севере. Дедушка умер буквально на двенадцатый день после приезда и бабушка — через год. Она умерла, по существу, от голода, не потому, что кушать было нечего, хотя было нечего кушать, а потому что очень придерживалась кошерности. И, выходит, она ничего себе не позволяла.

Колхоз там был. Мать предложила свои услуги — она портниха. И ради нее организовали портновскую мастерскую в колхозе, она и сестру туда взяла на подмогу — обшивала, подшивала, делала. Мне же она посоветовала: иди в пятый класс. Для того, чтобы мне не работать в колхозе. А у меня к тому времени был окончен седьмой класс — правда, еврейской школы. Ну, естественно, все это выглядело иначе: «Я все-таки хочу знать русский язык и поэтому с удовольствием повторю». А когда пятый класс послали работать в колхоз, я пошел и, поскольку основная была цель — изучение русского языка, [сказал]: «Я хочу в четвертый». Посадили меня в четвертый. Когда пятый класс вернулся, я пошел и сказал, что я готов все-таки учиться в пятом классе. То есть к этому относились лояльно. Что меня удивило, что я уже как-то изъяснялся по-русски, уже с первых дней, почти сразу. Вот. [Мы] услышали, что есть какой-то райпромкомбинат в райцентре, и я написал письмо туда — в Новый Васюган. Когда люди ехали в командировку, специально зашли к нам, поинтересовались. Из-за письма — письмо произвело впечатление...

— Какое?

— Ну, оно было нормально написано. Когда в университете работал, проректор, если что-то надо было написать, приглашал меня и говорил:

«Самый писучий человек у нас — Гарри Кагосович». Так что «писучим» я, наверное, в детстве еще был. Вот организовали вызов и выехали мы в Новый Васюган. Тут тоже ужасно повезло. Надо сказать, что мы все-таки везучие. В этом Новом Васюгане, наверное, сто лет до этого и, может быть, сто лет после этого ни одного театра на гастролях не было. А тут именно в этот год приехал театр, Ивановский театр, в Колпашевский район... Приехал, а музыки у них не было. Там была моя сестра — на аккордеоне — и еще один скрипач. Их пригласили — поработали, заработали, потом они их вызвали. Потом через полтора года мы туда переехали... У меня успела к тому времени быть уже контрапунктура ноги, подкожный нарыв. Я полгода на костылях ходил. Переехали мы в Колпашево, из Колпашево — в Томск. А в Томске нам снова предложили — поезжайте в... это тоже какой-то северный район. Я сразу сказал: «Я не поеду». А сестра с матерью — к тому времени уже отменили пропуска на железной дороге — они побежали в Черновцы. Это был сорок... Это, конечно, было не раньше сорок пятого, осень сорок пятого. Потому что в сорок шестом уже мы поехали.

И вот опять-таки везение... Когда мы с отцом удирали с Томска, я, естественно, боялся брать билет до Черновцы, до Черновиц. Взяли мы билет до Новосибирска... Жили мы от вокзала хоть не очень далеко, но довольно-таки прилично. Такси, конечно, никаких не было. Идем мы с отцом, милиционер останавливает:

- Вы куда идете?
- На вокзал.
- Куда вы едете?
- В Новосибирск.
- А... пройдемте в отделение.

У отца паспорт был, у меня паспорта уже не было — отобрали. Правда, у меня был студенческий билет. Отец в отчаянии. Мы идем в отделение — отец сразу лезет, хочет паспорт показать.

- Не нужны нам ваши документы. Куда вы едете?

Отец говорит: «В Новосибирск».

- К кому едете?

Тут уж я вступил в разговор: «К родственникам».

- А где они там живут?

Я им: «Улица 11 ноября, дом номер 36».

Отец почти рот открыл от изумления. Если бы у меня не было все это готово...

Моя мать была Цуккер Н.М. — Нина Михайловна¹. В Томске я однажды иду на почту — мы стали получать почту, и в том числе заграничную, «до востребования». Это в конце войны было. А я получал почту в университете. Там было почтовое отделение, в самом университете:

- Цуккер, пожалуйста...

¹ Очевидно, произошла русификация еврейского имени Мина, обычная для советской паспортизации человека. В одном из биографических интервью женщина, родившаяся и выросшая в татарском селе под именем Диния, рассказывала мне, как паспортистка по ошибке записала ее Зинаидой, приравняв Дину к Зине, и ей так и не удалось восстановить в документах имя, данное при рождении.

— Как инициалы?

— Н.М.

Дают мне открытку, по-русски написана. Я читаю и ничего не могу... Я понимаю все, но ничего не могу понять по существу. Смотрю более внимательно и вижу: не «Н.М.», а «М.Н.». Я, естественно, беру конверт, пишу несколько строк: «извините», «так получилось» — и отправляю. А это оказалось: девочка приехала из Новосибирска поступать, на исторический факультет, я к тому времени кончил или заканчивал первый курс математического факультета. Ну, естественно, она ответила и, естественно, я к ней пошел и, естественно, фурор — мы однофамильцы и так случайно себя нашли. Спустя некоторое время получаю от нее письмо и доверенность: «Я вынуждена уехать в Новосибирск, пожалуйста, получите мои письма и вышлите их». Но мне просто было не до нее — начались неприятности с попыткой вторичной высылки, сестра и мать уже уехали в Черновцы. Я тем не менее получил там одно письмо, видимо, очень важное для нее было. Я его просто законвертовал, положил без всякого. А потом получил опять от нее открытку. «Извините за беспокойство, спасибо» — и все. Она страшно обиделась. Но адрес был необыкновенный, что-то вроде «Улица 11 ноября, дом 30 с чем-то» — такой какой-то адрес.

Мне достаточно было бы запнуться раз, но я же был уверен. Ну, допустим, это ночь, допустим, он возьмет телефон, позвонит — что ему скажут? Да, там живут действительно Цуккер. Ну, что ему еще надо — все, мы едем к родственникам.

— Не стал проверять?

— Нет. «Не надо нам паспорт, покажите вещи». И на этом все. И потом говорит: «Идите», и сказал еще милиционеру: «Проводи, чтобы они не опоздали на поезд, проводи». Дескать: «Это — люди хорошие». Они думали, что вдруг мы обокрали квартиру где-то.

По дороге, в Новосибирске, обокрали нас. Мы остались со ста сорока рублями. У нас от хозяйки дома, где мы жили, было письмо к ее родственникам. Мы имели глупость, а может, и честность сразу сказать, что нас обокрали. Ну, она там потерпела день-два, но и в общем-то сказала: «Убирайтесь». Ну, в общем-то ее понять можно. А по соседству жили молодожены, я до сих пор с удовольствием их вспоминаю. Я бывал в Новосибирске, пытался их найти, их найти оказалось бесполезно — даже адрес этот не мог найти. И они нас приняли, хотя у них... Правда, дом был. Дом, дом, но пустой. Я помогал ей немного в огороде, и все. И они действительно нас приютили в полном смысле слова. Мы продали с себя все и все-таки купили билет.

Первородный грех. Опять в Сибири

— Лично по себе, я лично антисемитизма не ощущал. Не могу сказать, даже когда меня исключали из партии, не могу даже так сказать, что потому что я — еврей. Но где-то кто-то может быть: «А, еврей, вот тебе...» Но если бы из-за этого — нашли бы повод и исключили бы гораздо раньше.

— А в Томске, когда в университет поступали?

— Нет, нет, нет. Я же поступил, я же проскочил в сорок пятом. Потом уже не давали. Но не евреям, а именно спецпоселенцам. Что из спецпоселенцев в основном евреи стремились учиться — это дело другое. Держали спецпоселенцев, причем вплоть до гнуснейших ухищрений. Вплоть до того, что в сочинении несколько запятых поставят и все. Именно поставят, не уберут, а поставят несколько лишних запятых, и все — готов. Двойка.

— А спецпоселенцев не брали в армию?

— В армию — нет. Был у меня товарищ, который шел, обивал пороги, предлагал добровольно, добровольцем — «Нет, мы обойдемся без Вас». Меня, наверное, и так не взяли бы, потому что у меня сильное плоскостопие. Потом, уже в университете, комиссию проходил: «плоскостопие». Наверное бы, и не взяли, но комиссия все же была. В университете я заочно учился. Поступил-то очно, но на первом курсе военного дела не было. Я в Томске учился очно, один год. А потом, когда мы убежали, я, естественно, ушел из университета. А потом, когда нас снова выслали, тут мне удалось только заочно поступить.

В сорок восьмом. Сестру и отца арестовали, а мы с матерью сами поехали. Понимаешь, мы же убежали. Купили паспорт на свою фамилию, к счастью, — но *купили*. Военный билет на меня получили. Так... Это не за деньги, по-моему. Вот. И я поступил учиться в профтехучилище, в университет пытался заочно, но у меня не было всех документов. Отец поступил на работу в архив МВД временно. Он это дело очень знал. Им были очень довольны и ему предлагают: «Может, пойдете к нам постоянно работать?». Он говорит: «Ладно». Надо же анкету заполнять. Анкету заполнил, сделали запрос, и сразу — бац: «всесоюзный розыск». Арестовали отца и сестру. А мы с матерью благополучно сами уехали. Спрячься от них?! Поехали в Томск. Я был комсомольцем... Когда уезжали, снялся с учета — честь по чести. Потом меня исключили из комсомола «закрытие социального происхождения».

Отец с сестрой попали сюда, в Иркутск. В Томске мы получили от них — они знали примерно, где мы должны быть в Томске, — получили от них письмо и приехали сюда. Их выслали сюда с очередной партией, и в этой карточке у нас было написано: «организация украинских националистов». Я пришел: «Так, смените нам категорию хотя бы. Не можем мы, евреи, относиться к организации украинских националистов. У тех два девиза: “Бей комиссаров!” и “Бей жидов!”» Получаю: «Ваша просьба об освобождении со спецпоселения отклонена как необоснованная». Я ему про Фому, он мне про Ерему. Что делать? Вот так.

На Лисихинском заводе работал. Первое время активным был в комсомольской организации, пока не исключили из комсомола, из первичной организации. Потом, спустя много лет, ЦК комсомола практически отменил решение. Я апеллировал, конечно. Тоже интересная штука получилась. Я написал апелляцию и получаю телеграмму из ЦК комсомола: «Ваше дело будет рассматриваться тогда-то на секретариате, сообщите возможность выехать или согласие заочного рассмотрения». Я, естественно, — у меня же паспорта там не было — обращаюсь в управление внутренних дел с просьбой, мне говорят там: «Нет!» Долго со мной разгова-

ривают, убеждают, что это никак не возможно. Я с ними разговариваю так, как умею, а я умею иногда разговаривать. Короче говоря — «нет». Я пошел — управление там же, где оно и сейчас, — оттуда прямо в центральный телеграф и [дал] телеграмму в Цекапол: «В связи с отказом органов внутренних дел разрешения выезда вынужден согласиться с заочным рассмотрением». Это слово «вынужден» меня спасло. Все, я отдал телеграмму, дал согласие и все. Через пять дней меня вызывают — они меня уже вызывают, они меня уже ищут. Ну, те, наверное, получили: «Это что же делается, ну как же так...» Это был пятьдесят шестой год. Но мне уже было за двадцать восемь лет, поэтому решение ЦК... Я, к сожалению, его не сохранил, было оно у меня. Написано было: «Считать выбывшим по возрасту».

Советская идентичность, которая предписывалась общественным строем, взростала на двух противоречащих друг другу основаниях. «Советские» преобразования были формами масштабной модернизации страны и включенность в них — участие ли в больших стройках, получение ли высшего образования, переход ли из «деревенских» в «городские» — закрепляло чувство социальной (и даже исторической) востребованности. Но советская идентичность — еще и попытка избежать стигматизации, поскольку каждому человеку могла быть предъявлена претензия, что он — недостаточно «советский». Бывшая спецпоселенка Лидия Павлова рассказывала в биографическом интервью, как поступала в Томский университет в конце сороковых. В паспорте у внучки раскулаченных стояла пометка — «выдан на основании 58-й статьи УК РСФСР». Эта социальная стигма была получена по наследству — от отца, которого также никто не арестовывал и не судил. Просто он потребовался в середине 30-х как грамотный человек в поселке, в который приехал вызволять умирающую высланную мать. Ему, отобрав паспорт, выдали соответствующий документ — о прикреплении к комендатуре на основании 58-й статьи, и он вынужден был перевезти в поселок жену и детей, которых, по словам дочери, воспитывал «в советском духе». Понятие «первородный грех» не органично для советской атеистической идеологии, но трудно найти более точную метафору для обозначения той модели отношений между индивидом и властью, которая была не менее значимой для политического режима, чем репрессии или пропагандистское внушение. И одним из главных резонансов для предъявления претензий в недостаточной «советскости» было происхождение — национальное, сословное, географическое.

Особое значение «первородный грех» национальной принадлежности приобрел в 1940-х годах. Интернационализм был важной составляющей советской идеологической атмосферы и одной из целевых установок «советского проекта», т.е. модернизации страны. Революционные события начала века — во многом результат наложения национальных противоречий на социальные, результат того, что самодержавие пыталось сохранить управление менявшейся «раскрепостившейся» страной за счет деления подданных по «сортам». Для тех, кто включился в революцию, и тех, кто входил в жизнь после нее, этническое происхождение было отодвинуто на задний план, пока о нем не заставили вспомнить — сначала нацизм, а затем и стали-

низм. Для советского режима тема коллективной ответственности по признаку национальной принадлежности стала уже в канун войны аргументом для ограничения в правах, а на выходе из войны — открытым инструментом социального управления.

«Пусть не играют глухого солдата»

— А кто Вас научил разговаривать «как надо»?

— Жизнь научила. Мама покойная мне вспоминала: когда я еще ребенком был, я встал на стул и произнес обвинительную речь в сторону кого-то... учительницы домашней. Я же болел часто, репетитора взяли. Мне что-то не понравилось, и я аргументировал: вот это неправильно сделала, вот это неправильно сделала.

Был у меня еще учитель иврита... Вначале был очень хороший учитель у нас у всех, он уехал в Палестину. Но как не учить ивritу детей — этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Родители нашли учителя, слабенького. В общем, отец решил ему отказать. Заранее сказали, что до конца года и все. На последнем занятии перед каникулами он говорит мне: «Спроси отца, когда мне приходиться в следующий раз». Я уже знаю, что ему отказали, но я думаю, а вдруг там что-то изменилось. С трепетом я бегу к отцу, спрашиваю:

— Папа?

— Пусть не делает вид, что он глухой солдат. Есть такая поговорка: «Пусть он не играет глухого солдата».

— Я пойду, ему это скажу.

— Нет, нет, нет, не делай этого, скажи ему, что...

Понимаешь? То есть я готов был тут же побежать, сказать: «Отец сказал: “Не играй глухого солдата”».

Я в детстве — каждый ребенок хочет кем-то быть — кем я только не хотел быть! Я хотел быть врачом, потому что я очень много болел. Хотел быть вагоновожатым, потому что я ездил в школу далеко на трамвае. Хотел быть математиком. Хотел быть директором школы, хотел быть учителем. Я хотел быть юристом. Но я не хотел быть купцом — все, что угодно, только... Не потому, что это «противно» — нет. Боялся рисковать деньгами. Я предпочитаю иметь хорошую, нормально заработанную, точную, фиксированную сумму денег. «Вот за это я хочу получить столько-то». — «Нет, я не могу тебе столько платить». — «Ну, тогда ищи другого». Я вот это делаю, я получаю столько-то, и я знаю, что я это получу. Вот такая жизнь меня больше устраивала, чем рисковать деньгами. Жизнь научила разговаривать «как надо». Это еще в детстве было. Вот так у меня сложилось.

— Итак, Вы могли бы много чем заняться, но занялись математикой.

— Ну, видишь, математика из меня тоже не получилось, какой я математик?! Нет, математику я знаю!

— Вы шли на математический, прицеливаясь в будущем в науку или в учителя?

— Нет, я хотел быть математиком, ну, конечно, я был бы не прочь заняться наукой. Ты же знаешь меня! В общем-то, в душе я — генерал. Есть это... Твердо могу сказать, что я — генератор идей. [Университет]

закончил только в пятьдесят четвертом году, потому что заочно. На заводе недолго работал, потом учился и не работал. А с пятьдесят первого года работал в школе — сначала преподавателем математики, еще будучи студентом. Директор на первый же урок пришел. Сказал, что ему понравилось, хотя урок был отвратительным, никудышным.

А с шестьдесят первого года завучем. До завучества, по существу, администратором в школе уже был. Когда я пришел сюда, очень толковый директор у меня был — Федор Карлович Берг. Многому я у него научился. Многому. Так вот, вот. Я был студентом-заочником, но я посещал занятия на дневном, и мне дали два класса математики. Это 14 часов. Так вот, я просил: «Пожалуйста, ставьте мне расписание как угодно, только, пожалуйста, в четверг первый, второй, третий уроки не ставьте». Это было для меня очень важно, в университете — лекции. А завуч неопытная была женщина. Злая женщина, ужас. И именно первый, второй, третий уроки.

— Я же просил!

— Нельзя же учитывать все пожелания...

— Дайте я составлю.

Еще в детстве, в седьмом классе, когда учился в Черновцах, меня заинтересовало, как же так: учитель, вот физик, например, у него всего двадцать четыре часа — он работает шесть дней. А что же это он там каждый день делает? На двадцать четыре часа можно работать два дня в неделю, 12 часов в день. Первая смена — 6 часов. Вторая смена — 6 часов. И взялся составлять расписание на год, так, потихоньку — у кого, где, что — и составил расписание. Значит, у меня была цель такая: как можно компактнее преподавать, пусть он выложится до конца. Возможно, он в два дня [уложится] — в два дня, в три дня — значит, в три дня. Вот так, а остальное время он должен быть свободен.

Директор заходит в учительскую: «Товарищи учителя, Гарри Кагосович предлагает составить расписание, дайте ему пожелания». Короче, я взял и махом составил расписание. Я ему составил нормально. Принес, он посмотрел так — что можно, глядя на расписание, понять? Но он понял, что есть человек, который может составлять расписание. Он говорит: «Ну, что я должен сказать, что в общем-то Ваше расписание лучше моего». И все — я у него стал составлять расписание. Так что административная деятельность у меня с первого дня была.

— В университет ушли и в школу больше не возвращались?

— Ну почему? Я уже работал в университете, когда в одиннадцатой школе полгода работал. Уйдя в университет, понимал, что я очень много теряю. Правда, я пахал. Брал подготовительные курсы, брал заочную школу — деньги я домой приносил. Но, по-моему, я потерял. А одно время в Олхе¹ я преподавал целый год, ездил туда. Потому что я люблю работать и зарабатывать деньги.

— А преподавать? Преподавательская жилка тоже с детства была?

— В какой-то мере. Но я не могу себя считать прекрасным преподавателем, можно было бы лучше, наверное.

¹ Деревня недалеко от Иркутска.

— А вот в школе еще много того, что называли «воспитательный момент». К этому была склонность?

— Была, была.

В культурных моделях и социальных практиках, которые помогают Гарри Цуккеру и его родным, легко узнается наследие диаспорального существования предков и собственного детства в еврейском мире Северной Буковины: оптимизм, «умение разговаривать», т.е. держать себя достойно в контакте с теми, кто обладает властью, практический идеализм — стремление сделать лучше «здесь и теперь» (это придает и ту жизненную энергию, которая позволяет быть «генератором идей»). За рамками интервью остался тот момент, когда Гарри Кагосович Цуккер вступил в партию. Мотивы решения стать коммунистом можно пытаться реконструировать на основе всего жизненного повествования, не претендуя на полноту такой реконструкции. Само предложение вступить в партию в период после XX съезда КПСС воспринималось, как свидетельствуют другие интервью, а также опубликованные (в том числе и в советское время) мемуары, как официальное признание социальной полноценности человека, который еще недавно был пораженным в правах. А для человека, живущего в состоянии «социального активизма», пытающегося максимально рационализировать деятельность того коллектива, в котором работает, вступление в партийную организацию — это еще и возможность оказывать больше воздействия на производственные дела. Вопрос о том, насколько подобные надежды иллюзорны, существовал и для тех, для кого они были мотивацией социальной активности. Но для них — тех советских людей, активность которых была бескорыстной, этот вопрос был идеологическим. А для сегодняшнего анализа «советской цивилизации» это предмет социально-исторического исследования. Интервью — недостаточный источник для такого исследования, и последнее не является предметом данной публикации. Для жизненного повествования Гарри Цуккера существенно другое следствие «принятия в партию». Вступив в правящую и единственную партию, человек оказывался не только в ситуации расширения профессиональных и социальных возможностей, но и в зоне особой ответственности: партийное наказание могло сбросить вниз по социальной лестнице, а изгнание из партии — привести к запрету на профессию и (или) другим формам социального исключения.

Не исключенный

В шестьдесят четвертом году меня взяли в университет, и пока меня не выгнали, я там работал... Ну, практически выгнали. Я ушел сам, подошла пенсия к тому времени. Потом три года на почте. Тут, в синагоге, — с восемьдесят девятого года, пять лет уже.

За что выгнали? Из партии исключали. Исключали из партии по прихоти, я считаю, секретаря парткома. Меня никто не убедит, что это было не так. Я не хочу сказать, что он основную роль играл, но ведь все зависит от того, как доложить дело... Многое от этого зависит. Вот одновременно со мной, ты помнишь, В. такой был? Так он чуть не на взятках попался. А может быть, попался. И когда было предложение: «Давайте рассмотрим его партийную принадлежность», партийная организация сказала: «Пока у нас не будет официального мнения правоохранительного органа, мы вопрос этот рассматривать не будем». И все. Пока его не су-

дили, они так вопрос о партийной принадлежности и не поставили. Можно было так вопрос ставить? Можно было, но секретарь парткома не хотел. Я почти уверен, что он — антисемит. Я когда после всех событий стал опять с ним здороваться, разговаривать, он говорил мне: «Я не забуду, никогда не забуду встречу у рынка, когда Вы руку мне не подали». А я говорю: «Я никогда не забуду... тот год, когда меня восстанавливали».

Там же у меня была интересная штука. Когда я рассказывал об этом сестре, я ей честно сказал, что объективно, пожалуй, они не так уж и не правы. Я не знаю, если бы речь шла о моем лучшем друге, вот при такой подаче, я не знаю, я голосовал бы против или нет, я не уверен. Но я никак не могу пройти мимо отдельных, может быть, не очень существенных моментов. Я же там все рассказал, когда восстанавливали в партии. Я говорил на райкоме тогда: «Да, исключили из партии, и я честно говорю, что осознал свои ошибки», но потребовал объяснить, почему так вели себя эти... Не могу забыть: ректор, когда рассматривался мой вопрос на первичной партийной организации, предложил мое исключение, а в ходе собрания свое предложение снял, за него даже не голосовали. И в тот же день вечером на парткоме голосовал за исключение, никак не объясняя свою метаморфозу, и никто в парткоме не спросил с него за такой непартийный подход к своему мнению по партийному решению. Я никак не могу забыть, что секретарь парткома потребовал от меня объяснения по поводу случившегося на второй день после смерти моей матери и через пять минут, через две минуты, через минуту после того, как узнал от меня о постигшем меня горе. Да, я попросил его: «Дай мне мать похоронить!» Он с трудом согласился. А он сказал именно так:

— Ну как дела, как живешь?

Ну что я ему мог сказать?

— Мать умерла.

Но все равно:

— Напиши мне объяснение.

— Я этого не могу...

Он промолчал... Я написал ему.

О человеке судят не по тому, что он думает, а по тому, что он делает. Откуда я могу знать, что он там имел в виду...

Исключили за то, что дипломы украли, дипломы украли... Ректор из меня с удовольствием сделал козла отпущения. Я потом пришел на партийное собрание с намерением высказаться, сказать. А председатель — тоже известный типчик — сделал так, чтобы я отказался от выступления: «Ну, дадим Вам три минуты там». А ректор, когда меня восстанавливали, встречает, тянет руку: «Я очень рад». — «А я — нет». — «Но почему? Хотите поговорить — заходите, поговорим». — «Если Вы хотите поговорить...»

Партсобрание меня не исключило. Партком исключил. Райком подтвердил. А горком уже... Апелляцию я подал в горком.

Я после этого был два раза секретарем партийной организации. Сначала на почте, а потом в сельхозинституте. При мне партия кончилась, приказала долго жить.

— Вы к этому моменту еще были секретарем?

— Не еще, а уже!

Существенное отличие Гарри Цуккера от многих других советских идеалистов — это культура лояльности. И оно также может быть объяснено особенностями биографии, а именно тем, что в советской жизни он оказался уже подростком и не воспринимал советский строй как единственно разумный и возможный. Лояльный человек принимает существующие правила игры, он просто выполняет те жизненные задачи, за которые чувствует ответственность, отвергая при этом карьеризм, замешанный на лицемерии. Лояльный остается самостоятельно думающим человеком, оставляет за собой суверенное право на собственные мысли и внутреннюю жизнь. И он реализует это право, например, как Гарри Кагосович в своих иронических высказываниях об «идеологии и политике партии» или в трезвых оценках людей, персонифицировавших советскую и партийную власть. На лояльных держится любая система — фанатизм недолговечен, а для карьериста система — не более чем средство, от которого легко отказаться. Но когда лояльные отказывают в поддержке — система обречена. Проект, который призвана была реализовывать советская система, был проектом историческим. Распад советской идентичности — преодоление людьми власти идеологии, т.е. приоритета исторических смыслов. Этот распад произошел еще до того, как «умерла партия» и разрушилась советская экономика. Он лавинообразно происходил в 1970–1980-х гг. Для тех, кто жил в Советском Союзе, это означало окончание крушения власти Истории над повседневностью и индивидуальными судьбами, или, пользуясь словами Михаила Гелфтера, «исчерпание истории». В социальной истории страны начался период, когда кризис идентичности вскрылся, заполнил пространство публичной речи и обернулся приговором: «Так жить нельзя». Для Гарри Кагосовича Цуккера этот финал масштабного исторического проекта оказался, скорее, внешним испытанием, чем внутренним кризисом. Новые заботы и задачи, которые он определил для себя и которые были, действительно, так многочисленны, что не оставляли времени описать свою жизнь, полную приключений, не были неожиданны. Он не «перестраивался». Еврейская идентичность была одним из основных ресурсов его жизни. Когда разрушались остальные, этот ресурс стал смыслообразующим. К осени 1994 г., когда случилось публикуемое биографическое интервью, он уже пять лет был лидером еврейской общины Иркутска, преподавал иврит, причем не только в областном городе. Почти семидесятилетний человек еженедельно отправлялся на ночных электричках в райцентры Слюдянка и Черемхово, расположенные в трех-четыре часа езды от Иркутска.

После Истории

— А следы Ваших родственников? Кто и где сейчас?

— Не следы. Я много что знаю. Значит, самый старший из маминых братьев, он еще до войны уехал в Израиль. Мендель. Там он не закрепился, уехал в Америку, в Бразилию, но все-таки потом вернулся в Израиль, и семья у него осталась в Черновцах, семья была там. Младшая его дочь в сорок первом году, еще до начала войны, умерла от скарлатины в госпитале, а его жене со старшим сыном каким-то образом — точно не знаю, как — после войны удалось вырваться.

— Из Союза?

— Из Союза или нет, я не знаю точно. Был еще один брат, который еще старше, по-моему, или чуть младше Менделя — точно не знаю. Это отец как раз моего двоюродного, который сейчас в Израиле, но он покончил жизнь самоубийством в двадцать седьмом году. Это был... Лев или что-то вроде этого... Брат — Львович, понимаешь. Это переделанный Лев, а так я не помню точно, как его звали, но получается — Лев. Мы были очень дружны с ними, особенно моя покойная мать... Наверное, именно потому, что родители ее и его были против этой женитьбы и всячески притесняли их потом. Знаешь, действительно, в капиталистических взаимоотношениях — там эти денежные и прочие — мне бы плевать было: не дают родители и... ну, пошел сам и заработал. Мы как-то к этому, понимаешь, проще относимся теперь. Вот...

Я только спустя много лет узнал, что он покончил жизнь самоубийством, не знал ничего, думал: умер да и умер. Мне было шесть недель, когда он умер. Вот. Короче, мы были очень дружны, и я его не считаю, не считал даже двоюродным братом — почти брат. Каждую субботу он бывал у нас, и мы часто бывали там — это было... Мы были очень дружны.

Он остался один: мать у него в сорок втором году умерла от рака — она из чисто экономических соображений вышла замуж еще раз и умерла. Долго хранила память отца, но они очень скромно жили, мягко выражаясь.

Дальше Хасли — его семья была в концлагере, вся семья оттуда, в общем-то, практически все как будто бы спаслись, бежали.

— В румынском концлагере?

— Ну, кто его знает, румынский или немецкий? А потом по настоянию жены они вернулись за вещами — какие-то вещи забыли — и там все попали. И только он один спасся, уехал в Италию и там он умер.

Дальше... Еще один брат учился во Франции, был инженером, потом он жил в Бухаресте в Румынии, потом он оттуда переехал в Израиль и там относительно... относительно недавно умер.

Еще один мамин брат учился в Италии, был врачом. Савель. Он был врачом, кончил университет в Болонье в Италии, вернулся, практику он себе создать не смог, экономически было сложно. Он тоже покончил жизнь самоубийством. В тридцать девятом году, еще до прихода советской власти.

— А из двоюродных братьев Вы знаете в основном Львовича?

— Нет, я знаю всех двоюродных, просто не все выжили, многие погибли. Остались только... У Менделя остался сын и вот Цвий. Цвий Львович Явец. Теперь он взял фамилию матери — Явец.

— Вас так раскидало в географии, а Вы знаете о них потрясающе много, что с ними происходило... Как у Вас вообще возобновились контакты?

— Я даже толком не знаю. После окончания войны... даже в сорок четвертом году мама где-то кому-то — наверное, в Черновцы — писала, и постепенно стали сюда доходить письма, даже из-за границы, потом где-то что-то мы узнавали. Этот двоюродный брат, он тоже в сорок втором году спасся из Румынии из-под... из-под всякого. Он тоже, по существу, был вместе с этой семьей выслан в Транснистрию — за Днестром

были лагеря... И если бы мы остались там, он, конечно, был бы у нас. А так его долго... Он остался один и чуть ли не валялся в подвалах. Кто-то из знакомых пришел и братьям, дядьям моим выговорил: как вам не стыдно, как вам не стыдно, один валяется... В общем, они его пригрели, и через несколько недель их всех выслали и его тоже. Но к ним он душой не прикипел — от нас бы он не убежал, наверное. Он душой к ним не прикипел. Он говорил: «Дядя, я сбегу, наверное». — «Ну, дай тебе Бог». Он взял рюкзак, убежал, за ним стреляли, но не попали. Потом оказалось, что он рюкзак чужой, с чужими вещами взял, вещами тети. Потом сколотилась маленькая компания, все, что было возможно, продали, купили пароходик, оделись в тирольские одежды, распевали немецкие песни и по Дунаю плыли, попали в Турцию, в лагерь для перемещенных лиц.

...Там их долго держали. Однажды какой-то британский офицер приехал посмотреть этот лагерь — Турция же нейтральная страна была — и он ехал на машине и пел на иврите песню. «Я, — говорит, — погнался за машиной, я побежал за машиной, чуть, — говорит, — не скорее машины». Поговорил с ним, и он меня потом вытащил. Приехал в Израиль, начал с того, что даже туалеты чистил, но университет кончил. Он увлекался историей с самого начала. Он говорил, что больше его ничего не интересует.

— А в Израиле тогда история была престижной специальностью?

— Не знаю... Я считаю, что престижных профессий вообще нет. Я считаю, что есть престижные люди — не профессии. Он был одним из самых активных учредителей Тель-Авивского университета.

— Отсюда Вы так и не поехали, не стали переезжать?

— Куда? Это опять все снова начинать, тут уже что-то было... В Черновцах мне нечего делать. Нет, это было бы... уезжать лишь бы уезжать. Вот туда бы я уехал... В Израиль. Я бы уехал, но дети не готовы, я бы уехал. Это все равно, что... Я отношусь свято к евреям, которые уезжают в Израиль... Но чтобы потом выехать в Канаду, в Германию — нет, так ни к чему. Ехать по зову души — я понимаю. А ехать лишь бы ехать — нет. Не понимаю.

В конце 1990-х гг. Гарри Кагосович Цуккер, подготовив учеников, которые смогли самостоятельно преподавать иврит, и ответственно подобрал себе замену в общине, уехал в Израиль.

Вместо заключения

Я могу только еще следующее сказать. Когда я был маленький... Я родился в двадцать шестом году, как я уже сказал, — это было всего восемь лет после окончания Первой мировой войны, поэтому у старшего поколения военные приключения были еще свежие в памяти. Когда я слушал рассказы о военных приключениях, каких-то военных событиях — приключения действительно были интересные, чрезвычайно интересные, — и я восьмилетним-десятилетним мальчишкой всегда завидовал, какая была богатая жизнь, сколько приключений, а у меня ничего нет...

Но вот, пожалуй, самое интересное из того, что мать мне рассказывала... Они жили не в самих Черновцах, а в предместье Черновцов, по ту

сторону Прута. Дедушка имел там маленькую лавочку, и это местечко называется Жучка. Это местечко неоднократно переходило в руки от австрийцев к русским, и наоборот.

И однажды, когда Жучка была в руках русских, однажды два казака зашли и забрали деда. По дороге один из них говорит: «Ну, давай, хлопнем его, что мы будем с ним таскаться?», второй говорит: «Нет, мы его сдадим и получим за него награду...» И действительно — пришли в штаб, и он докладывает, что, мол, были у еврея в одной лавочке, и он по телефону всю нашу диспозицию передает австрийцам. Один военный, как рассказывала мать, врач, случайно услышал этот доклад, присмотрелся и говорит: «Что ты врешь? Я лично вчера был у этого еврея, я забирал у них продукты для армии и сам лично уничтожил аппарат в соответствии с приказом командования, и он не мог ничего передавать». И это действительно, так оно и было. Просто такое везение. Тогда начальник штаба говорит: «Ну, хорошо, идите, дедушка, домой». Он говорит: «Нет, я не пойду, дайте провожатого». Дали провожатого и привели домой. Вот таким приключениям я страшно завидовал. Теперь у меня их достаточно, можно тома писать.

Л.М. Салахова, Т.И. Ромадита

ИСТОРИЯ ДЕПОРТАЦИИ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ И ИЗВНЕ

Предлагая вниманию читателей данное интервью¹, мы полагаем, что это — верный путь обойти проблему субъективности источников устной истории. Развернутые многочасовые интервью как основной способ сбора информации по новейшей истории Байкальской Сибири представляют большой интерес, так как позволяют увидеть, к примеру, историю депортации и жизни переселенцев в Приангарье сразу в двух ракурсах — извне и изнутри.

Оговоримся: эта грань очень размыта. К примеру, жительница ангарского села, рассказывая о том, как вживались в местное сообщество выселенцы, демонстрирует взгляд изнутри. В то же время ее рассказ о самой депортации является взглядом извне. Присутствие в источнике материала такой неоднозначности в оценках происшедшего в те годы во многих деревеньках Приангарья придает ему большую объемность, а значит — расширяет возможности для интерпретации. Обращение к интервью как методу собирания историй жизни превращает устную историю «в один из институтов трансформации коммуникативной памяти в культурную»².

¹ Подготовка к публикации и комментарии: Л.М. Салахова, Т.И. Ромадита; транскрибирование: А. Яковлева. В интервью максимально сохранены особенности разговорной речи.

² Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 48.

В нашем случае это история одной семьи, рассказанная мужем (спецпоселенцем) и женой (коренной ангаркой)¹. Они волею судеб были вовлечены в страшную по своей сути историю депортации и дальнейшего выживания, а точнее — вживания в новый социум тех, кого вырвали из одного сформировавшегося социокультурного пространства и поместили в другое, изначально незнакомое, отчасти враждебное, и потому чужое.

Поселок, в котором оказался на спецпоселении наш герой, — это небольшая деревня Кова, расположенная на левом берегу Ангары, выше устья реки Кова, территориально относящаяся к Кежемскому району Красноярского края. Деревня довольно известная. Еще в 1937 г. недалеко от поселения была открыта палеолитическая стоянка, которая является самой древней стоянкой между Уралом и Леной. Туристов Кова привлекала к себе таинственным «Чертовым кладбищем» (аномальной зоной), на поиски которого приезжали группы энтузиастов со всего Советского Союза. Путешествовавшие по реке описывали деревню как место, населенное в основном бывшими «зеками». Но для тех, кто родился и вырос в этих местах, Кова — это прежде всего история ссылки. В 1930-е гг. сюда сослали «кулаков», а в 1940-е — украинских и прибалтийских «националистов». Сегодня в Кове никто не живет... Финальной точкой в ее истории стал 2012-й год: деревня попала в зону затопления Богучанской ГЭС.

Сложилось мнение, что люди, пережившие депортацию, спецпоселение и принудительную работу, в большинстве своем стали физическими и душевными инвалидами. Они окончательно потеряли веру в добро и справедливость, законность и право. «Существование в чуждом цивилизационном, этническом и конфессиональном окружении оказало серьезное негативное влияние на образ жизни депортированных, их образовательный и культурный уровень...»² Так ли это? Прислушаемся к источнику, к голосам непосредственных участников событий.

Очевидно, что история даже одной конкретной семьи позволяет выявить и проследить некие общие места в процессе обретения социокультурной идентичности людьми, помещенными в условия, выбранные не ими, а государством, но постепенно осваиваемые ими как «свои». Через что? Благодаря чему? Вопреки чему?

История, воссоздаваемая в воспоминаниях наших главных героев, свидетельствует о том, что в этом процессе главным ресурсом становится семья, созданная в соответствии с традициями как местного социума, так и той среды, из которой был насильственно выхвачен интервьюер (ведь и там, и здесь — деревенский мир). Приведем факт: через несколько лет после смерти матери респондента его отец уезжает на Родину (1958 г.), сделав выбор — этот мир чужд. Сын, напротив, создает семью, и в дальнейшем жена и дети выступают в роли «проводника», «координатора» в новой системе ценностей, идеалов, норм, жизненных практик. Более того, семья со временем выступает хранительницей памяти о прошлом (в том

¹ Информанты: Гагилас Альгердас Казимирас Прано, 1936 г.р., Литва, Клупенай; Гагилас Наталья Ивановна, 1937 г.р., Красноярский край, Кежемский р-н, д. Костино. Место записи интервью: с. Недокура Кежемского района Красноярского края.

² Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Мемориал. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter20.htm>

числе — и о депортации), в каком-то смысле «приватизируя» его. Заметим, во время интервью жена помогает выстроить последовательность событий, целостность образов, акцентировать внимание на наиболее значимых событиях, которых непосредственно она не пережила.

Не менее продуктивным способом вrastания в иной социум, на наш взгляд, стало овладение респондентом в самом начале «врастания» в сибирский социум русским языком и местным диалектом, что, как свидетельствует сам респондент, давалось нелегко. Облегчило решение задачи общение со сверстниками. В итоге Альгердас Казимирас Гагилас получил возможность услышать то, насколько сибиряки готовы его включить в круг «своих». В этой связи примечателен факт: будучи подростком, он ходит на охоту, имеет ружье (что запрещено в силу ущемления в правах), но никто из местных не выдает его властям. Из материалов интервью следует, что он весьма быстро обрел авторитет как человек, способный осваивать новое (особенно в производстве). О степени его признания говорит ряд фактов: он — народный заседатель, член товарищеского суда и др.

Если проанализировать фрагмент прошлого, запечатленный в памяти нашего героя («малое в большом») с этих позиций, становится очевидным: он, желая и не желая того, сообщает нам, что вся его жизнь *такая же, как у местных жителей*, многие из которых также не избежали страданий вследствие насильственного вторжения власти в их жизнь. Удивительно, что в воспоминаниях о прошлом автор не актуализирует свою этническую принадлежность (т.е. инаковость), эта тема звучит лишь между строк, хотя, согласно даже житейской логике, именно она в условиях, когда усиливается напряжение внутри дихотомичного по своей сути пространства («выселенцы — ангарчане» в конце 1940-х — начале 1950-х гг.), позволяет личности оставаться в состоянии самодостаточности долгое время.

Можно предположить, что именно наличие у некоторого числа членов социума опыта переживания этой травмы (быть изгнанным, лишенным) и цементирует целостность этого социума, пусть неоднородного внутри, но противопоставляющего себя власти как инициатору состояния внутреннего надлома и отторжения... И это противопоставление рождается естественно. Главный эксперт здесь — обычные люди, местное сообщество. Не следует исключать и того обстоятельства, что сибиряки как целостное и уникальное сообщество всегда были полиэтничной, поликультурной средой, в которой оппозиция «свои — чужие» утрачивала категоричность звучания.

Интервьюер: Мы представляем исследовательскую команду из Братского государственного университета. Наша лаборатория собирает устные воспоминания жителей ангарских деревень, которые попали в зоны затопления водохранилищами на реке Ангаре. Многих поселений уже нет, но живы еще люди, которые могут рассказать нам истории своих жизней, об этих поселениях. Нам посоветовали обратиться к Вам.

Наталья Ивановна: Дак, мы с Ковы, в старую Недокуру-то потом уж попали.

Интервьюер: Река Кова, а деревня располагалась вверх по Кове?

Альгердас Казимирас: Да, отсюда на правом берегу.

Наталья Ивановна: Да. Поднимаемся по Кове и направо наша деревня была... Там были деревни и налево, и направо.

И интервьюер: А от устья сколько примерно?

Альгердас Казимирас: Километров семьдесят. Костино — пятая деревня, по-моему, так. Семь деревень было, пока это... Сейчас ни одной нету. Все демократы...

Интервьюер: А ваша деревня большая была? Сколько там человек жило? Семей? Домов?

Наталья Ивановна: Ну сколько? Может... 150 человек жило, а то и больше.

Альгердас Казимирас: Две улицы всего было. Так в три ряда, а улицы две.

Интервьюер: А сама деревня — Вы знаете вообще историю ее возникновения? Как она, когда возникла? Кто построил?

Наталья Ивановна: Да тунгусы, наверное, построили.

Альгердас Казимирас: Она старинная деревня... Потом сделали колхоз. Был колхоз имени Калинина.

Наталья Ивановна: А дальше-то там уже... Там дальше Уяра-то, там были уже сосланные...

Альгердас Казимирас: Прокопьево... тоже были старожилы. А Уяр, когда на Ангаре раскулачивали... Да, там привезли, выбросили на берег в сосновый бор, и вот получился Уяр. Но поселенцы здесь и ангарцы, в Уяре были. Но были вот с Тайшета. Оттуда тут, с Иркутской области. Там вот Лимеров, он оттуда откуда-то... Да полно-то там было тайшетских-то... Раскулачивали.

Интервьюер: А за что раскулачивали?

Альгердас Казимирас: А поестъ нечего было! Но был кулак! Видимо, сопротивлялись сначала, чтоб в колхозы идти. Не хотели там. Но у людей же было там... Были кони, коровы там. И борона и плуг какой-то. Это ж все надо было сдавать в колхоз. А коль сопротивлялись, значит киркой их...

Интервьюер: Явно таких богатых не было?

Альгердас Казимирас: Дак здесь богатых вообще не было.

Наталья Ивановна (*показывает на мужа*): Вот их сослали... у них такая семья. С Литвы сослали сюда, на Ангару привезли. Но вот за что сослали? Они и сами не знают, за что сослали! Сослали и все.

Альгердас Казимирас: Меня же привезли сюда.

Интервьюер: Как Вас зовут полностью? Фамилия, имя, отчество?

Альгердас Казимирас: По-литовски? Гагилас Альгердас Казимирас Пранос.

Наталья Ивановна: Раньше же еще и церковное [имя] давали.

Альгердас Казимирас: Отец Пранос был. У нас же два имени было. Одно как простое было, а второе — святое. В то время были святые все.

Интервьюер: Пранос — это у Вас святое имя?

Альгердас Казимирас: Это как отчество.

Интервьюер: В каком году Вы родились?

Альгердас Казимирас: Я родился в 36-м, 1-го марта. Вот, семьдесят второй год уже пошел.

Интервьюер: А где Вы родились?

Альгердас Казимирас: Родился в Литве.

Интервьюер: В городе?

Альгердас Казимирас: Нет, в деревне. Ну как, хутора были.

Интервьюер: А название деревни?

Альгердас Казимирас: Деревня Кулупенай.

Интервьюер: Это далеко от столицы?

Альгердас Казимирас: От столицы? От литовской?

Интервьюер: Да.

Альгердас Казимирас: Ну, километров 250 от Вильнюса. Сейчас живет в Вильнюсе один брат. Прямо в Вильнюсе. Один и остался. Все вымерли уже. Было пять братовой нас. Вот младше меня еще на два года.

Интервьюер: Семья у Вас какая была?

Альгердас Казимирас: Нас было девять человек. Пять братовой и четыре сестры. Отец с матерью.

Интервьюер: А бабушка с дедушкой у вас не жили в семье?

Альгердас Казимирас: Я не помню даже. Я уже предпоследний. Я уже от старшего края восьмой. Я не помню ни бабушки, ни дедушки, что у нас не было.

Интервьюер: Как звали Ваших братьев и сестер?

Альгердас Казимирас: Имена?

Наталья Ивановна: Ты их помнишь?

Альгердас Казимирас: Помню, конечно.

Наталья Ивановна: С сестер начинай со старших.

Альгердас Казимирас: Сестра Евгения, Зося, Сверина и Анна. Значит, старший брат Евстинас, Пранас, Ёзас, вот я — Альгердас и младший был Адольф. Вот я сейчас ему написал.

Интервьюер: А, который в Вильнюсе еще живет.

Альгердас Казимирас: Ну, там три сестры живут у меня. Ну, не в Вильнюсе, там в городах же все же.

Интервьюер: А семья ваша жила в большом доме?

Альгердас Казимирас: Ну как, мы жили однолично. Насколько я помню, тогда там еще не было еще... колхозной [земли]. Ну, всего-то у нас было девять зданий, по-моему. Там изба-то, конечно, большая. Нас самих одиннадцать было. Как я помню, у нас уже не было рабочих. А так держали одного мужика и женщину держали, когда парни все были. Амбар там, скотный двор, всякие сараи. Ну, пять, вернее, девять зданий было всего. Тридцать три гектара земли было всей, общей. Там два лесочка было: и покос, и пахотная, и все тут.

Интервьюер: Вы в 36-м году родились. А когда вас начали выселять?

Альгердас Казимирас: Сослали сюда?

Интервьюер: Не сюда, а вообще сам процесс начался в каком году?

Альгердас Казимирас: В 48-м году сослали сюда всех. Эстонцев, литовцев. Там в Сибирь сосланные были. Все из промхоза были сосланные.

Интервьюер: А Ваше поселение... сразу всех выслали? Или может кого-то оставили?

Альгердас Казимирас: Где? Там? Неет, тоже выборным путем.

Жена: Вот у них четверо остались.

Альгердас Казимирас: Да, старших, которые женаты были у нас... Те уже остались. То есть семьями жили. А вот что с отцом, нас пятеро щенят было еще с матерью, тех сграбастали сюда.

Интервьюер: Это было какое время года?

Альгердас Казимирас: Это был... Где-то 5—6 мая 48-го года. Как раз перед праздником мая. После первого мая, вернее.

Интервьюер: А Вы помните, как это было?

Альгердас Казимирас: Помню-помню...

Интервьюер: Расскажите, пожалуйста.

Альгердас Казимирас: А пришли как... Пришли эти банды, полицаи... человек, наверное, десять с автоматами... Собирайтесь... Посадили всех за стол из пацанов. Вот вам тридцать минут на сборы. Можете взять две булки хлеба и, там, сала кусок. И на кони. Я сразу запряг лошадей... Сгрузили в телегу... А станция у нас рядом была... Увезли на станцию, погрузили [в] эшелон. Я не знаю, куда этот скот [делся], но все осталось. Коров у нас штук семь или восемь было, овец, две свиньи.

Наталья Ивановна: Хозяйство все осталось!

Альгердас Казимирас: Все осталось, и не знаю, куда делось...

Наталья Ивановна: А взяли все, что можно было взять в руки.

Альгердас Казимирас: С собой много не разрешали. И вот неделю, наверное, грузили... Возили со всех... откуда... Кругом возили. Охранялось. Набрали эшелон, погрузили, закрыли и поперли.

Интервьюер: А вам не сказали, куда повезут?

Альгердас Казимирас: Никто не знал, пока не привезли. На расстрели куда везут? Все ревом ревели! Это ж было страшно. И привезли в Красноярск. Нигде не отцепляли, но загоняли в тупики. Это долго, конечно, было. По-моему, до Красноярска, если не соврать, суток семнадцать везли. Ну, в каждом тупике... Видно, дороги-то закрыты были. Привезли в Красноярск, разгрузили и там где-то нас... я не знаю... бараки какие-то, черт их знает! И там нас еще с неделю продержали.

Интервьюер: Тоже под охраной?

Альгердас Казимирас: Да, да. А потом, вот, видно, пришли баржи, все ангарские, катера... Ну, видимо, заказаны были. И давай... как раз в то время японцы в 48-м еще были, полный Китай был этот... Красноярск. Японцы все шофера были уже, но довольны, видно, были. И опять машины грузили и возили [людей] к барже. Баржи загрузили и поперли по Ангаре вверх... Ну, кто куда. Как начали отгружать от устья Ангары, так распределяли, и вот до Кежмы. И мне, собственно говоря, Недокуры последними... Даже не Недокуры, а Кова. У устья [реки Ковы деревня] последней была. А у Кежмы там совхоз же был. Совхозам не давали вот этих переселенцев, только по леспромхозам.

Интервьюер: А вас в какую деревню переселили?

Альгердас Казимирас.: Нас вот в устье, в Кове выселили.

Интервьюер: Прямо возле устья?

Альгердас Казимирас: Да. В устье, там есть деревня Кова.

Наталья Ивановна: Но! Они, говорят, были там.

Альгердас Казимирас: Но сейчас нет там деревни уже. Там была. Леспромхоз в основном там летом...

Наталья Ивановна: Да есть там, наверное, дома два каких-то, может...

Альгердас Казимирас: Нет!

Интервьюер: И куда Вас поселили?

Альгердас Казимирас: Поселили... Была такая килажка така, метров двести, троса где хранили для сплава. Ни пола, никого, только крыша вот в этой. Жили с месяц, наверное, мы. Но которые уже взрослые были, тех сразу в леспромхоз забрали. У нас не было ни одного взрослого из пяти пацанов. Отец уж с матерью старики были. Ну, вот я был такой, ну, в третьем классе учился в Литве.

Интервьюер: Тринадцать лет, получается, было? Судя по Вашим рассказам.

Альгердас Казимирас: Ну, да. Двенадцатый год мне. Двенадцать даже. И вот как-то нас там, шесть семей, отдали вот в колхоз. Как там, кто? Райком ли решал вопрос... Я не знаю, кто это распределял. Но, видишь ли, в леспромхозе-то делать нечего нам, пацанам. А в колхозе-то могли и сено, и копны возить, и картошку копать, и капусту садить. И нас погрузили в лодку и потащили бечевой в Уяр. Три семьи там литовцев нас попало, и три семьи немцев.

Интервьюер: Не помните ли всех по фамилии?

Альгердас Казимирас: По фамилии? Помню!

Интервьюер: Расскажите.

Наталья Ивановна: Мешкес.

Альгердас Казимирас: С чего Мешкес-то?..

Наталья Ивановна: Нет?

Альгердас Казимирас: Рушкис, Гагилас и Кусас. Ну, у Рушкис, правда, семья, однако, девять человек было тоже. А у Кусаса... ну, они с женой и... две девчонки были маленькие. И три семьи немцев. Они откуда — я не знаю. То ль с Поволжья эти немцы... Я не знаю... Вот были, значит... Пертулайтис — старик со старухой, сын у них был Ванька. Сейчас он, по-моему, где-то в Красноярском крае работает. Потом Куршис... Тоже один парень у них был всего... старики. И... Матутис. Матутис — немцы. Тоже у них один парень был всего.

Интервьюер: И вот шесть семей вас отвезли?

Альгердас Казимирас: Да. И мы в общем с 48-го прожили в этом Уяре, в колхозе-деревне, до 51-го года.

Интервьюер: Три года?

Альгердас Казимирас: Да. В 51-м году, тогда те времена были... В леспромхоз на зиму давали, на заготовку с колхозных людей брали. И лошадей брали лес возить, это ж на кони всё трелевали. Не было техники — только пилы. Вот это вот только, и все. И вот, брат старший, он с 32-го года, но он уже подросток. Ему было уже... сколько? С 32-го... шестнадцать... ну, восемнадцать—девятнадцать лет уж было, наверное... И отправили его на заготовки. Там леспромхоз был рядом, тринадцать километров. Отправили туда. Он так и не вернулся... Сколько классов — шесть было кончено! Видимо, да. И он попал сразу как помощник мастера, не заготовки, а... Ну, там, лес принимать в лесу. Ну, он этому мастеру понравился, он говорит: «Давай, переезжай к нам жить». Дак он говорит: «У

меня сестра, семья». А он: «Перевезем все. Добьюсь там, с мастерами». И так он нас схапал. Погрузили опять на кони и привезли туда.

Интервьюер: С 51-го года там?

Альгердас Казимирас: Да. И с 51-го года и я пошел в леспромхоз. И отбúхал сорок один год только в леспромхозе да в этом колхозе три года, считай! Копна отвозил, отпахал, отборонил на конях.

Интервьюер: А Вы помните, как война была Вторая мировая?

Альгердас Казимирас: Помню.

Интервьюер: Были ли действия военные на Вашей территории?

Альгердас Казимирас: Конечно.

Интервьюер: Участвовал ли Ваш отец в войне, прадед?

Альгердас Казимирас: Отец участвовал дважды, но только в той войне еще. Он в эту войну старый был. А остальные... никто из молодежи не попали. А война прямо туда шла, когда немцы наступали до Москвы. И оттуда шли потом, от Москвы. Все через нас шло! Все это! Бомбили и... Было у нас свое бомбоубежище вырытое и рельсами железными заделанное. И ночевали мы все время там... в бункере.

Интервьюер: А с едой как? Голодали во время войны, было такое?

Альгердас Казимирас: Не, там чтоб голодовать, так совсем не голодовали. Не голодовали. Но все при норме, но не голодовали. Роскоши не было.

Интервьюер: А советские войска когда пришли? Как освободили? Может, они грабили, у Вас было такое?

Альгердас Казимирас: Грабили и те и другие. Да. И те и другие. Ну, конечно, советские войска хуже грабили. Немцы-то были чистоплотные, но тоже что попало под руки — все тащили тоже! Есть надо же солдатам. Наступали, отступали. Ну а потом, когда уж немцев погнали через Литву, там уж и Кенигсберг, туда. Но там вообще зверствовали. И русские, и все. Там банды потом были, натуральные банды! Из военных. Они уже не подчинялись никому. Они грабили все мирное население, и все пёрли. С пулеметами на конях. На телеге пулемет стоит военный, все там. Банда собирается и... пошли шерстить. Так... У нас никто не погиб! Из нашей семьи никто не погиб. Ни от тех, ни от других... Все нормально... Но вот здесь-то мы хватили, конечно... Здесь-то мы хватили...

Интервьюер: Голод страшный был, да?

Альгердас Казимирас: Привезли нас в мае. Это в Кову уже привезли нас в июле. В начале. Уже огороды отсажены были... Ни картошка не посажена, никого. Семь человек семья. Мать вообще не работала. Пять пацанов: надо обшивать, починять! А отец там кое-кого делал. Вот на что жить? На трудодень заработал сорок... Ой, четыреста грамм отрубей давали! На один трудодень! А что пацан не заработает на один день, то полтрудодня начислят! Вот этих... Пойдет мать, получит... Пятнадцать, за месяц, килограмм отрубей этих. Заварит кастрюлю такую, замутит, там, двести грамм. По кружке выпили, и все, и до вечера. Вечером такая же опять ерунда. Хлеба я два года вообще не знал, что такое хлеб... Но потом я, уже в 50-м году... Я учился уже. Еще в школе меня заставили учиться-таки. Вся семья заставили... Сколько они собирали, там, деньги давали им! Я учился.

Интервьюер: До какого класса?

Альгердас Казмирас: Да вот... Три там кончил, в Литве этой кончил и в четвертый поступил здесь. А какой из меня четвертый? Но я быстро, конечно, учился разговаривать. А приехал — я не знал вообще ни одного слова.

Интервьюер: У Вас в семье вообще никто не говорил по-русски?

Альгердас Казмирас: Отец балякал, он был... был на войне... Сейчас, как помню, нас в Уяр привезли... Пришла такая одинокая женщина. А, Рая Турова. Зашла... Ну, отец побалаякал с ней. Ну, вот они балякали-балякали, потом идет: «До свиданья, ходите к нам». Но вот, «до свиданья» я уже знал, что такое, а вот что «ходите» — тоже понял, что «идти». А вот «к нам» — что за слово? Никак! Я вот... неделю бился, пока я узнал, что это слово «к нам». Но вот потом, я с пацанами, я быстро... Ну, я первые года-то не учился, но вот только в 50-м пошел. Заставили — а не пошел, кого я!.. Ну, там, примерно, по-русски я какие диктанты писать мог сразу в четвертом классе? Но арифметика, все это, конечно! У меня сейчас она... все нормально!

Интервьюер: А Ваши братья старшие, они школу закончили?

Альгердас Казмирас: Тут, в Сибири, ни один не кончил. Я только! А, и Адольф младше меня учился.

Интервьюер: А когда получше уже стало жить? Ну, то есть не так сильно голодали, работали. А вы праздники праздновали? Отмечали? Церковные, может, или литовские ваши, национальные?

Альгердас Казмирас: И церковные, никто никакие... При советской власти-то какие церковные праздновали? Не давали же праздновать! Советские не давали, не то что...

Наталья Ивановна: Некогда было, ребята!

Альгердас Казмирас: Некогда все было! Все надо: планы и планы! Все справляли, вот Новый год один день дадут, на 1-е мая один день дадут и...

Интервьюер: 7-е ноября...

Альгердас Казмирас: И 7-го ноября один день. Остальное ничего.

Наталья Ивановна: А он ударник был!

Альгердас Казмирас: Вот все вперед и вперед, вперед и вперед, вперед! Выходной подошел: «На работу, ребята! — Чего? — Не хватат, вот, тут до плана маленько!» Но платили, правда, в двойном тогда, если выходной. Поехал работать, сразу в двойном и давали деньги сразу же! И отчитывались. Это сейчас нету работы, тогда было все! И вот, такие пацаны на сплаве все работали. И старухи! И всем-всем хватало! А сейчас нет!

Интервьюер: А скажите, мама была верующая?

Наталья Ивановна: Все были верующие.

Альгердас Казмирас: Все были... Не так верующие, конечно, но...

Интервьюер: А какая у Вас была вера?

Альгердас Казмирас: Католики, католическая.

Интервьюер: Молитвы читали?

Альгердас Казмирас: Ну, старики читали.

Интервьюер: За столом, даже здесь, да?

Альгердас Казмирас: Здесь. Везде! Было у меня уже. Там, в Сизовой, мать похоронена... Там, в Сизовой. А отец, правда, уехал. В Литве похо-

роненный. Потом, в 58-м году реабилитировали всех, отпустили. Я сейчас получаю за реабилитацию, еще сколь там платят рублей.

Наталья Ивановна: Девяносто рублей.

Альгердас Казимирас: Что незаконно был сосланный. И вот всего-навсего, что мне досталось!

Наталья Ивановна: И в армию пошел! Отслужил!

Альгердас Казимирас: В армии три с половиной года отслужил.

Интервьюер: В 58-м году Вас оправдали, да?

Наталья Ивановна: Да. В 58-м году реабилитировали и забрали. И служил три с лишним года в Чукотке.

Интервьюер: Ого. А там где? Почему три с половиной?

Альгердас Казимирас: Так получилось. Я демобилизован в 61-м году. А призывался в 58-м. Призвали здесь в июне месяце, а демобилизовали в августе, в 61 году. Тут был кризис в Карибском море. Там с Кубой-то был конфликт. Как раз я служил. Вот, прекращение было демобилизации. Осенью только нас отпустили. Пока там они разбирались.

Интервьюер: А, наготове держали? Все войска?

Альгердас Казимирас: Да. Я в танковых войсках служил.

Интервьюер: Потом приехали сюда?

Альгердас Казимирас: Ну да! Не, я в армию поехал — уже был пацан.

Интервьюер: А когда у Вас была свадьба?

Наталья Ивановна: А свадьбы-то у нас не было. Была... сейчас скажу... Была у нас в 55-м.

Альгердас Казимирас: Расписались после армии. В те времена какие свадьбы были?!

Наталья Ивановна: Это сковородка картошки и бутылка водки!

Альгердас Казимирас: Вот и сыграли свадьбу! *(смеется)*

Наталья Ивановна: И все! *(смеется)* Вот и вся свадьба! Вот только справили золотую, прошлый год!

Интервьюер: Вы так хорошо рассказали о своих братьях, а не сказали как отца с матерью звали.

Альгердас Казимирас: Ну, как не сказал. Ну, Пранос — отец. Гагилас Пранос, я говорил его отчество. А мать Анна.

Наталья Ивановна: Гагелене. Мать — Гагелене. Здесь-то у нас не меняют, как есть, так и есть.

Интервьюер: А у вас фотографий не осталось случайно?

Наталья Ивановна: Есть где-то, но где их найти, не знаю. Есть где-то.

Интервьюер: А отец Ваш в каком году родился?

Альгердас Казимирас: Ооо, вот этого уже я...

Интервьюер: Ну, хоть примерно?

Альгердас Казимирас: Ну, примерно... тысяча восемьсот... восемьдесят каком-то году, наверное.

Интервьюер: А мать?

Альгердас Казимирас: И мать тут где-то вот, на год разница. Где-то есть у меня документы, приходили, о реабилитации справки высылали.

Наталья Ивановна: Вот мать еще молода, конечно, но не то что молода, но молода умерла здесь.

Альгердас Казимирас: Пятьдесят три года было.

Наталья Ивановна: Но потому что...

Альгердас Казимирас: Пятьдесят три года и в 53-м году.

Наталья Ивановна: Потому что семья большая! Сама не доедала, все им давала! И потом воспаление легких — и умерла рано она. А отец, конечно, пожил!.. Уехал еще в Литву, и там пожил.

Интервьюер: А в Литву в каком году уехал?

Альгердас Казимирас: Ну, в 58-м, как реабилитировали, распустили. Тут от комендатуры же были все... Каждый месяц приезжал комендант... Ну, у каждой деревни он был, комендант. Приезжал, расписывались. Уехать-то никуда не мог! Ну, по деревням-то здесь мог путаться... А чтоб в Красноярск куда уехать, не мог. Паспортов же не было, ничего не было. А... это ж было...

Интервьюер: То есть была комендатура с самого начала и по 58-й?

Альгердас Казимирас: Да-да-да-да! Сразу, как в Красноярск уже везли... Под охраной! Разгрузили — уже охрана! И все... И вот так...

Интервьюер: А были случаи, когда наказывали? Ну, допустим, на охоту человек ушел или куда-то... И вот в этот момент не было человека.

Наталья Ивановна: Нет, нет!

Интервьюер: То есть все знали, что в определенный момент [проверка] приезжает?

Наталья Ивановна: Да!

Интервьюер: И ты должен быть?

Наталья Ивановна: Нет, нет!

Альгердас Казимирас: Не, ну сами местные жители жили хорошо. Отлично, хорошо, я не знаю... Никаких обид не было тут. Я вот уже, я не знаю, я в двенадцать лет уже всю ружье таскал! У меня ружье было, я ползал там! Где ворону сшибешь — сварись, где кого! (смеется) Ну знали, знали... Но комендант, конечно, не знал! Если б узнал комендант... Но никто не закладывал! Ну, с местными ребятами ходил, так, охотился. Где волчонку, где ондатру убьешь, где кого!

Наталья Ивановна: Жить-то надо было!

Интервьюер: А ружье у Вас откуда появилось?

Альгердас Казимирас: Купил.

Интервьюер: Вы работали. Деньги доплачивать стали, да?

Наталья Ивановна: Да, конечно!

Альгердас Казимирас: Дак а ружье-то стоило...

Интервьюер: Это не было проблемой — купить ружье?

Альгердас Казимирас: Не было, даже нарезное, не было проблемой. А в то время в любой магазин заходи — оно стоило одиннадцать рублей! Тоска. А вот сегодня двустволка, но сегодня я не буду таскать двустволку. Сегодня... Рублей пятнадцать—четырнадцать он стоил. Атак я с рук, конечно, брал, сперва-то у местного населения, если какой еще продаст. Не, проблем в то время не было с оружием. Не запрещенное же было.

Интервьюер: Расскажите про Ваше хозяйство приусадебное. Когда сюда приехали, работать стали, вам взамен того, что там осталось, в Литве, выдали, допустим, корову или лошадей?

Наталья Ивановна: Неет...

Интервьюер: Было такое?

Альгердас Казимирас: Это царь давал, когда сослали на Муром с России. Царь давал хлеб на посевную и скота также и коня. А советская власть ничего не давала!

Интервьюер: Почему?

Альгердас Казимирас: Все забрали и все.

Интервьюер: На власть обижены были? Злость какая-то была, что всего лишили?

Альгердас Казимирас: Но я-то сейчас не обижен, конечно. У меня все уже прошло. Но у стариков... Похоронили, а они под землей еще ревели, мне кажется! Ну, представь, всю жизнь прожить и все отобрать! Заломить руки ни за что и увезти. Дак будет обижен или нет?

Интервьюер: Будет.

Альгердас Казимирас: Ооо!

Интервьюер: Я знаю, у меня прадеда сослали.

Альгердас Казимирас: Я... У меня прошло! Я с детства, с такого. Я уже семьдесят лет прожил, и все мне нормально! Тут вот выбора были. Кого?! А, президента же Путина второй раз, а не Ельцина второй раз выбирали. И вот у нас завбиблиотекой Лена такая тут есть: «Ну что, дядя Леня...» Меня Леонидом зовут, по-русски Леонидом зовут. Так-то Альгерд, никто не знат очень сильно. «Что, за кого голосовать-то будешь?» Я говорю: «За кого ж, как не за Зюганова?» — «Тебе мало, что сослали в Сибирь?» Я говорю: «Пусть шлют еще и в Магадан, но все равно, я за Зюганова буду голосовать». Потому что я сам был член партии.

Интервьюер: Как Вы отнеслись к смерти Сталина? В 53-м году умер, как было? В деревне или в колхозе вам объявили?

Наталья Ивановна: Лично я плакала.

Альгердас Казимирас: В леспромхозе работал. Ну, я даже не помню, как я отнесся. Но во всяком случае я не плакал и не радовался. Все равно, скорбь как-то была.

Интервьюер: А родители, может, что-нибудь говорили?

Наталья Ивановна: А в то время, вы знаете, ребята, в то время даже и не понимали — как, кто сослал, за что сослал. И кто сослал... Это сейчас-то вроде как-то уже понимают они. Вот они понимают — за то, что... Стали говорить! Это Берия. Что вот это все поделки, это все предательство это было! Уже стали понимать. А так они, вот, в те года, они еще не понимали, за что их сюда сослали. За что они такие муки приняли?!

Альгердас Казимирас: Я как-то быстро перенес. Я с пацанов как начал... В комсомол вступил, в армию потом, был членом районкомсомоловки и... вот бюро районкомсомоловки, членом партии был, товарищ-судьей (членом товарищеского суда. — *Л. С., Т. Р.*) был сколько лет. Народным заседателем, однако, семь лет. По выборам выбирали. Все так и шел поверху.

Интервьюер: А Вам не показалось странным, ведь Вас считали врагами народа, да?

Альгердас Казимирас: Ну, здесь-то так прямо никто не упрекал. Никто, неа. Ни пацаны, ни дети, ни взрослые! Никого.

Наталья Ивановна: Они понятия не имели. За одним столом сидели, с одной рюмки пили, и не было вот этого! Понятия не имели, там чтоб!

Интервьюер: И за счет Вашего образования: у Вас получилось, что Вы вот такой вот путь прошли... ну, как сказать, партийный.

Альгердас Казимирас: Ну, образования не было, но я пахал как конь днем и ночью! А кто пахал, того и выдвигали всегда все выше и выше! Ни один слет передовиков, нигде без меня не был! Везде меня возили. Потому что я на передовой всегда был!

Наталья Ивановна: И сейчас еще старые коммунисты у нас, вот есть с Кодинки, живут. Ой, еще и сейчас он в большом уважении у них! Уважают его! Знают!

Интервьюер: У Вас какие-нибудь грамоты, документы, корочки, что-нибудь осталось? Мы бы сейчас их перефотографировали и потом в сельсовете переписали бы на DVD-диск и Вам отдали. И детям на память...

Наталья Ивановна: Сейчас уже не помню, наверное, нет, однако. Таких грамот-то. Это же было, знаете, в тех, первых-то временах...

Альгердас Казимирас: Да, грамоты, их было — ужас!

Наталья Ивановна: Конечно, мы не хранили!

Альгердас Казимирас: Медали... Я только «Ветеран труда» имею, потом «100 лет Ленину», диплом Ударника труда!

Наталья Ивановна: Имеем трое детей! У нас шесть внуков! Есть уже правнук!

Интервьюер: А дети где живут?

Наталья Ивановна: Все здесь.

Альгердас Казимирас: В 58-м году оформляли меня на медаль. А на меня нельзя было, я был еще под комендатурой. Когда все документы собрали, подписали: «А ему нельзя. Он еще под этой... под комендатурой!» И потом переписали на другого. Так мне не досталось!

Интервьюер: Вы работали бригадиром. На лесосплаве?

Альгердас Казимирас: Да.

Интервьюер: Как вся эта Ваша работа выглядела?

Альгердас Казимирас: Это было в 57-м году. Ну, двадцать лет было. Вот по Кове. Это речка Кова. Ведь все леспромхозы были по речке Кове и сплавляли лес. Там только на конях возили на берег, зимой штабелевали. А весна подходит, лед уносит, скатывали в воду, и несло ее на устье. На устье была гавань загорожена, и вот тут уже плоты делали. Вот обязанность моя была. У меня было шестьдесят четыре человека бригада. По постам расставляешь, по пятнадцать—двадцать километров. Вот он на этом посту должен, где село бревно — отпихнуть, как-то ну...

И я никогда не забуду, тут у нас-то, когда... Был такой... леспромхоз как принял, подполковник. И потом в газете прочитал, что за целый год Мельнику увеличивают заготовки леса. До десять тысяч кубометров заготовит. Я говорю: «Вот я хорошо помню: в 57-м году, когда заключал договор по сплаву, было пятьдесят шесть тысяч кубометров лесу. Я подписывал договор сплавлять. Ни одной бензопилы, ни одного трактора, ни одной машины. Это все вручную было сделано, пятьдесят шесть тысяч. И за зиму!» Летом тогда не заготовливали, как сейчас вот круглый год. Летом опять вот сплавлять надо. Пославим всей бригадой, опять на

нижнем, там, на рейде. Пучки вяжут, с плотами до Стрелки. Вот как люди работали! Своими руками все! Прямо такую сумму — пятьдесят шесть тысяч! Два участка было. Ну, я не знаю, сколько на участке, ну, может быть, человек по шестьдесят. Ну, лошадей под тридцать, может, там и тут. И возили люди зимой до семи километров на конях! Представь себе, зимой везти! Но в основном только рядом — два километра. Там километр возили вдоль речек, штабелевали.

Интервьюер: Так Вы и проработали бригадиром? Сколько?

Альгердас Казимирас: Бригадиром. Это ж водяной сплав, он месяц всего идет. А потом я здесь вот работал четыре года старшим механиком Недокурского [леспромхоза]. Я кончил все, что можно было! На шофера до первого класса выучился, бульдозериста, оператор-погрузчик, на лебедках лес. Потом все-таки меня заставили механиком работать. Сначала замглавного сколько-то поработал, потом перевели на механика. Потом уже... И вот последние, однако, пять лет я на дизель-станции дизелистом отработал. Получилось, отпахал в общей сложности в леспромхозе сорок один [год] и пенсию получал ниже технических [работников]. Как пошел пацаном пахать, а уж под старость лет уже и не годился пахать. Вот на этой дизельной был. Там три дизеля на одного человека стояло. Три дизеля крутил — вот на эту Недокуру, на ту Недокуру, и все это... И один. Ну как, ну посменно. Смену один! Четыре человека по двенадцать часов бұхали. Ну, заработал язву и все! И пошел, и пошел, и пошел! И стало только к пенсии, подошло [время] оформляться. Ну, вот ниже технической оформился и все! Я и туда, и в Кодинок, в соцзащиту: «Не можем! Зарботок низкий у тебя последний». Но ладно, тогда и здоровье было, конечно. Потом привезли этот автобус... я был уже на пенсии, конечно, пошел на автобус работать сельсоветский, учеников возить... и в Кодинок возил. Но тут у меня зарботки хорошие были! Я переоформился! Но и то, я своих ровней не могу догнать! Вот сейчас получаю почти пять тысяч. На автобусе два года отбұхал.

Интервьюер: А куда ездили? Какие перевозки?

Альгердас Казимирас: В администрацию. К администрации по рабочим дням. Возил рабочих туда, в Старую Недокуру. Тут вот шесть километров. И там еще больше половины, там жили у Синяков. Это я восемь рейсов ежедневно делал туда. Полседьмого утром начинаешь и до шести вечера. Ну, там, через час, через два.

Интервьюер: А где вы познакомились со своей будущей женой?

Альгердас Казимирас: А там, по Кове, когда вот жили в леспромхозе. Там деревня-то у их не рядом, десять километров от нас. Они бегали к нам! Да, бегали! *(смеется)*

Интервьюер: А вы названия леспромхозов по Кове помните?

Альгердас Казимирас: Они там не леспромхозы были, а лесоучастки назывались. Вот леспромхоз был один только, под Проспихино. Кежемский леспромхоз. ЛПК Кежемское. А лесопункт наш был — Ковинский лесопункт. А участок по Кове были уже до Сизая, участок, и Чемба участка. ...Потом уже стали укрупнять-укрупнять. Потом уже и Недокура стало отдельно леспромхозом — Недокурский леспромхоз. Таежный, Верхнекежемский леспромхоз вот был. Под Кежемском так и оставалось на месте Проспихино.

«ВЛАСОВЦЫ» ПОНЕВОЛЕ

...Насилие не сводится лишь к физическим мучениям и уничтожению людей — еще страшнее то, что оно разрушает их внутреннюю цельность, вынуждает играть такие роли, в которых человек перестает узнавать сам себя, заставляет изменять не только своему долгу, но своей сущности.

Эммануэль Левинас
«Целостность и бесконечность»

По прошествии более чем 67 лет со дня окончания Великой Отечественной войны историки все чаще обращаются к исследованию судеб сотен тысяч советских граждан и эмигрантов, которые по разным причинам — волей обстоятельств или по идейным убеждениям — перешли на сторону противника, сражались с оружием в руках на стороне вермахта, служили в его вспомогательных формированиях. Всех их до недавнего времени однозначно считали изменниками Родины, пособниками врага, коллаборационистами.

Тема предательства в годы Второй мировой войны — одна из актуальных и болезненных в современной российской и зарубежной историографии. Исследование судеб «коллаборационистов» не только позволяет восполнить пробел в истории российской эмиграции, казачества, власовской армии, но и отражает неоднозначное отношение общества в оценках нравственных проблем предательства. Советские историки однозначно рассматривали участников национальных воинских формирований вермахта как «отщепенцев», предавших родину в годы лихолетья. И сегодня в научных публикациях нередко можно встретить употребление как синонимов: «власовец» — «предатель».

В исторических документах 1940–1950-х гг. «власовцами» независимо от этнической принадлежности и гражданства назывались участники национальных строевых формирований вермахта (Русской освободительной армии, частей Походного атамана Казачьего Стана генерал-майора Т.Н. Доманова, XV Казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Хельмута фон Паннвица, Казачьего учебного и резервного полков под командованием генерала А.Г. Шкуро, Русского Охранного Корпуса генерал-лейтенанта Б.А. Шнейфона, Отдельного русского полка СС «Варяг» под командованием полковника М.А. Семенова) и восточных легионов (русских, татар, узбеков, таджиков, армян, азербайджанцев) или бывшие военнослужащие русской (царской) армии.

Репатриация в Западную Сибирь стала колоссальной трагедией для тысяч людей, не по своей воле оказавшихся в годы Второй мировой войны по другую сторону «исторических баррикад». В своих мемуарах выжившие в Сибири граждане и неграждане СССР (эмигранты и их дети) по-разному оценивали пребывание в западно-сибирских лагерях: как «крест судьбы», божий промысел, наказание и расплату за предательство.

Как правило, свое пребывание в сибирских лагерях и на поселении они рассматривали через призму собственных переживаний, выделяя ряд характерных событий:

— путь в Сибирь из Юденбурга (Австрия) и связанные с этим унижения, тяготы и лишения;

— прибытие в лагерь («шок поступления», обостряющий высшие и низшие чувства личности), попытка адаптироваться (выжить) в непривычной, суровой, враждебной среде;

— характеристика повседневности (труд, проблемы жизнеобеспечения), особенностей режима, межличностных отношений, непростых взаимоотношений с администрацией промышленных предприятий, местным населением;

— возвращение на родину и проблемы адаптации к мирной жизни (осознание и преодоление последствий пребывания в Сибири — физических, моральных, психоэмоциональных; взаимодействие с государственными структурами, с родными и близкими). Вернувшиеся в родные места старались осмыслить пережитое. Для них пребывание в сибирской глубинке явилось переломным моментом в отношении и к себе, и к окружающему миру, и к новой послевоенной, иногда отчуждаемой действительности.

Несмотря на то, что этот комплекс источников весьма субъективен, он позволяет подойти к освещению разных сторон лагерной повседневности с точки зрения личностных факторов, проследить судьбы отдельных людей, проблемы их адаптации в обществе.

В рамках данной статьи мы попытаемся рассмотреть историю одной семьи — Кофарниных, ставших свидетелями и участниками драматических событий 1940–1950-х гг.¹

До войны Кофарнины проживали в Сальском районе Ростовской области. Глава семьи Иван Михайлович работал в местной заготовительной конторе, его жена Мария Петровна была бухгалтером. В семье было трое детей; в начале войны старшая дочь Нина училась в девятом классе, младшие Петр и Борис также ходили в школу.

Иван Михайлович происходил из старинного казачьего рода. Его предки по мужской линии служили в Войске Донском. Казачьи традиции в семье старались бережно хранить и в основном соблюдали. С детских лет воспитывали в детях трудолюбие, гостеприимство, уважение к старшим.

По словам Нины Ивановны, доходы семьи были средними, особого богатства не нажили, но и не бедствовали. Семья была дружной и работающей. Часто в дом приходили соседи, тогда собиралась большая и веселая кампания, звучала музыка, пели казачьи песни, плясали. Много говорили о «казачьей жизни», о былых заслугах и традициях.

Все события довоенной жизни Нина Ивановна помнила до деталей, с удовольствием о них рассказывала. Показывала семейные фотографии, говорила подолгу о каждой из них. Однако когда разговор заходил о войне, замыкалась или старалась увести беседу в другую сторону, начинала

¹ Интервью Нины Ивановны Кофарниной, жительницы г. Новокузнецка, записано в период с января по июнь 2010 г. Фамилия изменена по просьбе родных и близких, ныне проживающих в Новокузнецке. Запись беседы расшифрована автором статьи и в данном контексте публикуется впервые. Нина Ивановна скончалась в январе 2012 г.

жаловаться на головную боль и вежливо просила оставить наш разговор до следующего раза, но и при следующих встречах о войне упоминалось лишь вскользь и без подробностей. И вот однажды она сама решила рассказать о трагичных событиях своей семьи. Это далось ей нелегко: несколько раз она прерывала свой рассказ, плакала, потом, успокоившись, продолжала.

Когда началась война, Кофарнины не успели эвакуироваться. Иван Михайлович «по болезни» в армию призван не был и до прихода немцев продолжал работать на прежнем месте. После установления оккупационного режима казаки собрали круг, где Иван Михайлович и был выбран старостой администрации Сальского района. По словам Нины Ивановны, согласился он на это для того, чтобы спасти жизни тех, кого немцы угоняли в Германию. Среди горожан И.М. Кофарнин пользовался уважением. Его дочь утверждала, что ее отец поддерживал связь с партизанами и смог спасти многие жизни своих земляков.

Сложно однозначно ответить на вопросы Нины Ивановны: почему ее отец в глазах многих соотечественников стал предателем? Почему ей и другим членам его семьи отказали в реабилитации? Почему ее и братьев до 1960-х гг. называли «власовцами»?

Нельзя требовать от человека (даже военного) полного равнодушия к собственной жизни. И среди людей, против собственной воли ставших коллаборационистами, находилось много таких, кто потом помогал подполью и переходил с оружием на сторону партизан, и не в последний день войны, а намного раньше. Все это реальная сложность исторического процесса и человеческих судеб.

В мае 1943 г. казаки г. Сальска приняли решение отступать вместе с немцами в Закарпатье, а затем и дальше на запад. Казачий Стан под предводительством походного атамана Т.И. Доманова обосновался в Северной Италии. Были созданы донские, кубанские, терские беженские станицы, корпус в составе двух дивизий, конный полк, конвойный дивизион, части поддержки, офицерский резерв юнкерского училища. Численность — до 35 тыс. чел., из них около 70 % составляли «старые эмигранты»¹.

Семья Кофарниных вместе с Казачьим Станом Доманова прибыла в Италию, где уже имелись кубанские станицы. Кофарнины обосновались в селении Азопа. Казаки пытались обустроить быт, возродить былые традиции. Ими были построены школа, больница. Все важные вопросы решались на Казачьем круге. Нина Ивановна вспоминает, что очень непросто складывались отношения с местными итальянцами, которые считали, что русские захватили их земли. Нередкими были стычки с итальянскими партизанами.

В 1943 г., пытаясь избежать угона в Германию, Петр Иванович скрылся, но был пойман и отправлен Польшу, затем в Дрезден, где работал охранником на одном из аэродромов. Во время бомбардировки Дрездена он самовольно уехал в Италию, пытаясь соединиться с семьей. По прибытии в Италию Петр сумел найти своих родных и был зачислен в запасной донской полк, в котором служил вплоть до того, как был выдан англичанами.

¹ Науменко В.Г. Великое предательство. Нью-Йорк, 1970. Т. 2. С. 1.

Нина Ивановна хорошо помнила, как в конце войны собрался казачий сход, долго решали: идти или нет на Лиенц. Снаряжали обоз в дорогу и надеялись, что сдадутся англичанам. Отец говорил, что их ждет Канада, где они смогут начать новую жизнь, опять построят дом, «пустят новые корни», будут охранять леса. О том, что этим мечтам не суждено сбыться, никто не думал. Они отдавали себе отчет, какая судьба уготована им в СССР: все они без исключения были изменниками Родины со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому из сложившейся ситуации был единственный выход — сдать западным союзникам, для чего необходимо было прорываться в Австрию¹.

Возвращаться в СССР казаки не хотели. Отслужили молебен и двинулись в путь. Дорога была очень трудной: постоянно бомбили, люди страдали от голода и холода, гибли, особенно дети. Буквально по пятам Казачьего Стана шли итальянские партизаны. Ночами казаки почти не спали, боялись нападений. Во время одной из таких стычек с итальянскими партизанами погиб Иван Михайлович Кофарнин.

Отход начали в ночь на 3 мая. Особенно трудным был переход через горный перевал Плоукен-Пасс. Вечером 7 мая перешли итало-австрийскую границу и остановились в долине реки Дравы, между городами Лиенцем и Обердраубургом в Восточном Тироле (Австрия). Молились каждый день в походной церкви, и полковой священник говорил, что опасаться нечего, все в руках Божьих. На палатках в лагере висели плакаты: «Лучше умереть здесь, чем возвращаться в СССР». Рано утром храм окружили английские солдаты, все казаки были выданы советским войскам. Казаки оказывали сопротивление, понимая, что по возвращении в СССР всех ждет гибель.

Описывая «трагедию Лиенца», Нина Ивановна говорит, что видела, как целыми семьями бросались казаки в р. Драву. Они же, обняв мать, ждали своей участи. Их погрузили в вагоны и отправили сначала в Юденбург, а затем в Сибирь².

Путь в Сибирь занял больше месяца. Было очень много больных, особенно детей. На крупных станциях из вагонов выносили десятки трупов. Нина Ивановна говорит, что в эти трудные дни страдания людей сильно сблизили. Боевой дух казаков не был подорван: многие собирались бежать, как только представится малейшая возможность.

В конце лета Кофарнины в составе «Юденбургского этапа» прибыли в г. Прокопьевск Кемеровской области. Разместили людей в поле, так как подготовку уже имеющихся и строительство новых лагерных зон в проверочно-фильтрационном лагере № 0315 завершить не успели. Основную часть людей разместили в палатках и наспех вырытых землянках. Не было

¹ Арзамаскин Ю.Н. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1941–1953 гг. М., 2001. С. 67.

² В мае 1945 г. (по данным англичан), в Лиенце (Австрия) в плен сдалось 18 792 солдата и офицера, в том числе 1142 немца. 28 мая 1945 г. британское командование в Юденбурге передало представителям советского командования первых 500 офицеров XV казачьего корпуса, а также почти 3 тыс. казаков (в основном из состава Казачьего Стана генерала Доманова). На основании ялтинских соглашений в СМЕРШ были переданы еще и 1,5 тыс. казаков-эмигрантов, которые гражданами СССР не являлись и покинули родину после поражения в Гражданской войне. — См.: Арзамаскин Ю.Н. Заложники Второй мировой войны. С. 78–81.

водоснабжения, бань, столовых, лазаретов. Как следствие — массовые заболевания и смертность в первые месяцы пребывания в Сибири изможденных еще в пути казаков и их семей. «У нас не было ни одежды, ни простыней, и мы, не раздеваясь, спали на голых досках, изнывая от гнуса. Еда была отвратительной: по утрам мы могли рассчитывать на жидкий суп, в котором плавало несколько овсяных зернышек, или немного каши. В полдень нам давали нечто, напоминавшее суп, сделанный из горькой гнилой капусты и небольшого количества картошки. Вечером было то же самое, что и утром, а иногда выдавали соленую рыбу, обычно покрытую ржавчиной, поскольку она хранилась в старых консервных банках. На день нам полагалось по 400 г хлеба самого низшего сорта. Люди начали заболеть, особенно дети. Основными причинами гибели были дизентерия и отказ печени. В среднем за день умирало по 15–20 человек»¹.

В августе 1945 г. всех немцев и офицеров вывезли в новую зону, расположенную в пос. Тырган недалеко от Прокопьевска (отделение № 25 лагеря № 525 МВД СССР для военнопленных), а затем частично перераспределили по другим лагерным отделениям. Рядовые же «власовцы» вместе с семьями (256 женщин и детей) были оставлены в лаготделении в пос. Зенково Прокопьевского района, зона которого до мая 1946 г. отходила из 525-го лагеря в ведение прокопьевского ПФЛ № 0315, и после фильтрации (кроме осужденных, арестованных и подследственных) переданы в постоянные кадры угольной промышленности с режимом спецпоселения.

Женщин и детей из Казачьего Стана атамана Доманова, плененных в г. Лиенце (Австрия) и переданных в г. Юденбурге советским властям, в октябре 1945 г. разместили в лагерном отделении пос. Абагур-Лесной Кузнецкого района. Все находящиеся в лагере женщины были женами, матерями казаков — подданных СССР, Германии, Сербии, Югославии, Польши, Италии, Франции или без определенного гражданства; 1892–1910 годов рождения, русские, украинки, полячки, хорватки, белоруски, гречанки, немки. В этапных списках в графе «последнее место жительства» граждан СССР были указаны Харьковская, Николаевская, Воронежская, Ростовская, Горьковская, Кировоградская, Ленинградская области, Краснодарский край и другие регионы СССР. Практически все женщины имели детей 1929–1945 годов рождения. В лагере находились также беременные женщины и подростки без родителей².

К началу 1946 г. семьи «власовцев» были определены в ведение различных хозорганов на территории Кемеровской области в соответствии со списками ОКР СМЕРШ. При этом малолетние сироты и подростки без родителей в возрасте до 14 лет помещались в Сталинский детский приемник НКВД СССР. Молодежь старше 14 лет и женщины, на которых имелись компрометирующие материалы, направлялись вместе с детьми для дальнейшей оперативной разработки в ОКР СМЕРШ и оперативные отделы Прокопьевска и Сталинска (Новокузнецка) и содержались в лагерных отделениях лагеря № 525 МВД СССР на правах военнопленных³.

¹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 1. Д. 15. Л. 112.

² Подсчитано по: РГВА. Ф. П-32. Оп. 10. Д. 75. Л. 1–24об.

³ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 3. Д. 396. Л. 213.

За июль — декабрь 1945 г. заболеваемость алиментарной дистрофией, дизентерией, туберкулезом, дифтерией, фурункулезами и смертность от них были катастрофическими, самыми высокими за весь период нахождения «власовцев» в плену. Только в августе 1945 г. умерли 29 чел., из них 11 пожилых «белоэмигрантов», 18 женщин и детей¹. В декабре 1945 г. бюро Прокопьевского горкома ВКП(б) решительно поставило вопрос о состоянии жилищно-бытовых условий в лаготделениях, где содержались «власовцы», их семьи и иной «режимный» контингент.

Заслушав сообщение секретаря по кадрам о результатах проверки бригадой ГК ВКП(б) лагерных участков, бюро зафиксировало критическое состояние быта и труда «подучетных» военнопленных. На день проверки детские учреждения для 216 детей отсутствовали. Установленный приказом НКВД СССР № 00540 дневной рацион фактически не выполнялся из-за нехватки продуктов и их плохого качества, хлеб не выдавался в течение восьми дней, из овощей, кроме картофеля, не было ничего. В результате за три месяца умерло 143 чел.², в том числе 20 «власовцев» и 40 детей³.

В лагерном отделении № 3 бараки для пленных и интернированных не отапливались. Помещение, в котором жили женщины, к зиме не приспособили, отсутствовали печи и отопление. В медико-санитарном пункте больные скученно лежали на голых нарах, медикаменты и перевязочные материалы не завезли.

Вновь обратимся к воспоминаниям Нины Ивановны: «Мы с младшими братьями попали в ПФЛ № 0315 и затем были определены в сталинское лагерное отделение № 7. Даже после прибытия в Сибирь боевой дух казаков был достаточно силен, молодые люди, наставляемые боевыми старшими товарищами, знали, что не покорятся, и при первой возможности пытались бежать. Однако с каждым днем сопротивление падало, надежды сменялись унынием, изо дня в день мы наблюдали, как гибнут люди, особенно дети, в лучшем случае ждало поселение, в худшем — страшный лагерь № 525. Бежал и мой старший брат, служивший в Дрездене во вспомогательных частях, надеявшийся, что благодаря своим художественным талантам сможет сначала устроиться в городе сам, а затем помочь и нам». Из материалов учетного дела П.И. Кофа <...>, найденного нами в ИЦ ГУВД КО: «Из лагеря № 525 военнопленный “власовец” П.И. Кофа <...> бежал с работ шахты “Зиминка”, за что был осужден по статье 82 ч. 2 на шесть лет ИТЛ»⁴.

В 1949 г. Петр обратился с ходатайством в городской отдел МГБ с ходатайством о воссоединении с семьей, которая жила в г. Сталинске⁵. К этому времени Нина Ивановна училась в педагогическом институте на физико-математическом факультете, Борис — в школе, мать работала на одном из городских предприятий бухгалтером. Во второй половине 1949 г.

¹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 7. Д. 15. Л. 31, 32.

² ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 205. Л. 63.

³ Подсчитано по: РГВА. Ф. П-1. Оп. 04е. Д. 87. Л. 420–432; Оп. 05е. Д. 1376. Л. 2–7.

⁴ Цит. по: ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. Оп. 32. Д. 4451. Л. 1–9.

⁵ Как следовало из личного дела, П.И. Кофарнин находился в лагере при шахте «Зиминка» в течение одного года, затем был переведен на спецпоселение и в ИТЛ г. Сталинска.

разрешение о воссоединении с семьей было получено, и Петр Иванович смог приехать к своей семье.

Нина Ивановна вспоминает, что на поселении жили очень трудно и голодно. Отмечались в комендатуре и без разрешения коменданта покинуть поселение не могли. Однако после войны жизнь понемногу налаживалась. Она поступила в институт. Стало гораздо легче, когда приехал Петр: он был художником и продавал свои картины на местном рынке, благодаря этому семья могла жить лучше.

Петр был освобожден в 1956 г. по амнистии и через Сталинский ГО МВД этапирован к прежнему месту жительства в Сальский район Ростовской области, а его семья осталась в Сталинске.

Осужденные на каторжные работы «власовцы» и «военные преступники» оставались на территории Кемеровской области до 1956 г. и содержались до отбытия срока наказания в ИТЛ и тюрьмах Мариинска, Белово, Сталинска, Прокопьевска, Киселевска. Последние осужденные «власовцы» вернулись на родину в 1955–1956 гг. Некоторые еще в ИТЛ за различные нарушения лагерного режима и побеги получили дополнительные сроки лишения свободы от 6 до 25 лет. После принятия Указа Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1943–1945 гг.» от 17 сентября 1955 г. из западно-сибирского плена в 1955–1956 гг. смогли вернуться лишь единицы. Однако по законодательству РФ «власовцы», служившие добровольно или принудительно в добровольческих соединениях противника, реабилитации не подлежат. Вопрос о реабилитации членов семей «власовцев» также решается сложно.

Нина Ивановна прожила долгую и трудную жизнь, стала заслуженным учителем, воспитала многочисленных учеников, вырастила своих братьев, племянников и их детей. Потомки семьи Кофарниных и сейчас живут в г. Новокузнецке Кемеровской области. История этой семьи — яркий пример того, как отдельные люди, не совершившие никаких воинских преступлений или проступков, зачастую становились жертвами обстоятельств, «без вины виноватыми», за что в 1945–1956 гг., находясь в лагерях или на спецпоселении, несли незаслуженное наказание. Государство признавало их виновными. «Власовцы» поневоле — они заплатили годами своей жизни за политические ошибки сталинского режима.

И.А. Флиге

ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕРРОРЕ ПРОТИВ ПОЛЯКОВ В МАТЕРИАЛЬНОМ ВОПЛОЩЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Память о советском государственном терроре против поляков, бытующая сегодня в России и Польше, — особое явление исторической памяти. Предмет настоящей статьи — материальное воплощение этой памяти в

© И.А. Флиге, 2012

памятниках и мемориальных комплексах, возникших за последние двадцать с лишним лет на территории России.

Предлагаемое исследование основано на материалах «Виртуального музея ГУЛАГа» (НИЦ «Мемориал», Санкт-Петербург)¹ и совместного проекта НИЦ «Мемориал» и Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге «Места польской памяти о жертвах советского террора на территории России», кроме того, использована информация с сайта Сахаровского центра (Москва)².

Памятник — это, вероятно, самая важная материальная составляющая памяти о прошлом. С одной стороны, это овеществленное понимание произошедших событий и героев прошлого, с другой — память, генерализованная до символа. Для массового сознания наличие памятника — это неоспоримый знак реальности прошлого, его присутствия в настоящем, знак, стоящий выше слов, рассуждений и доказательств. По учетным данным «Мемориала» и Центра им. А.Д. Сахарова, на территории России известно около 1,5 тыс. памятников и памятных знаков. Это, конечно, далеко не полный перечень, он составляется усилиями общественности (государственных программ нет), и работа по выявлению и учету идет трудно. Большая часть памятников не только не зарегистрирована в региональных и районных отделах культуры, но и сама информация о них отсутствует; порой, чтобы получить сведения о том, кем и когда поставлен некий памятный знак, приходится искать самих инициаторов его установки. Однако собранного материала вполне достаточно, чтобы можно было в целом охарактеризовать ситуацию с памятниками и памятными знаками, поставленными за двадцать с лишним лет.

Несмотря на то, что эти памятники и памятные знаки были установлены в разные годы и в разных регионах отдельными, стихийно сложившимися инициативными группами (иногда при поддержке местной администрации), все они представляют одну и ту же знаково-символическую систему образов памяти о жертвах террора, на них выбиты близкие по значению тексты. И мы можем смело утверждать, что их совокупность отражает коллективную память о терроре на территории России и современное состояние российской памяти. Эта материализовавшаяся коллективная память включает в себя различные национальные, конфессиональные и региональные компоненты. Сложившиеся вокруг них акции и церемонии в силу своей публичности, в силу заключенного в них послания к обществу, к потомкам вызывают цепную реакцию — «передачу памяти», как в прямых трансляциях, так и в спорах, диалогах, нередко и в установке новых памятников³.

Обратимся к польской национальной компоненте российских мест памяти. Необходимая договоренность: «польскими» будем считать памятники, на которых есть соответствующая надпись на русском и/или поль-

¹ См.: Следы польской памяти на территории России [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=72356292>

² Памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий, установленные на территории бывшего СССР: Электронная база данных / Музей и общественный центр им. Андрея Сахарова. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/>

³ Подробнее см.: Флиге И. Биография памятника жертвам советского террора // Право на имя: Биографика 20 века. СПб., 2011. С. 3–35.

ском языке, памятники с польской национальной символикой, а также католический крест, если он установлен польской общиной. Нам известно более 80 таких памятников в разных регионах России. Это далеко не полный перечень, но вполне достаточный для общего обзора. Анализируя материализацию этой памяти, постараемся ответить на несколько основных вопросов: кому установлены эти «польские» памятники, монументы и мемориальные знаки? По чьей инициативе? Какое место в общей (международной) памяти о советском государственном терроре они занимают? И наконец, какую роль «польская память» играет в сегодняшней российской памяти о терроре?

Большая часть этих памятников установлена по инициативе или поддержке польских дипломатических миссий или польских общин. В подавляющем числе случаев они стоят на местах захоронений и поэтому неотделимы от кладбищенской памяти.

Здесь необходимо дать представление о состоянии некрополя террора в современной России. Сегодня мы располагаем сведениями (разной степени полноты и достоверности) о приблизительно 800 местах захоронений жертв террора на территории России¹. Тех, которые удалось превратить в мемориальные кладбища и оформить их официальный статус, — единицы. Заметно больше, но тоже немного таких мест, которые воспринимаются местными жителями и муниципальными администрациями фактически как мемориальные кладбища. Хотя их статус юридически не оформлен, они исполняют соответствующие функции: здесь установлены памятные знаки, в Дни памяти проходят траурные церемонии и т.д. Как правило, это захоронения, объявленные мемориальными кладбищами местными общественными организациями и де факто признанные в этом качестве властями. При этом городские, районные и муниципальные власти хотя и не принимают *инициативного* участия в поиске захоронений и установке памятников, но, как правило, поддерживают общественные инициативы на стадии их реализации.

Что можно сказать об этих местах захоронений в целом? Границы захоронений почти нигде не установлены. Чаще всего знаком отмечен только фрагмент территории. Численность захороненных всегда является предметом яростных споров. Могилы, ямы, рвы остаются безымянными. В большинстве случаев нет возможности привязать к обнаруженному месту конкретные имена, лишь небольшая часть выявленных и статусных с точки зрения массового сознания захоронений подтверждена документально. И еще очень важно, что эта память практически ничем не защищена в будущем — у большинства таких мемориальных кладбищ и памятников террора нет ни регламентов, ни юридического статуса. Отчуждение государства от памяти убитых им граждан выражается и в том, что лишь малая часть этих памятников внесена в государственный реестр.

Возвращаясь к нашей главной теме, начнем с памятников и мемориальных комплексов, которые в общественном сознании (и в Польше, и в России), бесспорно, воспринимаются как места польской памяти о совет-

¹ По материалам проекта «Некрополь террора», который с 2004 г. осуществляется НИЦ «Мемориал» (СПб.).

ском терроре. Это, в первую очередь, мемориальные комплексы, созданные на местах захоронений польских офицеров, расстрелянных НКВД в 1940 г., — Катынь и Медное. Оба эти комплекса — государственные, они были созданы во исполнение российско-польского соглашения от 22 февраля 1994 г. о захоронениях и местах памяти жертв войны и репрессий¹. Для российских властей подписание соглашения стало вынужденным актом, который входил в противоречие и даже в конфликт с официальной трактовкой истории советского террора в целом (что в последующие годы многократно было продемонстрировано как внутри страны, так и вовне нее). Для Польши это была целенаправленная государственная установка, в основе ее лежала необходимость мемориализации национальной памяти о коммунистическом терроре, главной болевой точкой которого являлась Катынь. Трудно переоценить значение этого соглашения для общеевропейской исторической памяти о советском (коммунистическом) терроре. Сам факт «признания Катыни» и подписание соглашения российским правительством был воспринят не только в Польше и в России, но и во всей Европе как знак начала реальной государственной работы над советским прошлым. Более того, сразу после подписания соглашения некоторые российские политические деятели, парламентарии и общественные организации обратили внимание правительства России на то, что появление одного лишь мемориального польского кладбища на местах захоронений, где покоятся также и советские жертвы государственного политического террора, было бы нравственно и исторически неверным решением, и предложили создать в Катыни и Медном общие мемориалы всем, кто там захоронен. Этот вопрос был поднят на российско-польских переговорах, и после длительных дебатов стороны выработали совместное решение об организации единых комплексов, в которые польские воинские кладбища войдут как отдельные структурные компоненты, создаваемые и финансируемые польской стороной. Во исполнение этого решения было издано Постановление Правительства РФ «О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан — жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область)» от 19 октября 1996 г. № 1247.

Мы не будем останавливаться подробно на описании этих комплексов, а также траурных церемоний и акций памяти, проходящих на этих мемориальных кладбищах, — это общеизвестно. Отметим лишь, что память о расстрелянных польских офицерах и память о жертвах Большого террора оказались полностью разнесены — как в архитектурно-пространственных решениях, монументах и текстах на памятных плитах, так и в датах церемоний. Приведу одну реплику В.Е. Свешниковой, отец которой был расстрелян в Твери: «...Память уходит у людей, а боль остается... Здесь не одни поляки. Если бы не было [здесь] поляков, ничего бы не было, они не открыли бы это место. ...У нас тоже большое горе, не одних

¹ Соглашение между правительствами Российской Федерации и Республики Польша «О захоронениях и местах памяти жертв войн и репрессий» было подписано 22 февраля 1994 г., вступило в силу 9 сентября 1994 г. Согласно этому документу и подписанным позже протоколам к нему, на местах захоронений польских военнослужащих в Катыни и Медном были созданы мемориальные польские воинские кладбища.

их [расстреляли], но они тут поименно, и они нас все время тыкают — а вы что? А что мы?..»¹

Попробуем сделать несколько итоговых наблюдений над конфигурацией польско-российской памяти о советском терроре за полтора десятилетия, прошедших с открытия этих комплексов. Первое: активная общенациональная польская память подталкивает и заставляет оживать российскую память о массовом терроре, вынуждая российское общество вспоминать и своих сограждан (ниже мы еще не раз столкнемся с этой иницилирующей функцией польской памяти). Второе: в главной болевой точке памяти («Катынское дело») общего понимания и общей памяти не случилось. За эти годы память в России о расстрелянных в Катыни и Медном польских офицерах так и осталась достоянием отдельных маргинальных групп и сообществ, она осталась, по сути, польской историей. Третье и, наверное, самое главное: память о катынском расстреле вышла за пределы национальной польской памяти и вошла в общеевропейскую память о советском терроре наряду с Кольмой и Соловками; «Катынь» как название преступления советского режима — одно из имен-символов катастроф XX в., с тем лишь отличием, что при этом не потерян его национальный оттенок.

Бесспорно как польские места памяти воспринимаются в общественном сознании и памятники, связанные с судьбами интернированных в 1939 г. польских граждан, высланных с территорий западных областей Украины и Белоруссии («осадники»); эти памятники установлены на кладбищах спецпоселенцев. Кладбища спецпоселенцев и ссыльных похожи на обычные деревенские кладбища. Иногда местом погребения ссыльных служили отдельные кладбища, иногда — участки на сельских или городских кладбищах. Умерших хоронили близкие, на могилах ставили надгробия, писали имена. И пока находились рядом с родными могилами, ухаживали за ними. Однако сегодня этим захоронениям также угрожает полное забвение: в течение нескольких десятилетий вернувшиеся на родину не могли приехать на могилы, а к концу 1980-х — началу 1990-х гг., когда это стало возможным, старшее поколение уже ушло, а те, что были детьми, с трудом могли вспомнить, где находилось кладбище и даже как назывался спецпоселок. Большая часть спецпоселков оказалась заброшена, от некоторых не осталось следа, и эти кладбища оказались в тайге, на расстоянии десятков километров от ближайшего населенного пункта. Те же поселения, которые до сих пор обитаемы, находятся в труднодоступных районах. Но, несмотря на все сложности, с началом нового времени для польских семей появилась возможность поиска и посещения сибирских могил, и на этих кладбищах так же, как и на лагерных захоронениях, стали устанавливать памятные знаки. Многие из них остались вне публичной памяти: чисто семейное дело — приехала семья, поклонилась родным могилам. Некоторые, особенно памятные знаки последнего десятилетия, стали известны.

Назову несколько из них. Памятник с надписью «Tu w latach 1940–46 żyli i pracowali zesłańcy z Polski. Bogu polecamy tutaj pochowanych Katarzyna

¹ Из интервью с жительницей Твери Верой Евгеньевной Свешниковой 3 сентября 2012 г., во время Международного дня памяти советских и польских граждан — жертв политических репрессий (запись Е. Кулаковой, Архив НИЦ «Мемориал»).

Strączak-Augustyn z rodziną» и «Здесь в 1940–46 г. жили и работали высланные из Польши. Богу поручаем похороненных здесь» установлен по инициативе и на средства Катарины Стрончак-Аугустын в 2003 г. на польском участке кладбища пос. Южный Смоленского района (Алтайский край). Памятный знак с надписью «Вечный покой отца Михаила, матери Марии, брата Владислава и всех поляков, умерших в ссылке в 1940–1941 годах. Юзеф Мац. Варшава, 2009» установлен по инициативе семьи Мац (Варшава) и Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге в 2010 г. на кладбище спецпоселка Верюжское Озеро (Устьянский район, Архангельская обл.). Памятный знак — крест, прикрепленный к дереву, — установлен на месте польского кладбища бывшего спецпоселка Ветка в 2009 г. школьной краеведческой экспедицией Дома детского творчества пос. Емва (Княжпогостский район, Республика Коми). Памятник с надписью «Matkom Polkom i dzieciom Pochowanym w tej Ziemi w latach 1940–1946» («Польским матерям и детям, похороненным в этой земле в 1940–1946 годах») установлен в 2005 г. на старом кладбище г. Минусинска (Красноярский край) на средства Ежи Левицки (Польша), мать которого похоронена на этом кладбище.

Подробно остановимся на истории мемориализации одного такого кладбища, наиболее ярко представляющего переплетение польской и российской памяти о польских ссыльных. В 2007 г. Ольга Викторовна Деревцова, учитель истории Сойгинской школы (пос. Сосновый Архангельской обл.), получила письмо из Великобритании от Феликса Глинецкого, который в 1940–1942 гг. вместе с семьей находился в спецпоселке Кресты. Он интересовался, сохранилась ли могила его сестры Марии и брата Яцека, умерших на спецпоселении. После получения этого письма Ольга Деревцова вместе со своими учениками начала краеведческий поиск — делала архивные запросы, проводила опросы старожилов ближайших населенных пунктов (сам пос. Кресты прекратил свое существование) и поиск на местности. Им удалось выяснить, что спецпоселок Кресты (другие названия: Крест, Двинский Крест) был образован в 1933 г. как лесоучасток (с 1935 г. — лесобиржа) треста «Двинолес». С 1933 г. здесь находились семьи раскулаченных крестьян из Украины, Белоруссии и южных районов СССР; в 1939 г. они были переведены в спецпоселок Старая База (на р. Сойге). С февраля 1940 г. в спецпоселке Кресты были размещены польские граждане (320 семей), высланные с территорий западных областей Украины и Белоруссии («осадники»). Режим спецпоселения был снят по Указу Президиума Верховного Совета СССР об амнистии польских граждан от 12 августа 1941 г., к 1942 г. все польские семьи выехали. С этого времени поселок стал нежилым. Было найдено и само кладбище, оно расположено в сосновом лесу, занимает площадь около 0,2 га. На месте могил — характерные проседания почвы, кресты и надгробия не сохранились. О спецпереселенцах 1933 г. собрать материалы не удалось, но по данным Верхнетоемского отдела ЗАГС и на основе базы данных «Польские спецпереселенцы в Архангельской области»¹ был сформирован поименный список на 70 чел., умерших в спецпоселке Кресты. Летом 2008 г. террито-

¹ База данных составлена ИЦ УВД Архангельской области в сотрудничестве с НИПЦ «Мемориал» (Москва).

рия кладбища была обустроена учениками Сойгинской школы в рамках проекта «Я гражданин России» (руководитель О.В. Деревцова): произведена расчистка леса, выделена и огорожена территория. А 30 октября 2008 г. у входа на кладбище они установили памятный крест со списком похороненных здесь польских граждан. Через два года, 30 октября 2010 г., при поддержке Генерального консульства Польши в Санкт-Петербурге и на средства Совета охраны памяти борьбы и мученичества у входа на кладбище был открыт гранитный памятник полякам — жертвам политических репрессий¹, а на самом кладбище по инициативе и силами учеников и учителей Сойгинской школы устроена символическая братская могила польских граждан, умерших в других спецпоселках Верхнетоемского района Архангельской области².

Для Польши эти места памяти имеют одно обобщающее название — «Сибирь»; в общественном сознании они не разделяются ни по названиям, ни по регионам (Вологодская и Архангельская области в польской культурной памяти — тоже Сибирь). Сибирь — как образ, как дальняя неведомая неволя, где остались заброшенные могилы соотечественников. «Сибирь» — сложное и многогранное понятие в польской культуре, и возникло оно отнюдь не в середине XX века... Конечно, для личной памяти все эти места конкретизированы до имени и точного географического названия, хотя уже в третьем поколении зачастую место генерализуется до того же символа «Сибирь». В этой памяти польских семей сохранилась и благодарность местным жителям за помощь и поддержку, в некоторых случаях эта благодарность отразилась в надписи на камне. Так, в Костромской области на кладбище г. Нея по инициативе Тадеуша Жешутэка (Tadeusz Rzeszutek), который со всей семьей был сослан в Нею, в 2007 г. была установлена памятная плита: «Pamięci polaków, Pozostałym w Nejskiej ziemi w 1940–1946 гг. wdzięczności mieszkańcom rejonu» («В память о поляках, оставшихся в Нейской земле в 1940–1946 гг. и в благодарность жителям района»).

В этих случаях польская и российская памяти не находятся в противостоянии, не конкурируют между собой, они смыкаются в общем желании найти места, связанные с пребыванием поляков, их могилы и их

¹ Надпись: «Miejsce spoczynku Polaków, deportowanych z Ojczyzny przez NKWD w lutym 1940 r. Przymusowo osadzonych w spiecpolisku Kriesty, zmarłych z zimna i głodu. Niech spoczywają w pokoju. <...> Cmentarz polskich zesłańców został uporządkowany dzięki staraniom: uczniów i nauczycieli szkoły w m. Sojga, mieszkańców w. Sosnowy (były Kriesty), Konsulatu Generalnego Rzeczypospolitej Polskiej w Sankt Petersburgu oraz Leszka Glinieckiego, brata pochowanych tu niemowląt — bliźniąt Marii i Jacka. Pomnik powstał ze środków Rady Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa 30.10.2010 г.» («Здесь покоятся польские граждане, депортированные НКВД с Родины в феврале 1940 г. в спецпоселок Кресты и умершие здесь от голода и холода. Вечная память, вечный покой <список фамилий 70 чел.> Кладбище польских спецпереселенцев восстановлено стараниями учеников и учителей школы в Сойге, жителей поселка Сосновый (бывшие Кресты), Генерального Консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге и Лешка Глинецкого, брата похороненных здесь младенцев-близнецов Марии и Яцека. Памятник установлен на средства Совета Охраны Памяти Борьбы и Мученичества 30.10.2010 г.»).

² Текст, предвещающий список умерших: «Братская могила польских граждан, депортированных в 1940 году в спецпоселки: Жаровая, Глядило, Северная Коргова и Южная Коргова; далее — списки по каждому спецпоселку и текст: «Земля с поселковых кладбищ перенесена в 2010 году. Вечная память!»

имена... Смыкаются в сочувствии к жертвам случившегося, но это случившееся невнятно и неопределенно — скитания в чужих краях, смерть от голода, холода и болезней... А кто, зачем, почему сорвал этих людей и бросил в русскую Сибирь — остается за скобками.

В России память о ссыльных поляках 1939–1940 гг. присутствует довольно активно. И память эта — не восстановленная, а существовавшая долгие годы в региональном, локальном, семейном бытовании. Старики помнили и рассказывали о том, как привезли поляков, как они жили, голодали, умирали... Сегодня это краеведческая память регионов, именно поэтому нередки случаи, когда местное краеведческое сообщество инициирует благоустройство кладбищ и установку памятников. Такую память можно считать региональным случаем, и она никоим образом не включена в общую российскую память о государственном терроре (об арестах, расстрелах, ссылках и высылках советских граждан). Эта память естественная, и фактор насилия в ней почти опускается: причины, по которым в район были привезены поляки, остаются вне региона, они не связываются ни с советским террором, ни с историей Второй мировой войны, ни с общеевропейской историей XX в.

Иначе и много сложнее обстоит дело с мемориальными комплексами, созданными на кладбищах военнопленных и интернированных. Для Польши это память о Второй мировой войне и о советском терроре, в целом похожая на память о катынской трагедии. Советский террор в отношении польских офицеров и их семей воспринимался и на протяжении десятилетий помнился в Польше как два эпизода расправы — в начале войны и в момент ее окончания; это была память не о войне, а память о терроре. В российской памяти этого второго эпизода до конца 1980-х — начала 1990-х гг. не существовало: про лагеря военнопленных и интернированных, естественно, знали, но главным словом было «военнопленные», а кто они и как попали в лагеря в 1945–1946 гг., не особо задумывались. Сегодня на многих кладбищах этих лагерей созданы мемориальные комплексы и/или установлены памятники. Как правило, инициирующий толчок к поиску и мемориализации исходит из Польши — от родных и близких заключенного, от самих бывших заключенных лагерей, помнящих погибших в заключении друзей. Этот первичный поиск поддерживают местные российские энтузиасты, общественные организации — и появляется первый памятный знак, польский знак памяти об интернированных. Но любой памятник запускает «цепную реакцию памяти», и ее подхватывают и развивают. Рядом с польским возникает памятник немецким, венгерским, итальянским военнопленным, а это уже память не о терроре, а о жертвах войны. И многие траурные церемонии на этих кладбищах проводятся польскими, немецкими, венгерскими делегациями совместно, в общие памятные даты начала или окончания войны, — т.е. они становятся частью общеевропейской памяти о Второй мировой войне. Если мемориализация на этом останавливается, то в российском сознании эта память смыкается с памятью о солдатах и офицерах фашистской армии, погибших на фронтах. Однако бывают случаи, когда здесь же, на этих кладбищах или при них, появляется памятник советским гражданам — жертвам политических репрессий. И как тогда воспринимается этот комплекс случайным посетителем? Для польской памяти ничего не

меняется: во время траурных церемоний польская (и немецкая, и венгерская) делегация возлагает цветы и к этому памятнику. А российская память оказывается в ситуации коллапса и абсолютной невнятицы: что за композиция такая, память о каких событиях здесь реализовалась? При этом отдельные элементы вполне вняты и легко прочитываются. Более того, некоторые парные сочетания не противоречат историческим событиям: в Катыни и в Медном два мемориала существуют рядом просто потому, что территория захоронений жертв Большого террора в Тверской и Смоленской области в 1940 г. позже использовалась и для захоронений расстрелянных польских офицеров. Также вполне логично соседство памятников польским интернированным 1944 г. и военнопленным немецкой армии — они находились в одном советском лагере и были похоронены на одном кладбище.

Рассмотрим истории последовательной мемориализации двух наиболее известных в России и в Польше комплексов этого типа. Первая история. Мемориальное кладбище в д. Ёгла (Боровичский район Новгородской обл.) расположено на месте кладбища лаготделения № 5 лагеря № 270 для военнопленных и интернированных. На этом кладбище в 1944–1947 гг. хоронили военнопленных (немцев, австрийцев и венгров) и интернированных солдат Армии Крайовой. В самом начале 1990-х гг. польский гражданин Роман Бар, бывший заключенный лагеря № 270, председатель Союза боровичан (по названию места нахождения лагеря), начал активную деятельность по поиску бывшего кладбища на местности, а затем и его мемориализации. В 1992 г. удалось заключить договор о сотрудничестве между Боровичской районной администрацией и Комитетом ветеранов Армии Крайовой по благоустройству кладбища военнопленных и интернированных лагеря № 270. Первый памятный знак — камень с табличкой «Солдатам Армии Крайовой» и католический крест — был установлен в 1993 г. Тогда же в районе возникла легенда (не исключено, что ее появление связано с присутствием «чужой» активной памяти), согласно которой в 1930-е гг. на этом месте хоронили расстрелянных в тюрьме г. Боровичи, в том числе и священнослужителей. (Никаких подтверждений, ни документальных, ни свидетельских, эта легенда не имеет; ее бытование до 1992 г. проследить не удалось.) В соответствии с этой легендой поодаль от польского памятника был поставлен другой камень — с надписью «Жертвам, убиенным в репрессиях» и православный крест. Уже на следующий год (в 1994) при поддержке Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге и районной администрации здесь был организован Международный мемориальный комплекс. За эти годы установлены: плита над символической братской могилой, под которой захоронены капсулы с землей с кладбищ других лаготделений лагеря № 270 и Мемориального кладбища «Левашовская пустошь» под Санкт-Петербургом; доска с польским гербом и надписью на двух языках; валуны с высеченными на них названиями мест содержания заключенных-поляков: Устье, Ёгла, Боровичи-Бобровик, Опочно, Шиботово, а также немецкие, венгерские и финские знаки памяти. Таким образом, этот мемориальный комплекс содержит несколько посланий памяти: о советских гражданах — жертвах террора, об интернированных солдатах Армии Крайовой (и опять же о советском терроре) и память о войне. Но эта память разведена в траурных церемониях.

30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, торжественная церемония и молебен проходят у православного креста; молебен устраивается также 7 февраля, в День памяти святых новомучеников и исповедников Российских (по легенде 1992 г., здесь лежат священники — жертвы репрессий). Членами Союза боровичан и родственниками бывших заключенных из Польши, а также делегациями дипломатических миссий мемориал посещается 1 ноября (католический День всех святых); с 2010 г. — также в дни международной конференции «В память и предостережение», которая проходит в мае (обычно с 9 по 12 мая).

Вторая история. В 1944–1949 гг. между пос. Дягилево и пос. Канищевские Выселки (пригороды современной Рязани) был расположен центральный лагерь НКВД № 178–454 для военнопленных и интернированных («Рязань–Дягилево»). Кладбище находилось примерно в 2,5 км от лагеря. Захоронения производились в индивидуальных могилах, которые обозначались металлическими табличками с номером на длинных штырях. В 1949 г., при закрытии кладбища, лагерной администрацией была составлена схема захоронений. Всего здесь похоронено около 500 чел. В 1950–1970-е гг. территория сохранялась в исходных границах, была обвалована и обнесена забором. Сохранение и охрана объекта были возложены на УВД Рязанской области, поддерживался режим секретности. В 1988–1989 гг., перед визитом представительной немецкой делегации из города-побратима Мюнстера (Германия), городские власти организовали «работы по благоустройству кладбища»: в северо-восточной его части бульдозером были вскрыты могилы, останки перемешаны и выровнена площадка для приема делегации. Немецкая делегация была шокирована увиденным, и гости отказались сотрудничать с тогдашними советскими чиновниками в проекте восстановления кладбища.

В 1990 г. члены рязанского отделения общества «Мемориал» провели архивный поиск, опросы населения и бывших сотрудников МВД, связались с бывшими заключенными лагеря № 178–454 в России, Польше, Германии, провели исследования на месте; также удалось провести частичную идентификацию захоронений (было восстановлено местоположение 48 именных польских могил). Полного поименного списка похороненных на этом кладбище не существует, удалось установить имена 48 интернированных поляков и 380 военнопленных (немцев, австрийцев, венгров и военнослужащих «молдавского батальона»). 26 мая 1993 г. на этом кладбище произведено перезахоронение останков, обнаруженных при строительстве жилых домов на пустыре, примыкающем к Лазаревскому кладбищу (место захоронений расстрелянных в годы Большого террора 1937–1938 гг.). Перезахоронение было произведено по согласованию с администрацией города в южной части кладбища — там, где не было могил военнопленных и интернированных. В церемонии перезахоронения и панихиде участвовали члены рязанского «Мемориала» и рязанской Ассоциации жертв политических репрессий. На братской могиле был установлен православный крест (украден в том же году); в 1994 г. рязанский «Мемориал» установил камень с надписью: «Здесь похоронено 200 рязанцев, казненных в годы террора» (украден в 1996 г., восстановлен, вновь украден в 2001 г.). В 2003 г. установлен новый камень с надписью: «Здесь похоронено 200 советских граждан». Мемориальный комплекс жертв войны

и репрессий создан усилиями рязанского отделения общества «Мемориал», акционерного общества «Рокс», Народного союза Германии по уходу за военными могилами, городского совета Мюнстера и Польского Совета охраны памяти борьбы и мученичества при поддержке администраций Рязанской области и г. Рязани. Официальное открытие состоялось 18 июня 1994 г. при участии делегаций общественности России, Польши, Германии, посольств, правительства РФ, администраций Рязани и Рязанской области. Члены рязанского «Мемориала» были награждены медалями Министерства культуры Польши за вклад в увековечение памяти о жертвах войны и репрессий. Дягилевское кладбище военнопленных и интернированных признано в 1994 г. мемориальным (решением Рязанской городской администрации), находится под официальной опекой Народного союза Германии по уходу за военными могилами и Польского Совета охраны памяти борьбы и мученичества. Территория мемориального комплекса сохранена в исторических границах кладбища, в центральной его части установлен памятник: на бетонном основании три 12-метровых металлических креста со стилизованными венками из колючей проволоки, на постаменте четыре аутентичные могильные таблички на штырях. При обсуждении проекта мемориализации кладбища немецкая сторона отказалась от персонализации и оконтуривания индивидуальных могил немецких военнопленных; на могилах польских интернированных по просьбе польской стороны установлены белые кресты с символикой Армии Крайовой («Польска Вальчонца»), на которых выбиты имена и годы жизни. Позднее, в 2007 г., в юго-восточной части кладбища установлен памятник венгерским военнопленным. Уход и благоустройство территории мемориального комплекса производятся на основании межправительственных соглашений по уходу за военными могилами между Россией и Польшей, Россией и Германией. Средства на уход выделяет Народный союз Германии по уходу за военными могилами.

История создания и развития этого мемориального комплекса и само его название «Мемориальный комплекс жертв войны и репрессий», безусловно, находится в логике общеевропейской памяти XX в. и не противоречит польской национальной памяти. В знаково-символическом смысле тема памяти о советском государственном терроре в отношении польских интернированных усиливается памятником на месте братского перезахоронения останков расстрелянных в рязанской тюрьме. Однако в российском массовом сознании память о войне и память о терроре несовместимы, и в первую очередь они несовместимы на государственном политическом уровне (не случайно Россия проигнорировала резолюции ПАСЕ и рекомендации Европарламента, остальные примеры приводить излишне). Это две разные памяти, они трудно входят в публичный дискурс, будь то музейная экспозиция, научная конференция или общественная дискуссия. Чаще они сталкиваются в непримиримой и крайне примитивной вражде памятей. Для нашего обзора польских мест памяти и попытки понять созданные конструкции польско-российской памяти важно, что здесь, в Рязани, проходят одновременно два процесса: конфликт памятей (не национальных, а российских) и движение российской памяти в сторону общеевропейской памяти о войне и терроре, а проводником этого движения является польская национальная память.

Память о «польской операции» НКВД (оперативный приказ № 00485 от 11 августа 1937 г.) практически не вычлняется из общей памяти о Большом терроре в крупных городах, она, как правило, присутствует в общем контексте этой памяти (об этом ниже). Исключением является память польских сел Сибири — сел, образованных польскими переселенцами в конце XIX — начале XX в. Жители этих сел сохраняли все национально-культурные традиции, во многих из них действовали костелы. В восприятии их жителей (а зачастую и жителей соседних сел — «поляков берут») весь Большой террор сводился к польской операции, т.е. к массовым арестам и расстрелам этнических поляков. Так, в с. Белосток Кривошеинского района Томской области в 1937–1938 гг. в рамках «польской операции» НКВД были арестованы почти все взрослые мужчины-поляки — 93 чел. и, кроме того, более 30 уроженцев села и жителей близлежащих деревень. Следствие проходило в Колпашевском окружном отделе НКВД, приговоренные к высшей мере наказания 69 чел. расстреляны в мае 1938 г., остальные приговорены к разным срокам заключения. В 2003 г. здесь был открыт мемориальный комплекс жителям села — жертвам советского политического террора и погибшим в годы Великой Отечественной войны. Комплекс включает в себя высокий (4 м) католический крест и стелы с памятными досками с именами сельчан. Аналогичный памятник «Полякам, сынам земли Томской, замученным НКВД в 1938 году» с именами 33 поляков — уроженцев и жителей с. Полозово Молчановского района Томской области был установлен в 2003 г. на кладбище ныне не существующего польского села.

Тут можно еще упомянуть памятную доску в д. Вершина Боханского района Иркутской области, установленную в 2005 г., с текстом на польском языке: «Мать поляков — Польша не забудет своих сынов — 40 человек, которые работали, страдали и погибли. Памяти расстрелянных НКВД 19 февраля 1938 года...» и подписью «Соотечественники».

Все эти памятники установлены по инициативе потомков жителей этих сел и при активной помощи организаций и частных лиц Республики Польша.

Следующая категория — это памятники, стоящие на местах общей памяти о жертвах советского террора (местах массовых захоронений) и маркированные как польские. Эти памятники установлены местными польскими землячествами при активной поддержке и финансировании польской дипломатической миссии. Они наряду с другими национально-конфессиональными знаками (литовскими, эстонскими, немецкими, латышскими, калмыцкими, украинскими, финскими и мн. др.) образуют единую панораму памяти о жертвах террора. Наиболее ярко и полно национальное преломление памяти о погибших представлено на нескольких мемориальных кладбищах, обустроенных на местах захоронений расстрелянных. Так, на Левашовской пустоши¹ под Петербургом установлено более 20 этноконфессиональных памятников: литовцам, финнам, ингерманландцам, эстон-

¹ Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь» (г. Санкт-Петербург) — место захоронения умерших и убитых в ленинградских тюрьмах (использовалось с сентября 1937 г. до начала 1950-х гг.). Обнаружено в 1989 г. поисковой группой ленинградского «Мемориала», с начала 1990-х гг. — титульное место памяти жертв политических репрессий в Ленинграде.

цам, латышам, итальянцам, ассирийцам, евреям, украинцам, белорусам, адвентистам Седьмого дня, норвежцам... Среди них и памятник полякам — в память о расстрелянных в Ленинграде в годы Большого террора (автор Л. Пискорский). Он установлен 30 октября 1993 г. (реконструирован в 1998 г.) по инициативе и на средства Генерального консульства Республики Польша в Петербурге и общества «Полония». Надписи: на камне у креста — «Przebaczamy i prosimy o przebaczenie» («Прощаем и простите нас»); на плите — «Pamięci polaków — ofiar masowych represji rozstrzelanych w latach 1937–1938. Rodacy» («Памяти поляков — жертв массовых репрессий, расстрелянных в 1937–1938 гг. Соотечественники»). Позднее, осенью 2010 г., по инициативе о. Кшиштофа Пожарского, настоятеля костела Святого Станислава в Петербурге, установлен католический крест с надписью (только на русском языке!): «Католикам СССР — епископам, священникам, монашествующим и мирянам, всех обрядов и национальностей — жертвам политических репрессий» (автор К. Пожарский). Аналогично было мемориализовано другое расстрельное место — урочище Сандормох в Карелии¹. Здесь в октябре 1997 г. по инициативе польской дипмиссии был установлен католический крест с надписью на гранитной плите на двух языках: «W 60 rocznicę. Sołowieckim więźniom — Polakom i kapłanom, którzy znaleźli wieczny odpoczynek na tej ziemi. 27.10.1997. Rodacy» («К 60-летию. Соловецким узникам-полякам и священникам, которые нашли место вечного покоя на этой земле. 27.10.1997. Соотечественники»); а в 2008 г. — еще один польский памятник: «Pamięci polaków niewinnych ofiar stalinowskich represji» («Памяти поляков, невинных жертв сталинских репрессий»). Эти памятники находятся среди других «национально-ориентированных» скульптурных комплексов, обелисков и надгробий, установленных в разные годы разными национальными землячествами, муниципалитетами зарубежных городов, иностранными консульствами.

Такие же национальные композиции существуют и на некоторых других мемориальных кладбищах — бывших лагерных как то: гора Шмидта в Норильске, Восточное кладбище в Инте, кладбище Минлага в Абези, «Юр-Шор» в Воркуте. Важно отметить, что первый импульс к мемориализации и созданию национальных мемориальных комплексов, как правило, исходит от зарубежных экспедиций (из Польши и стран Балтии). Так, в Норильске на бывшем кладбище заключенных Норильлага (у подножия горы Шмидта) в 1991 г. был создан ансамбль памяти заключенных из прибалтийских государств (автор проекта Р. Свидинкас), вслед за тем, в 1996 г., — польский памятник (автор проекта С. Герада), а в настоящее время — это Мемориальный комплекс «Норильская Голгофа».

В Котласе иницирующее начало польской памяти способствовало сохранению двух кладбищ жертв террора. В 1995 г. по инициативе Гене-

¹ Мемориальное кладбище «Сандормох» (окрестности г. Медвежьегорска, Республика Карелия) — место массовых расстрелов и захоронений в период Большого террора, в том числе соловецких заключенных (1111 чел.). Обнаружено в 1997 поисковой группой Санкт-Петербургского и Петрозаводского «Мемориалов». Торжественно открыто 27 октября 1997 г. Ежегодно 5 августа здесь проводится международный день памяти. В настоящее время (на 2012 г.) на территории мемориального комплекса установлено более 300 личных памятных знаков и 12 коллективных памятников.

рального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге и Котласского общества «Совесть» на средства Польского Совета охраны памяти борьбы и мученичества были установлены два одинаковых католических креста с одинаковыми надписями на табличках на польском и русском языках: «1930 1939 1956. Замученным полякам, русским и всем убитым и умершим в котласских лагерях: матерям, отцам, сестрам, братьям, дочерям, сыновьям... Вечный покой. Вечная память. Соотечественники из Польши. Варшава 1995 г.» Один из них был установлен на месте лагерного кладбища при лазарете одного из подразделений Котласлага (известно как «Заовражье»), где в 1941–1943 гг. хоронили заключенных, спецпоселенцев, трудармейцев — строителей моста через Малую Северную Двину (объект № 10). Другой — на кладбище «Макариха»; здесь в 1930–1950-е гг. хоронили спецпереселенцев, умерших в расположенном вблизи накопительно-пересыльном пункте, а также ссыльных, трудармейцев и спецпереселенцев из поселков Лименда и Михейкины Острова, депортированных, военнопленных и заключенных котласской тюрьмы. Через три года кладбище «Макариха» обрело официальный статус Мемориального кладбища политических репрессий и в настоящее время на нем установлено уже семь общих памятников и более десяти персональных памятных знаков. А кладбище «Заовражье» в течение 10 лет благодаря «польскому кресту» воспринималось как польское кладбище¹. И ситуация выправилась только в 2006 г., когда наконец появился общий памятник: «Вечная память погибшим в 1941–1943 гг. на строительстве Котласского железнодорожного моста 25 000 трудармейцев и заключенных Севдвинлага, Севжелдорлага, Котласлага. Памятник установлен на народные средства в 2006 г.» Получается, что в Котласе польская память слилась с российской, и они вместе создали места памяти о жертвах ГУЛАГа.

Образно-символическая составляющая этих памятников довольно проста — камень с мемориальной плитой и/или католический крест, герб и тексты на польском языке (чаще на двух) и подпись «соотечественники». В настоящей работе мы не будем проводить анализ текстов, эпитафий и конфигураций символики на различных польских памятниках. Остановимся только на обязательном атрибуте каждого памятника — католическом кресте (отсутствие не обнаружено!). Он несет основную смысловую нагрузку памятника — выступает в качестве символа Матери-Родины всех поляков, что в некоторых случаях подчеркивается знаком государственности (герб) и подписью под текстом «соотечественники» или упоминанием о смерти на чужбине (а то, что стоят они над общими могилами, где лежат не только ревностные католики, но и польские атеисты, в данном прочтении не воспринимается как акт религиозного насилия, а только как связь с польской Родиной). Однако в ряде случаев мы можем видеть, что именно польская память включает в себя помимо национальной и

¹ Причем память эта своеобразна и причудлива, особенно в отношении национальных памятней (не только польской, но и других народов). Пример из экспедиции: г. Котлас Архангельской области. Просим местных жителей показать лагерное кладбище Севжелдорлага — никто не знает. Настаиваем. «А, вы ищите польское кладбище!» И сразу показывают дорогу. Все оказалось просто: в 1995 г. на этом месте был установлен польский памятник (до 2006 г. — единственный), вот и стали по памятнику называть это кладбище «польским».

конфессиональную память — обо всех католиках, жертвах советского террора. Выше уже шла речь о таких памятниках на мемориальных кладбищах в Левашово и Сандормохе. Если в первом случае на памятнике присутствует посвящение «Католикам СССР...» (при этом надпись только на русском языке), то в Сандормохе подчеркнута: «Соловецким узникам — полякам и священникам...». Еще один католический памятник существует в Петербурге, на территории бывшего римско-католического Выборского кладбища, — на нем выбиты имена 16 священнослужителей не только разных национальностей, но и различных течений РКЦ (и латиняне, и восточные католики).

С точки зрения российской памяти здесь нет вопросов, потому что приведенные факты не противоречат восприятию и традиционному бытованию в российской культуре Католической церкви как «польской церкви». А вот в отношении польской памяти эти вопросы возникают, и на них хотелось бы найти ответ. Таких вопросов два. Первый: почему в польском сознании ответственность за память вышла за пределы национальной идентичности и распространилась на католицизм? (Заметим, что с литовской памятью этого не произошло.) Второй вопрос, не менее интересный: почему в 1990-е гг. эта вторая составляющая отсутствовала? (Тут переходным следует считать сандормохский памятник «полякам и католикам».) Думаю, что ответ на эти вопросы один и связан он с польским культом Папы Римского Иоанна Павла II. Почитание высшего иерарха католической церкви и гордость, что он соотечественник, — явление, безусловно, значительно более раннее, развивающееся от первого визита Папы в Польшу в 1979 г. Однако переход от повсеместного почитания главного национального культурного героя XX в. до вхождения в массовое сознание и в массовую культуру новой идентичности «Польша — мать католиков» не мог состояться мгновенно, не говоря уж о воплощении этого тезиса в материальной культуре. Возможно, то, что для Иоанна Павла II память и ответственность за прошлое стали темой личного служения, явилось толчком для польского сознания, и первым опытом в материализации национальной памяти стала память о жертвах государственного террора.

И последняя разновидность польских мест памяти. Это реализация личной семейной памяти о родных и близких, погибших в лагерях и ссылках. Универсальная человеческая потребность — положить цветы на могилу близкого человека — никаких особых польских черт не имеет. Такие персональные памятники на мемориальных кладбищах (местах массовых расстрелов, захоронений), символические надгробия устанавливают родным и близким разных национальностей, разных вероисповеданий практически на всех местах массовых захоронений. Частично мы этого уже касались в описаниях случаев, когда личная интенция создала общее место памяти. В этнических ансамблях эти личные знаки создают ареал вокруг «своего» памятника — как бы «зону» национальной идентичности.

Таким образом, картина мемориального воплощения польской памяти на территории России сводится к следующему. В подавляющем большинстве случаев мемориалы связаны с местами массовых захоронений — это память об убитых, расстрелянных, умерших в лагерях и ссылках, т.е. па-

мять о жертвах. Но не просто о жертвах, а о гибели на чужбине, вдали от родины (за исключением советских граждан польского происхождения). Это память не о событиях (исключение — Катынь); расстрелы, ГУЛАГ, депортации в этой памяти не обособлены, а сливаются в единый образ террора. Польская национальная память о жертвах советского террора не распадается на отдельные категории и спецоперации, она распространяется и на советских граждан польского происхождения, и на граждан Польши. Польская память о советском терроре не находится в конфронтации с памятью о Второй мировой войне. Во многих случаях польская память является иницилирующей (иногда — ведущей) в процессе мемориализации общих мест памяти.

Российская память о поляках — жертвах террора масштабностью не отличается. Несмотря на то, что польских памятников на территории России не так уж мало, все они находятся на периферии общественного внимания. К тому же эти памятники расположены либо в труднодоступных и малонаселенных уголках Сибири, либо на окраинах небольших городов, либо в составе мемориальных комплексов. Однако в российском общественном сознании постоянно присутствует польская память как таковая. И это принуждает российскую память реагировать: вспоминать или сопротивляться осмыслению прошлого, входить во взаимодействие или в конфликтные диалоги.

А.Ю. Даниэль

**ЭХО ДЕПОРТАЦИИ:
КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ
И ПРЕДПОСЫЛКИ К УСТАНОВЛЕНИЮ СВЯЗЕЙ
С ПРАВОЗАЩИТНЫМ СООБЩЕСТВОМ**

В ряду национальных и религиозных движений, существовавших в СССР в последние его десятилетия, выделяется история борьбы за возвращение на родину крымских татар, высланных из Крыма в мае 1944 г. Уникальным явлением она становится в силу нескольких специфических обстоятельств. Во-первых, это массовость и высочайший уровень самоорганизации крымскотатарского движения. Во-вторых — особое значение, которое крымскотатарское национальное сознание придает национальной самоидентификации, и огромная роль, которую играло сохранение этой самоидентификации в ходе борьбы за возвращение. В-третьих, крымскотатарская тема занимает важное место в альтернативном информационном пространстве, созданном в конце 1960-х гг. советскими диссидентами-правозащитниками. В-четвертых, само крымскотатарское движение играет особую роль в диссидентской активности 1960–1980-х гг., оно в высокой степени интегрировано в диссидентское сообщество. Анализу причин, обусловивших эту специфику, и посвящена данная работа.

Крымскотатарскому изгнанию и борьбе крымских татар за возвращение посвящена обширная литература; библиография по данной теме на-

© А.Ю. Даниэль, 2012

считывает не менее 60 отдельных изданий только на русском и украинском языках. В настоящей статье мы, касаясь истории крымскотатарской проблемы, опирались в основном на три фундаментальные работы Г. Бекировой¹. Нас интересовала главным образом не история крымских татар сама по себе, а связи между крымскотатарским движением за возвращение и общесоюзным движением в защиту прав человека в СССР, и этих работ для решения нашей задачи оказалось достаточно. Кроме того, существует множество релевантных теме публикаций в периодике; в частности, интервью, воспоминания и другие материалы регулярно публикуют крымскотатарская газета «Авдет» («Avdet») и сайт «Крым и крымские татары: Крымскотатарская проблема. Исследования. Исторический архив»². К этим источникам мы также обращались.

Крымскотатарское движение является, вероятно, самым хорошо документированным из всех национальных движений в СССР новейшего периода. Помимо документов в государственных и ведомственных архивах, в значительной своей части уже выявленных и опубликованных исследователями, существует несколько тематических коллекций и фондов: в Крымскотатарской библиотеке им. И. Гаспринского (Симферополь), в Архиве общества «Мемориал» (Москва), в архиве Радио «Свобода» / «Свободная Европа», ныне хранящемся в архивах открытого общества при Центрально-Европейском университете (Будапешт). На материалы двух последних архивов мы преимущественно и опирались в этой работе.

* * *

Сначала обозначим, выборочно и пунктирно, отдельные вехи истории изгнания крымских татар. Это перечисление ни в коей мере не следует рассматривать как связный исторический очерк. Более того, оно не претендует и на полноту: так, важнейшая тема репрессий и других политических преследований активистов крымскотатарского движения почти целиком остается за пределами данной статьи. Мы останавливаемся лишь на некоторых из тех событий, которые оказали воздействие на национальный менталитет и повлияли на специфику движения.

В первые годы депортации эмоциональный шок от катастрофы был настолько силен, что о возникновении организованного протеста не могло быть и речи, да и насущные проблемы выживания на спецпоселении были слишком остры, чтобы оставалось время и силы для иных задач. В воспоминаниях крымских татар встречаются упоминания о листовках, составлявшихся и расклеивавшихся молодыми спецпереселенцами. Известны случаи, когда ссыльные литераторы выражали свой протест в стихах и прозе³. Однако массовые настроения сводились лишь к упова-

¹ Бекирова Г. Крымскотатарская проблема в СССР (1944–1991). Симферополь, 2004; Она же. Крымские татары. 1941–1991 (Опыт политической истории). Симферополь, 2008. Т. 1; Она же. [Вступление к разделу «Крымские татары»] // Słownik dysyduentów: Czołowe postaci ruchów opozycyjnych w krajach komunistycznych w latach 1956–1989. Warszawa, 2007. Tom II. K. 718–724.

² <http://kirimtatar.com/>

³ Например, в 1950 г. студент 3-го курса педагогического института Идрис Асанин (впоследствии — известный литератор и активист крымскотатарского движения) был осужден на 25 лет за стихи о депортации; освобожден в 1956 г.

ниям на власть. Бывший спецпереселенец Айдын Шемьи-заде отмечает, что граница между «лояльностью» и «радикализмом» в этом вопросе определялась тем, на какую власть возлагались надежды: на нынешнюю, т.е. на Сталина, или на будущее руководство, которое придет к власти после смерти вождя¹. Как показала история, и «лоялисты» и «радикалы» ошибались: ни Сталин, ни его преемники не решили крымскотатарскую проблему.

Первые инициативы, направленные на возвращение народа, исходили от крымскотатарской партийной элиты. Они связаны с именами людей, которые до войны занимали в Крымской АССР крупные номенклатурные должности: Рефата Мустафаева — бывшего 3-го секретаря Крымского обкома, Мустафы Селимова — бывшего 1-го секретаря Ялтинского райкома партии, Шамиля Алядинова — председателя Союза писателей Крымской АССР, Джеппара Акимова, возглавлявшего Крымское издательство учебно-педагогической литературы, а в военные годы — главного редактора газеты «Кызыл Кырым» («Красный Крым») и члена руководства партизанского движения, и др.

По некоторым сведениям, начало петиционной кампании связано с именами М. Селимова, который с 1953 г. обращался в партийные и государственные инстанции с просьбами рассмотреть вопрос о возвращении крымскотатарского народа², и Д. Акимова. О последнем Идрис Асанин, который был не только активистом движения в 1950-е гг., но и исследователем его истории в 1990-е гг., пишет: «В 1954–1955 по инициативе А[кимова] были составлены первые обращения в ЦК КПСС, Совет Министров и Президиум Верховного Совета СССР, под которыми поставили свои подписи тысячи участников войны и партизанского движения»³.

Указ от 28 апреля 1956 г., снявший с крымских татар, балкарцев, турок, курдов и хемшилов режим спецпоселения, содержал запрет на возвращение их на родину (как, впрочем, и предыдущие аналогичные указы — о немцах, калмыках, греках, армянах и болгарях). Это насторожило крымских татар и побудило их к дальнейшим действиям.

Первое обращение группы крымскотатарских коммунистов в Президиум ЦК КПСС, упоминание о котором содержится в выявленных и опубликованных в настоящее время архивных документах, относится к началу апреля 1956 г.⁴, т.е. к тому моменту, когда опасения, что решение крымскотатарской проблемы не будет приемлемым для народа, уже возникли. Под обращением стояли подписи пяти человек: Р. Мустафаева, Ш. Алядинова, М. Селимова, бывшего председателя Судакского райисполкома Аме-

¹ Бекирова Г. Крымские татары. 1941–1991... С. 136–137. Здесь же приводятся слова бывшего спецпоселенца Кадри Джелилова: «Мы очень радостно встретили смерть Сталина-Джугашвили... Очень радостно! Стопроцентно радовались — вот теперь-то нас обязательно отпустят». — Там же. С. 147.

² Архив Международного Мемориала. Подготовительные материалы к Словарю диссидентов Центральной и Восточной Европы.

³ Asanin Idris. Džeppar Akimov // Słownik dysyducentów... К. 727. Цит. по русскоязычному оригиналу (Архив Международного Мемориала. Подготовительные материалы...).

⁴ Это письмо, насколько нам известно, не обнаружено, но упоминание о нем содержится во втором письме, направленном теми же авторами в ту же инстанцию полгода спустя, 13 октября 1956 г. — См.: Бекирова Г. Крымские татары. 1941–1991... С. 156, 157.

та-Усни Пенерджи и бывшего председателя Алуштинского райисполкома Измаила Хайруллаева.

Возможно, именно активность крымскотатарских коммунистов привела к тому, что в известном Постановлении ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» крымскотатарской проблеме был посвящен отдельный (6-й) пункт. В этом пункте восстановление крымской автономии объявлялось «нецелесообразным», а крымским татарам, желающим национального объединения, предлагалось поселиться... в Татарской АССР!

В рамках нашей темы важно отметить два обстоятельства. Во-первых, уже к концу осени 1956 г. крымскотатарская проблема воспринималась в Москве как требующая отдельного рассмотрения: ее пришлось отдельным пунктом включать в документ, ни заголовок, ни основное содержание которого, строго говоря, к крымским татарам отношения не имели. (Заметим, что аналогичные проблемы немцев Поволжья и турок-месхетинцев в этом документе не упомянуты.) Во-вторых, смехотворное «решение» крымскотатарской проблемы, предложенное в постановлении, неизбежно должно было привести к росту недовольства среди крымских татар и либо к переходу неофициальных лидеров общины на более жесткие позиции, либо к смене лидеров.

Смены лидеров не произошло: движением продолжали руководить те же люди, которые перед этим инициировали обращения в ЦК. Но в течение 1956–1957 гг. они перешли некий поведенческий рубикон: сначала на встречах с руководством компартии Узбекистана¹, а затем в ходе попыток добиться встречи с руководителями партии и правительства в Москве² представители крымских татар прямо и недвусмысленно заявили, что с п. 6 постановления ЦК КПСС категорически не согласны и будут бороться за его пересмотр³. Заявление, неслыханное для партийных функционеров: фактически они объявили, что готовы оспаривать решение высшего партийного органа! Это само по себе переводило их из категории лояльных партийцев в категорию оппозиционеров и раскольников, к которым следует применять меры партийно-дисциплинарного характера. Пе-

¹ 17 декабря 1956 г. и 5 января 1957 г. состоялись встречи 50 (по другим источникам — 56) крымскотатарских коммунистов с 1-м секретарем ЦК КП Узбекистана Н.А. Мухитдиновым.

² 6 сентября 1957 г. в отделе партийных органов ЦК КПСС представителям крымских татар разъяснили, что Постановление ЦК от 24 ноября 1956 г. следует рассматривать как «окончательное решение крымскотатарского вопроса» и что никаких уступок больше не будет. Однако весной 1958 г. лидерам движения удалось все же добиться «встречи на высшем уровне» — 17 марта их принял первый заместитель Председателя Совета министров СССР А.И. Микоян, который обещал лично доложить проблему Хрущеву и способствовать ее разрешению (в крымскотатарской историографии — так называемая первая встреча с Микояном; вторая — столь же обнадеживающая и столь же безрезультатная — состоялась в 1965 г., когда Микоян занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР).

³ Кажется, единственной уступкой, как показало дальнейшее развитие событий — временной и тактической, стало согласие крымскотатарских лидеров снять требование о восстановлении крымской автономии. Тем не менее в дальнейшем в партийно-правительственной переписке и позднее в документах КГБ активисты движения именуется не иначе как «автономистами» — до тех пор, пока этот термин не был вытеснен еще более жестким определением, граничащим с уголовным обвинением: «татарские националисты».

реход (для тех партийцев, которые остались в руководстве движения) из категории «раскольников» в категорию «врагов» и соответственно применение к ним мер полицейского характера произошло позже, уже в 1960-е гг.; впрочем, такие меры принимались и ранее — так, Д. Акимова уже в 1956 г. вызывали на допросы в КГБ.

Идеологические основы крымскотатарского движения остались прежними: они не только обуславливались коммунистическими убеждениями лидеров, но и были своего рода ответом на обвинения в нелояльности крымских татар к советской власти. Однако в самом движении произошли фундаментальные изменения: оно обрело инфраструктуру. Этой инфраструктурой стала система так называемых *инициативных групп*, объединявших активистов движения на местах и занимавшихся главным образом сбором подписей под петициями.

Когда возникла эта система? Мнения исследователей и мемуаристов на этот счет кардинально расходятся между собой. И. Асанин в уже цитированном нами биографическом очерке о Д. Акимове утверждает, с одной стороны, что мысль о создании в местах компактного проживания крымскотатарских ссыльнопоселенцев групп активистов высказывалась Акимовым еще в 1953 г. и, с другой стороны, что сеть таких инициативных групп стала создаваться лишь осенью 1957 г. Этому же мнению придерживается и современный исследователь истории крымскотатарского движения Гульнара Бекирова. «...Движение обрело массовый характер — с осени 1957 возникает сеть инициативных групп. Создаваемые первоначально для сбора подписей под петициями инициативные группы стали уникальным в советских условиях социальным изобретением, позволившим добиться мобилизации народа для несанкционированной общественной активности, не прибегая к нелегальным (или воспринимавшимися как нелегальные) методам», — пишет она в предисловии к разделу «Крымские татары» Словаря диссидентов¹. Лидер «новой волны» крымскотатарского движения Мустафа Джемилев вообще считает, что создание инициативных групп произошло в 1964 г., но Джемилев, включившийся в движение в начале 1960-х гг. и не через деятельность инициативных групп, а через участие в полуподпольной студенческой организации «Союз крымскотатарской молодежи», относится к инициативным группам довольно сдержанно².

По нашему мнению, вопрос решается тем, что словосочетание «инициативная группа» уже фигурирует в официальных документах 1957–1958 гг., посвященных активности крымских татар в Узбекистане и в Крыму (докладные записки 2-го секретаря ЦК КП Узбекистана Р.Е. Мельникова в ЦК КПСС от 26.08.1957, 1-го секретаря Крымского обкома КП Украины В.Г. Комяхова 1-му секретарю ЦК КП Украины Н.В. Подгорному

¹ Słownik dysydentów... К. 719. Цит. по русскоязычному оригиналу (Архив Международного Мемориала. Подготовительные материалы...).

² «Чтобы их еще больше обезопасить от репрессий, некоторые наши соотечественники из более консервативного крыла Национального движения называли их даже “инициативными группами по оказанию помощи партии и правительству в ленинском решении крымскотатарского национального вопроса”», — не без доли иронии замечает Джемилев, отвечая на вопрос корреспондента газеты «Авдет». — См.: М. Джемилев: «Альтернативы Курултаю быть не может...» // Avdet. 2012. 2 июня 2012.

от 25.08.1958). Причем в обеих записках называются в числе прочих уже знакомые нам имена — Р. Мустафаев, М. Селимов, Ш. Алядинов, а в записке Мельникова отмечается, что «инициативная группа крымско-татарской интеллигенции» была создана еще в 1956 г.¹

По всей видимости, дело обстояло следующим образом: группы активистов (быть может, поначалу еще и не называвшиеся «инициативными» и вообще не имевшие самоназвания), привязанные к городам, поселкам, городским районам, отдельным улицам и рабочим общежитиям, заселенным крымскими татарами², возникали стихийно, и не исключено, что еще до снятия режима спецпоселения — иначе откуда могли взяться обращения 1954–1955 гг. с тысячами подписей, о которых пишет И. Асанин? А вот объединение этих групп в единую сеть, возникновение областных и республиканских инициативных групп, образование инициативных групп крымскотатарской диаспоры за пределами Средней Азии, создание Центральной инициативной группы, координировавшей деятельность всех остальных групп, относится к более позднему времени.

Возможно, объединение отдельных групп в сеть произошло в процессе сбора подписей под «Народным обращением» — петицией, под которой в июле 1957 г. подписалось около 18 тыс. крымских татар. «Народное обращение» — важная веха в истории становления крымскотатарского движения, и не только потому, что под ним было собрано столько подписей; впоследствии это число было многократно превзойдено³. Важнее другое: для его вручения была выбрана специальная делегация, члены которой получили письменный мандат «народных представителей». В дальнейшем статус народных представителей получали от инициативных групп члены всех делегаций, выезжавших в Москву для вручения петиций и переговоров с руководством страны. В их обязанность входила передача обращений крымских татар в партийно-правительственные инстанции, ведение переговоров, а также полный отчет о ходе этих переговоров перед избравшими их собраниями активистов. В общей сложности за 30 лет мандаты народных представителей получило около 5 тыс. активистов движения. В 1964 г. было организовано (неофициально, разумеется) представительство крымскотатарского народа в Москве, состоявшее из сменявших друг друга групп «народных представителей» и взявшее передачу обращений и ведение переговоров на себя.

Таким образом, петиционная активность крымских татар породила две уникальные общественные институции, которые стали опорными конструкциями крымскотатарского движения, легли в основу его самоорганизации: инициативные группы и «народные представители». Третья опорная конструкция — «Информации» — возникла значительно позже, чем первые две, в июле 1965 г. Это был период нового подъема движения: после паде-

¹ Очевидно, речь идет об инициативной группе, созданной в Ташкенте.

² «Крымские татары [в Средней Азии во время спецпоселения] были превращены в нацию заводских и фабричных рабочих», — замечает Людмила Алексеева в очерке, посвященном крымскотатарскому движению. — Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вильнюс; М., 1992. С. 93.

³ Под петицией крымских татар XXIII съезду КПСС (28 марта 1966 г.) было собрано около 120 тыс. подписей.

ния Хрущева и прихода к власти нового руководства возникли надежды на перемену официальной политики Москвы в отношении крымских татар. Именно тогда состоялась вторая встреча народных представителей с А.И. Микояном; Председатель Президиума Верховного Совета уже не был значительной политической фигурой (в декабре 1965 г. его отправят в отставку), но крымские татары, скорее всего, об этом не догадывались. Так или иначе, возобновление активности народных представителей потребовало решения технического вопроса, связанного с одной из их функций, а именно — с отчетами перед пославшими их группами и, шире, взаимным информированием о происходящих событиях. Эту проблему и решали «Информации» — так были озаглавлены машинописные бюллетени, нерегулярно, но довольно интенсивно выпускавшиеся инициативными группами разных уровней. Всего с 1965 г. и до начала 1980-х гг. было подготовлено и распространено самиздатским способом, т.е. с помощью многократных перепечаток, около 100 выпусков «Информаций». Верные общей установке на подчеркивание лояльности движения по отношению к власти издатели «Информаций» аккуратно отсылали соответствующее число экземпляров очередного бюллетеня в партийные и государственные инстанции.

В этот период крымскотатарское движение уже не ограничивалось петиционной активностью: активисты движения организовывали в городах и поселках Узбекистана многочисленные и многочленные митинги, на которых «народные представители» сообщали публике о своей деятельности. Митинги чаще всего грубо разгонялись милицией; об этом тоже регулярно сообщалось в «Информациях». Попадались в бюллетенях и сведения более общего характера, например, о дискриминации крымскотатарского языка в вузах и культурных учреждениях Узбекистана, о состоянии крымскотатарского культурного наследия в Крыму, о продолжающейся клеветнической кампании относительно поведения крымских татар во время Великой Отечественной войны, о данных только что проведенной самодеятельной «народной переписи» (попытке оценить демографический ущерб от депортации и пребывания на спецпоселении) и т.д. Позднее появились сообщения о положении семей, пытающихся вернуться в Крым.

Итак, к 1966–1967 гг. — времени, когда о крымскотатарском движении узнали московские диссиденты, это движение уже обладало гибкой, разветвленной и устойчивой инфраструктурой, обеспечивающей высокий уровень самоорганизации.

В последний раз «народных представителей» принимали в Кремле 21 июля 1967 г. Состав участников встречи со стороны правительства выглядел символично: помимо секретаря Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе в беседе приняли участие Генеральный прокурор СССР М.А. Руденко, министр охраны общественного порядка Н.А. Щелочков и свеженазначенный на пост Председателя КГБ при Совете министров СССР Ю.В. Андропов. Впрочем, было обещано, что вскоре выйдет указ, который разрешит все проблемы. Что касается встреч «народных представителей» с руководством страны, то следующие такие встречи состоялись только в годы перестройки: в течение 20 лет крымских татар ни в Кремле, ни на Старой площади не принимали.

Вскоре после встречи, 5 сентября 1968 г., действительно, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму». Этим указом с крымских татар снимались огульные обвинения в сотрудничестве с немецко-фашистскими захватчиками, а в постановлении, вышедшем одновременно с указом, говорилось, что «граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму, и члены их семей пользуются правом, как и все граждане СССР, проживать на всей территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме».

Вскоре после выхода указа в Крым из Средней Азии на свой страх и риск устремилось несколько тысяч крымских семей. Однако лишь тысяча из них или около этого удалось устроиться на жительство в Крымской области; остальным пришлось на собственном опыте убедиться в том, что оговорка «в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме» означает фактический запрет на возвращение.

Что касается активистов крымскотатарского движения, привыкших читать между строк, то они сразу же обратили внимание на ключевую фразу указа от 5 сентября, в которой говорилось, что «татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территории Узбекской и других союзных республик и пользуются всеми правами советских граждан», а также на заголовок этого указа — «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму». Процитированная фраза — не что иное, как утверждение, что никакой крымскотатарской проблемы не существует, поскольку основная масса крымских татар вовсе не хочет возвращаться на родину. Подразумевалось, что мутит воду и будоражит народ лишь небольшая кучка «автономистов» (в переписке между партийными органами Москвы и Ташкента эта мысль высказывалась впрямую). Заголовок же был воспринят крымскими татарами (на наш взгляд, вполне обоснованно) как утверждение, что никакой крымскотатарской проблемы не существует, поскольку не существует крымских татар как народа, а есть татарский народ, часть которого до войны проживала в Крыму. Собственно, это утверждение всего лишь развивало фантастическую идею, намеченную еще в Постановлении ЦК КПСС от 24.11.1956: постановление предлагало «вернуть» крымских татар в Татарскую АССР, а указ отождествлял крымских татар с «татарами вообще»¹ и тем самым снимал проблему как таковую.

Одним из неожиданных последствий и постановления ЦК 1956 г. и указа 1967 г. стало заметное повышение среди крымских татар (не только гуманитарной интеллигенции) интереса к истории своего народа, его этногенезу, самоидентификации и т.д. В крымскотатарской среде стало принято подчеркивать значительную роль тавров, готов, генуэзцев, греков, кипчаков и других народов, населявших полуостров до монгольского завоевания, в формировании крымскотатарского этноса (особенной популярностью в качестве претендентов на роль предков крымскотатарского народа пользовались почему-то генуэзцы). Возобновились попытки, не

¹ Напомним, что в Российской империи «татарами» — в быту и в литературе — называли множество тюркоязычных народов самого разного этнического происхождения, живших в Западной Сибири, на Волге, Северном Кавказе, в Закавказье и т.д.

имевшие, впрочем, особенного успеха, заменить этноним «кырымтатарлар» («крымские татары») альтернативным этнонимом «крымцы» («кырымлар»). Обсуждались и более тонкие языковые нюансы. Например: как следует писать по-русски прилагательное «крымскотатарский»: слитно или через дефис? (Языковая интуиция подсказывает, что слитное написание подчеркивает нераздельность обеих частей этнонима и, стало быть, утверждает восприятие его как некоего отдельного целого, не сводимого к более общим категориям, тогда как написание через дефис предполагает конструкцию, состоящую из родового понятия «татары», уточняемого прилагательным «крымские», т.е. косвенно подтверждает концепцию, сформулированную заголовком указа от 5 сентября).

В русскоязычном самиздате эти тонкости чувствовались не так остро. Однако автор этих строк помнит мучительные раздумья одного своего знакомого, ленинградского коллекционера и систематизатора самиздата, о том, как ему озаглавить соответствующую рубрику в тематическом каталоге своей коллекции: «крымские татары» или «татары крымские». Второй вариант воспринимался как более общепринятый, однако выбор первого казался более корректным по отношению к теме.

Тогда же, в 1967 г., состоялось знакомство нескольких крымскотатарских активистов из числа участников очередной делегации «народных представителей» с известными московскими (а затем ленинградскими, харьковскими, киевскими и т.д.) диссидентами¹. Представления большей части либеральной советской общественности о крымских татарах и их судьбе были до середины 1960-х гг. крайне смутными. Разумеется, многие знали, что жил до войны в Крыму такой народ (Крым был всесоюзной здравницей, где многие проводили отпуска, и к тому же в Крыму находился Коктебель — Мекка советской гуманитарной интеллигенции) и что во время войны Сталин их всех куда-то выселил, то ли в Сибирь, то ли на Дальний Восток. Что с ними было дальше — никто толком не знал; общее ощущение было такое, что там они все и сгинули².

Как же получилось, что проблемы крымскотатарского народа оказались в центре внимания протестного гражданского движения, складывавшегося во второй половине 1960-х гг. в Москве и некоторых других городах Союза (вскоре это движение получило наименование правозащитного)? Как получилось, что и в дальнейшем эта тема оставалась одной из центральных в информационном пространстве правозащитного самиздата?

Нам представляется, что тому было несколько причин. Во-первых, крымскотатарская проблема легко воспринималась интеллигентским соз-

¹ Само слово «диссиденты» вошло в обиход несколько позднее, в начале 1970-х гг.; тем не менее для краткости мы будем называть диссидентами и участников открытой протестной активности второй половины 1960-х гг.

² «Где-то на сивом Севере / Косточки их лежат», — писал в 1961 г. поэт Борис Чичибабин, один из немногих русских литераторов, в чьем творчестве, неподцензурном, разумеется, ошутимо присутствует тема крымскотатарского изгнания. — Чичибабин Б. Крымские прогулки // Чичибабин Б.А. В стихах и прозе. Харьков, 1998. С. 74. То есть в 1961 г. Чичибабин не знал даже, что крымских татар сослали не на Север и не в Сибирь, а в Среднюю Азию! Впрочем, в другом его стихотворении, написанном пятью годами позже, реалии крымскотатарского изгнания переданы более адекватно. — Чичибабин Б. Черное пятно // Чичибабин Б. Раннее и позднее. Харьков, 2002. С. 142–144.

нением того времени, потому что она полностью укладывалась в главную мировоззренческую концепцию 1960-х гг., на основе которой в значительной мере возникало и развивалось протестное правозащитное движение — концепцию противостояния «сталинизма» и «антисталинизма». Сталинизм исторический был виновником трагедии крымскотатарского народа, сталинизм современный всячески препятствует восстановлению его национальных прав — эта идея воспринималась легко и просто¹.

Во-вторых, остроту проблемы подчеркивал специфический язык, на котором излагались требования крымскотатарского народа: речь шла о «восстановлении ленинских норм национальной политики», грубо нарушенных Сталиным. В те годы заметную часть российских диссидентов составляли люди, стоявшие на марксистско-ленинских позициях, люди, которые видели смысл своей оппозиционной активности в борьбе за чистоту коммунистических идей. Для того чтобы проиллюстрировать это, достаточно назвать имена Петра Григоренко, Льва Копелева, Алексея Костерина, Сергея Писарева, Леонида Петровского, из более молодых — Роя Медведева, Леонида Плюща, Ивана Яхимовича, Генриха Алтуняна, Валерия Павлинчука, отчасти — Петра Якира. Они не могли не разделить коммунистического пафоса крымскотатарских воззваний, не откликнуться на апелляцию к пролетарскому интернационализму и другим «марксистско-ленинским» ценностям. Однако этот пафос в определенном смысле устраивал и тех диссидентов, которые придерживались антикоммунистических взглядов или были вовсе равнодушны к идеологическим спорам, ибо репрессии против движения, стоящего на тех же мировоззренческих основах, на которые якобы опиралась официальная идеология, были как бы дополнительным аргументом, свидетельствующем о лицемерии власти.

Впрочем, новое поколение крымскотатарских лидеров, таких как Мустафа Джемилев, Ролан Кадыев, Зампира Асанова, Решат Джемилев и другие, уже не устраивали рамки коммунистической риторики; впоследствии, не без влияния своих московских друзей, эта часть крымскотатарских активистов полностью перешла на внеидеологический язык правозащитных требований. При этом старшее поколение лидеров — Мустафа Селимов, Бекир Османов, Джеппар Акимов — не утратило своих позиций в движении, тем более что ими вовсе не отторгалась и новая, правозащитная риторика. Иногда это приводило к терминологическим казусам. Так, в информации о так называемых чирчикских событиях — жестоком разгоне милицией народного гулянья крымских татар 21 апреля 1968 г. в г. Чирчике Узбекской ССР — сами гулянья трактовались крымскотатарскими источниками по-разному, в зависимости от времени их создания. Весной 1968 г. в «Обращении народных представителей к мировой общественности» эти гулянья описываются как отмечание крымскими татарами дня рождения В.И. Ленина; в более поздних документах движения и некоторых статьях, ему посвященных, — как национальный или религиозный праздник. При этом в одних источниках праздник именуется Дервизой (что выглядит несколько абсурдно — крымскотатарский народный

¹ См., напр., обращение Юлия Кима, Петра Якира и Ильи Габая «К деятелям науки, культуры и искусства» — первый, кажется, текст «правозащитного» самиздата, в котором затрагивается крымскотатарская тема.

праздник сбора урожая Девиза отмечается, естественно, осенью); в других — Курбан-байрамом (что более правдоподобно). Скорее всего, это был просто очередной митинг крымских татар, приуроченный, возможно, к кануну дня рождения Ленина, а возможно, и к Курбан-Байраму заодно.

В-третьих, если идеологический лоялизм крымскотатарских петиций мог все же вызывать у некоторых столичных диссидентов смешанные чувства, то, независимо от идеологических симпатий и антипатий, будущим правозащитникам — сообществу, возникшему на отрицании политического насилия и подпольных методов борьбы, на апелляции к праву, — по определению был близок принципиальный легализм целей и методов крымскотатарского движения. Правда, некоторые из них критиковали модальность обращений крымских татар к правительству; так, в 1968 г. П.Г. Григоренко, выступая перед представителями крымских татар в Москве, призвал их, вполне в духе московских протестных кампаний, перестать просить власти восстановить права крымскотатарского народа и перейти к требованиям¹. Его призыв был услышан М. Джемилевым и другими молодыми лидерами: после 1968 г. крымскотатарское движение, оставаясь строго легалистским, в своей риторике становится все более резким. Время иллюзий закончилось; это обстоятельство тоже сближало крымскотатарских активистов с российскими диссидентами.

Выше мы отмечали определенный идеологический декор, который народные представители сочли нужным придать апрельской (1968 г.) информации о чирчикских событиях. Следует, однако, отметить, что само по себе обращение крымских татар к «мировой общественности», а не в партийно-правительственные инстанции, явилось важным «ноу-хау», заимствованным крымскотатарскими активистами у московских друзей. Для последних, впрочем, это тоже было совсем недавним изобретением: всем было памятно, что известное обращение Ларисы Богораз и Павла Литвинова «К мировой общественности» (11 января 1968 г.) произвело эффект разорвавшейся бомбы именно из-за своей необычной по тем временам адресации. (До 1968 г. основной формой деятельности диссидентов-правозащитников были «открытые письма» — самиздатские тексты протестного характера, задачей которых было предание гласности информации о политических преследованиях в СССР. Но эти открытые письма, подобно документам крымскотатарского движения, хотя бы формально адресовались в советские государственные, партийные и судебные инстанции.) Несколько крымскотатарских лидеров нового поколения — в частности, врач З. Асанова и физик Р. Кадыев — уже были знакомы к тому времени и с Литвиновым, и с Богораз. А в феврале того же года появляется «обращение 12-ти» к Будапештскому совещанию коммунистических и рабочих партий, под которым впервые рядом с именами известных московских диссидентов стоит имя активиста крымскотатарского движения — Зампиры Асановой.

Наконец, последнее обстоятельство, из-за которого борьба крымских татар за возвращение на родину вызывала у российских диссидентов по-

¹ Речь П.Г. Григоренко на банкете, устроенном представителями крымских татар в Москве в честь 72-летия А.Е. Костерина в банкетном зале гостиницы «Алтай» (17 марта 1968 г.).

вышенный интерес. Это — высочайший уровень самоорганизации крымскотатарского движения и его массовость. Москвичи, лишь начинавшие дискутировать о теоретической возможности самоорганизации протестного движения¹, были впечатлены тем, как это дело поставлено у крымских татар: система инициативных групп, институт «народных представителей», «Информации», распространявшиеся самиздатским способом², многие десятки тысяч подписей под петициями (московским диссидентам удавалось собрать под своими обращениями в лучшем случае несколько сотен подписей). Это был тот род самоорганизации, который обеспечивал самостоятельность каждого участника движения и одновременно взаимную ответственность в рамках коллективных действий, гибко сочетал координацию и децентрализацию протестной деятельности — именно тот баланс, который мучительно искала и не находила российская оппозиционная мысль в 1967–1972 гг. У крымских татар было чему поучиться.

Интенсивность контактов, завязавшихся между двумя неофициальными движениями, оппонировавшими власти, хорошо иллюстрируется обзором текстов, циркулировавших в общесоюзном (т.е. прежде всего московском и ленинградском) самиздате. Наиболее полный корпус этих текстов³ содержится в «Архиве самиздата» — коллекции самиздатских текстов, в основном правозащитного характера, собиравшейся в 1973–1991 гг. отделом самиздата Исследовательского департамента (позднее — Исследовательского института) Радио «Свобода» / «Свободная Европа»⁴. В этой коллекции нами выявлено не менее 178 текстов, так или иначе связанных с крымскотатарской проблематикой. Большинство этих текстов — документы, исходящие от самих крымских татар: «Информации» и фрагменты из них, индивидуальные и коллективные заявления, сообщения о преследованиях крымских татар, пытавшихся вернуться на родину, о репрессиях против активистов крымскотатарского движения, и пр. Мы, разумеется, не можем утверждать, что все эти документы действительно циркулировали в общесоюзном самиздате. Московские правозащитники были для крымских татар (как и для активистов других национальных движений, преследуемых

¹ Первая квази-организация диссидентов-правозащитников, Инициативная группа защиты прав человека в СССР (даже не организация в полном смысле этого слова, а, скорее, авторский коллектив из 15 чел.), возникла лишь в мае 1969 г., после долгих и ожесточенных споров внутри диссидентского сообщества. Весьма вероятно, кстати, что название этой организации возникло по ассоциации с крымскотатарскими инициативными группами.

² Наталья Горбаневская, основатель и первый издатель ведущего периодического издания правозащитного движения, машинописного информационного бюллетеня «Хроника текущих событий» (1968–1982), отмечает в одном из своих недавних интервью, что сама идея этого информационного бюллетеня возникла у московских правозащитников под влиянием их знакомства с машинописными «Информациями» крымских татар.

³ Разумеется, мы можем говорить лишь об относительной полноте. Например, один из важнейших самиздатских текстов, связанных с крымскотатарской тематикой, — статья А.Е. Костерина «О малых и забытых» в этой коллекции отсутствует, как и другой важный текст — публицистическое эссе «Судят крымских татар», датированное январем 1969 г. и подписанное «Русские друзья крымских татар» (этот текст принадлежит перу литератора и педагога Анатолия Яковсона).

⁴ В настоящее время эта коллекция хранится в Архивах открытого общества (OSA) Центрально-Европейского университета (Будапешт); полными дубликатами коллекции располагает ряд других исследовательских учреждений, в частности Научно-информационный и просветительский Центр «Мемориал» (Москва). Ее аннотированный каталог доступен на сайте Международного общества «Мемориал» по адресу: <http://www.memo.ru/history/diss/index.htm>

религиозных течений, участников ряда неофициальных гражданских, культурных и политических инициатив и т.д.) «коллективным спикером», каналом, через который информация обо всех этих движениях и группах поступала за рубеж. Поэтому некоторые из этих 178 документов, вероятно, не имели самиздатского хождения, а лишь передавались правозащитниками в западные средства массовой информации.

Часть документов, наоборот, исходит от правозащитников и других диссидентов и посвящена крымскотатарской проблеме, либо относится к совместным выступлениям правозащитников и крымскотатарских активистов, как, например, подборка выступлений восьми инакомыслящих и в их числе крымского татарина С. Мусаева, использовавшихся при создании в 1971 г. фильма «Права человека в Советском Союзе»¹. Среди них, в частности, есть три обширных документа крупнейшей и наиболее эффективной правозащитной организации 1970-х гг. — Московской Хельсинкской группы, целиком посвященных положению крымских татар.

При этом в наш обзор «Архива самиздата» не вошли диссидентские тексты, в которых «крымскотатарский вопрос» затрагивается в ряду других проблем — а таких текстов тоже великое множество. Достаточно сказать, что эта тема так или иначе присутствует почти во всех общественных выступлениях А.Д. Сахарова 1970–1980-х гг.

Но самым важным показателем является постоянное присутствие темы в «Хронике текущих событий» — машинописном информационном бюллетене правозащитников, выпускавшемся с 1968 по 1982 г. и в течение длительного времени являвшимся информационным (и не только) стержнем всего правозащитного движения². Уже в первом выпуске «Хроники...» помещено упоминавшееся выше «обращение 12-ти» к Будапештскому совещанию; во втором — также упоминавшееся нами «Обращение народных представителей к мировой общественности». Среди 63 выпусков «Хроники...» едва ли найдется хоть один, в котором так или иначе не фигурировала бы крымскотатарская сюжетика (за исключением 3-го, посвященного протестам внутри страны против интервенции в Чехословакию). В 7-м выпуске крымским татарам уделяется отдельная рубрика; в дальнейшем она становится почти постоянной. А 31-й, специальный выпуск «Хроники текущих событий» (18 мая 1974 г.) был приурочен к 30-й годовщине депортации и целиком посвящен крымскотатарской теме. Этот выпуск в значительной своей части состоит из документов крымскотатарского движения, относящихся к 1966–1973 гг. и ретроспективно освещающих его историю.

Выше были перечислены объективные предпосылки для сближения двух движений — национального крымскотатарского и правозащитного российского. Однако если бы в предшествующий период у крымскотатарского движения не было бы в Москве первоначальных контактов, через которых в диссидентские круги поступила первоначальная информация о

¹ Архив самиздата, № 1017: Тексты выступлений семи участников фильма, получившего название — «Права человека в Советском Союзе», май 1971 г. // Собрание документов самиздата. Мюнхен: Радио РС/РСЕ, [б/д]. — Т. 21.

² Тексты всех выпусков «Хроники текущих событий» доступны на сайте Международного общества «Мемориал» по адресу: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm>

существовании крымскотатарской проблемы и самого движения, то эти предпосылки могли бы и не сработать¹. Речь идет о людях, для которых крымскотатарская тема стала личным знанием и личной болью, и это знание вместе с пониманием общей гражданской ответственности за прошлое и настоящее они передавали по цепочке друг другу до тех пор, пока оно не стало общим достоянием всего диссидентского сообщества. В диссидентской среде — а сегодня и в научной литературе, посвященной диссидентской активности в СССР, — в этой связи принято называть несколько имен.

Это — Сергей Петрович Писарев (1902–1979), в прошлом партийный деятель среднего звена (член РКП(б) с 1920 г.; в 1969 г. исключен из партии за несогласие с интервенцией СССР в Чехословакию). Участник Гражданской войны; в годы Отечественной войны — политработник на фронте. Неутомимый правдоискатель: дважды — в 1938 и в 1953 гг. — был арестован, причем причиной второго ареста было письмо Сталину, в котором он обличал государственный антисемитизм и, ссылаясь на свой тюремный опыт 1930-х гг., высказывал сомнение по поводу «дела врачей». В хрущевские годы — борец с карательной психиатрией; по его письму в ЦК в 1956 г. была даже создана партийная комиссия, проверявшая специальные психиатрические больницы МВД (комиссия подтвердила оценки Писарева и рекомендовала вывести эти заведения из-под контроля МВД, но эти рекомендации были положены под сукно). И наиболее важное для нашей темы обстоятельство: выходец из терских казаков, прошедший детство и юность на Северном Кавказе, Сергей Петрович был хорошо знаком с горскими народами, в том числе с теми, которые подверглись депортации в 1943–1944 гг. Он одним из первых начал требовать от ЦК политической реабилитации «наказанных народов» (не только горцев — ингушей, чеченцев, балкарцев и карачаевцев, но и калмыков, немцев Поволжья, крымских татар), возвращения их к прежним местам проживания и восстановления автономий².

Это — Алексей Евграфович Костерин (1896–1968), журналист и писатель, также старый большевик и участник Гражданской войны на Северном Кавказе, отбывший пять лет на Колыме. С 1957 г. Костерин вместе с Писаревым занимался проблемами репрессированных народов, в первую очередь — чеченцев и ингушей, неоднократно письменно и устно обращался в ЦК, пытаясь привлечь внимание партийных руководителей к их проблемам. Автор самиздатской статьи «О малых и забытых» (1967)³, посвященной проблемам «наказанных народов»; в этой статье значительное

¹ Или, что вероятнее, эти предпосылки сработали бы лишь через несколько лет, как это случилось с другими массовыми национальными и религиозными движениями, существовавшими в Советском Союзе и находившимися в конфронтационных отношениях с властью, — такими, например, как литовское католическое движение или баптисты-«инициативники». А вот крымскотатарское движение оказалось тесно связано с правозащитным еще на этапе становления «правозащитного сообщества».

² Подробнее о С.П. Писареве см.: Зубарев Д.И., Кузовкин Г.В. Сергей Петрович Писарев: Из материалов к биографическому словарю «Диссиденты Центральной и Восточной Европы» // 30 октября. 2002. № 27. С. 6; Красносельский С.А. Незамеченный юбилей // Там же; 30 октября. 2003. № 29. С. 5.

³ Архив Международного Мемориала. Ф. 114 (Коллекция А.Е. Костерина).

место уделено крымским татарам. По предположению Г.В. Кузовкина, исследовавшего биографию и архив А.Е. Костерина, с крымскими татарами его мог познакомить «все тот же Сергей Петрович Писарев, который до войны служил в Севастополе и, будучи партийным активистом, вполне мог быть лично знаком с заметными представителями местной интеллигенции»¹.

В свою очередь, Костерин познакомил с крымскотатарской проблемой и крымскотатарскими активистами Петра Григорьевича Григоренко (1907–1987), бывшего генерал-майора Советской Армии, разжалованного за попытку создать в 1963 г. подпольную группу марксистко-ленинского толка и распространение листовок, а в 1966–1967 гг. вошедшего в диссидентское сообщество и пользовавшегося большим авторитетом среди диссидентов. В 1967–1969 гг. Григоренко был одним из основных «носителей крымскотатарской темы» в этом сообществе, и именно от него значительная часть будущих правозащитников узнала о крымских татарах и их борьбе. Именно он знакомил с москвичами Кадыева, Асанову, Решата и Мустафу Джемилевых и других крымскотатарских активистов. Григоренко и арестован был в мае 1969 г. в Ташкенте, куда поехал, чтобы выступить в качестве общественного защитника на суде над очередной группой крымских татар.

Кроме Григоренко, «главным печальником за крымских татар» в диссидентском сообществе считался московский литератор и педагог Илья Янкелевич Габай (1935–1973), арестованный одновременно с Григоренко и осужденный в январе 1970 г. Верховным судом Узбекской ССР вместе с Мустафой Джемилевым — именно за распространение документов крымскотатарского движения.

Впоследствии аналогичные функции «представительства крымскотатарских интересов» в правозащитном движении брали на себя другие московские диссиденты. Так, в 1970-е гг. одной из московских квартир, куда приезжали и где останавливались крымскотатарские активисты, стала квартира Александра Павловича Лавута, математика и члена Инициативной группы защиты прав человека. К Лавуту стекалась основная часть информации о крымскотатарском движении; именно он, будучи одним из составителей «Хроники текущих событий», с начала 1970-х гг. редактировал постоянный раздел бюллетеня, посвященный крымским татарам. В 1974 г. он почти единолично (при техническом содействии Ю.А. Гастева) составил упоминавшийся выше спецвыпуск «Хроники текущих событий», целиком посвященный крымскотатарской теме.

Сказанное не значит, что круг правозащитников, так или иначе принявших участие в крымскотатарских проблемах, сводился к нескольким людям, взявшим на себя функции «представительства» крымских татар внутри сообщества. Крымскотатарская тема очень быстро стала достоянием всего сообщества. В соответствии с природой правозащитной активности советских диссидентов в центре внимания оказались главным образом преследования крымскотатарских активистов. Но не только: если в отно-

¹ Кузовкин Г.В. Доклад на научной конференции в Симферополе (1999). Цит. по авторской рукописи.

шении других массовых движений правозащитники выступали почти исключительно в роли «коллективного адвоката», не вдаваясь в оценки целей и смысла общественной активности, например евреев-«отказников» или «христиан веры евангельской» (пятидесятников), то с крымскотатарским движением они солидаризировались и в отношении его конечной цели — возвращения народа в Крым.

Мы уже упоминали статью А. Костерина и А. Якобсона «Судят крымских татар». Было бы неправильно упустить из виду выступления в их защиту и других диссидентских публицистов и литераторов: Раисы Лерт, Лидии Чуковской, Владимира Максимова. В годы перестройки в поддержку крымских татар выступили, несомненно, с подачи своих друзей-диссидентов, некоторые известные советские писатели: Булат Окуджава, Анатолий Приставкин, Евгений Евтушенко.

Многие правозащитники не только защищали преследуемых, но и участвовали в ряде крымскотатарских акций. Тому можно привести довольно много примеров. Ограничимся лишь одним: когда 6 июня 1969 г. пятеро крымскотатарских активистов устроили демонстрацию на площади Маяковского в Москве, шестой участницей стала студентка МГИАИ Ирина Якир (дочь Петра Якира), которая была исключена за это из института.

Со своей стороны, крымские татары отнюдь не были «клиентской группой» правозащитного движения: многие из них подписывали правозащитные тексты, тематика которых не имела никакого отношения к их борьбе, и участвовали в различных правозащитных инициативах. Наиболее известный пример — Мустафа Джемилев, ставший в мае 1969 г. одним из 15 членов Инициативной группы защиты прав человека в СССР. Для диссидентского сообщества в целом, а через московских диссидентов и для всего мира, именно он в течение многих лет оставался символом крымскотатарского движения.

* * *

Дальнейшая судьба крымскотатарского движения: кризис середины 1970-х гг., связанный с возникновением внутри него разных течений («ферганского», «самаркандского» и «ташкентского»), попытка преодоления этого кризиса, связанная с «Кассационным заявлением крымскотатарского народа», новый подъем в годы перестройки, возникновение политических течений (Организация крымскотатарского национального движения, созданная на базе Центральной инициативной группы, оппозиционное ей Национальное движение крымских татар), начало возвращения крымских татар на родину, восстановление Крымской АССР, позже преобразованной в Автономную республику Крым, Курултай крымскотатарского народа 1991 г. и создание Меджлиса крымских татар — все это выходит за пределы настоящего очерка, посвященного главным образом возникновению связей между крымскотатарским движением и правозащитным движением в СССР. Данную же статью уместно завершить цитатой из предисловия к упомянутому выше 31-му выпуску «Хроники текущих событий». Эта цитата является хорошей иллюстрацией к сказанному нами выше: «...Платформа [крымскотатарского движения], полностью сохраняя коммунистиче-

скую советскую идейно-терминологическую основу, за последние годы заметно расширилась, включив в себя тезисы международно-правового характера (в соответствии с чем расширился и круг адресатов). В то же время движение крымских татар, как, в частности, видно из многих материалов предыдущих выпусков “Хроники”, на всех своих стадиях тесно связано с общим направлением выступлений в защиту прав человека в СССР. Активисты крымскотатарского движения неоднократно участвовали в работе Инициативной группы [защиты прав человека в СССР], поддерживали ее письма и другие заявления в защиту гражданских прав в СССР. В свою очередь, движение крымских татар пользовалось и пользуется поддержкой всех, кому дороги права человека».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Башкуев Всеволод Юрьевич, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Блюм Ален (Blum Alain), Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen (Сегес) de Paris (Париж, Франция)

Гуршоева Туяна Валерьевна, кандидат исторических наук, Иркутская государственная сельскохозяйственная академия (Иркутск, Россия)

Даниэль Александр Юльевич, РОУ НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург, Россия)

Костяшов Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

Кравери Марта (Craveri Sont Marta), chercheur au Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen (Сегес) (Париж, Франция)

Красильников Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Кретинин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Кустова Эмилия, доцент, Страсбургский университет (Франция)

Лозански Анна-Мария (Losonczy Anne-Marie), directrice d'études à Ecole Pratique des hautes Eudes (EPHE) (Париж, Франция)

Маркдорф Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово, Россия)

Мурашко Галина Павловна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, Центр по изучению общественных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны (Москва, Россия)

Носкова Альбина Федоровна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, Центр по изучению общественных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны (Москва, Россия)

Рожанский Михаил Яковлевич, кандидат философских наук, Центр независимых социальных исследований и образования (Иркутск, Россия)

Ромадита Татьяна Ильинична, кандидат исторических наук, Институт развития образования (Иркутск, Россия)

Салахова Лариса Марсовна, кандидат исторических наук, Восточно-Сибирская государственная Академия образования (Иркутск, Россия)

Сарнова Виктория Владимировна, кандидат исторических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Флиге Ирина Анатольевна, РОУ НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург, Россия)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

Часть 1

ДЕПОРТАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ И КАМПАНИИ

<i>Красильников С.А.</i> Депортации как индикатор социальных катастроф в СССР (1930–1940-е гг.)	7
<i>Гуришоева Т.В.</i> Спецпоселенцы из Западной Украины на поселения в Иркутской области в 1940-е годы	16
<i>Башкуев В.Ю.</i> По обе стороны режима: наблюдательные дела как источник по истории литовской ссылки в Бурят-Монголию	22
<i>Аблажей Н.Н., Салахова Л.М.</i> 10 мая 1950 года: один день из жизни спецпоселенцев-«оуновцев» в Иркутской области	37
<i>Кретианин С.В.</i> Массовые выселения и «изгнания» немцев из стран Центральной и Восточной Европы в 1945–1949 гг.: актуальные подходы и современное состояние дискуссий	45
<i>Костяшов Ю.В.</i> Депортация немцев из Калининградской области после войны	56
<i>Аблажей Н.Н.</i> Выселение немцев из Литвы в Восточную Германию в 1951 году	67
<i>Носкова А.Ф.</i> К истории репатриации из СССР граждан II республики (1945–1946 гг.)	73
<i>Сарнова В.В.</i> Особенности статуса депортированных польских граждан и их реэвакуация из Новосибирской области в 1946 году	85
<i>Аблажей Н.Н.</i> Репатриация поляков и евреев со спецпоселения в Польскую Народную Республику в 1955 году	98
<i>Мурашко Г.П.</i> Как и где решалась судьба венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны (по материалам российских архивов)	110

Часть 2

«ПАМЯТЬ О ДЕПОРТАЦИЯХ»

<i>Блюм А., Кустова Э.</i> Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе	121
<i>Кравери М., Лозански А.-М.</i> Траектории детства в ГУЛАГе. Поздние воспоминания о депортации в СССР	166
<i>Рожанский М.Я.</i> Жизнеописание «везучего человека» Херша (Цви) / Гарри Цуккера	183

<i>Салахова Л.М., Ромадита Т.И.</i> История депортации: взгляд изнутри и извне	199
<i>Маркдорф Н.М.</i> «Власовцы» поневоле	213
<i>Флиге И.А.</i> Память о советском государственном терроре против поляков в материальном воплощении на территории России	219
<i>Даниэль А.Ю.</i> Эхо депортации: крымскотатарское движение за возвращение и предпосылки к установлению связей с правозащитным сообществом	234
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	251

Научное издание

**МИГРАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ЭТНИЧЕСКИЕ ДЕПОРТАЦИИ В СССР
И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Сборник научных статей

В ы п у с к 1

В оформлении обложки использованы фотографии Антанаса Кибартаса
(Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе [Электронный ресурс].
URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru>)

Редактор *Т.В. Дайнеко*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *Н.А. Горбунова*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Мальшева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

Сдано в набор 01.11.12. Подписано в печать 30.11.12. Бумага ВХИ. Формат 70 × 100¹/₁₆.
Офсетная печать. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20,6. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж 100 экз. Заказ № 4.0608.

Сибирская издательская фирма «Наука» АИЦ «Наука» РАН. 630007, Новосибирск, ул. Коммунистическая, 1.
ООО «Печатный двор — Новосибирск». 630084, Новосибирск, ул. Лазарева, 33/1.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ!

**Сибирская издательская фирма «Наука»
Российской академии наук**

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ

*индивидуальным и коллективным заказчикам
следующие услуги:*

Книжные редакции

готовят к изданию литературу практически по всем направлениям фундаментальной науки — математике, геологии, химии, физике, биологии, медицине, физиологии, истории, философии, экономике, русской литературе и языку; помогают в оформлении и редактировании диссертаций и других материалов.

Отдел допечатной подготовки изданий

выполняет компьютерный набор и верстку; сканирование и цветоделение; техническую и художественную ретушь; изготавливает оригинал-макеты любой сложности.

Мы рассмотрим любые предложения и программы!

Об условиях размещения заказов и их оплате можно узнать по адресу:

630007, Новосибирск, ул. Коммунистическая, 1.

Звоните по телефонам:

(383) 223-99-55 (факс);

(383) 218-88-11 (директор), e-mail: info@spc.nsc.ru;

(383) 210-20-26 (главный редактор), e-mail: info@spc.nsc.ru;

(383) 223-05-75 (редакция естественно-научной

и технической литературы), e-mail: tech@spc.nsc.ru;

(383) 218-86-56 (редакция литературы по гуманитарным наукам),

e-mail: gut@spc.nsc.ru;

(383) 223-99-55 (художественно-графический отдел),

e-mail: Natalya@spc.nsc.ru

Адрес для почтовых отправлений:

Россия, 630099, Новосибирск, а/я 88.